

**НЕТАСИМОЕ ПЛАМЯ ВОЙНЫ
В ПАМЯТИ СИРОТ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ**

Долдин Н. И., Колыхалов Вен. А.

Отцам и дедам, которые участвовали и погибли на войне.

*Матерям и бабушкам, которые испытали трудности
послевоенной разрухи на себе, воспитали детей без отцов
и ковали Победу своим трудом в тылу.*

*75-летию Победы народов Советского Союза
в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.г.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

НАРЫМА ДЕТИ

Томск - 2020

ББК 84(2=411.2)6-49

Д64

Д64 Долдин Н.И., Колыхалов Вен. А.,
НАРЫМА ДЕТИ / Долдин Н.И., Колыхалов Вен. А. — Томск:
Издательство «Ветер», 2020. — 500 стр.

Собрание сочинений, личные воспоминания и достоверные свидетельства о судьбе и жизни семей, родители которых погибли на войне или во времена ссылки в Нарымский край. Дети войны прошли школу воспитания в приютах, детских домах и интернатах. Матери семей без отцов, погибших при защите Родины, вынуждены были растить, воспитывать и обучать детей в условиях разрухи и лишений послевоенного времени.

Авторский коллектив собрания сочинений, личных воспоминаний и достоверных свидетельств выражает искренние слова благодарности за содействие и оказание помощи при издании книги «НАРЫМА ДЕТИ»:

- **Александру Карловичу Шпетеру, депутату Законодательной Думы Томской области, Генеральному директору Томского домостроительного комбината;**
- **Валентине Васильевне Ермаченко, Исполнительному директору Томского отделения Российского Фонда Мира;**
- **Галине Петровне Сартаковой, Председателю Правления Союза выпускников детских домов и интернатов Томской области.**

© Долдин Н.И., Колыхалов Вен. А., 2020

© Издательство «Ветер», 2020

Долдин Н. И., Колыхалов Вен. А.

НАРЫМА ДЕТИ

Томск • 2020

Матери моей посвящается

А мы уходим незаметно.
И вместе с нами навсегда
Уходит память лихолетья —
Послевоенные суровые года.

Как живо детство «золотое»:
Деревня, бедность и жара.
По пыльной улице колхозной
Уходят в поле трактора.

Их зиму всю скребли и мыли
По МТС-ским мастерским.
Их рукояткой заводили
Сцепивши зубы, что есть сил.

Они пахали, боронили
И тархтели всю войну.
А за рулем-то бабы были,
Но прокормили же страну.

Мы дети этих трактористок,
Весной искали колоски.
Крапиву ели, и пололи
В полях колхозных сорняки.

Другая жизнь, забыты нравы.
Лишь память в сердце горяча.
Руду Бакчарскую копают
В полях у Черного ключа.

Альбом семейный открывая,
С тоской встречаю каждый раз
Взгляд и упорный и задорный
Мне бесконечно милых глаз.

Вглядитесь в лица трактористок
Невыносимо трудных лет.
Они нам словно посылают
Из сорок первого привет...

Н. В. Ломакина (Кокорина), 1938 – 2018 гг.

Предисловие

«Каждый ребёнок имеет право на счастливое детство, каждый ребёнок может и должен стать человеком, личностью и гражданином».

**А. А. Лиханов, Председатель правления
Советского детского фонда имени В. И. Ленина.**

Инициативным коллективом бывших детдомовцев подготовлен новый сборник воспоминаний выпускников и воспитателей, учителей и директоров о жизни и судьбе беспризорников и сирот, воспитанников приютов, детских домов и интернатов Томска и области (СИРОТА СИБИРИ. — Томск: Изд-во «Ветер», 2015. — 584 с.). Ранее изданы небольшими тиражами (по 100 экз.) воспоминания выпускников детдомов В.А. Кочевой (Воспоминания, 2001), З.В. Чуприной (Пережитое, 2001), В.П. Холодова (Тогурское братство, 2014) и др., которые быстро разошлись и сейчас являются библиографической редкостью.

В этих книгах её авторы по-разному описывают своё сиротское детство, прошедшее в детских домах. Было всё: и деспотизм старших ребят, иногда — несправедливость воспитателей или педагогов. Но все авторы с благодарностью, нередко с нежностью вспоминают своих друзей и товарищей по нелёгкому нашему детдомовскому детству. Помнят своих воспитателей, учителей, нянечек, директоров, которые в трудные военные и послевоенные годы воспитывали в них честность, доброту, уважение к старшим, заботу о младших; дали им возможность окончить школу, поступить в ФЗО, техникумы и даже в институты.

С каждым годом всё дальше от нас уходит наше детство, которое выпало на военные и послевоенные годы, суровые и трагические годы, которые мы, в силу разных причин, провели в детских домах. Мы, дети войны и послевоенных лет, без родителей, не знавшие, что такое родительская любовь, родительская ласка. И с каждым годом нас становится всё меньше и меньше... И тем ценнее становятся воспоминания, оставшихся ещё в живых, бывших воспитанников детских домов, которые смогли пережить все лишения и невзгоды, получить образование, специальность и трудились всю оставшуюся жизнь на благо Родины.

Корни современного сиротства в нашей стране уходят в её историю. В наследство от царской России мы получили десятки тысяч детей сирот, потерявших своих близких на фронтах первой мировой войны. Новые сотни тысяч осиротевших, обездоленных и беспризорных детей добавила

кровопролитная гражданская война, а после неё — многолетняя хозяйственная разруха, эпидемии и голод. Но в результате чрезвычайных мер, предпринятых государством (в т.ч. и силами ВЧК и ОГПУ по специальному поручению ЦК партии и правительства), к середине 30-х годов с детской беспризорностью формально было покончено. Практически все осиротевшие, обездоленные и лишённые родного дома дети были определены на государственное содержание в детские дома, либо в специальные детские колонии (например, в Томске — детская колония «Чекист»).

Но не успели дети вырасти и окончить школу, как на нашу страну в 1941 г. напала фашистская Германия и началась Вторая мировая война, повлекшая за собой миллионы искалеченных человеческих судеб, смертей и, как следствие — многие сотни тысяч детей-сирот. Это военное и послевоенное сиротство. Кроме того, источником сиротства были массовые репрессии в 20–30 гг. среди крестьян в процессе насильственной коллективизации, а в 1940-х годах — в связи с переселением в Нарымский край «врагов советской власти» из Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины, Молдавии.

Ещё одним источником пополнения сиротства является разрушение нравственных устоев семьи, бездушность и бездуховность родителей, утрата жизненно важных человеческих ценностей, их пьянство, аморальный образ жизни и, как следствие, лишение родительских прав. А также отказ матерей (особенно матерей-одиночек и матерей несовершеннолетних) от содержания и воспитания своих детей после их рождения. И если в 1920–1950-е годы в детских домах и школах-интернатах воспитывались, в основном, дети, не имеющие родителей, то в настоящее время у подавляющего большинства таких детей есть родители. Более 98% детдомовцев в настоящее время — это социальные сироты. У них есть родители, но они или алкоголики, или сидят в тюрьмах, это деклассированные элементы, бросившие своих детей.

Советское государство с самого начала своего существования большое внимание обращало на детей, особенно беспризорных. Предпринимались экстренные меры по ликвидации детского голода, по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Государством закладывались основные принципы гуманного воспитания детей, в обеспечении равных возможностей для развития всех детей. Уже в первые дни Советской власти, в период с 26 октября по 20 декабря 1917 года было издано шесть декретов Совета Народных Комиссаров (СНК), касающихся детей. В частности, «О дополнительном питании», «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссара по просвещению»,

«Об учреждении государственных комиссий по просвещению». 19 января 1918 года вышел декрет «О комиссиях для несовершеннолетних», отменивший содержание детей в тюрьмах; 17 мая 1919 года — декрет СНК «О бесплатном детском питании», 4 февраля 1919 года СНК РСФСР учредил Совет защиты детей. А 10 февраля 1921 года при Центральном Исполнительном Комитете СНК была создана комиссия по улучшению жизни детей под председательством Ф.Э. Дзержинского.

Одним из наиболее тревожных явлений в это время была детская беспризорность. Её искоренение было положено в начале 20-х годов, а в дальнейшем СНК СССР возвращалась к этому вопросу дважды: в 1935 году и во время Великой Отечественной войны. 23 января 1942 года принимается Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Перед страной, в связи с военной обстановкой, среди бесчисленного множества задач, одной из самых значимых была забота о детях. Разрушенные города и села можно отстроить заново, восстановить фабрики и заводы. Но неимоверно трудно вернуть к нормальной жизни ребёнка, искалеченного беспризорностью, лишённого счастливого детства, на глазах которого фашисты повесили отца, замучили мать, убили сестру или брата...

В ноябре-декабре 1941 года прибыли в Томск, скованный 40-градусными морозами, эшелоны с эвакуированными людьми из блокадного Ленинграда, Брянской, Новгородской областей — это были сотни осиротевших детей, а также женщины с детьми. И как пишет Владимир Морозов в обзоре «Согретые людской любовью жаркой...» в рубрике «К 100-летию газеты Красное Знамя» (№ 95 от 12.08.2017 г.), что эвакуированных встретили как родных. Обеспечили жильём и работой, а осиротевших детей брали на воспитание простые русские женщины — Овчинникова, Шарова, Трутнева и многие другие. И как пишет В. Фёдоров: «До конца дней не забыть доброжелательное, заботливое, прямо-таки родственное отношение соседней Кулмановых из Ново-Михайловки, где пришлось зимовать нашей семье из четырёх человек... Они буквально спасали нас от голодной смерти. Мир полон добрых людей, но замечаешь это, лишь оказавшись в беде...», когда «... в годы Великой Отечественной войны общая беда сплотила миллионы людей в одну дружную семью, где забота друг о друге и, прежде всего, о детях была проникнута великим чувством любви».

Томичи особенно трогательно и заботливо относились к детям-сиротам. Приведу ещё одну выдержку из обзора В. Фёдорова, который цитирует письмо в редакцию газеты Натальи Пфлаумер, воспитавших пятерых приёмных

детей, одной из женщин, советской патриотки, мыслящей по государственному: «Наш долг перед Родиной — не допустить, чтобы у нас появились безнадзорные и беспризорные дети. Мы должны заменить родителей сиротам наших героев. Нельзя сидеть спокойно, сложа руки, и предоставить всю заботу о них только государству. Воспитывать детей легче, чем перевоспитывать. Год безнадзорности может оставить неизгладимый след в душе ребёнка. Чем больше осиротевших детей найдут сейчас семью, любовь и ласку, тем больше от этого в будущем выиграет вся страна... Война поставила задачу — оградить детей от её страшных последствий... Фашисты воспитывают из своих детей молодое зверьё. Они учат своих выроdkов убивать, насиловать, грабить... А мы должны вырастить смену, достойную тех благородных целей, ради которых борется и отдаёт жизнь старшее поколение...». Нам надо только восхищаться такими благородными женщинами, патриотами своей страны, на плечи которых в тылу легла не только вся тяжесть работы — «Всё для фронта, всё для победы!», но и воспитывать патриотами своих и приёмных детей, достойных своих отцов — воинов-победителей.

Основные права детей и обязанности родителей — заботиться о воспитании подрастающего поколения были закреплены в Конституции СССР. Нормы, защищающие права детей и обеспечивающие их важнейшее право на воспитание и развитие, декларируются в трудовом, уголовном, гражданском, семейном законодательствах СССР, в различных постановлениях ЦК КПСС, Советского правительства, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, министерств и ведомств, партийных и государственных органов союзных республик.

За годы советской власти были созданы все условия для развития и воспитания подрастающего поколения. Однако благородная идея обеспечения равных возможностей для жизни и развития всех детей оказалась реализованной далеко не полностью. Причинами этого является низкий уровень развития экономики. Её ориентированность не на человека, а на вещественные компоненты общественного прогресса, распространение на детей принципов классового подхода, особенно отношение к тем детям, чьи родители были репрессированы или раскулачены, к представителям определённых национальностей, учёт социальной принадлежности ребёнка при поступлении в вуз и т. д.

31 июля 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 872 «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», на основании которого был решён вопрос о создании Советского детского фонда имени В.И. Ленина.

И уже 14 октября 1987 года в Москве состоялась учредительная конференция Советского детского фонда имени В.И. Ленина. Основные задачи фонда: оказание всесторонней помощи детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и детям-инвалидам; координация деятельности попечительского совета; повышение роли семьи в воспитании детей; усиления внимания общества к делу воспитания подрастающего поколения; контроль за соблюдением законодательства по вопросам защиты прав и интересов детей. По инициативе и при финансовой поддержке Детского фонда, с целью борьбы с детской смертностью и совершенствованием детского здравоохранения осуществляются комплексные программы «Жизнь ребёнка», «Ответственность за детское здоровье», «Помощь маленьким инвалидам», «Надежда», «Доброе сердце», «Тёплый дом», «дети Чернобыля», «СПИД и дети» и другие. В 1988 году по инициативе детского фонда было принято Постановление «О создании детских домов семейного типа для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и распоряжение № 285 Совета Министров СССР. Они регламентировали порядок выплат денежных средств выпускникам сиротских учреждений, призванных в ряды Вооруженных сил или вступивших в брак; создана новая схема страхования воспитанников детских домов; введено пособие семьям, усыновившим трёх и более детей. К маю 1988 года прошли учредительные конференции во всех союзных и автономных республиках, краях и областных центрах страны, где были избраны правления местных отделений Советского детского фонда (в том числе в Томске) и определены программы их деятельности.

В ноябре 1990 года по инициативе и поддержке Томского отделения детского фонда и большой организационной работе инициативного комитета бывших воспитанников детских домов Томска и области была проведена учредительная конференция. На ней присутствовало более 500 бывших воспитанников детских домов и школ-интернатов, был создан «Союз воспитанников детских домов и школ интернатов Томской области» (Союз ВДДИ) с целью защиты прав и интересов воспитанников и выпускников детских домов разных поколений. За годы своего существования Союзом ВДДИ проделана большая работа как среди выпускников детдомов старшего поколения, так, особенно, среди молодёжи, только что выпущенных из детских учреждений, оказывая им посильную и всестороннюю помощь и консультации. Хочется закончить Предисловие для книги «ДЕТИ НАРЫМА» стихотворением, которое написано мной к 25-летию образования Союза ВДДИ Томской области.

Детство моё без отца и без матери,
Я тобой и таким горжусь!
Мы ругались по отцу и по матери,
Так как знали русский мат наизусть!
 Нам неведома матери нежность
 И отцовская тяжесть руки.
 Принимали мы как неизбежность
 Голод, холод, но радость других.
Мы курили «бычки» и махорку,
Залезали в чужой огород.
Мы играли в войну на задворках
И кричали, что Гитлер — урод!
 И дрались мы до первой крови:
 «Лежачего не бьют!» — наш закон!
 Нам нельзя было плакать от боли,
 Стиснув зубы, мы шли напролом!
Много лет с тех времен пролетело.
Мы теперь старики и старухи,
Пережили все войны, разрухи...
Но хотел бы вернуться я в детство.
 Детство моё без отца и без матери,
 Я тобой и таким горжусь!..

*А. Я. Пшеничкин,
воспитанник Кругловского детского дома 1943–1951 гг.,
заведующий лаборатории геологии золота Томского
политехнического университета, кандидат геолого-
минералогических наук, Заслуженный геолог РФ*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Детей Ленинграда приютили сибиряки

Татьяна Тукшунекова, 8 мая 2014 г.

Детей вывозили по единственному маршруту из блокадного Ленинграда. Хоть и назывался он «Дорогой жизни», никакой гарантии безопасности для караванов машин и их пассажиров не было. Зато была надежда на спасение. В первую очередь ленинградцы спасали детей, большинство из которых были сиротами.

Сквозь ад кромешный...

Пятьдесят воспитанников детского дома № 5 и шестерых воспитателей эвакуировали из голодного блокадного Ленинграда девятого сентября сорок второго в Томскую область. Родители этих детей либо умерли от голода, либо погибли под бомбёжками, либо сражались на фронте. Все ребятишки были истощены, у всех один диагноз — дистрофия. Самому младшему — три года, старшему — двенадцать. Слишком рано они познали невероятные лишения и страх смерти.

Вот как описывает тот страшный путь бывший детдомовец Валерий Шумилин:

«Сквозь ад кромешный нас везли по Ладоге...

Ревел зловеще бомбовоз и в сердце метил.

У трапа встав, учителя нас утешали:

«Ну, потерпите! Вот чуть-чуть осталось!».

Там, за кормой, игрушки плыли по воде кровавой...»

Потом ребят посадили в вагоны-теплушки и на поезде повезли в далёкую Сибирь. Эшелон по дороге не раз попадал под бомбёжку. Им повезло: добрались до Новосибирска 25 сентября. Там к группе добавили ещё сто человек и посадили всех на баржу.

По реке Чулым третьего октября баржа прибыла в село Зырянское. Истощённых детей жители села на руках несли до самого барака, который отвели для детского дома. Часть детей отправились дальше вверх по Чулыму в село Берёзовку, которое сейчас находится на территории Первомайского района. Там организовали филиал Зырянского детского дома для ленинградских детей.

Привыкали к новой жизни

Маленьким ленинградцам были созданы возможные по тем временам условия. Они и здесь не ели досыта, но хотя бы не боялись бомбёжек и имели на зиму дрова. Воспитатели, нянечки и другие работники детского дома ухаживали за ними, как за родными. Изголодавшиеся, истерзанные выпавшими на их долю испытаниями дети не сразу отогрелись душой. Были они замкнутые, некоторые даже обозлённые. Но постепенно всё наладилось. Дети привыкли к своей новой жизни, набрались сил, стали помогать взрослым. Уже к весне детский дом имел своё подсобное хозяйство с коровами, лошадьми, огородом и картофельным полем. Завели свою небольшую пасеку. Всё это было залогом относительно сытой жизни. Позже в детском доме появились учебно-производственные мастерские, где ребята учились шить, столярничать и осваивали сапожное ремесло.

Детям приходилось много работать. Коля Быстров, родители которого погибли в блокадную зиму, трудился наравне со взрослыми, научился ловко обращаться с лошадьми. Женщины в шутку называли его «лошадиным командиром». Он мечтал попасть на фронт, но не успел. Когда война закончилась, парнишка ещё был школьником. За свой ударный труд он был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вручали ему эту медаль на уроке в классе.

В свободные от работы и учёбы часы ленинградские ребятишки занимались художественной самодеятельностью, давали концерты жителям села. В них участвовали даже самые маленькие, такие, как четырёхлетняя певица Лида Блашкова. Во время выступлений девочку иногда держали на руках.

Не всем посчастливилось вернуться домой

День Победы в детском доме встретили с огромной радостью. Дети стали дожидаться своего возвращения домой. Но всего лишь пятьдесят человек из почти двухсот (во время войны детдомовская семья пополнялась вновь прибывшими) опять обрели родственников и дом. Да и то не сразу. Нине Гальцевой отец прислал письмо только в сентябре 1952 года. Лиду Блашкову, маленькую певицу, мама искала до 1975 года и нашла уже тридцатидвухлетней женщиной. А с Лёшей Дроздовым произошла такая история. После окончания школы его отправили в военно-морское училище связи, находившееся в Ленингра-

де. Там он по памяти отыскал свой дом. Позже писал, как ходил возле дома, как не решался позвонить в дверь квартиры, боясь ошибиться, ведь вывезли его отсюда пятилетним малышом. На лестнице встретил женщину. Она оказалась его сестрой. Все в семье считали мальчика погибшим, и вдруг такое чудо: живой, здоровый офицер-морьяк!

Остальным детям повезло меньше. Они до 1953 года оставались в Зырянке, учились со своими сверстниками в школе. Найти их родных было очень сложно, ведь многие просто не знали своей настоящей фамилии. Им давали фамилии уже в детском доме, поэтому там было много Ивановых. После 1953 года, когда детский дом в Зырянке закрыли, многих детей отправили в детские дома города Томска.

Сердцем — ленинградцы, душой — сибиряки

Шли годы. Мирная жизнь налаживалась. Бывшие детдомовцы устраивались на работу, получали профессии. Воспитанник Ленинградского — Зырянского детского дома Василий Шумилин стал журналистом. Он написал много стихов о своём детдомовском детстве, о Зырянке, о своих друзьях и педагогах. Да и для других Сибирь стала второй родиной. «Мы сердцем — ленинградцы, душой — сибиряки!» — говорили они. Много раз собирались в Зырянке, встречались со своими воспитателями, приглашали их в гости, писали длинные письма, рассказывая о своей жизни, как родным и близким людям.

Первым директором детского дома стала эвакуированная из Ленинграда вместе с детьми Евгения Андреевна Мамонтова. Ей в ту пору было всего двадцать три года. Директором она была до 1945 года, передав учреждение И.П. Деткову. В детском доме работало много зырянцев: воспитателями ребят были В.В. Бабкина, В.Г. Жуковская, В.М. Лысанова, Е.Г. Жукова, Г.С. Михайлова, А.И. Пименова, врачом — О.А. Пушкарёва.

Заведующим хозяйством детдома работал Герой Советского Союза Михаил Карпович Ефанов. Ефанов М. К. родился 15.11.1910 г. в селе Чердакты ныне Зырянского р-на Томской области в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944 года. Окончил 7 классов. Работал заведующим пекарней в Зырянском леспромпхозе и лесничим. В Советской Армии служил в 1932–34 гг. С началом Великой Отечественной войны Зырянским РВК призван и направлен на фронт с июня 1941 года. Служил понтонёром 40-го отдельного моторизированного понтонно-мостового батальона (7-я гвардейская армия, Степной фронт). Рядовой Ефанов М. К. 26.9.1943 при форсирова-

нии Днепра у с.Бородаевка (Верхнеднепровский р-н Днепропетровской обл.), заменил раненого командира отделения, переправил на пароме батальон и 6 противотанковых пушек.

При его участии 28 сент. 1943 на правый берег были доставлены 500 человек с вооружением, что позволило ускорить наступление советских войск на врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. В 1945 старший сержант Ефанов демобилизован. Работал инструктором Зырянского райкома партии, директором хозрасчетного хозяйства. С 1960 жил в Новосибирске. Награжден орденом Ленина, медалями. Умер 14.10.1962.

**Ефанов Михаил
Карпович**

В подсобном хозяйстве не жалея сил и времени трудились В. П. Шамина, Н. Я. Иванова, М. А. Гусева, О. Г. Бородич, А. В. Алин, Б. Н. Конкин и другие. К сожалению, в живых многих уже нет. Да и большинство воспитанников также ушли в мир иной. Но зырянцы не забывают эту страницу истории своего села.

Воспитанники, педагоги и директор И. П. Детков Зырянского детдома

В колыбели военного детства

Сергей Садовский, 1951–2003 гг.

50-летию Победы — 27 февраля 1995 г.

В конце января минула 51-я годовщина ликвидации блокады Ленинграда. В марте грядет 51 год дням, когда противник был навсегда отброшен от стен великого города. Казалось бы, какое значение имеют эти даты для нас, какая может быть у них связь с нашей землей? Оказывается, самое прямое. Помимо сотен эвакуированных в наш район жителей блокадного города, в селе Зырянском около 11 лет — с 1942 по 1953 год — находился Ленинградский детский дом № 1, известный позднее под названием Ленинградско — Зырянского. Всего из Ленинграда к 14 мая 1943 года в нашем районе проживало 830 человек, в том числе 150 детей, из которых более 120 были воспитанниками Ленинградского детдома.

Был конец августа — начало сентября 1942 года. День прибытия маленьких ленинградцев в Зырянское был солнечным и теплым. Привезли их на одном из пароходов, которые тогда всюду ходили по полноводному Чулыму. Река тогда была такой, как сейчас во время весеннего разлива. А обмелел позже Чулым потому, что на его берегах во время войны было вырублено множество тополей — очень нужны были дрова...

О приезде детей зырянцы были заранее оповещены, потому и вышло на их встречу почти все население тогдашней Зырянки — в основном женщины, дети и подростки, старики. Что это были за дети? Слабенькие, полуживые, истощенные маленькие старички... Вместе с ленинградскими воспитательницами, тоже изможденными, зырянские женщины переносили их на руках на новое место жительства. Заметка о прибытии парохода с блокадными детьми сразу же была опубликована в нашей районной газете.

Первоначально детдомовцев разместили в несуществующем теперь здании райсельхозуправления (оно находилось между нынешним рынком и зданием районной администрации). Снесли его тогда, когда начали строить новый райисполком. Затем детдомовцев переселили в бывшее здание райисполкома на улице Ленина (то, что несколько лет назад сгорело, теперь на этом месте новый цех предприятия «Малыш»).

Маленькие ленинградцы прибыли к нам не одни: с ними были директор, Евгения Андреева Мамонтова; пожилая, почти старушка, завуч Александра Александровна Птицына, которую буквально весь персонал

называл «ангелом». И она действительно была ангелом-хранителем блокадных детей. Интеллигентностью, изяществом веяло от облика кастелянши Татьяны Карловны Коноваловой. Татьяна Карловна уехала из Зырянского в Сестрорецк к дочери в конце 60-х годов. Я был знаком с ней, помню ее интересные рассказы о детдоме. К сожалению, никак не могу установить имя и отчество еще одной замечательной воспитательницы по фамилии Вольф. Не могу назвать и фамилию чудесного повара, настоящего мастера кулинарного искусства Анны Михайловны, тети Ани, которая знала вкусы каждого ребенка, часто стряпала и старалась радовать детей, имея под рукой самые нехитрые продукты. Дело в том, что после расформирования детдома документы попали в Асино, где сгорели во время пожара.

Одними из первых зырянских женщин, пришедших на работу воспитателями, были Клавдия Тимофеевна Агаркова (если жива, то должна быть в Москве), Мария Федоровна Быкова, Галина Семеновна Михайлова. В 1943 году, после окончания Зырянской средней школы, пришла работать в детский дом Вера Васильевна Бабкина, ставшая спустя годы учительницей многих поколений зырянцев. Вместе с нею бок о бок с ленинградскими педагогами работали воспитатели Валентина Георгиевна Жуковская и Лия Михайловна Веникова (тогда — Горшечникова). Все они сейчас живут в Зырянском. Лия Михайлович стала потом Заслуженным учителем школы России. Работала воспитателем в детдоме и Ольга Федоровна Замятина. Живут сегодня в Зырянском и бывшая пионервожатая, пришедшая в детдом после войны по путевке райкома комсомола, Фаина Матвеевна Фролова (тогда — Тужикова), и нянечка тетя Надя Кривикова (Иванова)...

К сожалению, уже ушла из жизни воспитатель Елена Георгиевна Ващенко (тогда — Жукова). Медсестра Федосья Матвеевна Кафтодава, нянечка тетя Маша Борисова (тогда — Трескина). Завуч А.А. Птицына в конце 40-х годов тяжело заболела, попала в больницу. Вскоре ее увезла родственница, и умерла она, кажется, в Пскове. После нее завучем стала В.В. Бабкина.

По мере того, как родители находили своих детей, в Ленинград стали уезжать некоторые воспитанники, да и педагоги тоже. Вторым директором детского дома стала не менее замечательная женщина, Евгения Николаевна Комиссарова (живет в Новосибирске). **После войны, уже в 1950-е годы, пришел на работу завхозом фронтовик, Герой Советского Союза Михаил Карпович Ефанов (умер в Новосибирске в 1962 году).**

Именем его у нас названа улица, а сведения о нем есть в 2-томном кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза» (Москва, Воениздат, том 1, стр. 490).

К началу 50-х годов питомцы детдома в абсолютном большинстве вернулись в Ленинград. С годами крепла их дружба. Постепенно объединились не только бывшие питомцы Зырянки, но и детдомовцы, эвакуированные в другие места страны. Поэт Валерий Шумилин известный нашим читателям, оказался, к примеру, в Омской области. Под воздействием рассказов тех, кто был в Зырянке, он написал немало стихов, посвященных детству и наставникам. Впервые он побывал на нашей земле в 1974 году, во время декады ленинградского искусства, проводившейся тогда в Томской области. Побывал он и в Берлинке, после чего в 1975 году в «Сельской правде» было опубликовано его знаменитое стихотворение «Баллада о деревне Берлинке». В последующие годы на страницах нашей газеты появлялись и другие его стихи.

В 1981 году, учтя все возможности и обстоятельства, бывшие детдомовцы решили собраться вместе, чтобы досрочно отметить 40-летие детского дома! На нее в Зырянское съехались 25 бывших воспитанников из Ленинграда и Ростова, Асина и Новосибирска, из Томска и со Ставрополя... Приезжала и Е. Н. Комиссарова. «Сельская правда» подробно писала об этой встрече. Но во все последующие годы собраться таким же составом на зырянской земле больше уже не удалось. Приезжали, правда, потом по 4–5, человек, бывали в гостях у В. В. Бабкиной, Ф. М. Фроловой, других работников детдома. Были подобные встречи и на берегах Невы. Осенью 1982-го ездила туда В. В. Бабкина.

В 1989 году в Зырянское снова, спустя 15 лет, приезжал В. А. Шумилин. Меня с ним связывали многие годы переписки. К сожалению, в этот приезд ему изменило чувство меры, и опубликованные им в разных газетах, в том числе и в нашей, материалы, а также интервью с ним заметно исказили суть подлинных событий. Этим он обидел многих зырянцев. Но пусть это останется на его совести.

В середине февраля Центральная библиотека совместно с детской музыкальной школой проводят литературно-музыкальный вечер, посвященный детскому дому, его воспитанникам и работникам. На встречу будут приглашены как воспитанники и педагоги, так и ветераны, жители Зырянского. Будем надеяться, что встреча эта станет новой яркой вехой в истории того уникального заведения — 1 единственного в Томской области, каким стал Ленинградско-Зырянский детский дом.

Здравствуй, Чулым!

В. А. Шумилин, 1935–2016 гг. «Красное знамя» № 217–271

С крутого откоса смотрю я на твой стремительный бег, и с непривычки кружится голова. Только это не боязнь высоты, а, наоборот, захватывающее чувство полета. Ты даже представить не можешь, Чулым, как я стремился к тебе все это время. Но годы, словно воды твои, быстротечны. Казалось, еще вчера мы были твоими детьми. Ты, конечно, помнишь нас, истощенных до предела ребят из блокады. А теперь нам, представь себе, за пятьдесят!

Земляки

Здравствуй, Чулым! Сколько лет, сколько зим! Строки, как твои волны, набегают одна на другую. Сколько раз, Чулым, мы встречались с тобою во сне. Может, и сейчас ты мне просто снишься?! И, как всегда, во сне лето, а в городе на Неве, наверное, уже глубокая осень. На всякий случай надо себя ущипнуть, что я и делаю. Но нет, это не сон. На этот раз, Чулым, мы с тобою встретились. Заветная мечта наконец-то сбылась. Так позволь же мне выговориться, выплеснуть все из души, что накопилось за долгие годы разлуки.

**Бью тебе я, Чулым, челом!
Мне, как братья, сибиряки.
Так прими же, Чулым, поклон
От державной Невы-реки.**

**Память сердца с тобою жива,
Стал далекий мне край родным,
В час суровый моя Нева
Породнилась с тобой Чулым.**

**Гулко била Нева в набат,
Эшелон пробивался в тыл.
Ты блокадных, Чулым, ребят
И приветил, и приютил.**

А ты помнишь, Чулым, тот пасмурный осенний день, когда мы на барже не смогли пришвартоваться к пристани. Баржа неожиданно села на мель, дала течь, накренилась. И тут же на помощь к нам устремились десятки лодок.

— Ребятки, милые! — склонились над нами зырянцы. — Вставайте, да что же вы?

Но мы отнюдь не походили на ребят. По виду мы были маленькие, изможденные старички, такие умирающие гномики. Люди бережно, со слезами на глазах брали нас на руки, прижимали к сердцу. Вот так мы породнились с Сибирью, с нашей Зырянкой. Томское село в страшную годину выходило нас, спасло, воспитателю.

Когда же мы, впервые встретились с тобою, Чулым? Подскажи, а то я очень волнуюсь. Ну, правильно: в начале ноября 1942-го, в канун большого праздника приехали мы к тебе со своею большою бедой. Сколько воды утекло с тех пор! Но ты ничуть не изменился, Чулым. Да и мы хотя и постарели, но по-прежнему остались детьми. Так мы до сих пор не ушли из детства. Внешне, конечно, изменились, но душою — по-прежнему ребята. Как соберутся в тесный круг бывшие воспитанники нашего детского дома, только и разговоры о Зырянке, о тебе, Чулым.

Здравствуй, страна моего далекого и безоблачного детства! Ой, как хочется в эти минуты отрешиться от суеты, от бранных мыслей, сбросить с плеч тяжесть годов. Скептики утверждают, что это невозможно, точно так же, как войти в одну и ту же воду. Давай докажем обратное, Чулым. Смотри! Я разбегаюсь, как в детстве, и с ходу ныряю. Приятная дрожь пробегает по всему телу. Долго ли, коротко ли, плыву под водой. Ты напрягаешь свои волны — мускулы и, как мальчонку, поднимаешь и держишь на поверхности. Да... Зырянка по-прежнему со мною. Иду по деревянным мосткам, с любопытством оглядываюсь по сторонам. Бесспорно, за эти прожитые годы село здорово изменилось. Точно так же, как и я, возмужало. Сколько новых каменных домов, и школа в том числе. Однако свой прежний облик село сохранило. Жаль только, что помещения нашего детского дома не сохранилось. А в основном все как и прежде: те же деревянные дома теснятся вдоль улочек. И люди, встречая меня на улице, здороваются, как со старым знакомым. Словно я никуда и не уезжал из Зырянки на долгие годы. Удивляться тут не приходится. В наших российских деревнях сохранилась еще добрая традиция — желать всем встречным, даже незнакомым людям.

Здравствуйте!

Помнит ли кто меня в Зырянке, вспомню ли я кого-нибудь? Наверняка старожилы найдутся, да вряд ли меня узнают. Но есть один дом на окраине села, дорогу к которому я и с закрытыми глазами найду. Знаю, что здесь мне

всегда будут рады. Когда бы я ни пришел. В любое время дня и ночи, встретит как родного Вера Васильевна Бабкина. Первая учительница. Милая мама Вера. И двадцать лет ей не было, когда повела нас за собою, еще не окрепших после блокады, ленинградских детей. Сколько доброты, сколько тепла вложила в наши замерзшие души, сумела все-таки отогреть, вернуть детство. Помнится, как в те далекие годы сказала с грустью сердечной:

— Вот кончится война, уедете вы все из Зырянки, забудете свою маму Веру.

— Вера Васильевна! — загалдели мы в ответ. — Что вы? Никогда!

И слово свое вроде сдержали. Все эти годы переписываемся с ней, да и сама она не раз приезжала к нам в гости в Ленинград. А этим летом — подумать только — нашей маме Vere 65 лет исполнилось. Круглая дата. Юбилей. Вот и приехал я в Зырянку, чтобы от имени всех детдомовцев поздравить Веру Васильевну. Стихи написал по такому торжественному случаю:

Сквозь туман пробилась просинь,

Новый день взмахнул крылом.

Рукавишникова, восемь, —

Есть такой в Зырянке дом.

Здесь хозяйка спозаранку

Раньше всех в селе встает.

Озарит рассвет Зырянку,

Прямо в душу свет плеснет.

Дел немало спешных, срочных,

И еще забота есть,

Чтоб с утра пораньше почту

День встречая, перечеть.

Солнце, вспыхнув, сумрак серый

Загоняет за плетень,

«Дорогая мама Вера!..»

«Мама Вера, добрый день!»

«Как здоровье? Как живете?»

Просим вас беречь себя.

В гости нас наверно

ждете и тоскуете, любя...»

Письма, письма, телеграммы

Каждый день приносят ей.

«Мама, здравствуй!». А у мамы

Больше ста таких детей.

**Годы, годы, как страницы
Толстой книги, шелестят.
Может это только снится —
То, что ей за шестьдесят?..**

Не стану подробно описывать нашу встречу. Могу только заверить, что Вера Васильевна — очень сердечный человек. Это вам и вся Зырянка может подтвердить. Здесь, куда ни пойдешь, всюду учеников Веры Васильевны встретишь. А мы, бывшие детдомовцы, вспоминаем ее с особой нежностью и любовью. Мы до сих пор ей признательны за истинно материнскую заботу, за путевку в большую жизнь. Целых три дня гостил я в Зырянке у Веры Васильевны Бабкиной. За это время со многими своими земляками встретился. Не, я не оговорился: именно с земляками. Потому что томская земля вернула нас к жизни. И мы, как растения, пересаженные в другую почву, пустили в ней свои корни. Потому и чувствуем себя до сих пор коренными сибиряками.

О, эти трогательные встречи в краю моего детства! О встречах всех не расскажешь. Остановлюсь на одной.

Ленинградского гостя пригласили в Зырянскую среднюю школу как бывшего ее воспитанника. Я решил почитать ребятам стихи о своем детстве в Зырянке... Но пионеры меня опередили. Сами стали читать меня наизусть. Для меня это был большой сюрприз. Но откуда, спрашивается, попали мои стихи к ребятам? И здесь Вера Васильевна постаралась. Все мои немногочисленные публикации, что я ей высылал, передавала в школу. А ребята заучивали стихи и декламировали их по торжественным праздникам.

Второй сюрприз ожидал меня в школьном музее боевой славы. Комнату под музей, к сожалению, отвели небольшую, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Сколько уникальных экспонатов, какой богатый материал собрали красные следопыты о своих земляках, воевавших на фронтах Великой Отечественной... Смотрю на одну из фотографий и глаз не могу отвести, до чего знакомое лицо! Вопросительно глянул на заведующую музеем:

— Нина Ивановна, это...

— Это, — подтвердила учительница, — Ефанов Михаил Карпович. Участник форсирования Днепра. Наводил понтоны при переправе. За что получил звание Героя Советского Союза.

— Михаил Карпович? Ну, правильно, это наш дядя Миша! Инвалидом возвратился с войны Михаил Карпович. Ходил вначале на костылях, потом, преодолевая боль, с палочкой. Устроился на работу в наш детский дом завхозом.

— А мы и не знали, что он — Герой Советского Союза. Умолчал об этом дядя Миша.

— Помню я его, — вздохнула Нина Ивановна, — очень скромным человеком был.

— Был?!

— Несколько лет как скончался, — с сочувствием посмотрела на меня сельская учительница. — Жить бы и жить еще дяде Мише, да здоровье война подорвала. Сейчас одна из улиц Зырянки носит его имя.

Когда же это было? В сорок третьем?

А, впрочем, нет, в канун, в сорок втором.

На елку Дед Мороз явился к детям,

В клуб, где собрался в праздник детский дом.

Был дед степенным, с бородой из ваты.

И все-таки заметили ребята,

Что Дед Мороз усиленно хромал.

Наверно, это он устал с дороги,

— Ведь далеко от нас дремучий лес.

А Васька — в спор: «Мороз-то одноногий!

Ты слышишь, как скрипит его протез?»

Но на глазах восторженного клуба

Вел хоровод дедуся за собой,

И в пляс пошел, кусал при этом губы,

Чтоб скрыть незатихающую боль.

Но вот присел, мешок к стене поставил,

Мгновенно раздарил кулек конфет.

А тут вопрос: — Ты ногу где оставил?

Признайся, если это не секрет.

Вокруг него кольцом мы встали плотно,

И в наступившей сразу тишине

Ответил дед, причем вполне охотно:

— Понятно, где? Конечно на войне.

Вздохнул и сдернул бороду из ваты

Вспотевший после пляски Дед Мороз.

И ахнули восторженно ребята:

— Так это ж дядя Миша, наш завхоз.

Эти стихи я захватил с собою в дорогу с потаенной надеждой, что застану их Героя в Зырянке, прочту их при встрече дорогому дяде Мише, но увы... И все-таки стихотворение не зря привез, подарил его музею,

и ребята тут же, при мне, прикрепили его к стенду, где рассказывалось о подвиге Героя: еще один штрих к его биографии.

Начал я писать свои впечатления о поездке в Зырянке, заканчиваю — в Ленинграде. На дворе пасмурно, слякотно, типичная ленинградская погода. С Финского залива подули пронизывающие ветра, и свинцовые волны вскипают на Неве. А я стою, облокотившись на гранитный парапет, и под мелодичные удары Петропавловской крепости опять в мыслях уношусь на Чулым. И радостно, и грустно на душе. Я снова даю волю мечтаниям, соединяя две главные реки моей жизни. Теперь уже Неве передают привет от Чулыма.

Созвонился с друзьями — соблокадниками, с бывшими детдомовцами. Нас не так много осталось в родном городе: судьба многих поразбросала по стране, но, тем не менее, не забываем друг друга, встречаемся, перепи-сываемся. Мне еще предстоит писать обстоятельные письма о своей поездке в Москву, Астрахань, Ставропольский край, Киев, Минск...

Ну а с теми, кто, как и я, бросил навечно якорь в городе Ленина, встре-чусь в самое ближайшее воскресенье. По старой доброй традиции мы со-беремся у Евгении Андреевны Мамонтовой, у мамы Жени. Это наш пер-вый директор. И мамой ее тоже зовем неспроста: рискуя жизнью, вывезла нас мама Женя по Дороге Жизни в дальнее сибирское село. И бомбежку на Ладоге испытали мы вместе с нею, и под вражеский обстрел попал наш эшелон по дороге в тыл. Разве можно забыть все это? Но как хорошо, что мы не теряем друг друга из виду, что у нас есть сразу две мамы — мама Вера и мама Женя, что мы по-прежнему с ними, а они с нами. И то, что из детства не уходим, — это тоже здорово.

И никуда от памяти не деться,

И вновь волненья сердца не унять:

Упрямо в сон приходит наше детство,

Нас малышами делая подчас.

— Держись, братишка! Крепче зубы стисни,

В своей душе скорее страх уйми.

Лютует враг, бомбят Дорогу Жизни.

Плывут суда с блокадными детьми.

Сквозь годы в смертный бой спешу взглядеться.

Как выжили захватчикам назло.

А в сердце мне опять стучится детство,

Оно от деда к внуку перешло...

«Остановись, мгновение!»

В гостях у Евгении Андреевны Мамонтовой мы в который раз рассматриваем пожелтевший от времени групповой снимок военной поры. Себя на нем уже узнаем с трудом. Маленькие, щуплые, словно воробышки, с испуганными глазами смотрим в объектив. «Спокойно, ребята, не шевелитесь. Сейчас вылетит птичка!» — подбадривает детдомовцев зырянский фотограф-любитель. Мы прижимаемся друг к другу, мы уже в чудеса не верим. Нам страшно: а вдруг вместо птички вылетит вражеский снаряд и тут же разорвется. Мы фотографируемся на фоне огромного портрета вождя. Над портретом, как насмешка, лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Это мы-то, прошедшие ужасы войны, потерявшие родителей и сами чуть от голода не умершие, — счастливые! И все-таки счастье нас не обошло, даже в те фронтовые годы. Нет, сиротами, честно скажу, мы себя, не смотря ни на что, не чувствовали. Родина-мать вынесла своих детей из-под огня, Зырянка выходила их. За это спустя почти полвека от всего сердца я говорю: «Спасибо!». Но не мифическому отцу народов, а вам, дорогие мои жители земли Томской. Низкий всем поклон с берегов Невы!

Зырянцы в годы войны

Александра Валентиновна Лиманова, с. Зырянское, 2015 г.

Данное исследование — это попытка составить краткие сведения и представление о жизни людей района в военное время. Главное внимание было сосредоточено на самых важных событиях, документальное подтверждение которых удалось почерпнуть из архивных документов, справочной и краеведческой литературы, а также материалов периодической печати.

Начало Великой Отечественной войны, как и для всей страны, для зырянцев стало большой трагедией. Повсеместно прошли митинги. Мужчины и женщины, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, стали подавать заявления о своем желании добровольно пойти на фронт. С первых дней войны в район стали прибывать эвакуированные жители прифронтовой полосы.

В Зырянский район было эвакуировано население западных областей СССР (Курской, Ленинградской), городов Москвы и Пятигорска. На основании телеграммы облисполкома от 9 декабря 1943 г. имеются сведения о количестве эвакуированного населения размещенного в Зырянском районе.

Всего прибыло в пределы района 1198 человек, в том числе: а/рабочих и служащих и членов их семей, прибывших вместе с эвакуированными предприятиями — 43 чел., б/детей прибывших в составе эвакуированных детдомов и учреждений — 150 чел., в/остальные, эвакуированные, прибывшие в индивидуальном порядке — 1005 чел. [1].

Судя по копиям архивных документов, Сохранившимся за период военных лет и решениям Зырянского райисполкома, работа по эвакуированному населению шла активно. На основании телеграммы облисполкома от 12.07.1941 г. Райисполком и председателей колхозов обязывают в суточный срок подготовить нежилые дома, а также квартиры колхозников, в которые можно поместить семьи эвакуированных граждан СССР с прифронтовой полосы [2].

В сохранившихся протоколах сессий сельских Советов Зырянского района за 1942 год рассматривались вопросы о выделении подвод до ст. Асино за эвакуированными из Ленинграда. Инспектора райсобеса проводили проверки обеспечения продуктами питания и условий проживания эвакуированных ленинградцев. Насколько трудными были военные годы для труженников села — это Целый раздел истории военного времени.

С самого начала войны жители Зырянского района приняли самое активное участие в снабжении продуктами и средствами Красной Армии и семей защитников Родины. Безвозмездно в фонд обороны люди вносили личные сбережения, продукты, различные вещи. Женщины вязали шерстяные носки и варежки, шили шапки, фуфайки, обмундирование. Для воинов собирались валенки, полушубки.

На территории района работала комиссия по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. В накладной на отправленные теплые вещи и белье числилось: валенки новые — 137 пар, носков новых разных — 276 пар, варежки новые разные — 693 пары, шапки — 2 шт., кашне большое — 1 шт., шарф вязанный — 2 шт., шлем шерстяной — 1 шт., кисеты простые — 3 шт., кисеты с махоркой — 6 шт. [3].

Колхозы отправляли фронт продукты, рыбацкие артели — рыбу. Вначале 1945 года трудящиеся района направили в Государственный Комитет Оборона письмо за подписью секретаря райкома партии П. Щербакова и председателя райисполкома П. Поданева: «Памятуя о том, что забота о семьях фронтовиков есть половина заботы о Красной Армии, трудящиеся нашего района, кроме внесенных в 1944 году на танковую колонну 539318 рублей деньгами и 740000 рублей облигациями госзаймов, в фонд помощи семьям защитникам Родины 160319 рублей. Помимо этого, сдано в фонд Красной Армии

6972 пуда картофеля». На это письмо пришел ответ за подписью И.В. Сталина: «Передайте трудящимся Зырянского района, собравшим 160319 рублей в фонд помощи семьям фронтовиков и 6972 пуда картофеля в фонд Красной Армии, мой братский привет и благодарность Красной Армии» [4].

Из воспоминаний Петра Дмитриевича Поданева, который в годы войны работал председателем Зырянского райисполкома: «Все для фронта! Все для победы! — под таким лозунгом трудились зырянцы, как и весь наш народ в годы войны. И дети, и старики, и женщины отдавали все свои силы, бесперебойно снабжая отцов и братьев-воинов Советской Армии продуктами сельского хозяйства.

За годы войны государство получило от тружеников Зырянского района зерна в три раза больше, чем за 4 предвоенных года, мяса — в 3, молока и шерсти — в 2 раза. В неимоверно трудных условиях работали люди. Полевые работы зачастую проводились вручную, не было многих машин, транспорта, но несмотря на эти трудности, урожайность зерновых не опускалась ниже 10,4 центнера с гектара. Отличных результатов в годы войны добились животноводы нашего района. Общее поголовье скота увеличилось на 6835 голов. Лесозаготовители дали 30000 кубометров леса сверх плана. От жителей район только в 1944 году было вложено 160319 рублей в фонд помощи семьям фронтовиков. А всего за военные годы 740000 рублей. В фонд Красной Армии было вложено 539318 рублей» [5].

Одной из форм помощи фронту была подписка на военный государственный заём. В фонд обороны поступали сотни тысяч рублей в виде государственных займов и безвозмездных пожертвований. Действительно страницы газеты «Борец за темпы» пестрели заголовками: «Наша Помощь фронту», «В фонд обороны», «Все что имеем — отдадим Красной Армии». Все спешили подписаться на новый заем. Исполнить патриотический долг рвались даже школьники. Школьники, пионеры и комсомольцы вели активную работу: трудились в колхозах, вырабатывая около 2000 трудодней на уборке хлеба. Заготавливали топливо, организовывали сборы одежды и обуви для эвакуированных и дозоры по охране колхозного урожая, направляли посылки в действующую армию и госпитали. Агитационная пропаганда в военное время была неотъемлемой частью культурно массовой работы с населением. Это входило в функции агитбригады и работавших в сельсоветах изб-читален. Из списка клубных учреждений на 1 августа 1944 года избы-читальни имелись в 15 сельсоветах района [6].

Беседы, читки, регулярный выход стенгазеты — все это входило в перечень обязанностей заведующих — избачей. При избах-читальнях существовали агитколлективы, которые проводили беседы с жителями по десятидворкам. В годы Великой Отечественной войны в с. Зырянское действовала агитбригада под руководством О. В. Соловьевой, состоявшая из нескольких человек, среди которых были и эвакуированные ленинградки. По инициативе комсомола была создана комсомольская агитбригада в составе 13 человек, которая проводила работу по Дубровскому, Мишутинскому, Громышевскому, Павловскому сельсоветам. Приезжая в села агитбригада обследовала колхозы, школы, комсомольские организации, избы-читальни и на основе собранного материала составляла живую газету, в которой отмечались все недостатки колхоза [7].

Одной из самых интересных страниц военной истории Зырянского района было основание Ленинградско — Зырянского детского дома, эвакуированного из блокадного Ленинграда. Просуществовал детский дом около 11 лет — с 1942 по 1954 год. Прибыли маленькие ленинградцы в конце августа — начале сентября 1942 года. Всего из Ленинграда к 11 мая 1943 года в Зырянском районе проживало 830 человек, в том числе 150 детей, из которых более 120 были воспитанниками. Вместе с детьми прибыли: директор — Евгения Андреевна Мамонтова, завуч Александра Александровна Птицына, кастелянша Татьяна Карловна Коновалова и повар Анна Михайловна (фамилия неизвестна) [8].

Местная администрация, организации, школьники — все оказывали помощь прибывшим детям. По указанию райисполкома для детдома было выделено второе помещение для нормального размещения детей. Задачей администрации детдома и его сотрудников было утеплить здания и добиться изготовления детской мебели. Для обеспечения правильного развития детей была налажена плановая и воспитательская работа во всех группах [9]. В целом коллективы организаций Зырянского района выделили для детского дома: 119 кубометров дров, 13 центнеров картофеля, капусты, 6 центнеров гороха, 1 центнер проса, 2 поросенка, 3 центнера овса, огурцов, помидор, свеклы и другое [10].

«Мы сердцем ленинградцы, душой сибиряки!» — эти строки из стихотворения Валерия Шумилина означают, что для воспитанников детского дома село Зырянское стало вторым домом. Бывшие воспитанники детского дома Николай Быстров и Юрий Лесаков посвящали стихи лю-

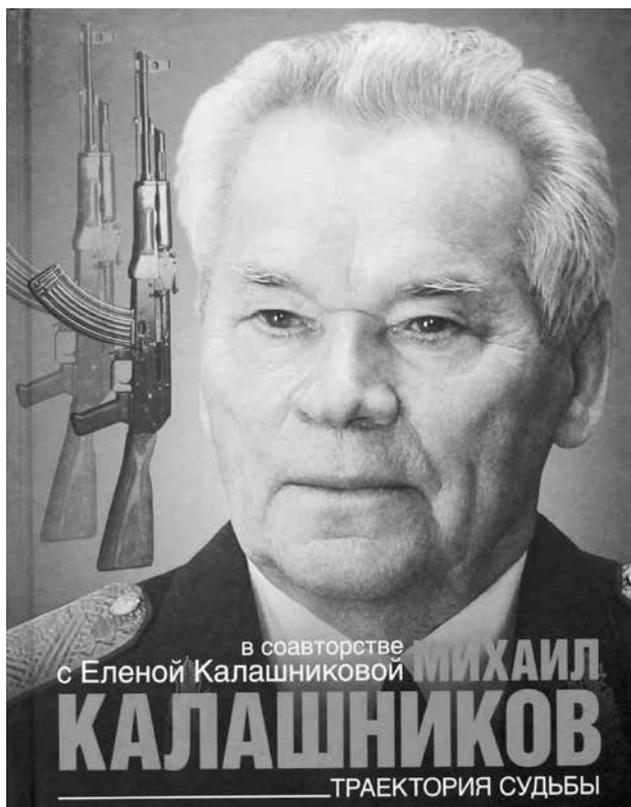
дям, спасшим их от гибели и зырянской земле, принявшей их в годы войны. Нет таких показателей, которыми можно было бы измерить вклад зырянцев в дело Победы.

Но один важный показатель очевиден. 3511 человек из Зырянского района ушли на фронты Великой Отечественной войны, из них 2637 солдат, сержантов и офицеров сложили головы на полях сражений. Зырянский район дал стране пять Героев Советского Союза: Дмитриев Григорий Яковлевич, Егоров Гавриил Иосифович, Ефанов Михаил Карпович, Пищулин Андриан Абрамович, Смирнов Василий Иванович. Также родом из Зырянского района три кавалера ордена Славы: Холодов Василий Егорович, Степичев Яков Арсентьевич, Недыбин Иван Михайлович. Таким образом, мы видим, что Зырянский район был крепким тылом в годы войны.

Район был местом определения эвакуированных граждан, которым власти пытались предоставить все условия для проживания. Об этом свидетельствует множество архивных документов. Люди трудились на полях, в колхозах и все средства отправлялись на фронт. Можно смело утверждать, что вклад зырянских тружеников в победу был достойным. Зырянская земля приняла детей-ленинградцев, в связи с чем был создан Ленинградско-Зырянский детский дом. С Зырянским районом связаны имена пяти Героев Советского Союза и трех кавалеров ордена Славы. Зырянский район и его жители — это лишь частица вклада в общую Победу в Великой Отечественной войне. Но Зырянская земля, как и множество других мест нашей страны, сумела стать оплотом безопасности во времена лихолетья.

Траектория судьбы

Михаил Калашников, Елена Калашникова

А теперь хочу кое в чем признаться... До выхода в свет в 1997 году моей книги «От чужого порога до Спасских ворот» я никому никогда не рассказывал историю нашей семьи, историю ее раскулачивания. Многие десятилетия это было «закрытой темой» моей жизни. Будучи уже далеко не молодым человеком, я много раз пытался написать об этих днях моей юности, но «рука не поднималась»: трудно расставаться с тайной, которую хранил всю свою жизнь...

Да и можно ли было в наше прямолинейное время обнародовать эту часть моей биографии? Конечно, это бы неминуемо отразилось

на моей творческой судьбе, на взаимоотношениях с руководящими структурами власти. Там быстро бы нашли в моих откровениях много такого, что «с идеологической точки зрения» не позволило бы мне стать тем, кем я стал. Кто бы разрешил мне работать в такой секретной области, как вооружение?.. Узнай кто-нибудь тогда эти подробности моей жизни — я сразу был бы вышвырнут на обочину дороги, по которой шел оборонный комплекс. А тот, кто всю жизнь заискивал перед сильными мира сего, пытаясь им угодить, кто перед власть имущими пресмыкался, наверняка не упустил бы случая побольней укусить человека, сказавшего правду о себе...

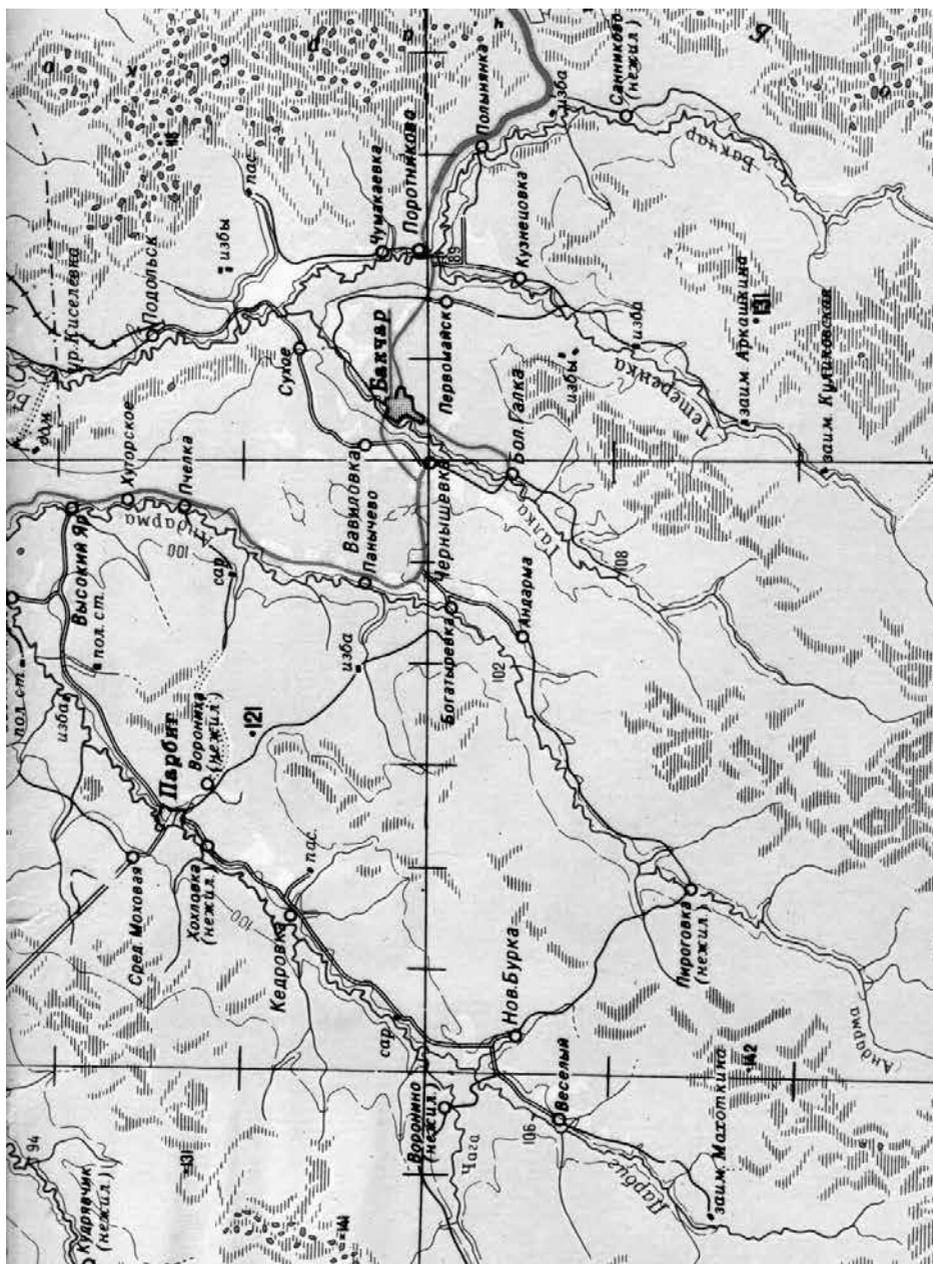
И вместе с тем, я уверен: моя сокровенная история — не такое уж необычное дело! И, слава Богу, что так оно все устроено: пусть у человека его тайну никто и никогда не сможет ни отобрать, ни выведать. Лично я всегда считал, что скрываю ее ради дела.

Как это ни удивительно, но даже никто из моих самых близких родственников, детей и внуков не знал о тех событиях, о которых я написал тогда в книге. Легко ли было держать это в себе за семью замками на протяжении всей жизни?..

Возможно, кто-то скажет: «Да он, наверняка, и сейчас не все говорит о себе!» И, возможно, что будет прав: кто из нас Богу не грешен, царю не виноват? Каждый человек уносит в небытие какую-нибудь свою тайну...

История моего первого побега из ссылки, это история не только о невероятных трудностях пути, по которому в прямом смысле я прошел в молодости. В переносном смысле тот путь, пожалуй, был намного трудней и опасней. И когда я плакал от стыда и обиды, стоя с протянутой рукой под чужими окнами и перед чужими порогами, я ведь, пожалуй, просил не только кусочек хлеба...

Мне многое далось. Я благодарю за это судьбу! Я всегда очень любил свое Отечество, какие бы сложные и какие бы горькие ни переживало оно времена...

Карта Бакчарского района, с. Парбик

Семья Калашниковых Тимофея Александровича и Александры Фроловны

Биография

Родился в селе Курья Алтайского края. Он был семнадцатым ребёнком в многодетной крестьянской семье, в которой родилось восемнадцать, а выжило восемь детей.

Отец — Калашников Тимофей Александрович (1883—1930).

Мать — Калашникова Александра Фроловна (1884—1957).

1959 г. Семья М.Т. Калашникова

**Советский конструктор оружия М.Т. Калашников,
дочь Наталья и сын Виктор**

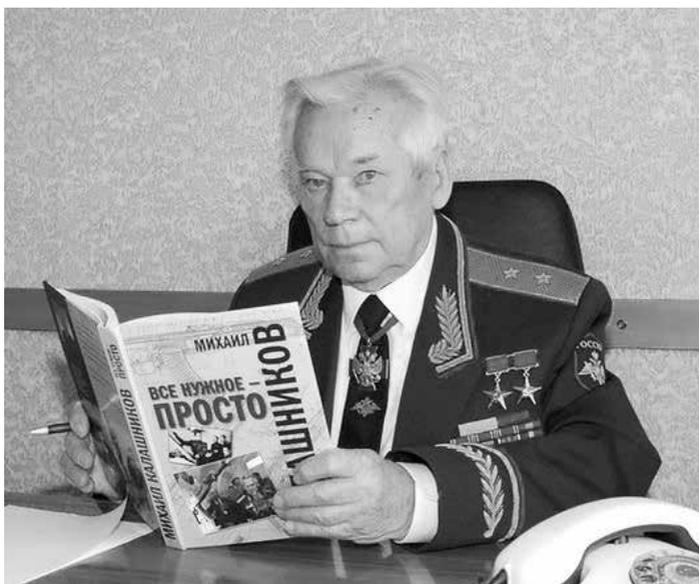
В рабочем кабинете изобретателя стрелкового оружия

Во время прогулки по Москве

**Оружие АК-47 создано для защиты страны
и народов Советского Союза**

**2009 г. М.Т. Калашников – дважды Герой Социалистического
труда, Герой России. Вывдающийся конструктор стрелкового
оружия в СССР и России, доктор технических наук (1971),
генерал-лейтенант (1999)**

Из рода алтайских хлеборобов Калашников М.Т.

**В окружении внуков М.Т. Калашников,
крайний год жизни земной. 2013 г.**

Детство

О жизни нашей семьи мне часто писали и рассказывали старшие сестры — Гаша и Нюра. Многого из того, что мне стало известно о наших предках, я не знал. Хорошо, что память моих сестер сохранила подробности тех лет. Я очень благодарен им за помощь в написании этих страниц!

Предки наши жили на северном Кавказе в станице Отрадное. Как вспоминали мои сестры, фамилия прадедов по отцовской линии якобы была не Калашниковы, а Калашник, а во второй половине девятнадцатого века они, добавив окончание «ов», изменили ее на русский манер. Дед мой, Александр Владимирович Калашников, был единственным сыном в семье сельского учителя. Мой отец, Тимофей Александрович, родившийся в 1883 году, тоже был единственным сыном у Александра Владимировича и Катерины Тимофеевны.

Моя мама, Александра Фроловна, была из многодетной, зажиточной семьи Кавериных, имевших в роду даже священников. Замуж за Тимофея Калашникова она вышла по любви, но вопреки желанию своих родителей — семья моего отца была хотя и работающая, но небогатая. Поженившись в самом начале двадцатого века, мои родители сразу же стали строить свой дом — обычный для тех мест саманный (турниковый) дом — «мазанку», завели скот. В 1903 году у них родилась первая дочь Рая, в 1905 — вторая, Агафья (Гаша), а в 1907 — сын Виктор. Жизнь молодой семьи была хоть и в согласии да любви, но трудная. Да и не бывает на селе жизни легкой, беззаботной — не будет у крестьянина достатка без мозолей на руках да бессонных ночей!..

Постепенно семья Калашниковых вставала на ноги — крепло хозяйство, росло подворье. У них появилась и своя сельскохозяйственная техника — веялка «Зингер» и молотилка. Отец всегда мечтал о больших урожаях, но пахотной земли у него для этого было маловато...

Время больших перемен в России не обошло стороной и станицу Отрадное. Когда в начале 1910 года пошел слух о раздаче крестьянским семьям земли в далекой Сибири, многие станичники задумались. Ведь тут, на северном Кавказе, земля хоть и плодородная, но наделы маленькие — большую семью не прокормить! В том же году только из Отрадного уехало несколько десятков семей — искать свое счастье «за тридевять земель» от родных мест.

Решились на великое переселение и Калашниковы: молодая семья и родители моего отца — Александр Владимирович и Катерина Тимофеев-

на. Конечно, жаль было покидать родную станицу и навсегда расставаться с многочисленными родственниками, но стали они собираться в дорогу. Дорога предстояла дальняя, и брать с собой нужно только самое ценное, основное: крестьянскую технику, зерно и одежду. Остальное они отдали родным «на хранение» — до той поры, как в Сибири разбогатеют и вернутся домой, в Отрадное. Им тогда очень хотелось в это верить... Так мои родители с двумя стариками, тремя маленькими детьми — 3,5 и 7 лет от роду — и крестьянским скарбом рискнули отправиться в дальний путь, в новую неизвестную жизнь! Думаю, не просто было решиться на переселение моему отцу Тимофею Александровичу, ведь он, как глава большой семьи, брал на себя все заботы, все волнения, все тревоги. И наверняка за долгое время пути он не спал ночей, задавая себе одни и те же вопросы: «Что за земля там, в Сибири? Плодородна ли она? Можно ли быстро поднять хозяйство на новом месте?» К тому же, в их семье ожидалось рождение четвертого ребенка, а значит и прибавление хлопот...

Мои родители всегда мечтали о большом и крепком крестьянском хозяйстве, о многодетной семье с множеством сынов. Поэтому они очень надеялись, что на новом месте у них родится мальчик, на которого они получат дополнительный надел пахотной земли. Ведь землю выделяли только на мужские души! Не знаю, сбылись ли тогда их мечты насчет земли, но про сынов знаю точно — сбылись. Правда, значительно позже. А тогда в октябре 1910 года на Алтае у них родилась третья дочь Анна.

Как рассказывала сестра Гаша, до будущего места жительства семья добиралась очень долго, месяца полтора: «Сначала ехали на поездах в «телячьих» вагонах до Ново-Николаевской (Новосибирска), а потом уже до места добирались на конях. Тятя (так мы звали нашего отца), наверно, их купил в Ново-Николаевской...» Вот так наша семья, покинувшая родные места в поисках лучшей жизни, и оказалась на моей родине в алтайском селе Курья! Почему именно в Курье, сейчас сказать трудно. В тот год многие переселенцы из родной станицы осели именно там. Некоторые из них даже свои дома с Кавказа перевезли!..

Выбрав участок земли для строительства дома на берегу небольшой, быстрой речки Локтевка, родители начали обживать на новом месте: строить дом, подворье, возделывать полученную пахотную землю, выращивать скот. Огород разбили за домом, с выходом на речку: и с поливкой удобно, и дети всегда будут под присмотром. Работали всей семьей с раннего утра и до поздней ночи, стараясь поскорее поднять хозяйство. В семье, наконец-то, один за другим появились долгожданные сыновья — Иван и Андрей.

За многочисленными крестьянскими проблемами и заботами и не заметили Тимофей Александрович и Александра Фроловна, как в 1917 году в Россию пришла революция. Та самая, которая обещала «освободить их от каторжного труда и дать волю, землю и счастье». Революция — обещала, а крестьянское хозяйство — обязывало! Некогда было Тимофею Александровичу вникать в революционные изменения. Главная забота крестьянина — прокормить семью. А семьи у многих тогда были большие — ведь в то время дети появлялись без особых раскладок и планов, «как Бог даст». Они, конечно, добавляли родителям забот, но и давали надежду на будущее: когда подрастут — работников в хозяйстве будет больше!

Моя мама, Александра Фроловна, родила восемнадцать детей, но из них выжило лишь восемь — две девочки Агафья (Гаша) и Анна (Нюра) и шесть мальчиков — Виктор, Иван, Андрей, Михаил, Василий и Николай. Моя старшая сестра Рая умерла от тифа в возрасте восьми лет, вскоре после переезда семьи на Алтай. Остальные дети умирали, часто не дожив и до года. Сейчас в это трудно даже поверить, но тогда детская смертность в России была очень высокая. Помню, как мама, приехавшая в гости к нам в Ижевск, рассказывала о тех временах, о моих детских годах и о себе моим маленьким дочерям. Отвечая на их вопрос, сколько же всего у нее было детей, она принималась считать с помощью пальцев рук, называя каждого ребенка по имени:

— Параня, Гаша, Николай, Виктор, Иван, Нюра, Николай, Иван, Николай, Андрей, Михаил, Василий, Татьяна, Николай...

Девочки удивленно возражали ей:

— Бабушка, ты почему-то назвала двух Иванов и трех Николаев!

Мама с грустью объясняла им:

— Да это потому, что те, первые, умерли!.. Да и ваш-то отец чуть не помер! Миша в детстве был очень слабым, все болезни к нему так и приставали. Благо, в рубашке родился!..

В нашей семье часто вспоминали о моем рождении, говоря: «Наш Миша родился в рубашке... прямо в сенях»! Вот так, холодным осенним днем 10 ноября 1919 года, я и пришел в этот мир... Моя мама всегда жила в постоянных и нескончаемых работах по дому. И в тот день, принеся воду из колодца, она едва успела поставить ведра на привычное место и повесить коромысло на гвоздик, как тут же в сенях и произвела на свет мальчика, которого назвали Мишей.

Родился я хилым и очень болезненным ребенком. Как говорили родные, не было такой болезни, которой бы я ни болел. Все детские болезни,

буквально одна за другой, а то и сразу несколько, уживались в моем и без того слабом тельце. Будучи еще совсем маленьким, я чуть было не помер. Настолько тяжело я тогда болел, что наступил момент, когда родители стали сомневаться, дышу ли я? Они поднесли легкое куриное перышко к моему носу, проверяя дыхание. А так как оно даже не шелохнулось, то решили, что жизнь моя остановилась...

Тут же, как часто бывало в деревнях, в нашем доме появился деревенский плотник и, замерив палочкой мой рост, вышел во двор мастерить гробик. И вдруг я начал подавать признаки жизни. Что тут началось! Бабушка бросилась к иконам читать благодарственные молитвы, а радостные родители побежали к плотнику со словами: «Жив! Жив!» Тот же, прекратив стучать топором, даже выругался в сердцах — не то на меня, не то на родителей, которые не могут определить, жив ли их ребенок? Этот случай не прошел для меня без последствий. В Курье о нем вспоминали не раз. И мне всегда было очень обидно, если кто-то, рассердившись на меня, вдруг говорил: «Ты уже с детства научился притворяться!»

Еще одна детская болезнь оставила о себе долгую память: когда мне было около пяти лет, заболел я оспой. Все мое тело покрылось мелкой сыпью, не дававшей покоя ни днем, ни ночью. Мне очень хотелось ногтями расчесать, разодрать все эти пузырьки на коже. Родители, пытаясь меня остановить, повторяли: «Если ты будешь чесаться, то станешь таким же рябым, как соседская девочка Соня». А лицо у той Сони мне всегда казалось похожим на терку, которой терли картошку на крахмал для киселя. Зуд же был настолько велик, что иногда я был согласен походить и на Соню... Видя, как я потихоньку ковыряю болячки, родители стали связывать мне руки. И, несмотря на их старания и мои мучения, эта болезнь все-таки оставила свои отметки на моем лице. Уже взрослым юношей я проводил малоэффективные опыты по избавлению от этих немногочисленных следов оспы. Расскажу, как это было.

Во время службы в Армии в 1940 году я был командирован в Москву, где и разыскал институт Красоты (так ли он назывался, не помню). Там мне пообещали провести специальный курс лечения по удалению следов, на всю жизнь оставленных этой тяжелой болезнью. Не знаю почему, но я не решился быть пациентом под своей фамилией, а записался как Иванов — благо, что не требовался паспорт. И вот, в очередной раз придя на прием к врачу, я вдруг не среагировал на свой псевдоним: забыл, что Иванов — это я. Меня тут же подвергли тщательному врачебному осмотру: выяснить, нет ли у этого Иванова каких-либо побочных явлений

от предыдущего лечения?.. Служба в армии и война не позволили мне тогда провести рекомендованные докторами еще два-три сеанса. Ну, а потом, после войны, время и возраст изменили мое отношение к столь незначительному недостатку моей внешности, и я успокоился.

Вернемся к годам моего детства. Когда был ребенком, много раз слышал, как мама, понизив голос, таинственно говорила соседкам: «Миша должен счастливым вырасти — ведь он родился в рубашке». И добавляла, глядя на лампадку и на иконы в красном углу: «А я берегу ее — храню там!» После таких разговоров мне всегда хотелось взглянуть на ту рубашку, из-за которой я должен стать счастливым. Но сначала мне надо было ее найти...

И вот однажды, дождавшись редкого момента, когда остался в избе один, я подтащил стол поближе к углу, поставил на него табуретку, залез на нее и снял верхнюю икону. Отчего-то мне казалось, что необыкновенная обнова, которую от меня скрывают, находится именно в ней. Отогнув маленькие гвоздики, я снял у иконы крышку, но ничего особенного за ней, кроме толстой фольги и бумажных цветов, не нашел... Мое любопытство было сразу же обнаружено, и за первым разочарованием последовало второе — я был наказан отцом изрядной «выволочкой». Он «дал мне ремня», приговаривая: «Теперь-то ты понял, что там?!» А мне было обидно и непонятно — за что отец меня наказывает: за порчу иконы или за злополучную рубашку? Спросить его я так и не осмелился.

Да, много хлопот я доставил своим родителям, много слез пролила моя мама, пока я вырос! Как говорится, со мной пришлось им горя хлебнуть... Несмотря на то, что рос я болезненным и слабым мальчиком, всегда меня тянуло к ребятам постарше, к ровесникам моих братьев Ивана и Андрея. Я изо всех сил старался не отставать от них, быть с ними на равных во всех их затеях. Это стремление иногда приводило к плохим последствиям...

Помню, было мне всего лет шесть-семь, когда начал я бегать с братьями на замерзшую речку Локтевку. Обычно стоял на берегу и с тайной завистью смотрел на ребят, которые катались на самодельных деревянных коньках, подкованных полоской железа или проволокой. Я тогда мечтал о том времени, когда смогу кататься с ними вместе, скользя по расчищенному ледяному кругу. Возвращаясь с прогулки домой, я всячески уговаривал старшего брата Виктора смастерить мне такой же конек. И вот, наконец-то, моя мечта сбылась: Виктор сделал конек, и сам прикрепил его веревочкой к моему валенку. Большого счастья невозможно было пред-

ставить — и я, хромая от непривычки, сразу поспешил к реке, где катались ребята. И как на грех вышел на лед недалеко от нашей проруби! Стоило мне первый раз в жизни оттолкнуться одной ногой и заскользить на другой, как я тут же оказался в воде... Наверняка утонул бы, да спасла шуба старшего брата: распустившись веером, вернее, надувшись, как парашют, она держала меня по пояс в проруби.

Мои братья подняли крик и бросились бежать к дому, чтобы сообщить родителям о случившемся. Я не помню, как меня достали из воды и как принесли домой. Помню только, что в доме сразу же раздели догола и положили на русскую печь — туда, где сушился овес. Тепло, которое набрали зерна, тут же передалось мне, из меня градом начал лить пот. Родители еще долго не разрешали мне выбраться из овса и слезть с печки: боялись, что я могу заболеть чахоткой. Слава Богу, все обошлось: разогретое зерно сделало свое доброе дело. Я на всю жизнь запомнил целебное тепло разогретого овса и часто вспоминал о нем, когда замерзал в военные годы в танке, потом и в госпитале, а после войны — на рыбалке или охоте. Стоило мне вспомнить теплую гору того овса, как сразу становилось теплей. Хотя бы на душе... Но вот беда: кататься на коньках я так и не научился. Пробовал, надо сказать, неоднократно, и уже на настоящих коньках и на настоящем ледяном катке — на стадионе, но... нет, и все!

Раз уж заговорил о воде, то надо, пожалуй, рассказать и о «рекорде», который я чуть позже летом установил при нырянии. Речка Локтевка, протекавшая через наше село, не была широкой и глубокой, но имела множество опасных мест — омутов, которых побаивались даже взрослые. С виду спокойная, она унесла не одну человеческую жизнь, затягивая неосторожных людей в свои коварные ловушки. А потому родители строго наказывали нам держаться подальше от этих мест. Нас же они и пугали, и притягивали!

Многие из нас, пытаясь продемонстрировать свою отчаянную храбрость, старались проплыть около самого омута. Однажды я тоже решил себя показать! И вдруг, оказавшись рядом с легкими завихрениями воды на границе омута, я почувствовал, что меня неудержимо тянет вниз. Как сейчас помню: вместо того чтобы сопротивляться потоку и пытаться вынырнуть из него, я, испугавшись, сжался в комок и начал безвольно опускаться все глубже и глубже на дно. Оказавшись сидящим на корточках на дне, я все сильнее сжимался и глотал воду. Когда с ужасом понял, что тону, в отчаянии открыл глаза и увидел перед собой растущую на дне зелень — она мирно подрагивала и вилась вверх. Трудно сказать, как долго

я был в состоянии полного оцепенения. Помню лишь последние проблески сознания — мое детское воображение представило плачущую мать и всех родственников и соседей, плотным кольцом окруживших меня мертвого на берегу. И все они говорили одно и то же: это какая-то злая сила затащила Мишу — сам он не мог туда заплыть... Все это, как мне помнится, я ощутил весьма реально! А вот что было дальше, память не сохранила.

Как потом рассказали, подоспевшие на помощь взрослые ребята вытащили меня из воды, положили на одеяло и, приподняв его над землей, начали туда-сюда меня перекачивать. Перекидывали из стороны в сторону, откачивая воду. А потом прибежали перепутанные родители и окончательно привели меня в чувства. Этот случай тоже оставил след в моей жизни: я и по сей день не умею плавать. Сколько раз я пробовал научиться, сколько лет не оставляло меня желание преодолеть этот обидный недостаток! Но все напрасно. Всякий раз, отплывая от берега на пять-десять метров, я с трепетом оглядываюсь на заветный берег, с ужасом ощущая под собой пугающую неимоверную глубину! Наверно, трудно представить, чтобы взрослый человек не мог пересилить тот страх, который однажды испытал в детстве. Но это так.

Как вспоминали мои сестры, наша семья на Алтае жила не голодно, но и не богато. Чужих людей отец никогда не нанимал, свои же — не сидели без работы. Старшие дети едва смогли научиться читать и писать: Гаша ходила в школу два года, Виктор — три, а Нюра и вовсе не училась. Не до учебы было — все они с ранних лет помогали по хозяйству: Гаша и Виктор работали в поле с родителями, а Нюра занималась с маленькими братьями-сестрами, которые звали ее не Нюрой, а Нянькой (так и осталась она для всей семьи «Нянькой» до самой смерти)... Наше хозяйство на селе ничем особенно не выделялось. Дом был небольшой: одна общая комната, кухня и сени. Построен он был по «кавказским» традициям: в комнате пол деревянный, а на кухне, где готовили на печке, — мазаный, земляной.

Сестры рассказывали, как каждую субботу они мучались с тем самым земляным полом: «В комнате вымоешь чисто, а станешь кухню мыть — только грязь разведешь. Намочишь землю, намажешь и ждешь, пока она высохнет. Если раньше начнут ходить, то вся сырая земля в чистую комнату тут же тащится. И тогда — прощай, уборка! Иногда, чтобы долго не ждать, набрасывали солому на сырой пол. И опять «не слава Богу» — подмести такой пол невозможно: вдоволь наглотаешься пыли!»

Зимой вся семья спала в комнате: родители и дедушка с бабушкой на кроватях, а дети — на печке, на полатах или на лавках. Летом было раздольней — многие из нас перебирались спать на сеновал. Обедала наша большая семья двумя группами: старшие — бабушка, дедушка, отец, мама, Виктор, Гаша и Иван — за столом. А мы, младшие, ели на полу, сидя на какой-нибудь постеленной тряпке вокруг большой чашки. Еду нам подавала Нянька — Нюра. Наши родители одевали нас, маленьких детей, в самотканную одежду. У моей мамы была швейная машинка, на которой она шила мальчикам длинные рубахи, заменявшие и штаны, и рубашки. Так мы и ходили в них лет до семи, пока не начинали стесняться своего вида и требовать мужской одежды.

Гаша и Виктор с малого возраста работали наравне со взрослыми в поле. Летом они были «погонщиками» лошадей на пашне и на молотилке, ходили за плугом и за бороной, пасли скот, косили сено и укладывали его в стога. А зимой они вдвоем это сено возили с поля домой. И всякое случалось с ними на том пути... Отправлялись ребята ранним утром на пяти, редко — на трех, санях и ехали за несколько километров от села. Там работали весь день — надо было каждый стог ото льда и снега обчистить, замерзшее сено в сани вилами накидать, укрепить его, обвязать. А чтобы часто не ездить, на каждую повозку старались нагрузить сена побольше. Да так, что из-за него и лошадь было не видно. Вот такой вереницей стогов сена и возвращались домой: Виктор управлял первой повозкой, а Гаша — последней. Средние повозки катились сами по себе — лошади бежали за сеном предыдущей. Так и ехали, не видя друг друга, и лишь изредка перекликаясь.

Случалось, волки подбирались близко к повозкам и начинали так выть, что кровь в жилах стыла. И тогда ребятам надо было, переборов страх, кричать, что есть мочи, отпугивая хищных зверей. Тут выручали выученные в школе стихи. Хорошо, голос у Гаши был громкий, и стихов она запомнила много! Вот так и кричала она их всю дорогу, пока до деревни не доедут.

Были случаи, когда лошадь без седока сходила в сугроб и повозка переворачивалась. Виктор на первой повозке продолжал ехать вперед — ему не было видно из-за горы сена, что там сзади происходит. И опять приходилось Гаше кричать, что есть мочи, останавливая удаляющуюся повозку брата. Ребята с большим трудом вытаскивали сани из снега, ставили их на дорогу, собирая и укладывая упавшее сено. Окоченевшими руками поправляли лошадиную упряжь, стараясь при этом ласковыми словами

успокоить перепуганное животное. Домой обычно возвращались вечером, затемно.

Приятно было после такого дня оказаться снова в тепле родного дома, в безопасности, почувствовать себя детьми. Конечно, как и у всех детей, у них были свои забавы. После таких поездок любили они забираться на печку и рассказывать нам, младшим, страшные истории, случившиеся с ними в дороге. Тут уже и волки не просто выли, а с яростью накидывались на лошадей и на самих ребят, и в поле страшно кричала нечистая сила...

Постепенно эти истории переходили в сказки, а потом кто-нибудь начинал напевать протяжные русские песни «про удальца-молодца, ухажря-купца и про несчастную любовь». В конце песни сестры тихонько всхлипывали, представляя себя на месте той обманутой и покинутой, о которой пелось... А нам, мальчикам, больше нравилось петь «взрослые», запрещенные песни, частушки или же играть в карты. Особенным картежником среди нас был Виктор. Он-то и научил своих сестер и братьев картежной игре. Ему больше всех и доставалось за это — отец карт не любил и ругал нас за них. Вообще-то, Виктору от отца «доставалось» не часто. Может быть потому, что в нашей большой крестьянской семье он с ранних лет был основным помощником отца и немало забот по хозяйству легло именно на его плечи. А так как он был намного старше нас, младших братьев, то пользовался большим авторитетом. Говоря о нем, мы называли его уважительно: «Братка» и всегда старались ему подражать. Виктор был невысокого роста, крепкого сложения, немногословен. Ходил — словно печатал каждый свой шаг. Любую работу выполнял в основном левой рукой. Он один из нас — шестерых братьев и двух сестер — был левшой. Любая работа в крестьянском дворе выполнялась им с большим старанием и с большим мастерством. Мы, младшие, часто удивлялись: как это он так ловко держит топор, молоток или еще какой-либо инструмент в левой руке?.. Стоило кому-нибудь из нас провиниться, он тут же говорил: «Ну, за это тебе полагается всыпать хар-рошую порцию ремня!» И мы знали, что его левая рука не дрогнет: врежет, так уж врежет! Долго потом будешь помнить, что она сильнее отцовской правой. Правда, ремень брат применял редко — больше воспитывал словами и личным примером.

Помню, как-то в зимнюю стужу на нашем дворе было уже на исходе сено для скота. Брат завернулся в тулуп, надел собачьи рукавицы и в снежную метель поехал за несколько километров — туда, где в поле стоял большой стог нашего сена. Когда брат возвратился, я впервые уви-

дел его таким сердитым. Виктор рассказал родителям, с каким трудом он добрался до места, где был наш стог, а его уже кто-то увез... Собрал остатки сена, он погнал бедных лошадей в обратный путь. Брат еще долго не мог успокоиться и, поднимая свой левый кулак, все грозил кому-то невидимому, повторяя: «Ну, лентяи!.. Ну, лодыри!.. Ну, дармоеды! Все равно вас найду и всыплю по заслугам... так всыплю!» Но всыпать никому не пришлось, потому что снег давно скрыл следы: недаром же воровали в метель. А не пойман — не вор понятное дело!.. Даже, если ты знаешь, кто кормит свой скот твоим сеном, — как ты это докажешь?

Когда Виктору было лет шестнадцать, с ним произошел случай, запомнившийся нам всем надолго. Особенно, нашему отцу! Старший брат с малых лет управлял лошадьми и был известным в селе ухарем — умело пользуясь кнутом и вожжами, любил прокатиться с ветерком. К сожалению, эта его страсть слишком дорого обошлась нашей семье. Однажды летом он возвращался с поля домой на легкой подрессорной тележке, запряженной двумя сильными, хорошо откормленными лошадьми. Чтобы показать свою удачу перед любимой девушкой, он перед ее домом так поддал кнутом и без того бешеным лошадям, что те рванули, как вихрь, и помчались, уже не слушаясь седока. Как говорят: понесли.

Растерявшийся брат не знал, как остановить храпящих, брызжащих пеной, обезумевших лошадей. В этой дикой скачке он с силой тянул вожжи, и вот правая вожжа оборвалась, лошадей так завернуло влево, что они с разбега ударились лбами в крепкий бревенчатый сарай чужого дома. Лошади тут же пали, а когда Виктор подбежал к ним, были уже мертвы. Зная крутой характер нашего отца, брат бросился бежать и, спрятавшись где-то в чужом доме, неделю дома не появлялся. Соседи приходили к нам и просили отца простить сына: такое несчастье, мол, может случиться с каждым. Когда Виктор вернулся, то сразу же увидел во дворе распятые на торце амбара лошадиные шкуры. Он подошел к ним и виновато погладил. Вот тогда мы, младшие, в первый раз увидели, как наш старший брат плачет...

Без сомнения, на долю старших детей выпало нелегкое время — переезд на Алтай, обустройство на новом месте, голод войны, революция. Мне же, родившемуся в 1919 году, относительно повезло: семья уже почти десять лет жила на новом месте. Но все равно, и я успел хлебнуть немало лиха... С малых лет нас брали на работы в поле. Иногда отец отдавал нас в помощь тем соседям, у кого не было маленьких детей, чтобы погонять в поле лошадей. А соседи, в свою очередь, помогали нашей семье

в других работах. Такая «кооперация» всегда существовала на селе. Это была обычная крестьянская взаимовыручка. Удел мальчишек был — верховая езда на лошадях, а девочек — нянчить малышей, когда их родители в поле. Редко какая семья обходилась без такой взаимовыручки. Так меня семи-девятилетним мальчиком брали наши соседи на время полевых работ в качестве погоньша. Вставать по утрам приходилось с восходом солнца, ложиться спать — с наступлением темноты. А в разгар лета на Алтае она наступает около полуночи. Летняя ночь мне тогда казалась мгновением. Я не мог представить, что когда-либо удастся вволю выспаться. С утра до ночи, сидя верхом на лошади, боронишь или пашешь — и всемотришь и удивляешься: почему так медленно солнце идет к закату?

Хозяева мои сами работали «до шести лап», и меня заставляли не отставать... Объясню, что это такое. Ранним утром, когда солнце только встает, от любого из нас тянется по земле длинная тень, а потом солнце поднимается все выше и выше, а тень делается все короче. Часов тогда не было. Время обеда и послеобеденного отдыха наступало, когда тень твоя укорачивалась до шести твоих же ступней. С какой надеждой я начинал поближе к полудню одну за другой их отсчитывать! С какой радостью объявлял, наконец, старшим: «Шесть!» Отдыхать полагалось тоже «до шести лап». Как только солнце пересечет зенит и начнет огибать тебя уже с другой стороны, отмеривай опять свои шесть ступней — и с Богом! Жара к тому времени в разгаре, и слепни кажутся еще злее...

Сколько наивных и пылких дум пронеслось в несмышленной детской голове за это томительное время. Сколько песен споешь от восхода до заката! А поешь для того, чтобы не уснуть и не свалиться с лошади. Но и песни иногда не помогали: был я дважды под бороной. К счастью, лошади, радуясь возможности отдохнуть, тут же останавливались и начинали заниматься одним-единственным делом — отмахиваться от назойливых слепней и всякой мошкеры. Иногда пахарь, идя за плугом и видя, что погоньш начал «клевать», хорошенько подбадривал его кнутом. Были и обиды, были и слезы... Зато сколько было радости по окончании сезона работ в поле вернуться домой! Сверстники смотрели с затаенной завистью: им казалось, что ты уже на голову выше их и умудрен каким-то особым житейским опытом. Да и ты держишь себя с достоинством: «Я-де, мол, знаю, с каким трудом достается хлеб!»

Может потому, что так много песен было спето мной в те долгие дни утомительных полевых работ, но с той поры и по сей день я, по существу, все песни пою на один мотив. Видимо, и природа обделила меня — му-

зыкальный слух совершенно отсутствует. Как говорят медведь на ухо наступил!

Однажды, будучи уже отцом семейства, я услышал удивительное пение итальянского мальчика Робертино Лоретти и сказал своим дочерям: «Слышите, как хорошо у людей поют дети!» На что они, с полным, как понимаю, основанием ответили: «В кого бы нам родиться, чтобы так петь?» Тонкий намек, как говорится... Но все равно: оставаясь наедине, я частенько напеваю что-нибудь из старинных русских песен. И очень люблю их, особенно в исполнении хорошего народного хора или певцов, поющих «в живую», без фонограммы... И для меня всегда сущий праздник, когда слышу записи песен удивительной, истинно народной русской певицы Лидии Руслановой.

Вспоминая детство, не могу не рассказать, как ездили мы в ночное. Обычно парни постарше заранее сговаривались пасти ночью лошадей в определенных местах в степи. Они собирались группами по пять-шесть человек и намечали, в какой день и когда поедут. Иногда брали и меня, совсем еще ребенка, в свою «взрослую» компанию. Сверстники завидовали мне — каждый хотел бы побывать ночью в степи, послушать захватывающие дух рассказы, от которых порой не уснешь до утра. Обычно дело обстояло так. Пригнав табун в условленное место, путали и треножили лошадей, оставляя их посреди раздолья сочных трав — под крупными и яркими звездами. Сами же разводили костер и, собравшись вокруг него, с жаром обсуждали сельские новости, пели песни и рассказывали «ужасные» истории. А когда наступала пора появиться на сельских посиделках, старшие ребята садились по двое на лошадь и мчались в Курью. Мне же перед отъездом давали добрый совет: поскорее уснуть...

Легко сказать: «Уснуть»!.. В такой ситуации вряд ли кто-то захочет спать: как только стихал топот копыт, тебя охватывал жуткий страх... То слышишь, как воют волки; то какие-то тени неслышно движутся в твою сторону; то вдруг почувствуешь, что под твою самодельную «постель» ползет огромная змея; то почудится — леший дико вскрикнул! И так, в судорогах страха, прислушиваешься, присматриваешься, оглядываешься и успокаиваешь себя только одним: мыслью о скором возвращении ребят... И вот, наконец, далеко за полночь слышишь, как они, весело перекликаясь в степи, скачут к почти угасшему костру, и тебе уже совсем не страшно и даже не хочется спать. На душе у тебя не то, что радостное облегчение — самое настоящее счастье. И сам себе уже кажешься настоящим героем: один на один с ночными страхами выстоял! Но никогда

и никому не расскажешь правды о своих ночных видениях... Друзья же еще долго шепчутся, и лишь к утру их одолевает крепкий сон. Ночные похождения, конечно же, скрывались от родителей, хотя те наверняка обо всем догадывались.

В детские годы каждый ребенок подражает старшим, не особенно понимая — хорошо это или плохо? В долгие зимние вечера, когда за окнами завывала буря, к отцу приходили односельчане — такие же, как и он, отцы семейств. Их неспешные беседы — воспоминания о прошлом, мечты о будущем — длились порой чуть не до рассвета. Мы же, ребята, лежа на полотах, иногда вслушивались в их тихие разговоры. Если и не все могли расслышать или понять, то не беда! Мы, как замороженные, просто смотрели на них, могучих сибирских мужиков, и жадно ловили, впитывали в себя что-то необычное в их привычках, движениях, жестах, в их манере общения друг с другом.

Часто захаживал наш сосед — большой, широкий мужик с неспешными движениями. С затаенной завистью я внимательно наблюдал за ним. Особенно нравилась мне его манера закуривать папиросу. Делал он это необычным образом, совершенно не так, как остальные сельские мужики. Достав кисет, он зажимал его между пальцами левой руки. В этой же руке держал и клочок газетной бумаги, а правой неспешно и с чувством доставал из кисета щепотку табаку. Свернув папиросу, брал ее краем рта. Медленно доставал из кармана спичку. А затем закидывал левую ногу на колено правой и резким движением руки зажигал спичку о подошву сапога!.. Этот заключительный момент и приводил меня в полный восторг. Детское воображение рисовало картину, что это уже не он, а я так ловко умею прикуривать, вызывая общее уважение окружающих! Ох, как я мечтал поскорее стать взрослым! Курить!.. И делать это непременно, как сосед! Но так долго ждать я не мог...

И однажды, в кругу сверстников, я попытался все это повторить. Держа в зубах наполненную какими-то листьями папиросу, я, с такой же важностью, как сосед, достал спичку и начал... безуспешно чиркать по подошве своего сапожка. И надо же случиться такому конфузу — в этот самый интересный и ответственный момент моего «курения» я увидел своего старшего брата! Он крепко взял меня за ухо и повел к отцу для объяснений. Понимая всю плачевность своего положения, я не мог понять одного — откуда взялся в нашем «тайном» месте мой брат? Как он смог незаметно для нас подойти и подсмотреть? Последовавшее отцовское «разъяснение» достигло своей воспитательной цели: став взрослым, я никогда

не курил. Даже в войну в кругу своего танкового экипажа, когда в перерывах между боями курили все, у меня не возникало желания закурить. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Сейчас я с благодарностью вспоминаю своего отца Тимофея Александровича, давшего нам первые жизненные наставления. Мы всегда его звали по-деревенски ласково — тятя. И хотя он не был с нами, детьми, таким же ласковым, как мама, но его строгость и требовательность сформировали в нас не самые плохие качества. Главные из которых — любовь к любому делу, за которое взялся, настойчивость и упорство. Каждый из нас в той или иной мере обладал этими качествами, применяя их впоследствии в самых различных сферах деятельности.

Семья, безусловно, была для нас той средой, в которой мы росли. Многодетная семья, в которой живут по три-четыре поколения, всегда отличается воспитанием детей. Тут и стар, и мал знают свои обязанности, и контроль за их выполнением всегда неусыпный — сколько старших есть над тобой, всех и слушайся!.. Это было не тиранство, а строгие правила жизни крестьянской семьи, ее устои. Да и православная религия всех тогда держала «в узде». Наши родители и бабушка с дедушкой были истинными христианами: в семье было принято молиться дома и ходить в храм. Мы не смели сесть за стол и начать есть без благодарственной молитвы.

В нашем доме газеты, журналы и книги были всегда. Отец был грамотным человеком по меркам того времени — он закончил два-три класса школы и любил читать, если выдавалось свободное время. Мама, хотя и была безграмотной, очень любила слушать, когда кто-нибудь читал вслух.

Хорошо помню, как мы коротали долгие вечера в осеннюю непогоду, либо в метель, зимой. Когда ветер бьется в оконное стекло, стучит мелким дождичком-мжичкой, либо мокрым снежком... Или когда начинается затяжная сибирская вьюга — «хурта», и вольный степной буран так ударяет в стены, что, кажется, он оторвет дверь и ворвется в избу. Жди, что завтрашним утром не сразу откроешь эту дверь — так она окажется завалена выпавшим за ночь снегом... Поскрипывает сухое дерево на чердаке: неужели там и правда кто-то ходит? Но нам совсем не страшно! Ярко горит керосиновая лампа, и еще ярче пылает русская печь. Жаркие отблески вырываются из щелей чугунной дверцы и мечутся по стенам. Ужин давно позади, и теперь все заняты своими обычными вечерними делами.

Дед и бабушка легли отдыхать, утомившись за день. Отец за столом как всегда что-то чинит, ремонтирует, негромко постукивая то кухонным

ножом, то стамеской, то молоточком. К деревянному стояку рядом с мамой прилажен большой пук овечьей шерсти — кудель. Она перебирает ее пальцами, тербит чесалкой — готовит под пряжу, а сестры рядом сучат ее, учатся прясть на веретене. Потом Гаша переходит поближе к лампе и принимается что-нибудь вязать. Брат Виктор сидит под лампой с книжкой в руках и нараспев, с «выражением» — только такую декламацию и одобряет отец — читает нам то о «несжатой полоске», то о том, как семеро мужиков «сошлись и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?»

Пожалуй, для Виктора это было больше обязанностью, нежели его горячим желанием: иногда он словно о чем-то задумывался, спотыкался на слове, и становилось вдруг тихо-тихо... Тут уже Гаша подхватывала стих, продолжала его наизусть, а отец приподнимал ладонь, предупреждая Виктора: мол, теперь помолчи. Не мешай теперь! Сестричка Гаша, терпеливая работяжка и умница!.. Последний раз мы виделись с ней в 1993 году, когда ей уже исполнилось восемьдесят восемь. Совсем «обезножела», как она говорила, — ходила с трудом. Но как она оживала, когда начинала вдруг припоминать те самые стихи Некрасова, которые подхватывала тогда, три четверти века назад. Тогда, когда наша большая семья была еще вместе... Опершись на свою клюку, она вставала и читала с такую радостью в голосе и так долго, что мои дочь и внук невольно устраивались поудобней: баба Гаша наверняка еще долго будет «рассказывать»...

А тогда, метельными вечерами, когда Гаша останавливалась, отец потихоньку запевал... Чуть выжидала и присоединялась к нему мама, начиная рукой приглашать остальных, и все один за одним выступали — кроме меня... Как они пели, какие песни! И «Славное море, священный Байкал», и «Ревела буря, гром гремел», и «Бежал бродяга с Сахалина»... И песню, которая почему-то тревожила меня больше остальных: «Скакал казак через долину, через кавказские края». У меня от нее начинало щемить душу — как у взрослого. От того, наверно, что упоминались те самые «кавказские края», откуда родом была наша семья.

А это всегда меня волновало. С детства я слышал разговоры о том, какие же это теплые и благодатные места! Там растут удивительные сады, в которых созревают очень вкусные фрукты — «хрукта»: яблоки и «баргамоты», абрикосы и «гранклет». Это все звучало как сказка! И когда я был маленьким, часто спрашивал родителей, зачем же они сюда приехали? Ведь на Алтае нет таких вкусных плодов! Но они, добродушно посмеиваясь, отвечали примерно одно и то же: мол, «хрукта» для человека

не главное, это так — одно баловство. Основное же для каждого человека на земле — это хлебушек. «Хлебушка» — как они говорили. Потому и пришли они сюда — на земли хлебные. Здесь ведь «на деревьях растут булки»... После таких объяснений, не понимая, что про «булки» родители просто шутят, я начал приглядываться к деревьям — все искал, где же растут эти самые булки?..

Загадочные кавказские фрукты: яблоки, груши, абрикосы и сливы я попробовал, приехав на Кавказ через много лет. И был очень удивлен, узнав, что «гранклет» — это необычайно крупная слива сорта ренклюд, а «баргамоты» — это бергамот, большая сладкая груша... Конечно, что такое — яблоки и абрикосы, я узнал еще в школьном возрасте, учась в Курье.

Годы учения в нашей сельской школе на всю жизнь оставили след в моей памяти. Я тогда открыл для себя много интересного, многому научился. В школу я пошел, умея уже и читать, и писать. Это, видимо, еще одно преимущество многодетных семей: либо тебя научат старшие, либо исхитришься и сам выучишься, стараясь не отставать от них.

Первую мою учительницу звали Зинаида Ивановна. Каждый из нас видел в ней свою вторую маму, каждый мечтал заслужить ее похвалу. Она же с большим терпением и добротой учила нас, таких разных по своему физическому и умственному развитию, деревенских ребятишек. Любовь к крестьянскому труду, большая самостоятельность, помощь старшим были неотъемлемой частью нашего школьного воспитания. Зинаида Ивановна часто навещала нас дома, стараясь узнать, в каких условиях живут ее ученики, как они занимаются, чем увлекаются, с кем дружат. Разговаривая с нашими родителями, она ненавязчиво и осторожно делала им замечания, давала советы — она любила своих учеников и хотела их видеть умными и добрыми. Трудно было сказать, кто больше любил Зинаиду Ивановну: мы, ее ученики, или наши родители. Ее авторитет был безусловным. Нередко родители говорили своему провинившемуся ребенку: «Смотри, вот расскажу об этом Зинаиде Ивановне!..» И уже одного этого было достаточно, чтобы тот все понял.

Интересные походы с множеством развлекательных игр устраивала наша учительница с целью привить нам доброе и уважительное отношение друг к другу. В тех походах девочкам, как правило, она давала более легкие задания, чем нам, мальчишкам. Но от всех требовала их исполнения с особой аккуратностью. В зимнее время, на переменах между уроками, Зинаида Ивановна водила вместе с нами хороводы. Дети брались

за руки, образуя два круга: один большой — наружный, а внутри него — меньший круг. Большой круг ходил по часовой стрелке, маленький — против. Большой круг при этом пел: «А мы просо сеяли, сеяли...», а малый отвечал: «А мы просо вытопчем, вытопчем...». Играли мы на переменах и в другие детские игры. И всегда наша учительница была с нами.

Была у меня и первая детская любовь: красивая девочка из нашего класса, тоже Зина. Хорошо воспитанная, внимательная, умная и всегда с образцовыми тетрадками. Чего скрывать: в то время мне очень хотелось быть похожим на нее! И я старался...

В нашей школе был тогда «брошен клич»: «Каждый ученик должен взяться за научное выращивание животных». И когда я узнал, что Зина выращивает — по науке! — теленка, тут же заявил своим родителям, что, как только появится теленок у нашей коровы, я сам начну его выкармливать. Мне повезло, и вскоре я уже стоял, счастливый, перед Зинаидой Ивановной, которая записывала мне в тетрадь рацион кормления новорожденного теленка на ближайшие две недели. Как будущему воспитателю, родители разрешили мне самому назвать своего питомца. Я назвал его Красавцем. Он действительно оправдывал эту кличку: весь черный, с красивой белой отметиной на лбу и с умными ласковыми глазами. Так я включился в соревнование «У кого лучше питомец?».

Зинаида Ивановна часто проверяла, не нарушаем ли мы нормы кормления и ее «рекомендации по научному выращиванию молодняка». И вот однажды она появилась в нашем доме со словами: «Я не одна, с помощницей». Как же я был удивлен и обрадован, увидев рядом с Зинаидой Ивановной свою подружку. Зина стояла раскрасневшаяся от зимнего мороза, а быть может, от смущения и старалась напустить на себя важный вид. Она только один раз, словно невзначай, взглянула на меня. При этом меня охватило такое волнение, что я уже не мог собраться с мыслями и спокойно рассказывать о своих успехах. Мама все поняла и выручила меня: сама познакомила наших гостей с моим питомцем. Зинаида Ивановна задавала вопросы, мама отвечала. Мы же с Зиной, очень смущенные, все это время молчали. Девочка с подчеркнутым интересом разглядывала Красавца, ни разу не посмотрев в мою сторону.

Перед уходом Зинаида Ивановна похвалила меня, и тихо поглаживая Красавца по спине, пожелала дальнейших успехов. А Зина, обращаясь к маме, тихо произнесла: «Хорошего вы вырастили... теленочка!» Я же, не расслышав последнего слова, решил, что Зина сказала: «сыночка». И это прозвучало для меня, как объяснение в любви — я покраснел и по-

терял дар речи окончательно... Поняв мое смущение, мама обняла Зину и, глядя на меня, сказала: «Это все он, наш Миша!» Вскоре, распрощавшись, наши гости ушли. А я потихоньку, чтобы никто не заметил, подошел к окну и долго смотрел им вслед...

Внезапно оборвалась наша детская дружба... Однажды в конце лета, когда я возвратился с полевых работ, моя мама как бы невзначай сказала, что Зина вместе с родителями уехала жить в другое село... Я знал, что мама сказала правду, но не хотел верить этому! Найдя предлог, чтобы уйти из дома, я побежал туда, где жила Зина. Подойдя к ее дому, я замедлил шаг и с надеждой посмотрел на окна: вдруг передумали, не уехали? Вдруг я снова увижу свою подругу, ее улыбающееся лицо, ее русые волосы, заплетенные в тугие косы и украшенные красивыми голубыми бантами? Но ничего этого не случилось. В приоткрытые ворота был виден опустевший двор да следы поспешных сборов — валяющиеся ведра, какие-то мешки, рассыпанное зерно... Сердце мое зашло в печали — я ведь даже не простился с девочкой, которая мне очень нравилась и которая была мне другом. Увидимся ли мы с ней когда-нибудь?

Позже в их дом заселились другие люди, неизвестно откуда приехавшие в село. Узнав об этом, я понял, что Зина уехала навсегда. С той поры я начал обходить ее дом стороной — мне почему-то казалось, что в нем царит мрак и нет больше жизни вскоре после этого, очень печального для меня события, по селу пошел слух, что семью Зины раскулачили и выслали в дикие таежные места Сибири...

Первое испытание: ссылка

Тридцатые годы двадцатого столетия для российского крестьянства были отмечены особо печальными событиями. Под лозунгом «активной всеобщей коллективизации» начались ужасные беззакония. Крестьянские семьи, имевшие более-менее продуктивное хозяйство, признавались «зажиточными», «кулацкими» и без особого суда и следствия, простым голосованием бедноты (а, зачастую, просто лентяев и бездельников) высылались в северные районы Сибири. Имущество высланных крестьян подлежало полной конфискации...

В эти же годы происходило повсеместное отрицание веры и попрание Церкви. Даже в далеком алтайском селе Курья организовался Союз безбожников, в который вошли убежденные атеисты, решившие уничтожить веру в Бога в народе. По всей России начали разрушать Собо-

ры и Храмы. Сейчас-то мы признали это кощунством, пришли к раскаянию, но тогда?.. Тогда, при этих актах вандализма, нередко происходили очень странные и печальные случаи...

Мои старшие сестры вспоминали, как в 1934 году разрушали в Курье красивейший Храм, стоявший в центре села. Уцелевшие фундамент и часть стен напоминают о трагедии, которая произошла более полувека тому назад. Для того, чтобы снять с Храма Кресты, активисты Союза безбожников подъехали на тракторе, зацепили их веревками и повалили на землю. А в это время мимо Храма шла из школы маленькая девочка, второклассница. Так ее этими крестами и убило. Как и почему такое могло случиться? Многие сельчане тогда задавали себе этот вопрос...

Да, страшное было время. Тогда даже в частушках, которые печатались в календаре (численнике, как его тогда называли), чувствовалось невеселое настроение алтайских крестьян:

Сибирь — сторона хлебородная,

Хлеб в Пospелиху свезла —

Сама голодная!

Ох, матушки!

Новый хлеб заколосится —

Шелк оденем вместо ситца...

Ох, батюшки!

Крепко бабушка не ныла,

Революцию бранила...

Ох, матушки!

Вот свобода, так свобода —

Нету хлеба у народа!

Ох, батюшки!

Шел 1930 год. В этот год были раскулачены и высланы из села половина крестьянских семей. Это был поистине трагический год не только для нас...

Своим тяжелым повседневным трудом мои родители наконец-то обеспечили семье относительно сытую жизнь — мы дожили до среднего достатка.

К тому времени у нас произошли большие перемены: сначала, в 1923 году, родители выдали замуж старшую сестру Гашу, через пять лет — Нюру, а в 1929 году женился и старший брат Виктор. Старенькие родители моего отца тихо, один за другим, ушли из жизни.

Мои родители Александра Фроловна и Тимофей Александрович остались с пятью сыновьями. Долгожданные отцовы помощники были еще, как говорится, «мал мала меньше»: старшему сыну Ивану — 15, младшему Николаю — всего 3 года. В школу в то время ходили двое — я и Василий.

Мы, школьники, всегда были в курсе событий, происходящих в селе. А события в Курье для некоторых крестьянских дворов происходили, прямо скажем, катастрофические. Сначала в село начали приезжать «специальные уполномоченные», которые проводили так называемые «собрания бедноты». На этих собраниях составлялись списки по трем категориям крестьянских семей: бедняки, середняки и кулаки. Хозяйства тех, кто попадал в третью категорию, подлежали конфискации, а все члены семьи должны быть высланы в северные районы Сибири. Собрания эти проходили бурно, порою с вечера и до утра. Если вдруг во время спора кто-нибудь начинал возражать против зачисления в третий список тех семей, которым было далеко до «кулаков», то его самого тут же называли «подкулачником». Вот и попробуй тут вступить за соседа...

Сколько же было пролито слез, когда в дома крестьян приходили те, кому было приказано изъять все, что считалось в хозяйстве лишним. Ведь ничего лишнего у мужика не было! Тогда невозможно было себе представить, чтобы кто-то чужой сказал: «Вот это и это у тебя лишнее, оно не должно тебе принадлежать». Но проверяющие забирали все: скот, птицу, хлеб и даже основной продукт крестьянина — картофель. Вся усадьба тщательно проверялась: не припрятал ли чего-либо хитрый хозяин, не закопал ли в землю?

Нам, детям, было известно, чьи родители рьяно выступали за лишение гражданских прав и за высылку тех, у кого на подворье более двух лошадей или другой животины. В школе началась смута и разобщенность, ученики также разделились на бедных и богатых. И пошли взаимные упреки и оскорбления, которые часто заканчивались крепкими потасовками. Обзывались словами, которые только что стали входить в обиход: кулак, подкулачник, богатей, захребетник. В потасовках, как правило, всегда обвиняли «захребетников», хотя они и не нападали первыми — они защищались. А велика ли была разница между теми «бедными» и «богатыми»? Богатые, как правило, имели большие семьи, а потому и держали больше скота, птицы и другой живности. Так что, попробуй разберись!

В один из зимних дней мы пришли в школу и нам объявили, что этой ночью четверо наших учеников вместе с родителями были увезены

на железнодорожную станцию в Поспелиху для последующей отправки на север Сибири. Это был первый случай, и учительница по секрету нам сказала, что ночной плач высылаемых был слышен на все село. Эта новость подействовала на нас настолько угнетающе, что мы весь день чувствовали себя, как будто виноватыми перед теми, кто сейчас был в неизвестном пути.

Но закончился очередной учебный год, и началась привычная крестьянская подготовка к весенним работам в поле. Готовясь к сезонным работам, крестьянские семьи заранее договаривались о взаимопомощи: кто кому и как будет помогать. Родители снова определили меня к соседям в погониши. Когда сговаривались, я слышал, как сосед похвалил меня за работу в прошлом сезоне, сказав, что я умело обращался с лошадьми и что те меня слушались. Конечно, моему отцу приятно было это услышать. Да и мне тоже... Итак, в этом году я опять должен работать вместе с нашими соседями, проводя все дни на чужом поле. Только тот, кто сам бывал на сельских работах в поле, может понять, насколько это тяжелый и изнурительный труд.

Прошло три-четыре месяца с той поры, как из села была выслана первая партия крестьянских семей. Родственники стали получать письма от тех, кто уже определился на новом месте жительства. Невозможно было без слез читать эти письма с подробностями о тех испытаниях и несчастьях, которые выпали на долю первых переселенцев: абсолютное бездорожье, грубость начальников и конвоиров, болезни, недружелюбное отношение жителей глухих сибирских селений. Хотя, последних тоже можно понять: их сильно настораживало неожиданное соседство с измученными голодом и горем людьми.

В конце лета, перед самым началом учебного года, произошло событие, потрясшее меня до глубины души — из Курьи выслали еще несколько семей, в том числе и семью моей подруги Зины. Так, можно сказать, трагически закончилось мое первое детское увлечение. В школьных классах между учениками вновь и вновь вспыхивали ссоры и драки. Трудно было понять, кто их затевает между бывшими закадычными дружками, между верными подружками и кто во всем виноват? Но дети были тем чутким барометром, который предвещал бурю среди взрослых. Вернее, грядущее ненастье над всеми нами!

Поздней осенью в Курью вновь прибыли специальные уполномоченные для организации очередного этапа раскулачивания и подготовки следующей партии семей для высылки в глухие таежные края. На этот раз

и наша семья оказалась в черном списке, подпав под эту самую «ликвидацию кулачества как класса».

Наш отец, хорошо зная, какие неприятности могли начаться из-за стычек между детьми, сразу же собрал нас пятерых. «Если кто из вас начнет свору с детишками бедняков, — сказал грозно, — тут же оторву голову!» Мы хорошо знали, что наш отец не шутит — «неслухам» уже не раз пришлось испытать его крутой нрав.

В один из первых зимних дней в наш большой крытый двор согнали множество коров и овец, отобранных у тех крестьян, кто подлежал высылке. Высылке туда, «куда Макар телят не гонял», как говорят...

Все силы отец вкладывал в наше хозяйство. Он все собирался поставить новый большой дом. А теперь вот наш старый прямо-таки дрожал от разноголосого мычания, визга, блеянья. От этого ужаса нельзя было укрыться даже в доме. Через окно нам было видно, как коровы с телятами, свиньи, овечки, словно предчувствуя свою гибель, носятся по кругу, пытаются найти выход из своего заключения. Огромные бугаи, даже от дальнего рева которых всегда замирало сердце, теперь сотрясали двор своим захлебным хрипом, угрожающими раскатами своих тяжелых голосов и били передними копытами так, что густые комья мерзлой земли стучали по амбару, по стенам стаек, летели через ограду.

Неожиданно в наш двор вошли несколько дюжих мужиков с топорами и ножами в руках. И вот я впервые увидел, как одним ударом топора безжалостно убивают такого огромного и, казалось, непобедимого быка. После удара бык мгновенно припадал на передние ноги или сразу валился на бок, а в это время второй мужик быстро перерезал ему горло. Бык, как бы опомнившись от удара, пытается встать, но уже поздно, кровь бьет фонтаном из горла, хлещет по сторонам. Началась разделка туш коров и овец...

Внутренности выбрасывались за ограду, и там образовалась большая куча, в которой копошились не успевшие родиться живые телята и ягнята. Зрелище было жуткое. А перепачканные кровью мужики, убивая очередную стельную корову, хладнокровно похохатывали: «Вот, избавляем хозяев от лишних хлопот... детишек освобождаем, а то придумали тут: научное выращиванье». Думаю, что так могли говорить только отцы тех наших однокашников, кому нечего было дома выращивать... Последними забили наших коров и порезали наших овечек, а их шкуры повесили рядом с остальными на перекладинах во дворе. После того, как все туши и шкуры увезли, двор наш представлял страшное зрелище, и отец велел

всем нам взять лопаты и засыпать снегом кровавые разливы. Но кругом все так сильно вытоптали и забрызгали, что нам пришлось несколько раз повторить засыпку — носить снег с огорода во двор, а затем убирать его, перебрасывая через забор во двор к соседям, которых уже до этого «раскулачили». После такого погрома наступило время тревожного ожидания — несколько дней непривычно тихой жизни, когда в нашем дворе не раздавалось ни громкого слова, ни даже петушиного крика...

Родители готовились к предстоящим трудностям, собирая немалый скорб. На нас, пятерых ребят, одной одежды сколько надо взять!.. Слава Богу, что хоть старшие дети живут отдельно! Одна надежда, что теперь-то их с нами не вышлют... У старшей, Гаши, росли два сына: старшему было 3 года, младшему — год. Ее муж Николай Овчинников был вроде бы неплохой мужик, работающий, но из убежденных активистов нового времени. Он был первым коммунистом на селе и первым «безбожником» (возглавлял Союз безбожников в Курье). Родственников жены он всегда не любил «за нашу кулацкую сущность». И хотя знал, как трудно жила наша большая семья, никогда не пытался помочь. Он не заступился за нас даже тогда, когда узнал, что отец числится в списках на выселение. Он лишь настрого запретил жене бывать у нас в доме после этого. Что ж, муж есть муж, глава семьи, что с ним поделаешь? Мы тоже стали обходить их дом стороной.

Когда в 1928 году наша тихая и ласковая Нянька-Нюра вышла замуж за бедного парня Егора Чупрынина, мой отец пытался помочь им, как мог. Он всегда неплохо относился к зятю. В ответ на это и Егор всегда разрешал своей жене приходить в родительский дом и помогать маме по хозяйству: нянчиться с нами, ребяташками. Ведь в то время младшему нашему брату Николаю было всего 2 года. Жили молодые в старом маленьком доме с родителями Егора. Поэтому и отец, и мама очень хотели, чтобы после нашей высылки они перешли жить в наш дом. Но Anne с Егором даже взять ничего не позволили из нашего хозяйства, не то, чтобы обосноваться в нашем семейном доме. Так и остались они в плохоньком домике Егора, а наш дом после нашего отъезда был разграблен, разломан, сожжен... До самого выселения мы продолжали ходить в школу, хотя с трудом могли сдерживать свои эмоции. Обидеть нас было очень легко.

Помню, как-то раз, возвращаясь из школы, я услышал оскорбительные слова в свой адрес из подворотни одной покосившейся избы: меня даже не дразнили, а просто издевались надо мной. Как же захотелось мне в ответ дать обидчику по морде... Но я вспомнил слова отца, а он их

на ветер не бросал. Слезы брызнули из моих глаз, и я скорее побежал от чужого двора, чтобы этот заморыш, который не только не работал — к лошади-то боялся подойти, не увидел, что я плачу. Таким же был и отец у него — и наши, и соседи про него говорили: боится тележного скрипа. А вот из подворотни обидное выкрикивать — это они запросто!..

После нескольких дней напряженного затишья к нашему дому подъехали две упряжки саней, набитых соломой. Настал день нашего отъезда в неизвестность. Погрузили все, что можно было взять с собой, торопливо уселись, кто как мог, и чужие сани повезли нас от родного дома. Громкий плач матери и крик Нюры, бежавшей вслед за удаляющимися санями, вызвал слезы и на наших ребячьих глазах. Отец только глухо повторял: «Ну, хватит, довольно».

Мой старший брат Виктор, спрятавшись где-то в чужом доме, уклонился от высылки: он женился всего несколько месяцев назад и у него только что родился сын. Милиция тщетно пыталась его найти, и мы оказались в пути без нашего «братки». И только несколько лет спустя мы узнали о том, что через несколько недель после нашей высылки один «добрый человек» указал милиционерам дом, где скрывался Виктор. Его тут же арестовали и судили как члена «кулацкой семьи», определив ему меру наказания: три года работы на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Но он там был семь долгих лет — мой брат не мог смириться с незаслуженным наказанием и три раза пытался бежать. Но — безуспешно. И после каждого побега ему добавляли еще по одному году. Когда же он отработал на строительстве канала все шесть лет, ему сообщили, что он будет освобожден. Оставалось оформить все бумаги по освобождению, и можно возвращаться в родные края, к молодой жене и сыну. Но Виктор в комендатуре вдруг задал вопрос: «Скажите, за что же я был осужден на эти работы?» Ответ последовал такой: «Так ты не знаешь, за что?.. Тогда еще один год принудительных работ!» Когда же через год ему вновь объявили, что он свободен, Виктор не стал больше задавать вопросов...

Большой караван ссыльных из нашего района с невеселыми приключениями, с воем женщин и с плачем детей прибыл, наконец, на железнодорожную станцию Поспелиха. Здесь нас ждал железнодорожный состав из так называемых телячьих вагонов. Нам, ребятам, сперва показалось: какие прекрасные это вагоны! Мы ведь других не видели... Началась погрузка. С нами в один вагон разместили семью из соседнего села. Наши родители были знакомы, но мы, ребята, смотрели друг на друга как на чужестранцев. Тяжелые двери вагона были постоянно закрыты, и нам

не разрешалось выходить из вагона без разрешения коменданта, который сопровождал состав. Свет в вагон проникал через щели в дверях и через крошечное оконце.

Когда поезд тронулся, наши родители в углу вагона устроили туалет, поставив там большое железное ведро и отгородив его какими-то одеялами. Пользоваться таким туалетом помогала только темнота в вагоне да сильный стук колес. Выливать содержимое ведра разрешалось лишь на остановках поезда, когда открывалась, вернее, отодвигалась, дверь. Наши отцы приспособились производить эту операцию и на ходу поезда, чтобы в закрытом вагоне, где постоянно топилась чугунная печка, не застаивался и без того тяжелый воздух. Вот и последняя остановка — железнодорожная станция Тайга. Началась поспешная высадка из вагонов и погрузка багажа в подъехавшие сани. Всем взрослым было велено идти вслед за багажом в один из барачков, где мы должны ждать, когда придут подводы для дальнейшего пути. Бараки были бревенчатые. Внутри — четырехъярусные полаты. Мы, дети, конечно же, сразу облюбовали себе четвертый ярус — под потолком. Родители расположились внизу.

Через два дня подводы за нами пришли. Нас снабдили в дорогу кое-какими продуктами, и после этого длинная вереница крестьянских разномастных подвод — саней, управляемых бородатыми мужиками, двинулась в неизвестный нам Бакчарский район. И где он, этот Бакчар?.. Какой он? «Государственная тайна», — коротко отвечали нам. Долог и труден был тот путь. По едва пробивающемуся из-за тяжелых серых облаков солнцу можно было понять, что нас везут на северо-запад. Когда вечером мы проезжали мимо какого-то большого населенного пункта, один из охранников сказал, что это — город Томск, а наш пункт — за 210 километров от него. И добавил: «Скажите спасибо, что уже ударили морозы и едем по замерзшим болотам. Летом этот же путь был бы в три раза длиннее...» За день мы проезжали не более сорока километров: дорог почти не было, да и зимние дни коротки. Часть пути даже мы, дети, шли пешком: иногда по команде охранников, иногда добровольно — чтобы согреться.

Но вот и Бакчар... Мужики, намучившись с нами за долгую дорогу, поспешно сбросили с подводы наш нехитрый багаж прямо в глубокий снег — все, мол, хватит, приехали!.. Сопровождавший нас милиционер (с револьвером на боку) передал наш списочный состав местному коменданту — тому, в чье распоряжение мы прибыли. Это уже его задача — распределить нас по конкретным лесным поселкам. Ссылные начали просить — кого с кем вместе поселить, а куда — это уже не важно. И тут

я услышал, как один из прибывших обратился к коменданту со словами «товарищ комендант», а тот даже не дал ему высказать просьбу. Громко, чтобы слышали все ссыльные, он заявил: «Товарищ вам — в брянском лесу волк, а я для вас — гражданин начальник. Запомните это раз и навсегда и обращайтесь ко мне только так». Кто-то не вытерпев, тихонько, будто жалобно, сказал: «Так ведь оно было проще: товарищ, и все тут...» Комендант, поправив кобуру револьвера, назидательно проговорил: «Того, что было, теперь у вас нету! Теперь я для вас только «гражданин комендант!» Своим детским умом я еще долго не мог понять — в чем же разница между «товарищем» и «гражданином»? И хотя впоследствии я вновь и вновь слышал на собраниях односельчан назидательные повторения этих громких слов, но так и не понял ничего. Просто постепенно привыкал к тому, что я — «гражданин»...

По разнарядке коменданта наша семья попала в группу, направляющуюся в поселок Верхняя Моховая. И снова наши сани тронулись в путь. Слава богу, добрались живыми и здоровыми до Верхней Моховой. А там, после непродолжительного отдыха, нас ждала следующая разнарядка — по ухабистым дорогам повезли нас в Нижнюю Моховую. Надо сказать, что это не были строго охраняемые зоны, это были обычные небольшие деревушки, в которых жили и местные жители, и спецпереселенцы. Последним было предписано требование администрации: главе семьи регулярно отмечаться в милиции и отчитываться. И только в 1936 году новая Конституция СССР возвратила всем высланным гражданские права.

В Нижней Моховой нам предоставили жилье в пустующем доме: обживайте и обустраивайте все по своему усмотрению. Соседями нашими оказались старообрядцы-кержаки. К нашему появлению они отнеслись не очень-то дружелюбно. Да и кому понравится такая полунищяя ватага? Ведь в нашей семье пятеро детей — мальчишек!.. Люди обстоятельные, кержаки, конечно, опасались: не станем ли мы летом опустошать их огороды? Но опасения эти оказались напрасными. Отец строго предупредил каждого из нас, чтобы мы были хорошим примером не только для местных жителей, но и для ссыльных во всей округе. Вот с такими отцовскими напутствиями мы с Василием и пошли учиться в новую, недавно организованную в селе начальную школу.

Наша семья только-только начала создавать новое хозяйство в Нижней Моховой, как на нее обрушилось страшное горе — мой отец Тимофей Александрович тяжело заболел чахоткой и в конце декабря умер, так и не успев обустроить семью на новом месте. Отец всегда был для нас

примером. Он старался дать нам основное — воспитать в нас жизненную потребность в труде. «Не бойся руки спачкать, не бойся, — как будто до сих пор слышу его насмешливый голос. — В черных руках — белая копейка!» Должна быть. Так он ждал ее ради нас всех. Так надсаживался! «Надсажался», — причитала сломленная безмерным страданием, достигшим ее в чужом краю, наша мама. Зима в том году была, как говорили, на редкость морозная и снежная.

Отец умирал в сильную метель, а умер — она завывала еще пуще. Из дома не то, что выйти нельзя — носа не высунуть. Поэтому похоронить отца мы не могли, и он еще несколько дней был вместе с нами, только рядом, в холодной комнате. Как же хорошо нам бывало в такую погоду раньше, как счастливо мы, выходит, жили в Курье! Топилась жаркая печка, мама чесала шерсть, сестры вязали, братья что-нибудь мастерили, и кто-то один читал из книжки стихи, а потом отец начинал вдруг петь... Дрожа от холода, подходил я теперь к двери в холодную комнату, где он лежал, долго-долго прислушивался, и мне все казалось, что вот-вот послышится его уверенный густой голос. Но нет... Не славил он «священный Байкал», и бродяга не бежал звериной узкой тропой, и казак не скакал через долину, через дальние-дальние «кавказские края»... Только гуляла злая метель вокруг нашей избы, да буря, казалось, была готова сорвать берестяную крышу. Я стоял около двери так долго, что мама пришла и сказала: «Что ты делаешь? У тебя слезы замерзли». Когда утихла метель, то лошадь не смогла идти, снег был ей выше ноздрей, и гроб отца поставили на тяжелые охотничьи лыжи. Мы проваливались с головой, когда шли на кладбище, плакали в снегу в разных ямках, а потом тащили друг дружку и шли дальше.

Так наша мама осталась одна с пятью мальчиками на руках: Ивану было 16 лет, Андрею — 14, мне — 11 лет, Васе — 10, а Николаю — 4 года. Мы лишились отца, мама — мужа, а вся наша семья — защитника и кормильца. Несчастья валились на нас одно за другим: и голод, и холод, и детские болезни. Дом опустел без хозяина, и трудно было представить, как мы будем жить без него? Отец ведь все умел, а мы еще многому у него не научились. Вся надежда была на старших братьев, которым пришлось взвалить на свои мальчишеские плечи все заботы о семье. Один Бог знает, как жили, как выдержали все это...

С наступлением поздней северной весны начали приготовления к полевым работам — ведь надо же хоть что-то где-то посеять! Главными орудиями труда стали теперь топор, пила и лопата. На отдельных полянах

надо было выкорчевать глубоко вросшие в землю пни и вскопать землю, вручную посеять зерно и деревянными граблями всю делянку забороновать. Труд, прямо скажем, адский. К тому же все это усугублялось наличием неисчислимой армии комарья и мошкары, от которой не спасала и надетая на голову специальная сетка — накомарник. На весеннюю работу спецпереселенцы вышли все поголовно: от мальчика, который едва научился ходить, до дряхлого старичка и бессильной старушки. Начиналась борьба за выживание в тех нечеловеческих условиях, в которых оказались ссыльные. Ясное дело, чтобы посеять зерно или посадить овощи, надо было где-то достать семена. А где? Для этой цели стали собирать в хозяйстве все то, без чего можно хоть как-то прожить. И начался бесконечный обмен вещей на те или иные семена, на тот или иной продукт.

Первые годы каждой переселенческой семье бесплатно выдавали для посадки семена ржи или овса и отводили участок для засева площадью в один гектар. Несколько семей объединялись вместе, так чтобы было 2–3 семьи, имеющие лошадь, и 2–3 таких как мы, «безлошадных». Вот так «бригадами» мы начали осваивать новые земли, помогая друг другу выжить... Крестьянин всегда и везде надеется на будущий урожай, можно сказать, живет этой надеждой... Трудно передать словами, как мы надеялись на него тогда, в первый и самый трудный год нашей высылки. Казалось, что от него зависит вся наша жизнь. Работали с отчаянным остервенением, не замечая времени и не жалея сил. Хорошо помню, как в один из осенних дней мы жали серпами созревший ячмень, и я по неопытности сильно порезал палец на левой руке. В деревне все делается просто: взяли пепел от самокрутки и засыпали мой порез. До сих пор виден на пальце шрам: напоминание о тех трудных днях.

Наступила школьная пора и мама снова отправила нас с Васей учиться. В нашей поселковой школе дети учились только до четвертого класса. Поэтому для меня начались трудности с учебой в другом селе — Воронихе, которое было в пятнадцати километрах от Нижней Моховой. Каждый день преодолевать этот путь было невозможно, поэтому меня определили на постой в чужую семью. Домой я ходил только раз в неделю — в воскресенье.

Зимой в хорошую погоду я с удовольствием преодолевал этот путь. А вот весной и осенью, когда надежный зимник окончательно таял или еще не успевал замерзнуть, идти по болотистой местности было сущее мучение. Весь путь приходилось проделывать по бревенчатому настилу. Устают не только ноги, но и глаза. Напряженно следишь за каждым ша-

гом, чтобы не оступиться в болото. К тому же всю дорогу приходилось ветками отмахиваться от болотного гнуса. Бывало, над бревнами столбом висит мошкара, на одном месте вьется — ни обойти, ни объехать. И вот бежишь, отмахиваешься, тычешь кулаком в глаз, чтобы мошку придавить, и без конца балансируешь — то одной рукой, то двумя. Как-то уже солдатом я попал в цирк, и там канатоходец с веером не удержался, упал. А я подумал: если бы он знал, что падает не на арену, а в болото, по которому я ходил в школу, — наверняка бы устоял!

Учиться в воронихинской школе было очень интересно. Там был сильный учительский состав из таких же спецпереселенцев, как и мы. Наши наставники пытались нам дать все, что могли. Можно представить, как трудно им приходилось: все школьники из разных деревень, с их родителями и встретиться-то было невозможно. Обычным явлением для них были тогда и бесконечные школьные проблемы — ни учебников, ни тетрадей, ни вообще хоть какой-нибудь бумаги. Мы исписывали все чистые «островки» в газетах и книгах. Делали тетрадки даже из березовой коры. Берестяные грамотки расшифровывают сейчас ученые в старинном Новгороде, а сколько бы могла рассказать наша воронихинская береста, политая потом, покрытая пятнами чернил и раздавленных комаров-кровососов?! У нас даже появились подобия учебников на коре: помню, как я сам по просьбе учительницы вырезал таблицу умножения для младших классов. Права русская пословица: голь на выдумки хитра!

Поздно кланяться, нет в живых уже многих учеников, не то что учителей, но как хочется поклониться им до земли: примите, дорогие мои, запоздалую благодарность от одного из самых беспокойных ваших учеников! Школа не только давала нам знания, она развивала в нас и творческие задатки, таланты. У меня, к примеру, их было два, каждый из которых находил поддержку моих педагогов: первый — поэзия, второй — техника.

Стихи я начал писать еще в третьем классе. Трудно сказать, сколько всего было написано мною за школьные годы: стихи, дружеские шаржи и даже пьесы, которые исполнялись учениками нашей школы. Блокнот и карандаш были моими постоянными спутниками: днем и ночью. Иногда, вдруг проснувшись в самую глухую пору, я доставал их из-под подушки и в темноте записывал рифмованные строки, которые утром едва мог разобрать. Среди своих друзей я был признанным поэтом, известным на все село. Но, как потом показала жизнь, я не оправдал надежд своих сверстников, неожиданно для всех став «технарем». Хотя любовь к сочинительству я пронес потом через всю жизнь.

Мое второе увлечение — техникой — стало делом всей моей жизни. С детских лет я был одержим тягой к любого рода технике. Постоянно бродил в поисках всяких «железок», набивал ими карманы, не всегда понимая, зачем я это делаю, как буду их использовать? Потом все оказывалось нужным, все пригождалось! Я разбираю и собираю все, что попадалось в руки, и было способно разбираться по деталям. Много, конечно, портил, но кое-что и ремонтировал... Когда мне в руки попадался какой-нибудь неисправный механизм, для меня наступало сокровенное время исследования. Для начала я тащил находку домой и понадежнее припрятывал в свой тайник на чердаке. Улучив момент, я доставал ее, брал в сарае отцовский инструмент и уходил за дом. Там раскручивал, отвинчивал, разбираю: мне было очень интересно узнать, как же эта штука работала и почему не работает сейчас? Чаще всего мне так и не удавалось восстановить механизм, но если такое случалось, я был очень доволен собой и горд — выходил из своего укрытия победителем!

В семье, конечно, знали об этих моих секретных исследованиях. Но сам я «открывал» их лишь в случае успеха. Почему? Мне было стыдно за пустое времяпрепровождение за домом: ведь у всех столько работы по хозяйству и в поле! Но уже тогда я чувствовал, что к механике меня тянет больше, чем к чему-либо другому.

В школьные годы в моей голове «поселилась» идея создания «вечного двигателя». Она-то, наверняка, и определила всю мою дальнейшую судьбу — судьбу конструктора. Поставив себе цель, я уже не мог думать ни о чем другом. Ходил, как одержимый, в поисках нужных деталей. Задиравший когда-то в детстве голову в поисках «готовых булок» на деревьях в окрестных лесах, теперь я, выражаясь современным языком, был похож на ищейку, натасканную на металл, — куда только, в какие только углы ни заглядывал! Братья, друзья — все помогали мне, чем могли, пополняя мой тайник на чердаке. Люди, знавшие меня с детских лет, частенько утверждали, что это врожденная черта, проявившаяся еще в раннем детстве: умение не только убедить в своей правоте, но и заразить «идеей», заставить других работать на нее — своим примером, своей увлеченностью «без удержу». Скорее всего, это так. Но далеко ли на этом уедешь, если живешь за несколько десятков километров от ближайшей станции, если каждую «железячку» приходится выпрашивать, на что-либо выменивать...

Несколько лет я мучился: собирал свой двигатель на чердаке, испытывал и снова разбираю. Я не мог ничего поделаться — он не выдерживал

параметра «вечности»... На этой почве я и подружился с учителем физики, уже достаточно пожилым человеком, появление которого в наших местах было окружено сочувственной тайной. Учеников, которые выделялись своими знаниями, он отличал, называя на старинный манер: я у него был Калашников Михаил Тимофеев. Вполне понятно, что он был и главным моим техническим консультантом, и самым серьезным оппонентом. И вот однажды, покопавшись в очередной раз в притащенных мной в школу составных частях будущего двигателя и просмотрев мои «чертежи», учитель задумчиво сказал: «Понимаешь ли, Михаил Тимофеев, лучшие мировые умы уже довольно давно сошлись на том, что создание вечного двигателя невозможно. Но ты так убедительно доказываешь обратное!..»

Через несколько десятилетий, вспоминая об этом случае, я сожалел, что не было у меня тогда возможности найти нужных для вечного двигателя миниатюрных подшипников, строго калиброванных по размеру и весу шариков... Их не было ни в Нижней Моховой, ни в Воронихе! Попадись они мне в ту пору, может, судьба моя сложилась бы несколько иначе. Вечного двигателя, конечно, не получилось бы, но механизм, близкий к нему, вполне мог быть изобретен и где-нибудь применен...

Прошло несколько лет после смерти нашего отца. Несколько очень трудных лет. Изо всех сил старалась мама быть сильной рядом с нами, своими сыновьями. Жила лишь одной надеждой — вдруг правда восторжествует, и можно будет возвратиться в родную Курью, в свой дом. Но годы шли, а той правды все не было... Трудно нам тогда жилось, безысходно! Хотя, в эти самые годы нашей маме Александре Фроловне суждено было снова испытать счастье, встретив человека, ставшего хорошим для нее мужем, для ее детей — отцом. Это был наш сосед-украинец, такой же, как и мы — спецпереселенец. Ефрем Никитович Косач отбывал ссылку со своими двумя детьми — девочкой и мальчиком. Жена его умерла несколько лет тому назад, и он посвятился к Александре Калашниковой, несмотря на ее большое «приданое» — пятерых ребятишек.

Косач был хорошим человеком — мягким, заботливым, трудолюбивым. По своей природной доброте он сразу же начал входить в роль отца, чем вызывал наше недовольство и сопротивление. Лично я воспринял появление отчима в семье так нервозно, что иногда даже вынашивал ужасные планы избавления от него... Но со временем Ефрем Никитович своим бесконечным терпением и добродушием покори нас всех. Мы постоянно работали вместе с ним: то гнали деготь в лесу, то заготавливали бревна и рубили новый дом, то пилили доски для потолка и пола. Да мало ли еще

какой работы в крестьянском хозяйстве? И все это делалось под руководством нашего неутомимого отчима весело и дружно. К маме Косач всегда относился с какой-то трепетной заботой, жалея ее и любя. Да и с нами со всеми он был таким же. Все наши шалости воспринимал с терпением и выдержкой. Иногда приходила в голову мысль, что в некоторых ситуациях наш отец был бы круче — быстро бы «дал ремня».

Помню, был случай с младшим братом Николаем, который в то время учился в воронихинской школе... Ребята нашего села всегда ходили в Воронишу пешком. Большая часть пути — по таежному лесу. Иногда случилось так, что школьникам приходилось оставаться в Воронише на неделю, а в холодное время — и на две. И потому родители старались дать им с собой продуктов на несколько дней — на «всякий случай».

И вот однажды осенью мама, собрав моего брата на неделю, проводила его в школу. Но вскоре он прибежал обратно домой в страшном возбуждении. Вид его был жалок: одежда разодрана, царапины на руках и на лице. Николай с гордостью заявил маме и отчиму, что по дороге в лесу на него напал огромный медведь, отобрал продукты — «вон как поцарапал», и лишь по счастливой случайности удалось вырваться из лап разъяренного зверя... Перепуганная мать, сочувствуя сыну, удачно ускользнувшему от медведя, разрешила ему не ходить пока в школу. На что мой брат с радостью согласился. Его цель была достигнута: он был герой! Но вот как-то зимой наш сосед поехал в лес. Видит, на дереве висит мешок. Сняв его, он обнаружил там старые продукты и краюху засохшего хлеба, на которой грызуны оставили отпечатки своих острых зубов. Памятуя случай «нападения огромного медведя» на моего брата, сосед принес этот мешок нам домой. Как же был смущен брат, когда мама дрожащей рукой доставала из мешка все то, что осталось от продуктов, сложенных ею несколько недель назад! Этот случай стал известен односельчанам. И многие родители, отправляя своих сыновей в школу, еще долго подшучивали: «Смотри, сынок, чтобы и тебя не поцарапал медведь!»

Трудно сказать, что могло побудить брата на такой поступок: охотничьи байки взрослых, желание быть героем или возможность увильнуть от этой учебы вдали от дома? Но только отчим даже тогда не «дал ремня» Николаю. Ныколке, как он его называл. Меня же отчим всегда звал Мыша-большой, а своего сына, который был на три года моложе меня, — Мыша-маленький. На тяжелой работе отчим никогда не делал скидку на молодость своего сына. Все это как бы и сплачивало нашу новую семью, но иногда в ней бывали невыносимые для меня минуты.

Обедали мы, как правило, все вместе, и вот тут начинались мои страдания: я замечал, как мама пытается меня подкормить. Чего только она для этого ни делала, как только ни исхитрялась! То вроде бы случайно и раз, и два, и три все переставляла сковородку: та вдруг оказывалась напротив меня тем самым краем, где кусок был побольше да пожирней. То она так долго и так тщательно перемешивала кашу, что последний крошечный островок оплывающего масла все равно дотаивал как раз напротив меня. Это выводило меня из равновесия, я бросал еду, если это было за столом, и уходил, сказав, что я сыт. Как будто я был самым слабым или маленьким в семье?.. Мама очень переживала такие моменты, но никогда ничего об этом не говорила. Так долго это продолжаться не могло, и я стал вынашивать идею возвращения на родину — к сестрам. Я считал, что там жить мне будет спокойнее. Мне было почти 15 лет, и я считал себя способным к самостоятельной жизни.

Мама и отчим противились моим планам, сколько могли, но в конце концов поняли, что останавливать меня бесполезно. Собрали то, что могло мне пригодиться в дороге, приготовили еды на весь неблизкий путь. Отчим положил в мой карман листок бумаги с названием населенных пунктов, через которые мне предстояло идти: плод его долгих перекуров и с мужиками из чалдонов, и с теми, кто уже мало-мальски знал не только округу, но имел представление и о дальних местах.

Ранним утром жаркого летнего дня, простившись с родными, я отправился в дальнюю дорогу. С опаской шел по угрюмой тайге, радостно бежал по степи от сенокоса к сенокосу: все ближе и ближе к родной алтайской стороне. Поначалу мне везло. Бывало, встретишь своих ровесников, мальчишек чуть помоложе или чуть старше, поговоришь с ними, считаешь, какие любишь и какие помнишь, стихи — и ты уже свой в избе у кого-нибудь из этих ребят, где продолжается наш «литературный вечер». Как это напоминало мне наши давние курьинские посиделки! И так же, как когда-то дома, меня кормили и так же укладывали спать... Откуда была такая доверчивость? Осталась ли она сегодня у россиян? Или как раз она-то нас нынче и губит: никак не можем понять, кто нам друг, а кто — недруг... Утром следующего дня или через день — дальше в путь-дорогу. Увидев на краю деревни мальчишку, приветливо здоровался и запросто начинал:

Трудно жить на свете
пастушонку Пете...

— А я и не Петя, — улыбался тот. — Я — Пашка!

— Тогда — пожалуйста:
Трудно жить на свете
пастушонку Пашке:
снова разбежались
по тайге барашки!

— Откуда ты знаешь? — искренне удивлялся местный мальчишка.

— Все знаю! — говорю уверенно. — Сам такой!

Однажды таким же образом я попал в семью к украинцам. Они меня долго слушали, умилялись, а потом хозяйка сказала: «Може, изучишь украинский стих — про школяра Миколу? Наш Иванко нэ хоче — такой стих дарма пропадэ!» Не пропал зря стих — помню его до сих пор. Да и не раз он выручал меня в юношеские годы скитаний...

Как-то моим попутчиком оказался мужчина средних лет с сумкой за плечами и с толстой палкой в руке. Мы вместе шли весь день, и он все время рассказывал всякие занятные истории, чем расположил меня к себе. Я сразу же проникся к нему доверием, бессознательно предполагая в нем такую же искренность, с какой я сам обращался к моим доверчивым слушателям. Под вечер мы подошли к селу, и я предложил спутнику уже испытанный метод ночевки: попроситься к кому-нибудь на постой. Но он категорически отказался, объясняя это тем, что нас могут задержать и отправить в милицию. Ну а оттуда путь один — обратно домой, да к тому же — под конвоем! Он так нагнетал атмосферу неуверенности и страха, что я сдался.

Когда мой попутчик предложил засветло съесть то, что у нас было с собой, я был очень рад — до того был голоден. Затем, посоветовав мне получше спрятаться, мужчина пошел на разведку в деревню. С нетерпением я ждал его возвращения и очень тревожился. Наконец, послышались осторожные шаги: он вернулся и сказал, что нашел такое место, безопасней которого не сыскать. Я доверчиво пошел за ним и — о, ужас! Мы остановились возле маленькой баньки на дальних задворках крестьянского хозяйства. «Чего ты боишься? — начал он меня уговаривать. — Сегодня же суббота, и, похоже, тут совсем недавно парились — все еще тепло. Да и хозяйка, видать, хорошая — все так чисто вымыла!» Мне очень не по душе было ночевать вдали от людей, без спроса хозяев, но мой спутник подтолкнул меня к двери: «Да ты хоть загляни!» Баня действительно была очень опрятная, внутри чувствовался знакомый запах березовых веников. Страхи и подозрения продолжали меня мучить — однако, что ж теперь делать? Спать, так спать... Я расправил свой

мешок с вещами, подбил его, как подбивают подушку, положил на него голову и уснул. А когда утром проснулся, то не увидел ни попутчика, ни своего мешка... Сел возле злополучной бани и заплакал: ну как же мне быть дальше?

Хозяин дома, увидев меня в горьких слезах, стал расспрашивать, как я оказался возле его бани и почему плачу?.. Когда же я все ему рассказал, он, взяв меня за руку, повел в свою избу. Там мне пришлось повторить эту историю его жене. Они оба принялись меня жалеть, искренне удивляясь тому, как легко я мог поверить какому-то проходимцу. Погоревав вместе со мной, хозяйка усадила меня за стол, налила большую тарелку холодного борща и дала кусок мяса. С удовольствием и благодарностью я все это съел и запил стаканом парного молока. Пока я ел, они сидели рядом и с состраданием смотрели на меня.

Когда я засобирился в дорогу, эти сердечные и заботливые люди снабдили меня продуктами, по-отечески наставляя: «Ради Бога, Миша, будь осторожен!» Поблагодарив за доброту и простившись с ними, я продолжил свой путь. Продукты через день кончились, а дорога еще предстояла дальняя. Все сильнее и сильнее меня мучил голод. Что делать? Не воровать же? Да я и не умею, и не способен на это.

И вспомнилось мне, как к нам под окно, когда мы жили еще в Курье, подходили нищие и просили подать милостыню. А мама всегда говорила нам, что нельзя, когда подаешь, смотреть в глаза христарадника. Хорошо бы и на меня не смотрели! Но ведь перед этим надо сказать те слова, после которых тебя должны пожалеть. Как же их произнести? Нет, уж лучше я умру от голода, но слов этих не произнесу! Может, мне тогда просто так казалось, что все деревни теперь на моем пути попадались одна беднее другой, а в них — что ни человек — то злей злющего? Всякий раз, когда я, выбрав дом побогаче, подходил к нему, чтобы постучать в дверь или в окно, и уже пытался поднять руку, но рука не слушалась — как будто кто заколдовал меня. Да еще, кроме того, что постучать, надо произнести эти невыносимо тяжелые слова!.. И я опять уходил от чужого дома.

Так продолжалось два дня. Ноги у меня уже подкашивались от голода, и я думал только о том, как бы поесть. Но каждая изба, к которой я подходил, как будто отталкивала меня, и я вновь говорил себе: «Нет, ты не произнесешь этих слов!». Но голод требовал: «Забудь о совести, о стыде. Что такое «свое я», о котором столько говорили ссыльные учителя в воронихинской школе? Забудь о нем, плюнь!» Не знаю, чем бы все кончилось, ни попадись

мне возле одного дома пожилая женщина с добрым лицом, которой я и поведал о своем горе. Она обняла меня и сказала: «Милый мальчик, воровать грешно и зазорно, а вот просить честно — не стыдно. Или тебе никто никогда не говорил, что у Бога милости много? Найдется и для тебя! Наш народ всегда жил не только милостью Божьей, но и людской милостыней. Ты ведь не нищеврод какой, ты мальчик разумный, но это в тебе не гордость говорит, а твоя гордыня. Сломи ее!» Сказала и ушла.

Много раз потом я возвращался к мысли: почему сама-то она не захотела мне дать кусок хлеба? Хотя, может быть, у нее и не было ничего? Может, сама она была не из этой деревни или вообще не из этих мест? А может?.. Какая-то загадка была для меня в ней и тогда, и остается теперь. Такое доброе лицо, такой ласковый взгляд, такой проникновенный голос... И дала она мне куда больше, чем простой хлеб — дала знание, которого у меня до этого не было, заставив тут же применить его. Тем самым она спасла меня. Но об этом я размышлял уже гораздо позже, а тогда я был совсем в другом состоянии духа. Не помню уже, что я говорил, когда раз и другой стоял под окнами. Не помню, глядели на меня или нет. Но отчетливо сохранилось в памяти, что перед тем, как проглотить тот хлеб, я глотал слезы, и казалось, они были тверже хлеба. Признаться, мне и сейчас не просто об этом рассказывать, но умолчать — было бы не то, что нечестно — несправедливо.

Только на седьмой день я добрался до станции Тайга. А там уже зайцем в товарном вагоне — до Поспелихи. От Поспелихи до Курьи предстояло пройти пешком еще шестьдесят пять километров. День был жаркий, и я, сняв ботинки, принялся босиком покорять этот путь. Вскоре меня так начала мучить жажда, что я время от времени стал видеть миражи: казалось, вот она — вода! А ее все нет и нет. Поздно вечером я постучал в дом сестры Нюры, жившей в маленьком селе совсем близко от Курьи. Увидев меня, она глазам своим не поверила. Только все повторяла: «Ты ли это, Миша?.. Да ты ли это?» Затем стала охать и причитать: да как же это я сумел один преодолеть такой тяжелый и такой опасный путь?

Потом Нюра принялась меня расспрашивать о семье, и ее вопросам не было конца. Как мама, братья, как умер отец и что за отчим у нас там появился? И я терпеливо рассказывал обо всем. И так она каждый день задавала мне все новые да новые вопросы: откуда она их только брала?.. Я не утаивал ничего. Хотя про ночевку в бане и про то, как голодал, рассказал не сразу, а через несколько дней — когда все ее переживания потихоньку улеглись.

После двухнедельного отдыха я решил, что пора бы чем-то заняться, и договорился насчет работы с колхозными мужиками, собиравшимися уезжать на заготовку леса. Меня взяли, хоть и предупредили, что дело это очень тяжелое. Но я был готов на все, лишь бы только в бедной семье сестры не быть «дармоедом». Работа в лесу была не по моим годам и не по моим силенкам. Одежка на мне быстро оборвалась: мне досталось рубить сучья. А потом и ботинки пришли в полную негодность. Продолжать работу стало невозможно, и я попросил расчет. Мне выписали двадцать пять рублей, и на попутной машине я вернулся в село.

Жена моего брата Виктора пригласила меня немного пожить у нее. Я согласился: мне было жалко ее и их маленького сына, который мне сразу показался не совсем нормальным ребенком. Однажды, без злого умысла, я решил об этом написать Виктору в письме, которое недописанным оставил на столе. Жена Виктора его нашла и прочитала. После чего мне пришлось уйти от нее. Хоть я и не понял тогда, за что же она так рассердилась на меня: я ведь написал истинную правду?.. Старшая сестра Гаша пыталась было забрать меня в свою семью. Но, почувствовав вскоре недоброжелательное отношение ее мужа ко мне, «кулацкому сынку», я снова перебрался к Нюре. В бедной семье сестры я был явно лишним едоком. Поэтому решил: пока лето не кончилось, надо возвратиться обратно в Нижнюю Моховую, где у меня осталось столько друзей и знакомых. Да и нужно было продолжить учебу в школе. Сестра Нюра долго отговаривала меня от этой затеи, но я настоял на своем.

Перед возвращением мне захотелось сходить в Курье на то место, где когда-то стоял наш дом. Ни от дома, ни от надворных построек не осталось и следа. Я ходил по углям и соображал, где у нас что стояло и как все было. Любопытные соседи, увидев меня в это время, позже сказали моей сестре Гаше: «Миша что-то искал на месте вашего дома, наверно, золото». Сестра ответила, что, когда родителей увезли, она взяла ведро и хотела набрать в их погреб картошки, но там уже все растащили, да и погреб разломали. Вот вам и золото! Мы тогда не имели о нем понятия. Когда я стоял на пепелище бывшего нашего дома, то думал отнюдь не о золоте, а вспоминал стихотворные строчки Сергея Есенина — они ходили в нашей воронихинской школе по рукам, тоже переписанные на березовой коре:

Я никому здесь не знаком,
а те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

Эти строки были для меня дороже золота и тогда, и теперь.

Итак, я снова в пути. До железнодорожной станции Пospelиха я доехал на попутной машине, потом легко добрался до станции Тайга. А вот пеший путь, пройденный мною почти три месяца назад, оказался для меня чрезвычайно трудным. В дороге я переходил много маленьких речушек и ручейков, из которых иногда утолял свою жажду. Черпал кружкой воду и пил. На второй день пути я почувствовал очень сильную резь в животе. В таком состоянии дальше идти не мог. Мою боль ослаблял только один метод: сидение в прохладной воде, но надо было идти вперед. С большим трудом я дошел до села, и у одного из ближних домов лег около завалинки и уснул. Сколько я спал, не помню. Открыв глаза, увидел пожилых женщин, которые суетились около меня: не могли понять, откуда я взялся и почему здесь лежу.

Поговорив со мной, они определили, что со мной случилось. Принесли какой-то микстуры и дали выпить. Ох, как противно было ее пить! Вспоминаю это, и даже сейчас, много лет спустя, становится неприятно во рту. Но вечером я снова ее глотал, а потом поел каши и выпил чашку чая. Ночевал у добрых хозяек по-барски: в сарае на сеновале. Утром бабушки вновь принесли мне микстуру, кашу и чай. Чай был приятный, настоянный на каких-то травах. Употребив все это, я поблагодарил добрых старушек и пошел по указанной мне дороге. Как жаль, что память не сохранила ни названия населенных пунктов, ни имена добрых людей. Как жаль!.. Идти на этот раз было гораздо труднее, чувствовалось, что организм мой совсем ослаб. Я стал часто останавливаться, чтобы собраться с силами.

Когда я, наконец-то, добрался до Нижней Моховой, было еще совсем светло, и идти в таком виде по селу, где меня все знали, я не решился. Развел костер и стал ждать темноты. Время, как на грех, тянулось медленно. Комары атаковали меня, как полчища Мамая. Отбивался ветками, подставлялся под дым, а им хоть бы что. Наконец-то стемнело, и вот я вновь перешагиваю порог своей избы, где каждая трещинка на досках пола и бревнах стен казалась давно знакомой. Мама накормила меня, и долго от себя не отпускала — была ее очередь расспрашивать о Гаше, о Нюре, о бедном Викторе. Но, наконец, я поднялся на чердак, где стояла марлевая палатка от комаров и была постель для отдыха летом. Меня тут же окружили братья, друзья-сверстники, и мы проговорили далеко за полночь. Так закончилось мое первое путешествие. Путешествие трудное и совсем не мальчишеское... Сколько же километров было пройдено и ради чего?

Продолжая учебу в воронихинской школе, я часто вспоминал о тех злоключениях, что происходили со мной в дороге, и пришел к выводу, что первый мой поход на родину был не продуман. Да и рановато я его совершил — мне было всего 14 лет, а надо бы достичь того возраста, когда по закону положено получить паспорт. Хотя, кто мне его здесь, интересно, выдаст? Ведь спецпереселенцам давали паспорт только по истечении срока наказания. Где и как мне получить паспорт — вопрос, над которым я стал все чаще и чаще задумываться. Он тревожил меня постоянно. И вот у меня окончательно созревает идея снова вернуться на родину: на этот раз с документом, подтверждающим право на получение паспорта. Но где и как взять такой документ? Ведь он должен быть подписан не в сельском Совете, а в комендатуре округа, и подпись эта должна быть на соответствующем бланке, со штампом и печатью... А где их взять? Выходит, идея неосуществима?.. Но не оставляла она мою бедную головушку...

Обычно все свои начинания я любил обсуждать с друзьями. Но тут уж, упаси Господь! Никому ничего я не говорил. Ушел в себя и замкнулся. Это мое тревожное состояние заметила мама и стала допрашивать, не случилось ли чего со мной? Просила меня признаться, но я отвечал одно: года сказываются! В ответ она начинала тереть глаза: «Какие у тебя года? Ведь ты же еще ребенок!» Я пытался отшучиваться: «Ты, мама, по-видимому, до старости будешь считать меня ребенком?» Но сердце матери, видимо, не обманешь.

Я стал уединяться все чаще и чаще. Я и до этого нередко уходил на чердак что-либо мастерить, например — берестяные туюски. Мама знала, что я их делаю, и всегда меня за это похваливала: они получались и действительно загляденье. Посуду в наших краях трудно было достать, да купить особенно не на что. Поэтому мои туюски заметно помогали в хозяйстве и считались хорошим, лучше не надо, подарком друзьям и соседям — в общем, шли на расхват. Но вдруг однажды мама увидела, как из кармана у меня выпал бесформенный кусок какого-то совершенно неизвестного ей материала... ни камень, ни дерево. Что такое? Но это как раз и была моя тайна.

Я уже много месяцев потихоньку собирал конверты от писем, которые из разных мест приходили в наше село, и пытался воспроизвести оттически незамысловатых штемпелей. Опыты свои проделывал на чердаке, где у меня была настоящая мастерская. Благо, что дом наш был покрыт большими листами березовой коры — под этой кровлей у меня было столько тайников-карманов, что запомнить, где какая вещь лежит, — и то была целая проблема. Но я продолжал тщательно прятать всякую мелочь — ни одна живая душа не должна знать о моих дерзких опытах.

Сотни опытов, сотни! И все они пока не давали нужного результата. Но неудачи меня не останавливали, а только подстегивали: пробуй снова и снова. Медленно, шаг за шагом, шел я к намеченной цели. И вот однажды я получил оттиск, близкий к оригиналу. Это вселило еще большую уверенность: я на верном пути. С удвоенной энергией и упорством я продолжил свою работу. Это была и в самом деле настоящая, серьезная работа, а не какая-либо забава. И вот, наконец, я увидел, что оттиск полностью соответствует оригиналу.

Теперь передо мной встала следующая задача: чтобы довести это дело до конца, мне нужен был надежный человек. В колхозе работал бухгалтером мой хороший знакомый Гавриил Бондаренко, или просто — Гаврик. Он был всего на два года старше и часто приглашал меня помочь ему в конторе. И я всегда с удовольствием помогал ему. Вот и решил я обратиться к нему с просьбой: не смог бы он дать мне неучтенный документ с печатью и штампом комендатуры? Сначала он удивился, а потом сказал: «Попробую поискать». И однажды он принес мне хорошо сохранившийся документ, но предупредил: с возвратом! Я ответил: мол, конечно, с возвратом, но ты, друг, дай мне несколько листов чистой бумаги. И эту просьбу он тоже выполнил. Спрятав все под рубашку, я побежал к своим тайникам на чердаке.

Много дней я провел над воспроизведением штампа и печати грозного учреждения. Наконец результат оказался хорошим, и я принес показать тот оттиск Гавриилу. А он долго не мог поверить, что это моя работа: скажи, говорит, честно, где ты нашел эти бланки? И потом вдруг попросил меня взять его в компанию — ему тоже хотелось на волю. Я с радостью согласился: что ж, двое — лучше, чем один! Теперь нужно было решить, как нам действовать дальше. Рассуждая, как можно использовать эти бланки, мы решили, что с их помощью вполне можно появиться на родине и получить паспорта. Ну, а там дальше будет видно, куда можно устроиться на работу. Был бы паспорт! Мечты, мечты... Но как их осуществить? Прорабатываем вариант накопления хоть каких-то средств для дальней и небезопасной дороги: а что, если нам «заработать» за счет таких же справок? Ведь вернуться на родину — голубая мечта каждого ссыльного.

Решаемся пойти в ту деревню, где нас никто не знает, и попробовать предложить вариант освобождения. Заготовили примерный текст справки. Получилось неплохо. Поговорили с одним мужиком, потом с другим: боятся, а не обман ли это? Мы вошли в роль и говорим: «Не хотите на свободу — не надо!» И пошли дальше, но когда оглянулись, увидели: мужики

пытаются нас догнать. «Дороговато, — говорят. — Да ладно — пишите». У Гавриила был очень красивый почерк, и он заполнял бланки с таким мастерством, что мужики только ахали: «Ну молодцы, ребята, ну молодцы!» Таким образом, скопив небольшую сумму денег, мы стали готовиться в дальнюю дорогу: заготовили справки для себя и раздобыли за малую цену старенькое охотничье ружье — на всякий случай...

Родители на этот раз не пытались отговаривать нас — так решительно, по-видимому, мы были настроены. Но мать есть мать. И вот она говорит мне: «Миша, неужели ты не намучился первый раз и хочешь повторить все сначала?» Я ответил: «Теперь, мама, мы идем на свободу, так что не плачь и не скучай». Она, конечно же, плакала: «Знаем, сынок, мы эту свободу!»

Ранним летним утром 1936 года с котомками за плечами, соблюдая осторожность, окольными путями мы вышли из Нижней Моховой. В стороне от нашей дороги находилось кладбище, где несколько лет назад был похоронен мой отец, и я с грустью сказал своему спутнику: «Гаря, давай зайдем!» Он ответил: «Как ни зайти, ведь я тоже хорошо помню твоего отца». Мы долго ходили по заросшему сорняками кладбищу и, наконец, увидели на березовом кресте еле сохранившуюся надпись. Постояли немного, и я сквозь слезы сказал: «Прости, отец! Я пошел в другую жизнь. Пожелай мне удачи!»

Выйдя на дорогу, мы долго шли молча. Да и о чем можно говорить в такие моменты? Наше молчание нарушил внезапно выскочивший из зарослей на дорогу заяц. Словно издеваясь над нами, идущими с ружьем, он спокойно прыгал по дороге, показывая нам свой еще не вылинявший хвост. Эта забавная идиллия развеселила нас — приятно было видеть впереди себя этого смельчака. Но вдруг за крутым поворотом болотистой дороги мы его не увидели. Куда делся? Пройдя еще сотню метров, мы обнаружили отпечатки лисьих лап: вот почему заяц покинул нас! После этого мы шли и рассуждали: как хорошо, что звери обладают таким чутьем! Как иначе избавиться от неминуемой гибели? Вот бы и людям так!.. Что ж, заяц показал нам пример осторожности. Будем беречься и мы. Ведь «береженого Бог бережет», как говорила, напутствуя меня, мама. Пройдя несколько километров, мы через мелколесье увидели сначала дымок над трубой, а потом и первую крестьянскую избу на нашем пути... Через село шли так: я, изображая пойманного злоумышленника, — впереди, а высокий ростом Гавриил — с ружьем сзади. Он — конвоир.

Прошли село, зашли в кусты, сели и, как ненормальные, расхотались до слез: «Пронесло? Пронесло!» Сняли котомки, достали еще не успевшую остыть печеную картошку, вареные яйца, кусочек сала и специально выпе-

ченный хлеб без добавок лебеды. Мать, зная мое равнодушное отношение к блинам, напекла их побольше и, каждый сложив вчетверо, доверху наполнила ими разрисованный берестяной туюсок. Это был самый красивый туюсок, сделанный мною последним. Вообще — последний мой туюсок... Отдохнув от первой усталости, мы ускоренным шагом пошли дальше по известному лишь мне трудному пути. Теперь-то нам вдвоем гораздо веселее! Правда, веселости этой немного, ведь в каждом населенном пункте нас могли задержать.

План нашего побега мы разрабатывали так: по крайней мере, первые два-три дня ни в селе, ни в колхозе никто не должен знать о нашем исчезновении. Дома предупредили: никому ни слова. На всякий лихой случай взяли ружье — вот и изображаем теперь доставку арестованного в какой-то поселок впереди. Некоторые встречные, особенно женщины, ахали: «Вот ведь какой молодой, а уже успел набедокурить! Что творится кругом, ну что творится?!» Нам самим, по молодости лет, такое шествие очень нравилось... Но вот беда, когда в одном из сел мы проходили мимо комендатуры, нас заметили конные милиционеры, стоявшие около дороги. Кто-то из них крикнул нам вслед: «Веди, веди этого разбойника!» Мы ускорили шаг и уже подходили к густому лесу, куда вела наша дорога, как вдруг сзади услышали громкую команду: «Задержать их и проверить, кто такие, откуда ружье!?» Конники бросились в нашу сторону, но мы уже в непроходимом лесу: скорее дальше, скорей! Мы еще долго слышали лай дворняжек да ругань всадников: «Вот гады — обманули!» Пробыли мы в этом лесу до темноты. Ночью, озираясь по сторонам, вышли на дорогу — и дай Бог ноги! На следующий день мы решили избавиться от нашего ружья, как говорится «от греха подальше». Проходя через мост над бурной речушкой, бросили посередине реки то, что нас спасало не раз, но вчера чуть было не подвело...

На пятые сутки мы пришли в деревню, где жила семья Гавриила. Родня с плачем обнимает его и все приговаривает: «Ах, какой ты, Гаря, стал большой. Ни назови ты себя, мы бы тебя и не узнали!» Вечер прошел в расспросах: «Что они там? Все ли живы? Как там твой братик: он же ведь был совсем ребенок?» Мой друг был хорошим рассказчиком и подробно обо всем доложил, и я тоже с интересом слушал историю еще одной ссыльной семьи... Утром, когда позавтракали, Гавриил отправился в милицию, за паспортом. А я не знал, куда себя деть. Как я волновался! Вдруг сейчас явится и с порога выпалит: «Мы пропали»?! Но этого не случилось. Дверь с шумом открылась, и еще на входе в избу Гавриил так саданул себя

по груди, что звон пошел: «Завтра в этом кармане будет паспорт!» От радости у меня перехватило дыхание, слезы навернулись на глаза. Но тут же холодной змеей в сердце закралась тревожная мысль: а почему завтра? Почему не сегодня?! Вдруг это всего лишь проверка?..

Бессонная ночь прошла в тяжелом томлении: что нас ждет утром? Прикидывали варианты: как нам себя вести в том или ином случае? Что говорить? Чем оправдываться? Но этого не понадобилось. Вскоре временный паспорт надежно лежал в кармане Гавриила. Мы стали собираться в дорогу на мою родину. Что мне скажут там? Перед самым уходом в Курью произошло событие, в каком-то смысле предопределившее всю мою дальнейшую судьбу: Гавриил позвал меня на чердак дома и, покопавшись в каком-то старом хламе, достал нечто, завернутое в тряпки. Когда он развернул их, я увидел покрытый ржавчиной пистолет или «леворверт», как он мне тогда прошептал. Откуда взялся и каким чудом сохранился, не известно. Но это был тот самый пистолет Браунинга, с которого и началась моя любовь к оружию! Гавриил взял пистолет с собой в Курью, спрятав в вещевом мешке. Поселившись у моей сестры Нюры, мы первым делом определили место хранения для него — в погребе под домом.

Через день мне, как и Гавриилу, выдали временный паспорт, и мы с ним пошли устраиваться на работу в курьинскую МТС (машино-тракторную станцию). Гавриила взяли бухгалтером, а меня — учетчиком.

Много дней я ждал момента, когда в доме сестры никого не будет, чтобы достать из погреба пистолет и как следует рассмотреть его на чердаке дома: там и светло, и спокойно. Наконец, момент настал. Затаившись на чердаке, я развернул тряпки, в которые было завернуто это «нечто», неизвестное мне доселе, и — замер: и страшно, и интересно! Потом трясущимися руками принялся разбирать эту, как мне казалось, чудо-технику. Все было покрыто ржавчиной, тем не менее, я быстро справился с разборкой. Для меня открылся новый мир механизмов — мир оружия! Я был поражен тем, насколько все в этом пистолете совершенно: каждая деталь сделана с удивительной простотой и изяществом. Я удалил битым кирпичом ржавчину с деталей. Собрал, разобрал, снова собрал. Держа оружие в руке, я испытал сильное желание проверить его работу, пострелять из него где-нибудь в укрытии. Но патронов у меня не было: может, их не было и у Гаврика? Или он не решился доверить их мне, зная мои таланты мастерового? Опасаясь быть застигнутым врасплох, я спрятал пистолет в куче старых вещей, надеясь, при случае продолжить его изучение...

Прошло несколько относительно спокойных месяцев нашего пребывания в моем родном селе, и вдруг снова начались неприятности. Однажды вечером накануне Нового года в наш дом пришел милиционер. А на следующее утро я уже сидел в комнате с решетками на окнах и упорно твердил одно и то же: «Никакого пистолета у меня не было и нет!»

Вспомним, когда это было, в какие непростые времена... Разве мог я признаться, хорошо представляя, что это будет не только моя вина, но и вина всей семьи? Сестры, принося передачу, со слезами на глазах упрашивали меня сдать этот злополучный пистолет, но я им отвечал, что его у меня нет. Несколько дней заключения показались мне вечностью. Время от времени приходили в голову мысли о побеге. Я начинал разрабатывать план действий, но вскоре сам же убеждался в невозможности этой затеи.

Чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, я начал вслух читать стихи моих любимых поэтов — Некрасова и Есенина. Потом вспомнил и свои собственные, читал их и с горечью думал: «Почему жизнь увела меня от нежной поэзии в стихию жестокой технической мысли?»... то есть к «вечному двигателю»?..

Сидя в камере предварительного заключения верхом на деревянной, грубо обструганной скамейке, я опять начал думать о своей несбывшейся мечте. Снова и снова задавая себе вопрос: «Почему же я не смог в школе довести до рабочего состояния свой вечный двигатель? Ведь все, кому я демонстрировал отдельные его детали и узлы, все были единодушны в своем мнении: «Должен работать»!

И я начал мысленно разбирать его, как бы раскладывая перед собой все детали... Но вдруг они стали изменять свою форму, постепенно превращаясь во что-то другое, очень знакомое. Что бы это такое могло быть?.. И тут я понял, что это уже не детали вечного двигателя, а части того самого пистолета, который стал виновником моего заключения за решетку. Да, это и в самом деле — он! И так со мной повторялось несколько раз. Это было как наваждение: то его контуры четко вырисовывались, то исчезали, оставляя в памяти лишь силуэт, размытый отпечаток...

— Ты что, оглох?! — вывел меня тогда из забытья голос дежурного. — Давай на допрос. К начальнику!

Начальник сказал, что ему совершенно точно известно: я храню оружие, хотя закон запрещает это делать. Конечно, я до своего ареста мог и не знать этого, но здесь, в милиции, мне об этом уже сообщили. Так что у меня было достаточно времени поразмышлять о том, что меня ждет...

— Ты все понял? — строго спросил начальник. — На новогодние праздники мы тебя отпускаем. Так что теперь иди домой и исправляй свою ошибку!

Переминаясь с ноги на ногу, я не решался поверить в это. Не мог понять, шутка это или действительно — свобода?.. всю дорогу мне казалось, что кто-то идет за мной следом, кто-то смотрит за каждым моим шагом. Подойдя к дому сестры, я долго не решался открыть дверь: был уверен, что увижу того самого милиционера, который приходил за мной. Но вместо него я увидел заплаканную сестру Нюру, которая оторопела от моего неожиданного появления...

Школа имени Михаила Калашникова

Село Парбиг Бакчарского района – в 320 километрах от Томска, среди тайги и Васюганских болот, крупнейших в мире. Настоящая сибирская глубинка. Сердце села - конечно, школа. Это современное образовательное учреждение, но со своей изюминкой: здесь бережно хранят ценный опыт прошлого, а накоплено его немало. Сколько вы знаете в Томской области школ, которым 95 (!) лет?

Осенью 2015 года в жизни Парбигской средней образовательной школы произошло важное событие - ей было присвоено имя легендарного конструктора стрелкового оружия, создателя знаменитого автомата АК Михаила Тимофеевича Калашникова. Он был из семьи ссыльных раскулаченных крестьян, детство и юность провел недалеко от Парбига - в деревне Нижняя Моховая, а учился в селе Ворониха. В 1936 году местную «семилетку» присоединили к Парбигской школе.

Парбигские ребята и педагоги чтят память великого земляка, ведут переписку с его дочерью Еленой Михайловной – президентом Межрегионального общественного фонда имени М. Т. Калашникова. Они установили памятный крест в деревне, где проживал будущий оружейник и похоронен его отец. Конструктору посвящена значительная часть экспозиции школьного музея. С помощью руководителя кружка «Музейное дело», преподавателя русского языка и литературы Логиновой Валентины Николаевны, ученики изучают годы, проведенные Калашниковым в Сибири. В марте 2017 г. девятиклассницы Захарова Татьяна, Шабаетова Елизавета и Вострокнутова Мария - представили работу на областной краеведческой конференции «Летопись родного края» и стали лауреатами.

Землянки на Тyme

Лариса Карловна Мальцева (Шпетер)

Мои родители, Шпетер Карл Карлович и Эльшайдт Анна Самуиловна, родились в с. Цюрих Саратовской области. Дед по отцу, Карл Карлович Шпетер, был пимокатом, этим обеспечивал семью и до последнего не хотел вступать в колхоз. Родители мамы были бедными крестьянами, только перед войной жизнь наладилась, стали больше получать на трудодни, собирали хороший урожай.

Детство, по воспоминаниям родителей, как и у всех детей, запомнилось безоблачным, отец часто рассказывал, как с мальчишками залазили в чужие сады. Много работали, помогали родителям. Все изменилось летом 1941-го года. Когда началась война, нашим родителям было по тринадцать лет. В августе 1941 погрузили их в теплушки, и поехали все в неизвестность. Ничего не объясняли, звучало только одно: «Вы — немцы, вы можете быть предателями!» Вот с этим клеймом и оказались в Сибири. Сначала были высланы в Новосибирскую область, где прожили до поздней осени. Последними баржами по Оби были высланы в Томскую область. Семья Эльшайдт попала в поселок Тымск. Жили в землянке всей семьей: бабушка, Амалия Карловна, дочь Анна, сын Давыд (был уже болен), его жена и дети. Давыд, Карл, Анна работали все на лесоповале.

Семье моей мамы пришлось особенно трудно. Был один всего мужчина — старший брат мамы Давыд Самуилович, но он к тому времени был уже сильно болен. Главой семьи была бабушка Амалия Карловна. Первая зима была особенно страшной. Не было теплой одежды, зарабатывать карточки на хлеб было некому. Давыд умер в первую же зиму, его, больного, отправили на лесозаготовки. Осталась жена с пятью малолетними детьми. Мама рассказывала, что когда получали хлеб по карточкам иждивенцев, бабушка убирала хлеб в сундук и выдавала маленькими кусочками.

Какое отважное сердце надо было иметь, чтобы выдержать слезы маленьких детей и не отдать этот хлеб сразу! Но она понимала, что только так можно выжить. В следующую зиму все женщины работали на лесозаготовках и стали получать хлеб по рабочим карточкам, а мальчишек взяла в свою рыбацкую бригаду тымская рыбацка Мария Волкова. Эту женщину добрым словом всю жизнь вспоминали те мальчишки и их семьи. Она помогла им выжить. Брать с собой рыбу было строго

запрещено, но она старалась накормить их прямо на реке, ну и на свой страх и риск подсовывала им по рыбешке, чтобы отнесли домой. Бабушка всегда молилась за семью Волковых. Они одни из немногих тогда в поселке помогали картошкой, овощами, давали семена на рассад-

**Эльшайдт Амалия Карловна с дочерью Анной и невесткой Эмилией
(с. Цюрих, Автономная республика немцев Поволжья, 1940 г.)**

**Семья Эльшайдтов, кто остались на конец войны: бабушка Амалия,
дочь Анна, невестка Эмилия и внуки..., 1946 г.**

Шпетер Карл Карлович, 1950-е годы

**Поволжье, с. Цюрих, Эльшайдт Анна (вторая слева в верхнем ряду)
со своими учителями и одноклассниками, 1941 г.**

Бригада девушек-немок на лесозаготовках. 1946 г. Тымск

**ШпETER Александр Карлович — Генеральный директор открытого акционерного общества «Томская домостроительная компания».
20.11.2012, Томск**

ду. Впоследствии, кстати, мы породнились. В следующую зиму пришел приказ переселить всех из землянок, так как люди болели и умирали от сырости, переохлаждения.

После войны молодость и стремление к жизни брали свое. Жизнь медленно, но как-то налаживалась. Мальчишки выросли, становились настоящими рыбаками. Машины племянники брата Эльшайда: Давид, Карл, Эрнст — всю свою жизнь проработали в рыбозаводе поселка Тымск, не просто работали — всегда были в передовиках. У всех замечательные семьи. У Давыда и Карла — четверо детей, у Эрнста — двое. И в то время бригады рыбаков из Тымска, Карги всегда были передовыми. Трудились на совесть — по-другому не умели.

Семья отца жила в Карге, ссыльных высадили с барж на берег с крутым яром, кругом — одна тайга. Рубили лес, строили временки, занимались лесозаготовками, собирали дикоросы, рыбачили. Жизнь была голодной, многие травились грибами. Был случай, когда целая семья вымерла, и в нашей семье долгие годы просто не собирали грибы, помня о тех страшных случаях.

Отец обучился всему, что умели сибиряки, как настоящий «остяк», ездил на обласке, потом научился делать их, и к нему обращались многие, даже из района. Он охотился, рыбачил, ориентировался в тайге так, как не всякий местный, от природы был очень способным и смекалистым, трудолюбивым и целеустремленным. Жизнь повернулась так, что ему не удалось учиться, и он всегда с горечью об этом говорил, поэтому всех нас, своих шестерых детей, родители выучили. Мы, все шестеро детей, получили образование.

Старший сын Александр окончил Усть-Тымский школу-интернат с отличием, поступал в университет — не приняли. Год работал на лесоповале и ушел служить, после армии в 1972-м году поступил в ТИСИ. По окончании начинал прорабом в Стрежевом. С 1990-го года работает генеральным директором ТДСК.

Ему удалось реализовать то, что в силу сурового времени и жизненных обстоятельств не смог достичь отец. А. К. Шпетер имеет награды и звания: — медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», «Заслуженный строитель РФ», знак отличия «За заслуги перед Томской областью», Кавалер золотого почетного знака «Достояние Сибири», Кандидат экономических наук, Почетный профессор ТГАСУ, Академик Международной академии реальной экономики»

Помним предков

Т. К. Черкашина (ШпETER)

КНИГА ПАМЯТИ

ШпETER Карл Карлович: 1893 года рождения.

Место рождения: Саратовская обл.

Осуждены — 12.12.1941 г. Обвинение — Немцы.

Указ ПВС СССР № 21/160 от 28.08.1941 г.

Приговор: спецпоселение в Томской обл., умер в 1949 г.

Источник: Данные УВД Томской обл.

Наши родители, дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки рода ШпETER и Эльшайдт родились в Поволжье, в Саратовской области и жили в одном селе Цюрих.

Дед Карл Карлович ШпETER был пимокатом, а бабушка София Адамовна, урожденная Гrefенштейн, служила горничной в богатой семье. В их семье было пятеро детей: Александр, Ольга, Карл (наш отец) Рихард и Элла. Дед Карл Карлович служил в Армии и принимал участие в боях 1 Мировой войны. Отец вспоминал, как дед встречался со своим однополчанином по войне из-за Волги. Тот не говорил по-немецки, а дед плохо владел русским языком, но дружили они крепко.

Семья мамы, Анны Самуиловны Эльшайдт, тоже была многодетной. У мамы, самой младшей в семье, было три сестры и два брата. Дед Самуил умер перед Отечественной войной в 1940 году.

Мама и папа учились в одной школе. Село Цюрих, сейчас Зоркино, было большим селом. Родители рассказывали, что у них была большая школа, красивая церковь, которую, по обыкновению после революции 1917 года, передали колхозу под амбар. Бабушки и дедушки работали в колхозе и старший брат отца, Александр, сел за руль первого трактора, чем наш отец гордился особо. После суровых военных лет Гражданской войны, жестокой коллективизации и страшного голода, жизнь перед Отечественной войной стала немного легче и сытнее. Родители вспоминали, что тогда стали выдавать зерно за трудовые дни в колхозе.

И отец, и мама хорошо учились в школе, всегда с большим уважением вспоминали своих учителей. В школе была пионерская организация, но наши родители пионерами не были. Мама говорила, что бабушка не разрешала. Мама всю жизнь тосковала по родине, родному селу и в беседе

часто говорила слово «дома». «Дома» росли настоящие помидоры, яблоки, не было таких бесконечных зим...

По указу Правительства Советского Союза от 28 августа 1941 года все немцы Поволжья были депортированы в Сибирь, Казахстан. В деревнях были брошены дома, в полях осыпался небывало богатый урожай, мычали недоенные коровы, оставленные на произвол судьбы, выли собаки...

По указу властей семьям на сборы к переселению давали ночь, а с собой разрешали взять только то, что можно унести в руках. В нашей семье хранится Библия и Евангелие, которые наши бабушки успели взять с собой как самое ценное. Ссылных из Цюриха до города Энгельса сначала везли на грузовых баржах. Затем погрузили в товарные вагоны и повезли на восток... В это время нашим родителям было по 13 лет. Этот страшный путь в разговорах вспоминать они не хотели... Осенью 1941 года их семьи вместе с другими репрессированными семьями привезли в Мошковский район Новосибирской области. Как-то разместили по домам местных жителей, взрослые работали в колхозе. С горем пополам перезимовали и весной посадили картошку. Надеялись, что соберут урожай и следующая зима будет не такой ужасной. Ближе к осени их погрузили на баржи и отправили по реке Оби в дальний суровый Нарымский край.

Деревня Карга, которая была определена для жительства семьи деда Шпетера Карла Карловича — деревней только называлась. Располагалась она на левом берегу Оби. С трёх сторон была непроходимая тайга, а с четвертой стороны — река Обь. Здесь обитали несколько местных семей охотников — промысловиков. Семьи немцев, высаженные на берег с барж, копали землянки, чтобы как-то перезимовать и не погибнуть. Голод заставлял жителей поволжских степей в тайге собирать грибы, не зная — какие съедобные, а какие — нет. Ели грибы без разбору и от этого умирали целыми семьями.

В семье деда и бабушки Шпетер с ними было четверо детей: Анна — 16 лет, Карл — 14 лет, младшие Рихард и Элла. Все работали на лесоповале, на сплаве леса и в рыбпункте. Первая зима в Сибири была особенно страшной, многие умерли от голода, холода и болезней. Бабушка Софья Адамовна была хорошей швейей, и это тоже помогало семье выживать. Дед Карл от невыносимых условий работы и жизни в тайге заболел и умер в 1949 году. До 31 января 1956 года репрессированные немцы Поволжья находились «под комендатурой». Для них было запрещено свободное передвижение даже между соседними посёлками. После снятия установленного властью режима проживания, стало возможным уезжать. Но не на Родину в Поволжье, туда запрещено было выезжать. Да и куда было ехать?

Родные деревни и дома были уже заселены другими людьми. Сестры отца Анна и Элла вышли замуж за братьев Киль и после «снятия комендатуры» переехали на Алтай, где жил старший брат Килей. В начале 1970-х туда уехала и бабушка Софья Адамовна. Прожила она до 95 лет.

Наш отец, Карл Карлович был настоящим тружеником, мастером на все руки: строил дома, делал мебель, мастерил бочки, сани и лыжи, плёл сети и «морды» для рыбной ловли... Всю свою жизнь он проработал в одной организации — Каргасокском рыбозаводе, много лет работал рыбаком, был трудолюбив беспредельно. Никогда мы не видели его празднично проводящим время, всегда за работой. В молодости он уверенно переплывал реку Обь, что далеко не каждому человеку под силу. Объезжал самых строптивых коней в деревне — в те годы кони были основным средством передвижения людей и перевозки грузов зимой. Ещё у него был феноменальный глазомер — всё, что бы он ни делал, было как по линейке: ряды картошки в огороде или поленицы дров во дворе. Соседи смеялись: «Карлыч, ты всё по уровню делаешь?!».

Мама Эльшайдт Анна Самуиловна, 1926 года рождения, была самой младшей в семье, поздним ребенком. У старших братьев и сестёр уже были свои семьи, у мамы были племянники — её ровесники и немного младше неё. Мама всю жизнь тосковала по родным местам, по родной Волге. Вспоминала родной дом и сад, с грустью и печалью рассказывала про своего отца, который скончался в 1940 году. Бабушка Амалия Карловна (1882 г. р.) осталась тогда главой семьи. Старшие дети: дочери Амалия, Эмилия, Доротея и сыновья Самуил и Давыд имели свои семьи, детей. Младшая дочь Анна, наша мама, училась в школе. Когда началась Отечественная война, дядя Самуил служил в Красной Армии. Но в августе, после Постановления правительства СССР, которое объявило всех российских немцев врагами народа, был из Армии направлен в «трудармию» — в шахты. Был он уже женат и в их семье был маленький ребёнок. Никто из родных не знал, где он находился. А он не знал, жива ли его семья? А если жива — то где? Встретился он с женой уже после того, как сняли с них «комендатуру». Но к тому времени сложилась жизнь так, что у них у каждого была другая семья. Дядя Самуил всю жизнь так и проработал в шахте. Имел награду-орден Ленина. Это как же надо было трудиться, как выполнять — перевыполнять нормы, чтобы «врага народа» орденом наградили?

В Сибирь бабушка Амалия приехала с семьёй сына Давыда и с дочерью Анной, нашей мамой. О том, как они ехали в переполненных телячьих ва-

гонах, где люди болели и умирали, вспоминать страдания и горести жизни не любили, а нам, детям, об этом не рассказывали. Привезли их семью сначала в Мошково Новосибирской области. Там перезимовали, обустроились как-то и работали в местном колхозе. Но осенью погрузили их снова на баржу и отправили под конвоем в «проклятый Нарым», таёжное отдаленное место ссылки каторжников. Семье Эльшайдт определили место жительства — село Тымск. Тымск — старое торговое село, куда в 1930-е годы было сослано немало священников. В семье Давыда было семеро детей: Давыд и Карл младше мамы на пару лет, еще младше Ида и Мария, маленькие Анна и Софья, грудной Эрнст.

Первая зима в Нарыме (так называли весь край) была страшной для ссыльных семей. Не было тёплой одежды, людей преследовали голод и болезни. Мама вспоминала о страшных днях, когда заболел её брат Давыд, единственный взрослый мужчина в большой семье. Несколько дней он ходил на работу совершенно больным и однажды не смог подняться с постели. Пришёл какой-то злой начальник, кричал, что отдаст его под суд за саботаж работы. Но, Давыд умер в тот же день...

Бабушка осталась главой семьи. Только благодаря её несокрушимой воле и стойкости характера вся семья смогла выжить в те страшные годы. Старшие дети: мама, которой было 14 лет, Карл и Давыд, мамыны племянники, стали кормильцами семьи. Мама работала на лесоповале, Давыда и Карла взяла к себе бригада рыбаков, Эмилия — жена дяди Давыда, тоже валила лес. Бедовали голодно и тяжело, но выжили вопреки запретам властей и суровым испытаниям судьбы...

В 1951 году наши родители создали семью. Отец вспоминал, как плавал на обласке по течению реки Оби к маме на свидания. За двадцать километров на весле!!! А назад домой возвращался против течения. Сейчас это нам даже представить невозможно! Жить стали в Карге, бабушка Амалия жила с молодой семьёй. О нашей бабушке Амалии Карловне Эльшайдт (урожденной Гребе) важно рассказать особо. Она родилась в бедной семье, где были только дочери. А земельные наделы семьям выделялись властями только по количеству мужчин. Все работы для семьи (пахота, сенокос, содержание животных) — всё приходилось делать женщинам! Характер у бабушки Амалии был железный! Была она немолода (60 лет), когда жизнь привела её в Нарымский край. Но именно она сохранила всех внуков, что были при ней. Старших детей бабушки разметало кого куда: Самуил попал в шахты «трудармии», семьи дочерей были высланы в Киргизию и Узбекистан. Найти друг друга сумели

через много лет. Бабушку очень любили в деревне и была она бабушкой и своим, и соседским детям. По-русски она почти не говорила, но это не мешало ей воспитывать всю ту детвору, которую ей оставляли родители на попечение по-соседски. Детского сада в деревне не было и поэтому соседи, уходя на работу, бабушке оставляли детей.

В маленькой таёжной деревне Карге всё население было в основном ссыльным. Как и во всех окрестных деревнях (Майково, Завьялово и др.) жили здесь ссыльные из немцев и кержаков, латышей и литовцев, бывших дворян и священников, раскулаченных и других репрессированных семей... Валили и сплавляли лес. Ловили, солили, замораживали и отгружали рыбу, работали на лисоферме, во время войны делали заготовки для прикладов оружия. После войны в Карге работал рыбный пункт Каргасокского рыбозавода. Здесь и трудилось большинство жителей села. Жили уже после войны в деревне Карге, исчезнувшей с карты в конце семидесятых годов, семьи Ждановых, Сухушиных, Оболенских, Рааб, Шпетер, Эльшайдт, Грэфенштейн, Мурзиных, Барышевых... В деревне была начальная школа, закончив которую дети ехали учиться в Тымск — там был интернат и школа 8 классов. В начале 1960-х годов, родители, чтобы их дети могли поживать и учиться в интернате, обеспечивали интернат всеми продуктами.

На выходные дни дети отправлялись домой. Скучая по дому, каргинские школьники зачастую отправлялись домой пешком, не дожидаясь родителей. Это около 20 километров, дважды нужно было перебраться через Обь! Сегодня такое просто невозможно представить... Но тогда это никого не удивляло. Средняя школа и интернат при ней находилась в Усть-Тыме, за 40 км от Карги, куда со всех окрестных деревень съезжались ученики, которые хотели получить среднее образование. В Усть-Тыме учились ребята из Карги, Казальцева, Вертикоса и других сегодня уже исчезнувших с карты деревень. Это была не только школа, а настоящая школа жизни, там учились дружить, быть самостоятельными и ответственными. Старшие опекали младших, не давали в обиду... Так и росли, и набирались ума-разума. Все мы учились в школе хорошо, старались, не огорчать родителей, а радовать успехами в учебе. Мы, младшие всегда гордились старшим братом Александром, наши учителя помнили его как самого способного ученика...

Наши родители всегда сожалели, что не смогли продолжить учиться, успев до войны закончить только по 7 классов. У нас в семье всегда любил читать, была у нас небольшая библиотека, родители выписывали газеты

и журналы, особенно ждали свежий номер «Роман-газеты», который отец читал нам вслух по вечерам. Всем нам, шестерым детям, родители дали образование, всегда гордились нашими успехами. И мы безмерно благодарны родителям за их родительский и жизненный подвиг.

Родился А. К. Шпетер 2 мая 1952 года в с.Тымск Каргасокского района Томской области, куда были сосланы его родители. Отец — Шпетер Карл Карлович. Мать — Шпетер Анна Самуиловна (урожденная Эльшайдт).

Окончил Усть-Тымский интернат, пытался поступить на физический факультет ТГУ, но не прошёл. Год отработал в деревне на лесоповале.

В 1970 г. был призван в ряды Вооруженных Сил, служил командиром расчета гвардейской части ракетных войск стратегического назначения. Хотел стать лётчиком, но из-за травмы правой руки пришлось отказаться от этого и поступить в Томский инженерно-строительный институт (ныне ТГАСУ).

В 1977 окончил факультет промышленного и гражданского строительства Томского инженерно-строительного института. Начал работать в 1977–1983 годах — прорабом на Томском домостроительном комбинате, и в 1983–1990 годах переведён в Стрежевой — начальником на участок крупнопанельного домостроения, позднее преобразованного в ПМК-90.

В 1990 году был назначен на должность начальника Томского домостроительного комбината.

В 1993 году окончил отделение высшего управленческого персонала школы менеджеров Центра гуманитарных исследований при Томском государственном университете.

В 1996 году начал формирование холдинговой структуры (ТДСК), и в настоящее время Генеральный директор открытого акционерного общества «Томская домостроительная компания».

Кандидат экономических наук, Почетный профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета, Академик Международной академии реальной экономики (МАРЭ), Заслуженный строитель Российской Федерации, награжден медалью "За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири" и золотым почетным знаком "Достояние Сибири", орденом «Томская слава», Почетной грамотой Государственной Думы Томской области. Депутат Законодательной Думы Томской области.

Жена Людмила Павловна Шпетер в «Промстройбанке» возглавляет отдел. Две взрослые дочери, Анна и Наталья, закончили ТГУ, Анна работает в ТДСК, Наталья живёт и работает в г. Сочи.

Видом на жительство не служит,
при утере не возобновляется

СПРАВКА

Дана гражданину(ке) Шпетер Карлу Карловичу 1927

" _____ " года рождения, уроженцу(ке) с. Усть-Тым Саратовской обл.

по национальности Немец гр-ну(ке) СССР в том, что он с учета спецпоселения снят.

Справка выдана для предъявления в райотдел милиции МВД по месту жительства, на предмет получения паспорта без ограничительной отметки.

Начальник Каргасокского РОМ МВД
по Томской области *(подпись)* (ПЕТРОВ)

3 - Усть-Тым 1956 год

№ 238

Тип. «Северная правда» Заказ № 602. Тираж 4000.

КОПИЯ

СПРАВКА

Дана ШПЕТЕР КАРЛУ КАРЛОВИЧУ 1927 года рождения в том, что он вместе с родителями в 1941 году был выселен из гор. Саратова как член семьи немецкой национальности, согласно Указа ПВС СССР от 28/УШ-41 года в Томскую область, Каргасокский район, п. Усть-Тым.

С учета спецпоселения снят 10/11-56 года на основании Указа ПВС СССР № 129/23 от 13/Х11-55 года.

Каргасокского РОМД

по месту жительства милиции

/Г.Ф.Фатеев/

Лев.

Чем...

29.03.92 г.м.

М.А.Галец

/М.А.Галец/

МВД РФ

УВД АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Справка о реабилитации

Выдана: Шпестер Карл Карлович,
1927 года рождения

в том, что Управлением Внутренних дел Администрации
Томской области пересмотрены материалы (дело) по обвинению
его, лица немецкой национальности,
военного на основании Указа ПВС СССР
от 28.08.47. из Саратовской области
в Томскую область в 1947г.
С учета снят 3.01.56г.

и он(она) признан(а) Реабилитированным на основании
Закона РСФСР " О реабилитации жертв политических
репрессий " от 18 октября 1991 г.
ст. 3 пункт " В "

Начальник ИЦ при УВД Администрации
Томской области
полковник милиции

исп. Шаваридишвили

" 29 2 95 199 г.

А/г № 22111
№ 22103

Софья Адамовна ШпETER

Карл Карлович ШпETER

Анна Самуиловна Эльшайдт

ШпETER Александр Карлович

Списки выпускников

1966 год

Барышев Борис
Бузунов Владимир
Грищенко Надежда
Дайкер Эльвира
Демидова Валентина
Индаев Александр
Скирневская Валентина
Сорокин Михаил
Сунгуров Николай
Югин Николай

1967 год

Боярский Леонид
Боярская Татьяна
Вилкин Петр
Вогулькина Мария
Долженков Виктор
Иванова Любовь
Кноль Владимир
Кремер Мария
Логинава Нина
Мымрина Наталья
Сычина Ольга
Типсина Нина
Тиханова Нина
Фатеев Николай

1968 год

Боярский Сергей
Брусова Зоя
Демидова Людмила
Кноль Валентина
Малетин Геннадий
Малетина Тамара
Михайлова Валентина
Мякуш Мария
Никитин Николай
Нитягина Надежда
Панова Анна
Приходько Геннадий
Солнцев Николай
Прясин Григорий
Терешкина Лариса
Титова Любовь
Чимитова Валентина

1969 год

Арьянгина Нина
Зотина Людмила
Зубкова Зоя
Коркина Нина
Молодцов Петр
Прясина Анфиса
Прясина Валентина
Рааб Ирина
Старикова Нина
Сухушина Татьяна
Фатеева Ольга
Федорова Валентина
Фомин Борис
Ховалкина Валентина
Шптер Александр

1970 год

Аристова Людмила
Артюшенко Георгий
Вережкина Людмила
Волков Дормидонт
Вялова Ольга
Гаврилова Валентина
Гришаев Борис
Гришаева Любовь
Кремер Анна
Кинареева Валентина
Лазарева Вера
Рольгейзер Светлана
Рольгейзер Юрий
Рылов Валерий
Судаева Галина
Тарасова Раиса
Фатеева Татьяна
Черненко Анатолий
Чемлякова Елена
Чимитова Анна

1971 год

Брусков Василий
Вягриянов Алексей
Дьяков Александр
Золотарева Людмила
Косых Николай
Серебрянникова Татьяна
Мосина Людмила
Панова Людмила
Прясина Ольга
Соколов Борис
Фатеева Галина

1972 год

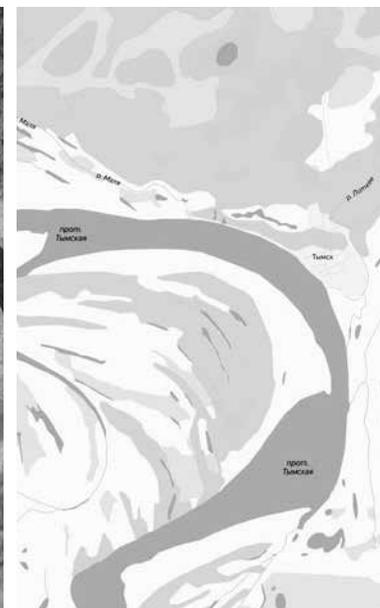
Альбах Виктор
Большас Валентина
Гардер Людмила
Захарова Валентина
Гаялмова Валентина
Косых Владимир
Кноль Мария
Микушина Нина
Мишустин Сергей
Рольгейзер Лидия
Струмилова Галина
Тарасова Галина
Фатеев Анатолий
Фатеева Светлана
Чинакова Надежда

1973 год

Анисимова Любовь
Белоконь Николай
Гардер Артур
Грефенштейн Александр
Кинцель Владимир
Набуллина Галина
Панова Тамара
Прудников Владимир
Севостьянова Любовь
Смирнов Александр
Сорокина Любовь
Судаев Виктор
Терентьев Михаил
Чинакова Татьяна

Встреча А.К. Шпетера с ветеранами Союза ВДДИ Томской области: Терехов Б.И, Персов С.Г. с сыном Левой и Долдин Н.И. 13 августа 2019г.

Посёлок Тымск

Памятная дата России

**Елена Васильевна Анненко,
руководитель школьного краеведческого музея с. Тымск**

**Это день памяти жертв политических репрессий.
В этот день проходят митинги и открытые уроки истории**

Наше село Тымск основано в 1727 году. Находится в глухой сибирской тайге. Оно и стало местом ссылки и репрессий. В разные годы сюда ссылали священнослужителей, немцев Поволжья. Пострадало от репрессий и местное население. Поэтому собравшись в канун этого дня, всем нам было кого помянуть. Выступили наши юные краеведы. Из докладной записки епископа Рыбинского Иоанна от 1 мая 1933 года известно, что в Тымске на тот момент ссыльных духовного звания было свыше ста человек, а в селе всего насчитывалось 90 хозяйств.

Есть воспоминания старожила села Василия Михайловича Майкова. Его в 30-е годы крестил священник, сосланный в Тымск. Он жил в доме отца и матери Василия. Крещение проходило в избе, купель установили в центре дома, у печки.

В 2006 году миссионерский отдел Томской епархии установил на старом кладбище деревянный крест с надписью: «Вечная память невинным душам, упокоенным здесь в годы безбожия». Пик массовых репрессий не обошел стороной даже такое далёкое село, как Тымск.

В эти годы были репрессированы прапрадедушки некоторых наших краеведов — Даши Анненко, Ани Мармошкиной, Кати Эльшайдт. Репрессирован Михаил Майков (отец Василия Майкова, труженика тыла) и Пантелей Фатеев (отец фронтовика Ивана Фатеева и прабабушки Кати — Александры Пантелеевны Стариковой). Судьба их трагична.

Один пропал в Хабаровских лагерях, другой был расстрелян в Колпашеве. Об этом рассказали в своем выступлении девочки-краеведы школьного музея. В течение всего нашего сбора и разговоров у нас горели поминальные свечи. Ведь для многих из нас это не просто печальная страница истории, это личная трагедия. Говорить об этом тяжело, больно, но надо, чтобы люди знали и помнили.

Не дай Бог! Чтобы не повторилось никогда больше такое.

Я думаю, пока есть мы, живые,
Пока потомки наши будут жить,
В День памяти всегда по всей России
Свечам гореть, поминовенью быть.
Горят пусть свечи светом негасимым,
И пусть в сердцах людей не гаснет свет.
Я верю: наша Родина, Россия
Жертв не забудет, не забудет. Нет!

Учащиеся и педагоги Тымской школы Каргасокского района

Небесный партизан «Денис Давыдов»

Владимир Радаев, г. Ульяновск, 3 Мая, 2017 г.

**Ужас на фашистов наводил наш земляк Ерофеевский Африкант,
беспощадно бомбил их на своем бомбардировщике.**

Из Сибири на Волгу

26 марта 1917 года в далеком сибирском селе Тымск Томской губернии в крестьянской семье Ерофеевских крестили младенца. Дьячок, полистав святцы, сказал: «Ныне день Африканта». Мать Мария Ипатьевна удивилась: «Что это за имя?». «Раз в святцах есть, — пояснил служитель, — значит, славянское». Когда до далекой сибирской губернии дошла весть о свержении царя, ссыльный отец Платон Ерофеевский решил со своей многодетной семьей выбираться в Европейскую часть России. С 1921 года проживал в Тобольске. Получил неполное среднее образование. К 1934 году Ерофеевские наконец прибыли на Волгу в Ульяновск и поселились на улице Красноармейской в добротном доме с обширным приусадебным участком.

Африкант после окончания семилетки работал пионервожатым, затем учителем физической культуры. В 30-е многие мальчишки бредили авиацией. Не был исключением и этот юноша. В 1936 году Ерофеевский был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. И когда, его вызвали в военкомат, то он изложил свою просьбу. Сначала его направили в местный аэроклуб, а затем он стал курсантом Ульяновской авиационной школы. По ее окончании перспективного авиатора направили в Пермскую школу пилотов.

«Русфанера» страха не знает

С июня 1941 года — на фронтах Великой Отечественной войны. Летал на самолёте «По-2». Два раза был подбит и был вынужден садиться в лесных массивах. За годы Великой Отечественной войны Африкант Ерофеевский совершил 1034 боевых вылета. Это был настоящий рекорд. Воздушной армией, в которую попал осенью 1941 года Африкант Платонович, командовал известный летчик генерал Полынин, отличившийся в боях в Испании на стороне правительства республиканского. Самым памятным боем для пилота Ерофеевского стал бой на подступах к Ленинграду. Задача его эскадрильи состояла в том, чтобы задер-

Африкант Платонович Ерофеевский (второй слева — без наград, усов и бакенбард) с офицерами 717-го бомбардировочного полка у дома, 1943 г.

Перед ночной бомбардировкой позиций врагов, 1-й Белорусский фронт, 1944 г.

жать немецких танкистов и не дать им перерезать железнодорожную линию, снабжавшую Ленинград припасами и продовольствием. За световой день приходилось делать по четыре — пять вылетов. Бомбовые удары пилотов принесли немалый ущерб наступающим частям германской группировки «Север».

Первую статью о нем написал известный писатель Николай Задонский, проживавший в Ульяновске в апреле 1945 года. Он побывал в семье Ерофеевских и познакомился с матерью летчика Марией Ипатьевной. Она родила десять детей. Трое из них к тому времени погибли на фронте. За их смерть достойно отомстил Африкант. Перед Задонским Мария Ипатьевна выложила фронтовые фотографии сына-летчика и газетную заметку с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года. В тексте говорилось, что Африкант Платонович Ерофеевский награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм».

Майор Ерофеевский словно родился в рубашке. Почти из всех переделок на фронте он выходил невредимым. У него было две вынужденных посадки в тылу врага, но он сумел через линию фронта вернуться на «большую землю», хотя сослуживцы уже считали его без вести пропавшим. Впрочем, двух ранений герой все же не избежал. Ерофеевский частенько возвращался на аэродром с многочисленными пробоинами в бомбардировщике. И хотя командир эскадрильи сказал, что на таком самолете ему опасно подниматься в воздух, Африкант, наскоро заделав пробоину, настоял на своем. Накануне из письма, полученного из дома, он узнал, что погиб его старший брат, и решил отомстить гитлеровцам. Чтобы повысить боеспособность своей «русфанеры», как ее называли немцы, Африкант вместе с авиаинженерами увеличил грузоподъемность самолета, чтобы брать больше бомбового груза, вооружил стрелка пулеметом. Верткий самолет для немецких зениток был неуязвим, он летел на малой высоте и быстроходные немецкие истребители не могли нанести по ночному бомбардировщику удары из своих пулеметов. Африкант Платонович не единожды, применяя ловкие маневры, уходил от охотившихся за ним немецких «мессеров».

Знаменит был не только усами

В 1943–1944 годах эскадрилья Ерофеевского действовала в юго-восточной Белоруссии на 1-м Белорусском фронте, которым командовал

маршал Константин Рокоссовский. К тому времени у ульяновского летчика стало немало учеников из нового пополнения. Об этих отважных пилотах шестой армии писали известные писатели Вера Инбер, Сергей Михалков. Они сочиняли стихи, которые публиковались в центральных газетах. Упоминалось среди героев и имя Ерофеевского. Известный поэт Сурков в своем стихотворении сравнивал его с партизаном Отечественной войны 1812 года Денисом Давыдовым. У Африканта были такие же роскошные гусарские усы, но главное — такая же невероятная смелость и отвага.

Особенно памятным для летчика был вылет ночных бомбардировщиков без прикрытия истребителей на немецкие укрепления и аэродром белорусского города Ковель. Стояла задача уничтожить их. Почти половина самолетов тогда не вернулась обратно, но цель была достигнута. И вновь самолет Ерофеевского, на борту которого был изображен профиль Дениса Давыдова, потребовал серьезного ремонта.

Когда войска маршала Рокоссовского подошли к пригороду Варшавы, ночные бомбардировщики оказали неоценимую помощь восставшим против гитлеровцев жителям польской столицы. По наводке с земли они бомбили фашистов, сбрасывали для повстанцев медикаменты и продовольствие. Командующий воздушной армией поручил опытному летчику Ерофеевскому стать наставником для окончивших нашу летную школу польских пилотов Войска Польского.

Мать героя — тоже героиня

Вместе с белорусским фронтом шестая воздушная армия подходила уже к Одру, за спиной у отважных летчиков были Белоруссия, Польша. Готовилась берлинская операция. Фронт возглавил маршал Георгий Жуков, который очень ценил действия авиации и поставил перед летчиками задачу успешно форсировать последние гитлеровские рубежи.

...Перед началом берлинской операции для шестой воздушной армии наступила пауза. Необходимо было пополнить летный состав, кроме того, прибыли новые боевые машины. Командующий армией Польшинин хорошо знал Африканта Платоновича и поручил ему опекать прибывшее пополнение последнего военного призыва. Несколько раз ульяновскому летчику приходилось встречаться с Польшининым и даже летать вместе на боевые задания. На разборе полетов командарм отмечал высокие летные качества Африканта Ерофеевского, приводил в пример успехи его бомбометания. Он подчеркивал скромность выпускника Ульяновской летной школы

и Пермского училища, его деловитость, спокойный характер. Ерофеевский пользовался большим уважением у летного состава, а в свободные минуты он был заводилой в компании.

Из письма от матери Африкант Ерофеевский узнал, что ей, родившей девять сыновей и одну дочь, правительство присвоило звание «Мать-героиня». Трое сыновей Марии Ипатьевны погибли, защищая Отчизну. Еще один сын рвался на фронт, но мать настояла, чтобы он окончил военное училище. Самый младший был еще пионером, но тоже мечтал со временем стать военным, как его старший брат Африкант. Узнав о присвоении матери Африканта звания «Мать-героиня», за успехи в боевых действиях генерал Польшин предоставил нашему земляку кратковременный отпуск. И вот он снова в Ульяновске. В доме Ерофеевских в день его приезда собрались все соседи посмотреть на отважного летчика, послушать его рассказы о боях с гитлеровцами.

И на вертолёте летать мастак

Конец войны Ерофеевский встретил в должности командира бомбардировочного авиаполка и после окончания войны продолжил службу в Советской армии. Впрочем, случались в летной послевоенной биографии героя и аварии. Но наш «Денис Давыдов» снова выходил из переделок целым и невредимым. Характерно для него то, что он, летавший в во-

енные годы на многих боевых самолетах, сумел освоить вертолет Ми-4, когда потребовался опытный пилот. Лётчики его полка первыми в СССР освоили вертолёты «Ми-4». Ерофеевский поднял в воздух первый вертолёт, предназначенный для экспедиции в Антарктиду. Во время этих испытаний вертолёт с небольшой высоты рухнул на землю, Ерофеевский чудом был спасён, но долгое время находился в госпитале. После возвращения в строй командовал авиадивизией.

В 1961 году в связи с выслугой лет и последствиями ранений в звании гвардии полковника он был уволен в запас. Ерофеевский поселился со своей женой в Туле, где работал начальником Тульского аэропорта. Каждый раз в День Советской Армии 23 февраля и в День Победы 9 мая, он надевал свой парадный китель с многочисленными наградами и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Был также награждён тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, рядом медалей... В 1975 году А. П. Ерофеевский отметил юбилейный День Победы. До следующего праздника он, еще не старый человек (ему было 58 лет), немного не дожил. Скончался 18 марта 1976 года и похоронен на Смоленском кладбище Тулы.

В Ульяновске, к сожалению, об этом герое мало что напоминает. Не сохранился дом, где жила семья Ерофеевских. Его именем не названа ни одна из городских улиц, что кажется несправедливым. Лишь короткая биографическая справка в хрестоматийной книге «Шагнувшие в бессмертие» об ульяновских защитниках Родины в годы Великой Отечественной рассказывает об этом удивительном человеке и его замечательной семье.

Гроза фашистских самолётов

Виктор Никитин, 4 Апреля 2018 г.

В этом человеке было всё необычно: от имени до биографии. Он стал первым в мире лётчиком, который совершил 1 250 боевых вылетов и первым Героем Советского Союза в своем соединении. Его грудь украсили Золотая Звезда, орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, многие медали.

Будущий командир эскадрильи ночной бомбардировочной авиационной дивизии Северо-Западного фронта майор Африкант Платонович Ерофеевский родился 26 марта 1917 года в селе Тымск Каргасокского района Томской области в многодетной крестьянской семье. Образование неполное среднее. С 1921 года жил в городе Тобольске, с 1934 года —

в Ульяновске. Здесь он работал пионервожатым, затем преподавателем физкультуры в неполной средней школе № 4.

В Красной Армии с 1936 года. Окончил Ульяновскую, а затем и Пермскую военно-авиационную школу пилотов. Великая Отечественная война застала его в Ленинградском военном округе. И воевать он начал с первого дня. На войну отправились семь братьев Ерофеевских. Один брат — в артиллерии, другой — в кавалерии, третий — в авиации, четвёртый — на флоте, пятый — в пограничниках, двое — в пехоте. Пятеро — Сазонт, Александр, Иннокентий, Константин и Владимир — пали смертью храбрых на полях сражений.

Африкант воевал в Прибалтике, летал на деревянном самолёте «РЗТ». Машина часто возвращалась на аэродром изрешечённой пулями и осколками снарядов. Но как только к ней подвешивали бомбы, лётчик снова поднимал её в небо. В августе 1941 года Ерофеевский был тяжело ранен. Но после госпиталя снова вернулся в авиацию и сел за штурвал. Отчаянный и дерзкий, он всегда был на волосок от смерти. Многие знали о его комбинезоне. Из одного полёта Африкант возвратился с 18 пробоинами в нём. И что удивительно: комбинезон, что называется, в решето, а у лётчика не царапины. Или такой случай. Возвращался Ерофеевский с задания. До аэродрома рукой подать, а тут вдруг немецкий истребитель «Мессершмитт-110», машина скоростная, маневренная, а под Африкантом Платоновичем фанерный «ПО-2». На таком самолёте далеко не убежишь. И принялся наш лётчик фашиста «крутить». То в «петлю» уйдёт, то в «бочку», то «свечку» поставит. Продолжалась карусель самолётов минут 20, пока наш не выбрал нужного момента и не всадил в немца два реактивных снаряда, самолёт фашиста на землю так и рухнул.

«Я летал на самолётах разных марок, — рассказывал Африкант Платонович. — Почти на всех наших советских, на английских, американских и даже немецких с их опознавательными знаками. Но больше всего на «фанере» — маленьких, лёгких, маневренных самолётиках, которые лучше всего подходили для спецзаданий и особых поручений командования». Что это были за поручения, теперь хорошо известно. На тихоходных машинах Ерофеевский вёл воздушную разведку вражеских позиций, уничтожал огневые точки фашистов, перебрасывал через линию фронта советских разведчиков и руководителей партизанского движения. За их выполнение легендарный Семён Михайлович Будённый прозвал Ерофеевского «воздушным гусаром», а известный поэт Алексей Сурков посвятил ему стихи.

Четырежды на самолёте Ерофеевского пересекал линию фронта легендарный советский разведчик Николай Кузнецов, о подвигах которого написана документальная повесть «Это было под Ровно» и снято несколько кинофильмов.

Но больше всего Африканту Платоновичу запомнился случай с высадкой во вражеском тылу 18-летней разведчицы. Едва она успела покинуть кабину самолёта, как к месту приземления ринулись полицаи. Девушка получила ранение. Тогда пилот бросился в воздушную атаку, выпустил в полицейских реактивный снаряд, а потом долгие полчаса сдерживал их, не давая оторвать головы от земли, пока юная разведчица не скрылась в густой чаще. Он, кстати, потом встретил её в Кремле, где им обоим вручали награды.

Будучи командиром эскадрильи ночных бомбардировщиков, Ерофеевский в совершенстве владел техникой пилотирования и выполнял самые сложные задачи при любой погоде. Всего под его умелым и отважным руководством эскадрилья бомбила передовые позиции немцев Две тысячи пятьсот тридцать один (2531) раз!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Конец войны он встретил в должности командира бомбардировочного полка.

После войны полковник Ерофеевский командовал авиационным полком в городе Каунасе, испытывал первые вертолёты «Ми-8». Совершал полёты в Заполярье. Участвовал в антарктической экспедиции. Командовал авиадивизией. В 1961 году вышел в запас. Был начальником аэропорта гражданской авиации в городе Тула. Умер 18 марта 1976 года и похоронен на Смоленском кладбище. В этом городе на здании школы, где он учился и на доме, в котором жил, установлены мемориальные доски.

В боях за Родину. 9 мая 2010 г.

А. Я. Пшеничкин, 1936 г. р.,

выпускник 1951 г. Кругловского детдома

Собирая материалы по истории детских домов Томской области, я долго не мог найти хоть что-либо о бывших детдомовцах, участвовавших в Великой Отечественной войне. Хотя я точно знал, что бывшие детдомовцы воевали: сам участвовал в проводах в 1943 году из Кругловского детского дома (Колпашевский район) двух бывших воспитанников, которые после детдома работали у нас подсобными рабочими. Провожали мы их всем детдомом до пристани Березовка, где посадили на пароход, идущий в Томск. Имен и фамилий я их, к сожалению, не помню. Вернулись ли они с войны или героически погибли — тоже не знаю.

В детском доме у нас одной из любимых книг была повесть «Атаман Пузырь», изданная Западно-Сибирским краевым издательством в 1936 г. Авторами ее были бывшие воспитанники трудовой коммуны УНКВД «Чекист» Е. Дульнев, Б. Иртышский, В. Корнев. Коммуна располагалась в пригороде Томска в районе нынешнего г. Северска. В повести описывается история перевоспитания бывших несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей 20-х годов, которых собирали по всей Сибири. Книгу мы зачитывали до дыр, ее героям подражали, т. к. судьба героев повести нам, детдомовцам, была близка и наша жизнь детдомовская чем-то была похожа на жизнь в коммуне «Чекист».

Недавно, с интересом перечитывая любимую повесть, изданную Томским книжным издательством в 1960 г. И в Послесловии авторов обнаружил несколько историй участия бывших воспитанников трудовой коммуны «Чекист» в Великой Отечественной войне. Прототип главного героя повести Валентин Спичкин старший сержант Иван Бочкарев в годы войны, будучи командиром орудия, исходил тысячи километров по военным дорогам, проявил себя бесстрашным и находчивым артиллеристом. На подступах к границам Венгрии он с группой бойцов орудийного расчета взял в плен немецкого генерала. За что был удостоен правительственной награды. После войны Бочкарев вернулся в Томск. Работал на стройках каменщиком. Не один дом «помнит» тепло рук почетного строителя города Ивана Бочкарева.

Сергей Корочкин был прообразом обаятельного Витьки Золотого. Сергей начал свой путь в коммуне в сапожной мастерской подма-

стерьем. Был он отличным танцором и участвовал в художественной самодеятельности коммуны. Выступал с концертами перед трудящимися Томска, Новосибирска, Москвы. Накануне войны Сергей по комсомольскому набору из Томска был призван в ВМФ и попал в Краснознаменную Амурскую военную флотилию. Службу на боевом корабле матрос Корочкин начал дальномерщиком. Но вскоре был отозван полтотделом в матросский ансамбль песни и пляски. В 1945-м мичман Корочкин в составе Второго Дальневосточного фронта участвовал в боевом походе против японских захватчиков. За боевые заслуги перед Родиной мичман Корочкин награжден правительственными наградами. После войны был солистом в Дальневосточном флотском ансамбле песни и пляски.

Василий Блинков — Вася-сорванец из повести «Атаман Пузырь», вихрастый курносый пацан, несколько раз пытался бежать из коммуны в родные Минеральные Воды. Но каждый раз его возвращали. После выхода из коммуны Вася Блинков работал шофером в одном из совхозов Новосибирской области. Позднее окончил с отличием пехотное военное училище. Войну коммунар «Чекиста» встретил на передовой. Храбрый офицер Блинков дошел со своей частью до Будапешта. Был не раз ранен, но снова возвращался в строй. Он был награжден многими боевыми орденами и медалями. После войны Василий Павлович работал на Томском шпалопропиточном заводе мастером.

Один из героев повести «Атаман Пузырь» Василий Васильевич Васин (вероятно, это не настоящие фамилия и имя, а придуманные им в далекие беспризорные времена) после трудовой коммуны 15 лет прослужил в рядах Советской Армии. Если коммуна была для него хорошей школой, то армия, особенно в годы Великой Отечественной войны, стала академией. За боевые заслуги он был награжден многими орденами и медалями. После войны, демобилизовавшись, В. Васин окончил Томский политехнический институт. Работал в лаборатории института, был партгруппоргом.

Коммунар «Чекиста» Иван Погодаев не попал на фронт. Была бронь. После выхода из коммуны с аттестатом зрелости И. Погодаев стал оперативным работником милиции. За отличную службу его назначили начальником отделения милиции Туганского райисполкома Томской области. Затем его выбрали председателем колхоза имени XX партсъезда в этом же районе.

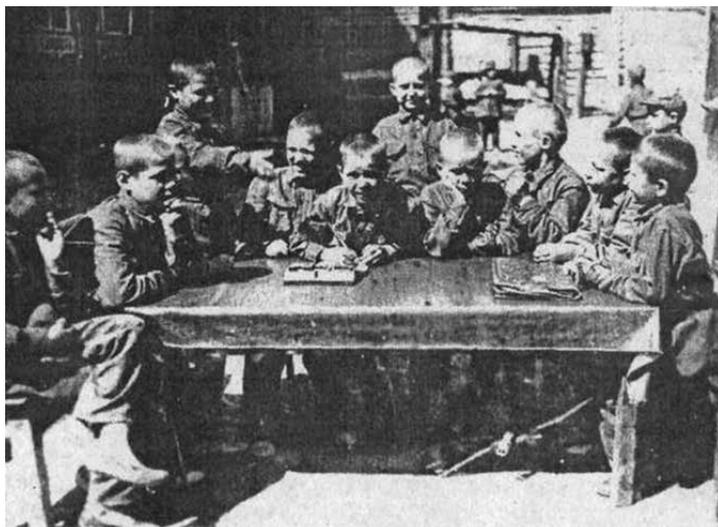
Авторы повести «Атаман Пузырь» все стали журналистами. Были активными участниками Великой Отечественной войны. Они были награждены многими боевыми наградами. Ерминингольд Васильевич Дульев пал смертью храбрых воинов под Москвой. После демобилизации Виктор Тарасович Корнев работал корреспондентом в Новосибирске, Борис Васильевич Иртышский был корреспондентом ТАСС по городу Ленинграду. Бывший воспитанник, а затем воспитатель Чичка-Юльского детского дома Леонид Федорович Антюфьев ушел добровольцем на фронт и погиб смертью храбрых.

В 1991 году посчастливилось мне побывать в гостях у бывшего воспитанника Владимировского приюта, который располагался рядом с тюрьмой (9-й корпус ТПУ) на Тюремном переулке (ныне ул. Аркадия Иванова) Александра Владимировича Алисова. Оказывается, одно время воспитателем у него был (как сейчас бы сказали — по совместительству) Андрей Григорьевич Савиных (студент-медик), будущий знаменитый хирург с мировым именем. Более 30 лет отдал службе в рядах Советской армии майор в отставке Алисов. В атаку ходить ему не пришлось — он занимался обеспечением боевой техники войск горюче-смазочными материалами. Орденами и многими медалями отмечены заслуги Александра Владимировича. По стопам отца пошли и три его сына — Борис, Юрий и Михаил и два внука — Сергей и Анатолий, сыновья старшего сына Бориса, генерал-лейтенанта артиллерии. Целая офицерская династия.

К сожалению, очень многих участников Великой Отечественной войны, бывших детдомовцев области, мы не знаем. И, вероятно, не узнаем: без отца и без матери — кому их помнить? **Но мы, бывшие детдомовцы, помним. И памятник Неизвестному солдату в Москве, и памятник погибшим воинам-томичам в Лагерном саду — это и им памятники...**

«Чекист» — трудовая колония

Л. А. Карасева//Северский меридиан.- 1999.- № 2.- С. 50–51.

Эти колоритные снимки воспитанников Детской трудовой коммун- ны (колонии) «Чекист» — таких, какими они прибывали сюда и какими становились со временем, размещены на стендах в школе № 78. Здесь стараниями и энтузиазмом учителя Любви Константиновны Сидоровой создан школьный музей, отслеживающий дальнейшую судьбу колони- стов. В частности, Виктора Корнева, одного из авторов известной книжки «Атаман Пузырь», ставшего профессиональным журналистом. Матери- ал статьи подготовлен редактором городского радио Л. А. Карасевой, он опубликован в сборнике «Северск. История и современность», Изда- тельство Томского университета, 1994 г.

Этот, в недавнем прошлом поселок, а сейчас один из наиболее совре- менных районов Северска, занимает территорию бывшей воспитатель- но-трудовой коммуны «Чекист». Основана она была в начале 30-х годов и просуществовала почти десять лет. Здесь получили «путевки в жизнь» сотни бывших беспризорников и малолетних преступников. В «Чекист» направлялись подростки, повидавшие на своем коротком веку нема- ло мерзости. Многие имели не одну судимость и солидный воровской стаж. Чем же объяснить, что, оказавшись в коммуне, эти прошедшие огни и воды ребята меняли свои привычки, поведение, отношение к жизни и становились впоследствии высоконравственными людьми? Обратим- ся к воспоминаниям бывших воспитанников коммуны, их наставников, а также тех, кто был с ними связан.

И. Жокин, воспитанник коммуны: «Вся юность моя и самые светлые дни прошли в именно этой коммуне. Здесь работал мой отец, и я при- шел сюда добровольно. Привлекла возможность учиться и работать. Коммуна — это уникальная коллекция детских душ, искалеченных бес- призорничеством и преступным миром. С расстояния в 50 с лишним лет я понимаю, как умело там был построен процесс спасения подростков. Никаких насильственных методов.

Территория коммуны не охранялась, никого здесь не держали. Прин- цип «кто не работает, тот не ест» соблюдался неукоснительно. Отработал смену — получи талоны на питание в столовую. В школе отзанимался — воспитатель выдает талоны на ужин. Прогулял — подожди, мальчик.

В. Корнев, один из авторов книги «Атаман Пузырь»: «Когда заходит речь о коммуне «Чекист», редко вспоминают, что это было не только вос- питательное учреждение, но и большой по тем временам промышленный комплекс. Все предприятия были построены самими ребятами. В цехах де- лали спортивную обувь, музыкальные инструменты, мебель, шахматы.

Виктор Корнев, бывший колонист, журналист

Это была не игра в производство, а настоящий труд, требующий определенных навыков и квалификации. Ребята прекрасно понимали, что создают реальные ценности. Например, гитары, мандолины, балалайки с маркой «Чекиста» были известны далеко за пределами области и значились в числе лучших.

Труд воспитанников оплачивался по государственным расценкам, в зависимости от его производительности и качества продукции. Даром в коммуне никого не кормили. Тех, кто постоянно лодырничал, попросту выпроваживали. Вот как это было: все выстраивались на улице. Лодырю вручали рогожное знамя и под барабанный бой выдворяли за пределы коммуны. И, знаете, они возвращались обратно, притихшие и готовые выполнять все требования. Коммуна не получала от государства никаких дотаций. Она полностью себя окупала и успешно развивалась. А куда и как тратить заработанные деньги — решали сами коммунары.

Управляющий коммуной был Иосиф Никанорович Дятлов, коммунист 20-х годов, чекист. Высокий, худощавый, наголо остриженный, всегда подтянутый и собранный, он казался суровым и строгим. Но ни один коммунар не припомнит случая, когда бы Никанорыч повысил голос, сказал грубое слово. Он был строг, требователен и предельно внимателен. Вся жизнь этого человека была на виду, его авторитет непререкаем. С любовью и уважением относились воспитанники к учителям Елене Ивановне Бакиной и Ивану Кузьмичу

Моничу. Но душой коммуны был Григорий Иосифович Казарновский, молодой чекист, посланец Новосибирской партийной организации. Он был доверчив и крайне справедлив, а это очень влияло на воспитание подростков».

В. Варакута, бывший воспитатель коммуны «Чекист», в прошлом сам воспитанник коммуны имени Заковского: «Жизнь в коммуне строилась по принципу самоуправления. Высшим органом власти было общее собрание коммунаров. Воспитатели здесь имели только совещательный голос. На собрании решались самые важные вопросы, связанные с развитием коммуны, что и как строить, что купить. Здесь же разбирали поступки и поведение коммунаров. Текущими делами занималось центральное бюро актива, куда входили председатели различных комиссий: хозяйственной, конфликтной, санитарной, школьной, а также воспитатели и управляющий коммуны. Но принимать решения центральное бюро актива права не имело. Основной принцип, по которому жили коммунары — это доверие. Магазин был без продавца, а заведовал им тоже воспитанник. Задача у него какая? Привезли пряники, конфеты. Он все это расфасует в кулечки, напишет цену, магазин открывает, а сам уходит. Отчитывался ежемесячно, и, вы знаете, были у него излишки, потому что воспитанники стеснялись брать сдачу».

В. Карван, воспитанник коммуны: «В 1936/37 учебном году я пришла в шестой класс школы, где учились воспитанники коммуны «Чекист». Учились вместе с одним из авторов книги «Атаман Пузырь» Виктором Корневым. В классе нас было 6 девочек. И я не помню случаев хамства, хулиганства, оскорблений со стороны коммунаров. Шутки и розыгрыши были, но чтобы по-настоящему обидеть — этого не было. С некоторыми воспитанниками мы дружили и даже ходили к ним в гости. Помню, пригласили нас послушать радиоприемник, который ребята собрали сами.

Корпус приемника был прекрасно отполирован, да и работал он вполне прилично. До сих пор помню концерты художественной самодеятельности. Какие яркие и красивые были у ребят костюмы! Хорошо помню солиста танцевального коллектива Сергея Корочкина. Настоящий виртуоз, он просто блистал на сцене. Были свои жонглеры, акробаты, певцы, тещы, духовой оркестр, джаз. В 1936 году в Москве состоялся смотр художественной самодеятельности 16 коммун и колоний страны. Коммуна «Чекист» заняла первое место. У нас была лучшая в Сибири летняя эстрада. На ней выступали такие знаменитости, как Леонид Утесов, Борис Ренский, Иван Маланин»...

Судьба колониста

Карасева Л.//Северский меридиан.- 2000.- № 4.- С. 32–33.

Трудовая коммуна (колония) «Чекист» — одна из наиболее ярких и поучительных страниц в истории Северска. И, прежде всего, интересен накопленный здесь уникальный педагогический опыт — та система воспитания, которая помогала формировать из малолетних преступников полноценных людей. Вникнув в ее суть, совершенно по-иному видишь проблемы сегодняшнего дня, особенно те, которые связаны с воспитанием подрастающего поколения. Мне хочется рассказать о человеке, благодаря которому мы имеем возможность в мельчайших деталях проследить историю становления коммуны «Чекист», почувствовать атмосферу, царившую здесь, понять что и каким образом действовало на умы и сердца бывших беспризорников.

Это рассказ об одном из авторов известной книги «Атаман Пузырь» Викторе Тарасовиче Корневе. Последние годы Виктор Тарасович жил в Новосибирске. Мне посчастливилось познакомиться с его вдовой Евстолией Никоновной Корневой. Основываясь на её воспоминаниях, а также на документах, которые она передала в музей 78-й школы, я и расскажу об этом удивительном человеке.

Виктор Корнев — с Украины. Родился он в Екатеринославской губернии, в небольшом городке Синельниково в 1917 году. Родителей своих он не помнил. С малолетства воспитывался в различных детских домах, из которых постоянно убегал. Став постарше, беспризорничал. объездил почти всю страну. В 16 лет, оказавшись в Москве, добровольно явился в Даниловский монастырь, где в то время находился детприёмник. Оттуда его вместе с другими такими же подростками повезли в Томск.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. Т. КОРНЕВА: «На товарной станции нас погрузили в пассажирские вагоны с решётками. Охрана усиленная. Поезд тронулся. Дорога оказалась длинная. Никто не знал о своей дальнейшей судьбе, предполагали, что везут на Колыму, на Соловецкие острова. Кормили хлебом, таранькой, сахаром. Всю дорогу играли в карты. Кто проигрывал свой паёк, сидел голодным. Кто выигрывал, тот имел избыток продуктов. Всю дорогу пели блатные песни. Были и драки. Вот один из эпизодов.

Не доезжая до Урала, беспризорников предупредили, что по дороге свирепствует чума. Не будут отпускать воду. А пить хотелось нестерпимо. Тогда взломали крышку бачка в туалете вагона. Набрали в ведро воды. Образовалась очередь. Один подросток полез без очереди. Иван Бочкарёв оттолкнул его и головой ударил в подбородок. Подросток упал. Блатные заметили это и пригласили Бочкарёва на верхние нары. С тех пор он стал командовать всем вагоном.

Наконец поезд остановился на станции Томск-1. Открылись двери вагонов, и ни одного охранника. Как ветром сдуло. Грянул духовой оркестр. Нас построили. Колонна в 700 человек проследовала к баракам, находившимся недалеко от станции. Там уже были беспризорники, прибывшие на несколько дней раньше, тоже из Москвы. Было объявлено, что подростки сами для себя начнут строить трудовую коммуны».

Фотографии тех лет. Вот они — беспризорники, приехавшие в Сибирь, чтобы начать здесь новую жизнь. Трудно поверить, что эти бродяги, привыкшие добывать пропитание воровством, картёжной игрой, а то и откровенным грабежом, сумеют со временем создать хорошо отлаженное хозяйство. И это хозяйство будет в состоянии не только дать пищу и одежду пятитысячной армии подростков, но и позволит иметь все необходимое для их физического и эстетического развития.

В коммуне кипела особая, совершенно не похожая на прежнюю жизнь, и Виктор Корнев старался наверстать как можно больше из того, что упустил в детстве. За четыре года он окончил семь классов, очень увлечённо занимался в литературном кружке. Вместе с двумя другими воспитанниками Ермингольдом Дульневым и Борисом Иртышским они написали повесть о своей жизни, которую назвали «Атаман Пузырь». Сами набрали её в своей типографии, напечатали, сброшюровали. Повесть посвятили Максиму Горькому и послали в Москву вместе с письмом. В письме отмечалось, что всем авторам вместе 54 года и что 15 из них они провели на улице.

После выхода книги в свет авторов премировали. И они, возомнив себя писателями, решили купить себе роговые очки. В окулярной, как тогда называлась оптика, с них потребовали рецепты. Пришлось идти в поликлинику. Но только у Иртышского было что-то неладно со зрением. Очки выписали ему одному...

Через месяц в коммуну пришло письмо от Горького. Тут же собрали массовый митинг и огласили его содержание. Заканчивалось оно советом юным литераторам: «Заведите-ка дневник и пишите изо дня в день все, что взволнует, поразит вас, о чём и как думаете за день. Такой дневник поможет вам научиться писать более искусно и будет заготовкой мате-

риала впрок. Желаю вам всего доброго, успехов в работе, крепкой дружбы. М. Горький». Коммунары очень дорожили и гордились вниманием великого пролетарского писателя и с большим прискорбием восприняли весть о его смерти.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. Т. КОРНЕВА: «Помню, как сейчас, летом было затмение солнца. Многие воспитанники вооружились закопчёнными стёклами, наблюдая за этим явлением природы. Ко мне подходит Дульнев и шепчет: «Умер Алексей Максимович...»

И сразу эта печальная весть окутала трауром коммуно... Экстренно вышла многотиражка. В ней авторы повести «Атаман Пузырь» поклялись больше никогда не возвращаться на улицу, стать честными, достойными гражданами и своей прекрасной Родины. Свои обещания они выполнили».

Виктор Корнев к двадцати годам стал совсем другим человеком. Жизнь в коммуне изменила его характер, интересы, привычки. Значительно расширился и его кругозор. Юноша много читал, продолжал писать сам, со временем стал работать в библиотеке коммуны уже как вольнонаёмный. С удовольствием занимался спортом. В 1938 году Корнева как лучшего бегуна Западной Сибири направили в Москву на всесоюзные соревнования легкоатлетов. Там он узнал о нападении японцев на нашу территорию в районе озера Хасан. Вернувшись в Томск, сразу же пошёл в военкомат. Его определили в полковую школу радистов. Так Виктор оказался в одном из дальневосточных укрепрайонов на Амуре. Здесь было решено издавать свою многотиражную газету с грозным названием «Шквал», и он два года работал в её редакции.

После армии Виктор Корнев вернулся в Томск и начал писать в городскую газету «Красное знамя». Вскоре его приняли в штат. Затем «Красное знамя» стало областной газетой, а отдел сельского хозяйства выделился в газету «Сталинская правда». Виктор Корнев был назначен её ответственным секретарём.

Однажды редакционные дела привели его в сельскую школу, где директором работала молодая девушка.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Н. КОРНЕВОЙ:

«Началось всё с розыгрыша. Он сказал: «Я назначен к вам преподавателем русского языка и литературы». У нас действительно в тот момент не было учителя-словесника, и я попросила у него направление... Но он рассмеялся и объяснил, что приехал из газеты по вопросам хлебоуборки.

Тем не менее, мы разговорились, он засиделся допоздна и остался ночевать. Я сразу почувствовала, что ему можно довериться и никаких

опасений по поводу его ночлега у меня не было. Вообще, Виктор Тарасович мне показался очень искренним человеком: не краснобай, не болтун, но очень интересный собеседник. На следующий день мне нужно было ехать в город, и мы поехали вместе. Так вот состоялось наше знакомство. Было оно очень недолгим, так как началась война. Виктор Тарасович торопился оформить наши отношения, и мы поженились».

А вскоре Корнев, отказавшись от распространявшейся на него брони, ушёл добровольцем на фронт. Было это 9 октября 1941 года. 1 декабря он прибыл в 185 стрелковую дивизию, которая размещалась в Химкинском порту (Москва). Там в это время находился и штаб маршала Жукова. Виктора Корнева направили в отдельную разведроту, где он не провоевал и двух месяцев. Затем тяжёлое ранение и контузия, после которых он остался инвалидом. Два года — в госпитале. Как только почувствовал себя лучше, стал проситься на фронт. Медицинская комиссия признала негодным, но он добился своего и отправился к месту военных действий в качестве солдата обоза. Попав в запасной полк в Семипалатинске, пристроился к маршевой роте и вскоре снова оказался на фронте в составе 91-й гвардейской стрелковой дивизии, которая стояла в обороне, вклинившись в территорию Восточной Пруссии. Здесь он добивается назначения в разведроту и уже на следующий день успешно участвует в поисках «языка». В активе Корнева немало удачных боевых операций, но на фронте в этот раз он был всего четыре месяца. В марте 1945 года вновь — ранение в голову. Уехать в тыл отказался. Подлечившись в медсанбате, вернулся в свою часть. С ней впоследствии попал через Большой Хинган в Китай.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Н. КОРНЕВОЙ: «Очень много он писал мне с фронта. Письма были всегда хорошие такие, тёплые, искренние. Когда он уходил на фронт второй раз после ранения, у нас была уже дочь Маша. Она родилась в сорок третьем. Когда Виктор Тарасович вернулся домой, ей было три года. Он вернулся в 46 году, имея девять боевых наград. Это был совершенно больной человек: очень сильно заикался, ноги и руки тряслись».

Семья оказалась в трудном материальном положении, и этот больной человек вынужден был работать. Взяли его на должность заместителя председателя комитета по делам физкультуры и спорта при Усть-Каменогорском облисполкоме. Здоровье постепенно восстанавливалось. Корневы снова переехали в Томск, и Виктор Тарасович занял должность председателя комитета физкультуры и спорта при Кировском райисполкоме. Снова

начал писать в газету «Красное знамя» и даже нашёл в себе силы заочно окончить библиотечный техникум.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ В. Т. КОРНЕВА: «В 1950 году меня без всякого испытательного срока приняли литсотрудником в сельхозотдел областной газеты «Красное знамя». Вскоре стал завотделом информации этой газеты. Проработав год, тяжело заболел. После лечения организовал выпуск заводской газеты «За новую технику» и редактировал её три года. Был принят слушателем областной партийной школы. Через год, переутомившись, в очередной раз попал в больницу. Учёбу пришлось оставить».

Так или иначе, Виктор Тарасович всю жизнь был связан с журналистикой. Работал в Московской области ответсекретарём Чеховской районной газеты «Красное знамя», в Томске был ответсекретарём многотиражки «Лес — Родине», несколько лет работал в различных периодических изданиях Новосибирска и Новосибирской области. Материалы Виктора Корнева публиковались в «Московском комсомольце», «Московской правде», в журнале «Советская потребительская кооперация», альманахе «Томск», в областных партийных и молодёжных газетах Томска и Новосибирска. Не раз он выступал по Московскому и Новосибирскому радио, по Томскому и Новосибирскому телевидению. Уже имея вторую группу инвалидности и строжайший запрет врачей работать, Виктор Тарасович оставался внештатным сотрудником газеты «Вечерний Новосибирск», написал повесть «Запорожская быль», рукопись которой Евстолия Никоновна Корнева также передала в дар музею 78-й школы Северска.

Что же можно сказать о Корневе, как о журналисте?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Н. КОРНЕВОЙ: «Чем он выделялся из своих коллег журналистов? Во-первых, тем, что был очень и очень начитанным человеком. Он знал всего Толстого, Чехова, и вообще русскую, да и советскую литературную классику он знал прекрасно. Его суждения по вопросам литературы не были дилетантскими. Они были основаны на глубоком осмыслении прочитанного. Это ставило Виктора Тарасовича в ряд самых образованных людей, хотя он и не имел высшего образования. Кроме того, он хорошо разбирался в экономике, живо интересовался политикой и ко всему прочему был великий труженик. В любую работу он вкладывал столько сил, сколько имел. И если что-то не успел сделать, то виной тому последствия тяжёлых ранений».

Корневы прожили вместе 48 лет. Вырастили дочь, которая став кинорежиссёром, связала свою судьбу с телевидением. Конечно, в семье случилось всякое, но ни разу в жизни Евстолия Никоновна не пожалела о том, что доверилась когда-то бывшему беспризорику и бродяге.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Н. КОРНЕВОЙ: «Я могу сказать, что таких людей, как Виктор Тарасович, не так уж много. Несмотря на беспризорность и бродяжничество в детстве, годы, проведённые в коммуне «Чекист», сделали его высоко нравственным человеком. Он был исключительно честен. Таких порядочных людей я просто больше не встречала в жизни. Он никогда никому не задолжал и не солгал. У него было правило говорить только правду, какой бы горькой она ни была. Виктор Тарасович никогда не льстил людям, в том числе и мне. Но не в его характере было осуждать кого-то. Если ему что-то не нравилось в поведении человека или в его характере, он говорил об этом прямо, в глаза и никогда не судачил за спиной. Вообще это был бескомпромиссный человек. Не прощал дурного ни себе, ни другим. Ещё мне нравилось в нём отсутствие всякого чиновничества. Я никогда не видела, чтобы он перед кем-то заискивал. Со всеми был на равных. Не стремился ни к карьере, ни к наживе.

Как инвалид войны и персональный пенсионер, он имел льготы, но стеснялся ими пользоваться. Например, ему райсобес предлагал машину. Он сказал: «Не надо! Я на ней ездить не могу, а дети пусть сами зарабатывают». У него были бесплатные железнодорожные билеты. Ни одного не использовал. Я их потом, после его смерти, все сдала. Даже когда ему прибавили пенсию, так он испугался, что произошла какая-то ошибка, и стал выяснять в собесе, чьи это деньги! Пройдя вот такую школу жизни и столько повидав и испытав, он остался очень порядочным. Никакая среда не смогла бы изменить его человеческое естество. Для меня он всегда был на голову выше всех, кого я знала. Возможно, кому-то покажется, что я его слишком идеализирую, но я так не думаю. Мне приходилось видеть его в различных ситуациях, и всегда он был самим собой».

Далеко не каждый человек оставляет о себе такую память. Виктор Тарасович Корнев действительно прожил содержательную и честную жизнь. Не уклонялся от опасностей, не перекладывал на чужие плечи того, что выпало нести ему, не кичился своими заслугами. Сам он искренне считал, что всем лучшим в своей жизни обязан Советской власти и трудовой коммуне «Чекист». Даже воспоминания об этой коммуне он озаглавил так: «Что дала Советская власть обездоленным, беспризорным детям».

Теперь это исторический документ, дающий основание полагать, что «Чекист» для детей, в нём оказавшихся, был всё же в большей степени трудовой коммуной, чем колонией. Иначе не написали бы трое её ребят «Атамана Пузыря» — книжку такую же простую и искреннюю, какой стала вся жизнь одного из её авторов — Виктора Корнева.

Кому коммуна, а кому — школа жизни

Сидорова Л.//Диалог. — 2002.- 27 сент.- С. 17

С каждым годом все дальше от нас история поселка Чекист, где в 1933 году было организовано учреждение для перевоспитания подростков, оставшихся без родителей либо покинувших отчий дом по разным причинам. Они не были преступниками, но многие из них прошли «школу» уличной жизни. Жители поселка и окрестных деревень называли их по-разному: беспризорниками, воспитанниками, колонистами.

В официальных документах их новое место жительства значилось так: первое отделение детской трудкоммуны Томской инспекции трудового коллектива молодежи полномочного представителя ОГПУ СССР по Западно-Сибирскому краю, а в простонародье — коммуна «Чекист-1».

Среди старожилов города остались единицы, кто хоть как-то был связан с этим контингентом. Коммуна располагалась в районе 78-й школы, где я являлась руководителем музея боевой славы. Вместе с ребятами мы восстанавливали историю минного завода, который находился на территории ДОКа.

Более десяти лет назад житель нашего города М. Е. Медведев дал мне адрес бывшего воспитанника С. В. Корочкина, прототипа Витьки Золотого из книги «Атаман Пузырь», написанной воспитанниками коммуны в 1935 году. Наша переписка продолжается и сейчас.

В будущем году исполняется 70 лет школе № 78 (бывшей 42-й) и коммуне. Я попросила Сергея Васильевича поделиться своими воспоминаниями в канун этого юбилея и задала несколько вопросов.

— Некоторые бывшие сотрудники исправительных учреждений и режимных органов утверждают, что коммуна была открытого типа. Так ли это?

— Меня привезли в колонию в 33-м из Даниловского детприемника-распределителя г. Москвы вместе с другими беспризорниками в эшелоне под замками, с конвоем. Мне было 14 лет, но я окончил к этому времени всего четыре класса. О какой открытости может идти речь? По периметру, окруженному деревянным забором с колючей проволокой, на вышках стояли часовые, на входе также была охрана. Представьте, что творилось бы, если бы этого не было. Выпивки, поиск закуски в соседних

деревнях, воровство кур, поросят. И попробуй крестьянин пикни — пацаны могли разнести всю деревню. Ведь после выпивки и драки в ход шли ножи, другие колющие предметы. Кто бы нас умирал? Охраны нет, один воспитатель в корпусе на 300–400 человек, которому не положено оружие. А мы на первых порах были бесшабашны и несознательны. Если бы колония была открытой, то все бы разбежались.

— Пока строилась коммуна, вы не учились, не было кружков. Чем вы занимали свободное от работы время?

— Играли в карты, которые делали сами. Мы могли выиграть десять пар брюк, а могли остаться в нижнем белье после проигрыша. Играли на все...

— Прошло столько лет, помните ли вы кого-нибудь, кто принимал участие в вашем перевоспитании?

— Конечно. Хорошо помню мастера музыкальной фабрики, который учил меня делать гитары. Это дядя Савелий Соколовский, высокий, лет пятидесяти, с пушистыми, цвета спелой ржи усами, и его наказ: «Сынок, (не Сергей, не Корочкин) вот сделаешь самостоятельно, без моей помощи гитару — будешь мастером и никогда не бросишь этого дела». Гитару я сделал, и не одну, а мастером не стал. Жизнь распорядилась по-другому. Но благодаря ему я научился понемногу играть на всех музыкальных инструментах. Директором музыкальной фабрики был Назаров. На Чекисте он находился вместе с женой. Удивительно красивая пара, лет по тридцать пять. Его жену мы называли ангелом. Однажды в гитарном цехе замкнуло электропроводку. Вбежав в помещение, он голыми руками оборвал горящий провод и предотвратил

пожар. Мы, видя это, были шокированы и одновременно восхищены его смелостью.

Так как я занимался в танцевальном коллективе, то в памяти остался образ руководителя агитбригады баяниста Николая Сутберга, а также бывшего воспитанника Большевской коммуны руководителя танцевального коллектива Филиппа Лазарева. Эрудированного, культурного и красивого начальника учебно-воспитательной части Г.О. Казарновского. Мы очень любили его и относились к нему как к родному отцу, потому что он любил нас. Художественная самодеятельность была его детищем. Он часто бывал в Москве и привозил нам ноты мелодий и сборники модных в то время песен. В один из таких приездов он, окруженный толпой ребят, стоял на улице и беседовал с ними. На нем было кожаное пальто. Вдруг кто-то обратился к нему: «Дядя Гриша (он нам разрешал так себя называть), у вас на пальто вошь!» Другой бы на его месте поморщился, встрепенулся, а он, улыбнувшись, сказал: «Ничего, кожа скользкая — соскользнет и упадет». И только он это произнес, как она тотчас упала. Все мы дружно расхохотались.

— А были ли в вашей жизни грустные моменты?

— Кажется, в 1936-году в Москве проходил Всесоюзный слет коммунаров. В его работе принимали участие самые лучшие ребята, в том числе и мы, участники самодеятельности. На заключительном концерте в Доме союзов присутствовал Сталин, члены политбюро. Нас приняли очень тепло, пригласили на банкет. На столах стояли такие деликатесы, которых мы не только не пробовали, но и никогда не видывали. За исполнение «Яблочка» и «Цыганочки» меня и партнера по танцам Женю Ишина наградили коверкотовыми костюмами песочного цвета, сорочками и галстуками. На Чекисте мы их положили в один чемодан. Однажды, придя из школы, решили полюбоваться обновками, но чемодан оказался пуст: все украли. Учительница безуспешно пыталась нас утешить—два семнадцатилетних парня плакали навзрыд.

— Мне известно, что вы являетесь прототипом Витьки Золотого из повести «Атаман Пузырь». Это так?

— Да, ребята, написавшие ее, ничего не выдумали. Еще в Москве я хорошо освоил науку по разрезанию карманов. На Арбатском крытом базаре вытащил у солидной тети кошелек. Внутри лежали какие-то бумажки. Не обнаружив денег, я со злости их порвал. Взрослые ребята позже посмеялись надо мной: это были торгсиновские боны, которые потом мы получали в коммуне, на них можно было все купить. С тех пор меня и про-

звали Золотым. С этой кличкой я и приехал на Чекист. А почему Витька, не помню. У нас почти все имели клички.

Второго героя книги мы называли Жечкой. Он танцевал со мной в одной группе. Небольшого роста, верткий, он смахивал на обезьянку. Маленькая головка, глазки-щелочки, большой рот и кривые ноги, которыми он выделял необыкновенные пируэты, акробатические движения. Добродушный и компанейский — его любили все.

— А приезжали к вам артисты?

— Конечно, Леонид Утесов, Дмитрий Покрасс, Борис Ренский со своим джазом, Михаил Дунаевский с ансамблем железнодорожников, Вадим Козин, Изабелла Юрьева. Кстати, Ренский договорился и взял на поруки в свой джаз моего напарника по танцам Ишина, а затем увез его в Москву. Больше его я не видел.

— В архиве В. Корнева (один из авторов книги «Атаман Пузырь») есть беседа о том, что дала советская власть обездоленным детям. Некоторые считают, что она ничего не дала, а эксплуатировала детский труд.

— Использование детского труда в корыстных целях — преступление. В коммуне же труд был элементом воспитания, в том числе и физического. Мы работали внутри коммуны. В мастерских осваивали профессии, выпускали продукцию для жителей Томска и окрестных деревень, зарабатывали себе на жизнь.

— А вы считаете коммуну школой жизни?

— Да, это настоящая школа жизни с 14 до 18 лет, первая ступенька нормальной самостоятельной жизни. Второй была армия.

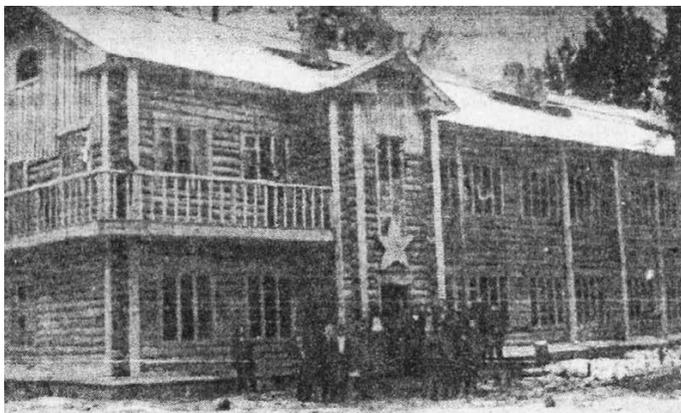
Сейчас Корочкин живет под Киевом. Увлекается литературой, пишет стихи, многие из которых посвящены Чекисту, Сибири. С теплом и грустью вспоминает он свою вторую Родину, давшую ему путевку в жизнь. Мечтает побывать в нашем городе, а ностальгию пытается заглушить книгами и публикациями в газете о нашем городе, о коммуне, которые по мере выхода в печати я ему отсылаю. В семье сына хранят как бесценную реликвию третье, издание повести «Атаман Пузырь», вышедшее в свет в 1960 году в Томском книжном издательстве. На ее титульном листе надпись: «Дорогому другу детства, юности и старости от всего сердца на добрую память. Б. Иртышский. 23.10.61 гг. Ленинград».

Места не отдалённые

Для всех нас название одного из районов города — «Чекист» — вполне привычно. И редко кто задумывается над тем, что название это не с потолка свалилось, а появилось задолго до возникновения города, как такового. В этом году исполнилось уже 65 лет с тех пор, как на станцию Томск-II прибыла первая партия колонистов, будущих жителей трудовой коммуны «Чекист». О том, как выглядели приезжавшие сюда, можно судить по сохранившимся фотографиям.

Началась история ИТК № 1 с бунта, который произошел в московской колонии закрытого типа. Учреждение это располагалось в Даниловском монастыре, а 2/3 его заключенных были уголовниками.

Бунт, вызванный задержкой не то обеда, не то ужина, очень быстро превратился в настоящую бойню. Колонисты вырвались на площадь перед монастырем, выворачивая попутно камни из булыжной мостовой. Наряды конной милиции, вызванные охраной, не только не исправили положение, а лишь усугубили его. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы не удалось найти управляющего колонией.

Человека этого колонисты очень уважали, и именно ему удалось найти убедительные слова, чтобы прекратить кровопролитие. Заключенным были выданы пайки, сигареты, карты. А ночью к монастырю подъехали крытые машины и без лишнего шума колонистов вывезли из столицы.

Железнодорожный состав следовал без остановок до Урала, не пополнялся даже запас питьевой воды. Бунтари Даниловского монастыря, попавшие в Сибирь, и стали по сути дела строителями колонии-комму-

ны. Решением Томского горисполкома Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов от 31 июня 1933 года под строительство коммуны было выделено 300 га земли на территории Архимандритской заимки.

Наверное, первым литературным документом, рассказывающим о первых днях трудовоммуны, является письмо одного из воспитателей. «Ну, друг, ничего кошмарнее не видел, как здесь. Во-первых, восемь тысяч ребят, ты представь себе эту картину. Здесь и блатьяки, и уркины, майданщики, и честные ребята... Сейчас есть 2 летних барака, в них 1000 человек. В бараках грязь вершка на два, не меньше, топчанов нет, соломы нет, спят на голом грязном полу друг на дружке, столовая вмещает всего 100 человек... Многие ребята босые, нет рубашек, здесь шпана чесоточная, просто скелеты, в Томске 3-й день снег, грязь по колено, у нас что-то невероятное, вследствие плохой организации питания многие остаются голодом, бродят по улицам Томска, на базаре загоняют манатки, воруют у населения картошку, терроризируют население, обируют прохожих... На сегодня ничего похожего на коммуну нет, есть пока банда, сегодня мы вечером уезжали на совещание, без нас сотворилась драка, 3 человека порезали...»

Кто бы мог представить, что через пару лет здесь будет уже деревянный городок со школой, больницей, несколькими фабриками, клубом, летней эстрадой и т. д.

Несмотря на то, что попервости погреба белобородовских и нахаловских жителей сильно страдали от «набегов» коммунаров, про колонистов плохого мало что говорили. Одним из излюбленных лакомств была курятина. Непотрошеную птицу вместе с пером запекали в глине. Когда-то на месте нынешних участков и пировали наиболее удачливые добытчики. Однако со временем предприятия «Чекиста» стали довольно-таки прибыльными. Большим подспорьем являлось и прочное подсобное хозяйство. Питание колонистов стало гораздо лучше казенного. Хлебопекарня снабжала хлебом даже психиатрическую больницу и Черемошники. Была возможность на заработанные деньги делать покупки в магазине. Кстати, этот одноэтажный магазин до сих пор стоит в самом начале ул. Победы. Любопытен был принцип его работы. Заведовал магазином один из колонистов. Привезет товар, расфасует, напишет цены и уходит. В качестве же продавца здесь служило доверие. Ежемесячные отчеты показывали, что в кассе оставались излишки, т. к. воспитанники стеснялись брать сдачу.

Распорядок дня в коммуне был довольно-таки строгим. В 7 часов подъем, и в зависимости от смены отправлялись кто в школу, кто на ра-

боту. И работали, и учились абсолютно все, т.к. многие, «бродяжничая по стране, и к 20-ти годам о грамоте имели представление весьма смутное. Работали колонисты в цехах, построенных собственными силами — это и обувной, где шили спортивную обувь и на продажу, и для себя; гитары, балалайки и мандолины, сделанные в музыкальном, можно было встретить по всей стране. В столярном цехе ребята сделали резные деревянные ворота и установили на входе в коммуну, к этим воротам не примыкали ни забор, ни какое-либо ограждение. Поскольку коммуна была открытого типа — никакой колючки и охраны здесь не было и в помине. Колонисты были вольны сами собой распоряжаться. Желавшие сбежать, конечно, были, да и сбежали, но обычно возвращались обратно. Упорядоченная, интересная, да и, надо сказать, сытая жизнь тянула к себе обратно. Однако если для ребятешек, которые до своего приезда сюда не знали не то что вкуса, но и того, как выглядят хлеб и сахар, новая жизнь была раем, были среди колонистов и такие, кто с содроганием вспоминал проведенные здесь дни. Директор музея 78-й школы Любовь Константиновна Сидорова отыскала со своими ребятами бывшую колонистку Наталью Рыкову. Колония была мужская, но каким-то образом попадали сюда и девочки. Наталья была из числа репрессированных, и с помощью друзей совершила побег. Воспоминания о пребывании в «Чекисте» у нее остались очень тяжелые, и сотрудничать с музеем, который среди всего прочего занимается историей ИТК-1, она наотрез отказалась.

Несмотря на очень загруженный день, колонисты умудрялись посещать всевозможные кружки. В 1936 году на смотре художественной самодеятельности, который проводился среди 16 коммун и колоний — ИТК-1 заняла 1 место. На летней эстраде, возведенной, разумеется, самими колонистами, выступали Леонид Утесов, Иван Маланин. На концерты и спектакли в коммуны собиралось едва ли не все население близлежащих деревень. Команда лыжников участвовала в соревнованиях не только в Томске и Новосибирске, но даже в Москве и отовсюду возвращалась с грамотами и призами. В Москве же на первом слете писателей Борис Иртышский — один из колонистов, член литературного кружка — узнал о ребятах из Иркутска. Идея иркутских колонистов, написавших книгу о своей жизни, очень приглянулась делегату из Томска. И через несколько месяцев Виктор Корнев, Борис Иртышский и Ермингольд Дульнев закончили книгу, которая хорошо известна многим жителям нашего города — «Атаман Пузырь». Незамысловатый искренний

рассказ о годах своей юности. Никого из трех авторов нет в живых. Все меньше и меньше остается людей, чья дорога в новую жизнь начиналась в «Чекисте». По выходе из колонии некоторые обзаводились семьями и оставались здесь же, в поселке. Обряд женитьбы — это, конечно, отдельная история. И всю ее в двух словах не расскажешь. Приведу лишь кое-какие моменты.

Будущие молодожены представляли перед высшим органом власти — общим собранием коммунаров. Сами понимаете, что это немалое количество народа. И смущенной паре приходилось терпеть этот экзамен, включавший в себя не только серьезные вопросы, но и шуточки, а шутки, естественно, разные бывают. Коммуна имела право знать планы молодых на будущее, ведь именно она обеспечивала новую семью всем необходимым на первое время. Обязательно давали комнату, выделяли лошадь, кровать с панцирной сеткой, посуду и даже бочку для солений.

По-разному сложились судьбы воспитанников «Чекиста». История сохранила (иногда, правда, отрывочные) сведения о некоторых колонистах. Главный герой повести «Атаман Пузырь» — Валя Спичкин — образ собирательный, но главным его прототипом стал Иван Бочкарев. После Отечественной войны, во время которой командовал артиллерийским орудием, он вернулся в Томск, где и работал долгие годы строителем. После 15 лет службы в Советской армии сюда вернулся Василий Васильевич Васин, а закончив политехнический институт, работал в одной из лабораторий.

Борис Николаевич Черепнин навсегда связал свою жизнь с другой колонией, находящейся в п. Дзержинка. Буквально до последних дней работал он там воспитателем.

Образ героя повести Витьки Золотого был навеян воспитанником Сергеем Корочкиным. Сергей Васильевич всегда был замечательным танцором, и с 41-го года по распоряжению командующего Краснознаменной Амурской флотилией его направляют в только что организованный ансамбль песни и пляски. После армейской службы больше 10 лет проработал инкассатором в Госбанке.

Офицер запаса Василий Павлович Блинков, вернувшись не в Минеральные Воды, а на свою вторую Родину — в Томск, работал мастером на шпалопропиточном заводе.

Питомец коммуны Иван Погодаев стал оперативным работником милиции, а позднее был председателем колхоза в Туганском районе.

Колонист Г.Ф. Дрыга работал всю жизнь в Комсомольске-на-Амуре на заводе «Азовсталь» металлургом. Его дети очень удивились, узнав от разыскавшей их Любви Константиновны Сидоровой о прошлом уже умершего отца.

Что же касается авторов книги «Атаман Пузырь», то Ермингольд Дульнев погиб в Великую Отечественную, Виктор Корнев работал в различных новосибирских изданиях, Борис Иртышский являлся корреспондентом ТАСС по г. Ленинграду. Пожалуй, та благодарность, которую большинство колонистов питает к своей второй Родине, звучит в словах, написанных Сергеем Корочкиным:

**На правых берегах Киргизки и Томи,
Мы с первых дней семьей единой жили.
Валили лес, ложили кирпичи,
И корпуса жилые возводили.
Нас труд перековал:
И бомж, и вор стал чист,
О грязном ремесле не помышляли,
Назвав коммуны именем «Чекист»,
Покончить с прошлым
Клятву все давали.
Пусть годы пронеслись
И деды мы давно,
Забыты детства горести, печали,
Но наш родной Чекист
Мы помним все равно,
В душе себя считаем томичами.**

Последний раз ИТК-1 «Чекист» упоминается в документах в 1942 году. На смену коммуне приходит колония для уголовников. И теперь о поселке, утопавшем в кустах душистой черемухи, остались лишь немногочисленные воспоминания да чудом уцелевшие документы.

Полех Н. Фото: В. Корнева.//Новое время.- 1998.- 5 нояб.- С. 12. В подготовке материала помогли В.Э. Карван (дочь одного из воспитателей) и Л.К. Сидорова (директор музея 78-й школы).ул. Курчатова, 16 © 2005–2017 МБУ «Центральная городская библиотека», met@lib.seversk.ru

«Томская республика» на Чекисте

Поляков В. Фото В. Т. Корнева, /Диалог. — 14 сент. 2001.- с. 12

Еще в далекие детские годы, стоя со сверстниками на высоком берегу р. Кисловки, наблюдал я, как за Томью растет белоснежный «почтовый». Каждый из нас мечтал увидеть секретный город. И вот недавно я побывал здесь, предварительно списавшись с бывшим руководителем музея школы № 78 Л. К. Сидоровой.

Познакомился с директором школы Л. А. Ерошиной, был тепло встречен сотрудниками городского музея, за что им очень благодарен. Побеседовав с северчанами, я понял, что об истории пос. Чекист они знают немного. Для меня же история учреждений исполнения наказаний нашего края 19–20 вв. имела не просто познавательный, но и профессиональный интерес — ей я посвятил значительную часть своей жизни. Мои взгляды на прошлое Чекиста отличны от опубликованных материалов по этой теме, которые имеют значительное количество неточностей, так как составлены по воспоминаниям, основаны на малой толике архивных документов, добытых учеными ТГУ. Нужно четко представлять предмет исследования, а он не так прост, как кажется. Как только не называли детскую коммуну для беспризорных: то зона строгого режима, ВТК, то трудовая колония, то вообще доходило до абсурда — «Официально исправительно-трудовая колония № 1» (ИТК-1). До принятия в 1997 году Уголовно-исполнительного кодекса РФ юридические термины «трудовая колония» и «ИТК» означали: 1-й — детская колония, 2-й — взрослая (места лишения свободы для несовершеннолетних и взрослых преступников).

Слово «коммуна» хоть с французского, хоть с латинского переводилось как поселение городского или сельского типа с органами самоуправления. Все это можно узнать из энциклопедий. Кто изучал историю органов народного образования 20–30-х годов, тот скажет, что колония в этой системе — это детский дом. И действительно, трудовые колонии (ТК) НКВД с 1935 по 1940 годы были приютами, детдомами для беспризорных и безнадзорных в возрасте от 14 до 16 лет и отчасти для несовершеннолетних, судимых за неумышленные преступления, во всяком случае, так подразумевали Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б), принявшие 31 мая 1935 г. постановление об усилении борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. А те судимые пацаны — это

Фотографии из фондов музея г. Северска

**Главное административное здание ТКМ «Чекист». 1935 год.
Из фондов музея г.Северска**

Визит в ТКМ «Чекист» Роберта Индриховича Эйхе

Такими прибывали в трудкоммуну будущие воспитанники. 1933 г. Из фондов Музея г. Северска

Сами воспитанники принимали горячее участие в строительстве

Трудовая коммуна молодежи, поселок Чекист, 30-е годы

**Встреча с учащимися, 8 Мая 2019 г. шк 49 класс 4 г – В. В. Ермаченко Исп.
Директор Российского Фонда Мира ТО и Н.И. Долдин,
Председатель Союза ВДДИ ТО 1992 – 2004 г.г.**

**6 апр 2019 г. – Встреча авторов воспоминаний книг ВАСЮГАНА ДЕТИ и
НАРЫМА ДЕТИ в Центре Союза ВДДИ Томской области**

в современном понимании условно осужденные подростки с отсрочкой приговора за нетяжкие преступления. Другие отбывали наказание в ИТК и лагерях.

В основу моих первых исследований об уголовно-исполнительной системе региона легла книга «Атаман Пузырь» 1961 года издания. В томских архивах нет фондов этой коммуны. И начал я просматривать дела других учреждений СТПУ-НКВД-МВД и почти сразу же нашел документы, относящиеся к детской коммуне под названием «Томская инспекция трудового коллектива молодежи (ТКМ) СибЛАГа полномочного представительства ОГПУ СССР по Западно-Сибирскому краю (ЗСК). Прошло еще 4 года, прежде чем я собрал наиболее полные сведения о судьбе этого учреждения, установил его связь с поселком Чекист, подразделениями ОГПУ, находящимися здесь в 1932–1934 гг., строящими ТКМ, о жизни трудовой колонии № 1, административно-хозяйственного отдела УНКВД СССР, отдела трудовых колоний УНКВД СССР по ЗСК-НСО (Новосибирской области), Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1935–1942 гг.

ТКМ имела два отделения: первое находилось на Чекисте, второе — на поселке «2-й км жел. дороги» и называлось «Коммунар» (ныне район АРЗа г. Томска). В ноябре 1934 г. к нему присоединилась в качестве отделения трудовая коммуна ОГПУ им. Заковского, что находилась на противоположной стороне р. Томи, уже имевшая семилетнюю историю (ныне воспитательная колония № 1 пос. Дзержинский) и молочно-товарная ферма в д. Белобородово.

С октября 1934 г. коммуны стали относиться к НКВД. С выходом постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об усилении борьбы с детской беспризорностью» коммуны реорганизуются в трудовые колонии (ТК) с содержанием в них несовершеннолетних беспризорников, с передачей малолетних органам просвещения. Томскую инспекцию также ликвидировали, а ее отделения, именуемые в обиходе коммунами (по названию поселков, где они находились, — «Чекист», «Коммунар»), стали называться: трудовая колония № 1 («Чекист»), № 2 (им. Заковского), № 3 («Коммунар»). С 1936 г. этими колониями стал руководить отдел трудовых колоний, располагавшийся на Чекисте, затем — в Томске (пер. Кооперативный, 7).

Первыми питомцами ТКМ были коммунары из коммуны им. Заковского, некоторые из них стали воспитателями, а иначе организовать такую массу вольных пацанов было невозможно, так как новые воспитатели, да и другие сотрудники, раньше не работали не только в коммунах, но и вообще с ребятами. Чтобы понять то время, рекомендую про-

читать книги А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях», «Марш 30-го года», написанные легко и интересно. Такой же путь прошли томские коммуны и колонии. Конечно, на «Чекисте» все же было сложнее: многотысячные коллективы (взрослые и дети, беспризорники и правонарушители, вольнонаемные и трудноселенцы, военнослужащие и административно-ссылные), нестабильность кадров, и, самое главное, не было своих «Макаренков», хотя и здесь встречались хорошие руководители и воспитатели. Но макаренковские методы и формы воспитания уличных детей использовались в полной мере: коллективы, учеба, труд, организованный отдых, военная игра...

Я переписываюсь с центром-музеем А. С. Макаренко (г. Москва), и оттуда мне прислали фотографии, отражающие жизнь макаренковцев. Одинаковы картины повседневной жизни ребят, только у дзержинцев не было планеров, самолетов, парашютных вышек, а у ТКМовцев, чекистцев — техникума, рабфака, оптико-механического завода, который был бы для ребятни более привлекателен, чем обувная фабрика, деревообрабатывающая, музыкальная фабрика. Что же представляли из себя «народы», населявшие ТКМ? Вот что было сказано по этому поводу 19 мая 1934 года: «Летом прошлого года решением Политбюро было произведено изъятие с улиц беспризорников и социально-беспризорного элемента (бродяги, нищие, раскулаченные, малолетние правонарушители...)». Из числа собранных со всех концов СССР беспризорников в системе ОГПУ был создан Трудовой коллектив молодежи в Томске. Первые партии ребят начали прибывать в июне 1933 г. С июля того же года началось строительство на участке Архимандритской дачи, ныне поселок Чекист.

Основной задачей, поставленной перед руководством ТКМ, было создание единого коллектива, необходимых бытовых условий, развертывание производства и в возможно кратчайшие сроки стопроцентный охват ребят трудовыми процессами и вовлечением в общую учебу. Кроме того, ежегодно, начиная с 1935 г., необходимо было готовить воспитанников — квалифицированных пролетариев для нужд тяжелой промышленности ЗСК. В ТКМ было 5 тысяч ребят, распределенных по трем отделениям: 3000 человек в «Чекисте», 1000 — в «Коммунаре» и 1000 — в им. Заковского. А еще тысяча служащих, из них 350 вольнонаемных, остальные — административно-ссылные заключенные и трудноселенцы, а также 1100 строительных рабочих (исключительно заключенные в лагпункте). Воспитанники были охвачены органами самоуправления (совет актива, самообхрана, кружки).

В ТКМ были развиты производства (1933–1935 гг.): коммуна Заковского — кожевенное и обувное, «Коммунар» — музыкальное (гитары,

балалайки, мандолины), «Чекист» — маломощные столярня и слесарная мастерские. В 1935 г. Томское ИТУ (ныне СИЗО № 1) передало в «Чекист» металлообрабатывающее оборудование, тогда же обязало управление ТКМ отдать «Коммунару» свою музыкальную фабрику первому отделению вместе со специалистами, чем подорвало производство этого учреждения, да еще был открыт в апреле Калтайский лесозавод. Так в «Чекисте» появились предприятия: деревообрабатывающая фабрика, которую называли еще и мебельной, музыкальная фабрика, слесарно-механический завод и хозяйственное предприятие. Потом уже появились и другие службы и предприятия. Ребята распределялись по корпусам с привязкой к своему производству, а после по школьному принципу. Имелся корпус для девочек и детдом — дошкольное отделение.

В 1935 году ТКМ ликвидируется, а ее отделения становятся самостоятельными трудовыми колониями, подчиненными административно-хозяйственному управлению УНКВД и отделу трудовых колоний НКВД СССР, на следующий год — образованному в Томске ОТК УНКВД по ЗСК.

Асиновский приют

Валентина Субботина, 8 августа 2015 г.

Краем чудес в советское время были пионерские лагеря для детей, три из которых работали в Асиновском районе.

Первый пионерский лагерь в районе был построен на живописном берегу озера Киргисак в начале 60-х годов по инициативе и на средства Асиновского ЛПК. Его называли «Огонёк» и присвоили имя Героя Советского Союза Сергея Тюленина. Лагерь включал в себя пять деревянных построек: столовую, «красный уголок» и три жилых корпуса, в двух из которых жили дети и вожатые, в третьем — медики, воспитатели и другой персонал. В 1965 году директором «Огонька» была в то время молодой педагог Валентина Алина, которая до сих пор хранит редкие фотографии того периода.

— Вот наши дети в день Нептуна, а здесь запечатлена их встреча с доярками, — говорит Валентина Васильевна, бережно доставая снимки из альбома. — Сейчас нашим воспитанникам как минимум за пятьдесят, а для меня они навсегда останутся детьми, как и для моих коллег. В «Огоньке» мне посчастливилось работать в одной команде с воспитателями Виталием и Галиной Скопинцевыми, Людмилой Поповой, старшей вожатой Анной Рябцевич, вожатыми Евгенией Васильевой и На-

тальей Минаковой, врачами Владимиром Пугаченко, Валерием Гребёнкиным и Анатолием Поповым.

Скучать детям в пионерском лагере, по словам Валентины Васильевны, не приходилось благодаря насыщенному распорядку дня. В 7:30 — подъём, потом зарядка, утренняя линейка, во время которой обязательно поднимали флаг (только лучшим доверяли эту важную миссию), в 8:30 — завтрак. До обеда октябрятские и пионерские отряды успевали искупаться, убрать прилагерную территорию и подготовить свои программы к вечерним конкурсам и концертам. После полдника проходили общелагерные и отрядные мероприятия, а также занятия в кружках и спортивных секциях. Ужин — в 19:00, затем вечерняя линейка и спуск флага, а в 22 часа уставшие за день ребята отправлялись спать.

«В 1965 году в Асино начала функционировать школа-интернат № 1, которая объединила детей из трех детских домов: Воронопашенского, Первомайского и Чердатского. Это было самое трудное рабочее место в районе. Первым директором стал В. Т. Вишняков. Сил у него хватило только на один месяц. Начались поиски нового директора. Никто из опытных директоров и преподавателей не согласился возглавить школу-интернат, взвалить на себя этот тяжелый груз ответственности за судьбу 300 детей-сирот.

Пришлось Григорию Ивановичу Педурарову оставить заведование районным отделом народного образования и взяться за воспитание детей труднейшей судьбы, самых разных характеров, готовых на все, чтобы сделать жизнь и труд всех, собравшихся под крышей этой школы, невыносимыми. И у Григория Ивановича это директорство прекрасно состоялось... Было страстное желание помочь детям, сделать их жизнь радостной и счастливой. Этому он и посвятил свою жизнь без остатка. У детей быстро оттаивала душа, они становились нормальными добрыми детьми, а школа-интернат стала образцовой средней школой, с хорошими добрыми традициями. Это были лучшие годы в жизни интерната. Работали самые разнообразные кружки, секции, дети ездили на экскурсии по всей стране, встречались с интересными людьми, учились жизни.

Вместе с Григорием Ивановичем в это время трудились П. А. Кондратенко — заслуженная учительница школы РСФСР, Л. В. Шерстнева, М. П. Семенова, В. В. Алина, Ю. Е. Плост, Н. Ф. Соловей, М. И. Батрученок, Т. П. Яковенко и др., вышедшие в когорту передовых учителей района» [54, с. 91–92].

В 1968 году директор Асиновской школы-интерната Григорий Иванович Педураров предложил сформировать в «Огоньке» отряд из своих воспитанников. Руководство ЛПК поддержало эту идею и выделило интернату 50 путёвок. Роль воспитателя отряда взяла на себя завуч интерната, ныне ветеран педагогического труда Надежда Соловей. Мы съездили с ней на то место, где раньше находился «Огонёк», однако, кроме зарослей травы, ничего не увидели.

— А ведь полвека назад здесь бурлила жизнь, — обвела рукой большую поляну Надежда Фёдоровна. — В лагере отдыхали по 200 человек. Недалеко от «Огонька» находился огород, за которым мы, педагоги, ухаживали вместе с детьми. В лесу собирали грибы и ягоды, в Киргисаке ловили рыбу. Однако лагерю не дано было существовать долго: его пришлось закрыть из-за загрязнения озера, которое стало угрозой эпидемиологической для людей.

Мы не решились тревожить уважаемого в городе ветерана Великой Отечественной войны, который сейчас болен, и попросили рассказать об этом событии его сына Валерия.

— Сначала из Германии позвонил Виктор Авхимович, затем по интернету передал свои поздравления Алексей Анохин, который живёт в Удмуртии в городе Глазове, — сказал Валерий. — Я скачал из «Одноклассников» их сегодняшние фотографии и показал отцу. Он помнит Витю и Лёшу детьми, а сейчас они — солидные мужчины. Но для него его воспитанники остались всё теми же мальчишками. Мой отец всю свою жизнь посвятил воспитанию подрастающего поколения. Работал в ФЗУ, потом преподавал в школе № 4, а когда в нашем городе появилась **школа-интернат, директор Григорий Иванович Педураров пригласил его туда.**

Асиновцы больше всего запомнили Юлия Ефимовича Плоста как большого энтузиаста, пропагандиста духовой музыки. Где бы он ни работал, везде создавал духовой оркестр, который был украшением всех городских праздников. Существовал такой коллектив и в ФЗУ, и в школе № 4, и, конечно, в интернате. Сам Юлий Ефимович был самоучкой, но, благодаря своим музыкальным способностям, сумел научить ребят игре на музыкальных инструментах. В его оркестр попадали только самые хорошие ученики. Директор интерната Григорий Иванович Педураров лично проверял успеваемость ребят, которые посещали кружок Юлия Ефимовича. Не дай Бог у кого-то хоть по одному предмету появлялись «тройки»!

Юлий Ефимович Плост вёл уроки труда. Он был одним из немногих мужчин-педагогов, которые в те годы работали в интернате, поэтому мальчишкам заменял отца. К его мнению прислушивались, с ним советовались, ему доверяли свои секреты. Виктор Авхимович, братья Александр и Алексей Анохины, Николай Сироткин, Олег Колеров, Юрий Павловский и другие его воспитанники до сих пор с теплотой вспоминают своего наставника и не теряют связи с его семьёй.

Выпускник школы-интерната Виктор Авхимович сейчас живёт в Германии. У него двое детей, которых он назвал в честь учителя: сына — Юрием, как на русский манер называли Юлия Ефимовича Плоста ребята, дочку — Юлией. Алексей Анохин, всегда интересовавшийся рассказами Юлия Ефимовича о войне, стал военным. Он герой Афгана и Чечни, имеет множество боевых наград, несколько раз был ранен в боях. Его брат Александр Анохин двадцать пять лет служил в образцовом военном оркестре. Юрий Павловский преподаёт асиновским мальчишкам вождение автомобиля в здании бывшего родного интерната, теперь ЦТДМ. Мы присоединяемся к поздравлениям учеников Юлия Ефимовича и желаем ему главного — здоровья!

Учитель трудных детей

А. Ощепкова, ветеран труда работников образования

Перебирая в памяти историю нашего города, хочется вспомнить о людях, которые вложили много сил и здоровья в развитие народного образования. Я приехала в Асино тридцать лет назад, и сразу была направлена на работу в школу-интернат № 1. Создавался он из трех детских домов: Вороно-Пашенского, Первомайского и Чердатского. Что это было за объединение, нетрудно себе представить. Первым директором был назначен Захар Тарасович Вишняков. Но он выдержал только месяц.

Начались поиски нового директора, но никто из опытных руководителей и преподавателей не соглашался взвалить на себя тяжелый груз ответственности. Поэтому директором стал заведующий городского отдела народного образования Григорий Иванович Педураров. Совмещать две должности было очень трудно. Впоследствии на должность заведующего гороно желающие нашлись, а директором школы-интерната стал Г.И. Педураров. Григорий Иванович решил доказать всем, что если человек любит

Соловей Надежда Федоровна у озера Киргисаки...

1970 год. Выпускной 10 класс. В центре директор школы-интерната Педураров Григорий Иванович, слева завуч, учитель истории Аулина Екатерина Петровна.

1987 год, последнее лето школы-интерната №1. Это группа детей в пионерском лагере, воспитатель Гребенкина Галина Ивановна

Встреча школьных друзей 14 июля 1990 года. Выпускники школы-интерната №1 г. Асина 1969-1970 годов: Петров Александр, Еремин Иван, Домуховская (Тихонова) Людмила, Чаплина (Жаткина) Раиса, Супонина (Глущенко) Екатерина, Колеров Олег – встретились со своими учителями Семеновой Марией Павловной, Соловей Надеждой Федоровной, Декиной Марией Ивановной, Желтовой Ниной Васильевной

70-е годы. Учитель физкультуры Анна Корнеевна Васильева ведет команду девушек на стадион

Уникальный факт: в школе-интернате стараниями учителя труда и по совместительству музыканта-любителя Юлия Ефимовича Плост был создан духовой оркестр, без которого не обходилась ни одна праздничная демонстрация. Оркестр принимал участие во многих школьных и городских мероприятиях

Первомайская демонстрация. Группу ребят сопровождает Батручонок Мария Ивановна, библиотекарь и художественный руководитель школы

Лучшему пионерскому отряду школы-интерната за успехи в учебе, труде и спорте вручено переходящее знамя дружины им. Александра Матросова. Директор школы Педураров Григорий Иванович поздравляет командира отряда

К каждому концерту сами старшеклассницы на уроках труда шили красочные костюмы. Вот так выглядели девочки на празднике, посвященном национальным республикам СССР

Приятный сюрприз преподнесли Юлию Ефимовичу Плосту накануне Дня защитника Отечества и 88-летнего дня рождения, который он отметит 25 февраля, двое его бывших воспитанников, никогда не забывавших о своём педагоге и наставнике

жизнь, любит детей, свое дело, которому отдается без остатка, то он может справиться с любыми трудностями. И доказал.

Триста подростков труднейшей судьбы, готовых на все, чтобы сделать жизнь и труд всех, собравшихся под крышей школы-интерната, невыносимыми, самых разных характеров, постепенно оттаивали и становились обычными детьми. О некоторых из них педагоги отзывались потом так: «Это был укрощенный лев...».

У Григория Ивановича тоже детство было нелегким. Отца расстреляли, мать посадили, а десятилетнего Гришу определили в детский дом. Выйдя из детского дома, он поступил в ФЗО в Нижнем Тагиле, где получил специальность токаря-фрезеровщика. Потом работал на танковом заводе. Мечтал стать учителем, его привлекала преподавательская деятельность.

И он поступил в Томский педагогический институт на физико-математический факультета. Материальные трудности заставили его перейти на заочное отделение. Он приехал в Асино и получил направление во вторую городскую

школу преподавателем математики. Любовь детей и нового преподавателя была взаимной. Когда по решению районо молодого учителя вздумали перевести в другую школу, ученики объявили бойкот и потребовали вернуть им Григория Ивановича.

Организаторский талант его заметили быстро. Он был назначен директором школы, а вскоре стал заведующим горно. Жизнь и судьба детдомовских детей не могли не волновать Григория Ивановича. У него появилось страстное желание помочь им, сделать их жизнь радостней, внести в нее хотя бы крупицу счастья — вот что двигало им, когда он решил стать директором трех детских домов, слитых воедино. Можно много рассказывать о трудностях. Директор приходил первым на работу и последним уходил. Чтобы не испытывать проблем с питанием, он решил завести при интернате подсобное хозяйство. Сажали картофель, завели свиней, приобрели пчелиные ульи. Для больных детей всегда был припасен мед, а по праздникам в столовой непременно подавали медовое лакомство.

Семь лет Григорий Иванович руководил школой-интернатом. Труд его был отмечен орденом «Трудового Красного знамени».

С самого начала он понимал, что в одиночку не справиться, потому стал подбирать кадры. Часть воспитателей пришли в интернат вместе со своими воспитанниками, а вот учителей пришлось набирать из наиболее опытных.. Урокодателей найти проще. Найти учителей, поистине любящих детей, преданных своему делу до самозабвения, сложнее. Требовательный к себе, Григорий Иванович и от подчиненных ждал такого же отношения к детям. Прежде всего нужна была дисциплина как среди учеников, так и среди сотрудников. Нужны были чистота в школе, жилом корпусе, в столовой. Первыми его помощниками, не испугавшимися трудностей, были: М.П. Семенова, В.В. Алина, Л.В. Шерстнева, Н.Ф. Соловей, Н.А. Пермьяков и другие.

Они старались поддерживать порядок в школе и на ее территории. Чистоту в жилом корпусе директор иногда проверял сам или поручал это школьному врачу Ф.Т. Ивасенко.

Недавно выпускники школы-интерната собрались на вечер встречи. Наиболее волнующим моментом были аплодисменты первому директору и организатору школы-интерната Г.И. Педурарову. Выпускник школы О.П. Колеров выступил с предложением ходатайствовать о присвоении звания Почетного гражданина Асина Григорию Ивановичу Педурарову. По заслугам и честь, признание и любовь, ведь недаром люди говорили, что: Григорий Иванович — Учитель от Бога.

Под крышей дома

**Э. Вертинская, учитель начальных классов,
О. Бойко, бывший воспитатель школы-интерната**

Школа-интернат в Асине открылась в 1965 году. Создавалась она на базе трех детских домов. Более трехсот детей прибыло из Первомайского района, Вороно-Пашни и Чердатов. Затем в Асино стали направлять детей со всех районов области. Наполняемость в классах оказалась высокой — до 38 учащихся. Среди воспитанников интерната были физически ослабленные дети, с серьезными психическими отклонениями. Учить и учитывать такую разновозрастную ораву было чрезвычайно трудно, так как дети на занятиях шумели, кричали, все крушили и ломали, одним словом, были совершенно неуправляемы. Почти все сотрудники тогда бросили работу и перешли в другие школы. Поначалу надо было организовать и направить учеников на хорошие дела. Общими усилиями все же удалось добиться нужных результатов, в классах избрали актив, ввели самоуправление. Понемногу дети стали успокаиваться, привыкли сидеть за партой, учить уроки, берегли школьное имущество.

Большое внимание в школе уделяли воспитательной работе с учащимися. Проводились пионерские сборы, туристические поездки, экскурсии. Дети ходили в поход на реку Чулым. Купались, загорали и ночевали в палатках. Посетили деревню Казанка, где познакомились со сверстниками и вместе с ними отдохнули. Лучшие ученики побывали в Ульяновске, посетили Ленинские места.

Большие требования к сотрудникам интерната предъявлял директор Г.И. Педураров. Учителя и воспитатели занимались детьми ненормированный день. На работу приходили к подъему. В пионерский лагерь, где отдыхали дети, нам приходилось ходить по шесть километров в одну сторону. Все трудностей не перечесать, хотя вспоминается только хорошее. Требовательный к себе, Григорий Иванович и от подчиненных ждал такого же отношения к детям. **Первыми учителями начальных классов в школе-интернат не жалея себя с душой трудились: Д. П. Синеокая, Э. И. Вертинская, П. А. Кондратенко, Н. Д. Белоусова и другие. Воспитателями работали: М. А. Жукова, В. Т. Степанова, Г. П. Терехова, библиотекой заведовала М. И. Батручонок.**

Дети интерната воспитывались не только за школьной партой, но и в процессе труда. Они участвовали в трудовых десантах по сбору макулатуры, металлолома, березовых почек. Занимались уборкой помеще-

ний и территории. Летом работали на огородах в деревне Вороно-Пашне и на Киргисаке. Осенью убирали не только собственноручно выращенный урожай, но и на колхозных полях.

При интернате создали подсобное хозяйство. Развели свиней и дети с удовольствием ухаживали за животными. Была своя пасека, баня, прачечная. Летом все ездили собирать ягоды и варили варенье для школьной столовой. Были открыты швейная, столярная и сапожная мастерские. **Большую полезную для жизни работу проводила с детьми Т. И. Пермякова, многих она научила шить. Столярному делу ребят обучали М. Т. Оранский и Ю. Е. Плост, который к тому же руководил школьным духовым оркестром. За здоровьем воспитанников интерната следили и помогали добродушные врачи Ф. Т. Ивасенко и В. Г. Донской.**

Многие выпускники школы-интерната продолжили учебу в техникумах, училищах. Они работают в Томске, Асине, в хозяйствах района. Ирина Минакова закончила пединститут и преподает иностранный язык; Рита Сух училась в мединституте, а работает в Асиновской центральной больнице; Олег Колеров окончил факультет журналистики, избран депутатом областной Думы; Юра Павловский — механик; Саша Казакевич — шофер.

Хотя прошло много времени, мы внимательно следим за судьбами наших воспитанников, с некоторыми из них связь поддерживаем. И если бы всё пришлось повторить с начала, не задумываясь, мы бы опять вернулись работать в интернат. Жаль только, что его уже нет в нашем городе...

Жили дружной семьей

**воспитанники и сотрудники Вороно-Пашенского детского дома
Тамара Хромина «НАШЕ ПРИЧУЛЫМЬЕ» 09.04.2002 г.**

Детский дом обосновался в 1937 году на благодатном месте: внизу речка, вокруг поля и богатые на грибы и ягоды леса, недалеко железная дорога. По рассказам старожил, первыми его питомцами были дети, оставшиеся без родителей в результате репрессий. Сначала набралось около ста человек, все разных национальностей: цыгане, хакасы, тувинцы, калмыки, русские. Ребятишки прибыли с Урала, из Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской области, Прибалтики и Украины. Многие приехали из нашего района: из Асина, Мало-Жирова, Ягодного, Новониколаевки.

По спискам воспитанников, хранящимся в архиве Томского департамента народного образования, можно судить о том, что обитатели дет-

ского дома были разного возраста — от дошкольников до 17–18-летних. Их родители были расстреляны или отбывали срок в лагерях. Существовало нечеловеческое предписание свыше: детей из одной семьи помещать в разные детские дома. Так терялись родственные связи. Многие дети не знали своих настоящих фамилий, потому что их придумывали сотрудники «казенных заведений»: появились Найденовы, Ларницева, Безымянны, Казаковы и т.д. Однако сердца ребятишек не ожесточались. По воспоминаниям работников Вороно-Пашенского детдома А. Г. Сидоровой, Т. И. Пермяковой, Н. А. Мишуковой, они были добрыми, справедливыми, трудолюбивыми. Сиротские сердца отзывались на любое проявление участие к их судьбе.

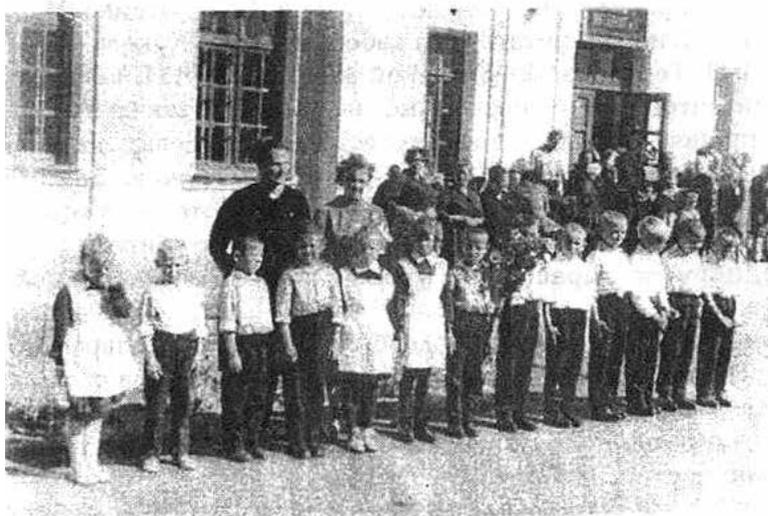
В 1939 году детдом пополнился еще тридцатью вновь прибывшими из Пышкино-Троицкого района: здание Чичка-Юльского детского дома сгорело, а детей распределили в Пышкино-Троицкий, Торбеевский, Вороно-Пашенский и Ново-Кусковский детские дома. Воспитанники поначалу враждовали между собой, но постепенно сдружились, стали жить одной семьей.

Поскольку детям в имевшихся помещениях было тесно, с самого открытия детского дома началось строительство спального корпуса, классных комнат и хозяйственных помещений. В приказах за 1937 год значится, что с 9 сентября стало строиться двухэтажное здание, десятником был назначен Гаврилов. Строительство шло быстро, и к 1939 году уже справили новоселье: на первом этаже разместились классные комнаты, на втором — спальни. Потом рядом появился еще один двухэтажный дом, где были швейные мастерские, пионерская комната, библиотека, бухгалтерия, медицинские кабинеты. Позже построили клуб, столовую, кухню, баню.

Великая Отечественная война изменила привычную жизнь детского дома. Проводили на фронт директора Константина Ивановича Сидорова, воспитателя Сапожникова, завхоза и рабочих. Мужчин почти не осталось, директором была назначена Анна Ивановна Тихозе. Детский дом принимал эвакуированных детей — маленьких старичков, напуганных бомбежками, пожарами, гибелью родителей. Измученные, изголодавшиеся, они кушали молча, торопливо, экономя и унося с собой кусочки хлеба. Хлебные крошки были для них, словно сладкие леденцы. Воспитатели Екатерина Ивановна Бузмакова, Раиса Сергеевна Хохлова, Раиса Ивановна Кравцова, Павел Николаевич Маршаков, завуч Лидия Михайловна Казакевич старались сделать все возможное, чтобы эти дети забыли ужасы войны. Старшие ребята опекали прибывших, водили их в столовую, в баню, помогали заниматься, вовлекали в кружки.

Г.И.Педураров – директор Асиновской школы-интерната

Т. И. Пермякова (справа) в первые годы своей работы. Рядом с ней фельдшер С.В.Бушкова и воспитанница детского дома Галя Мильке. Фото из архива Пермяковой Т.И.

Большая семья детского дома, в центре — директор Степан Степанович Баженов

Война есть война — приходилось самим о себе заботиться. В хозяйстве было 3 коровы, 6 свиней, 4 коня, куры. В 1943 году детский дом сеял 8 га овса, 5,5 га проса и гречихи, 1,2 га бобовых. Выращивали картофель на 6,1 га, 4,1 га овощей. Поля обрабатывали вручную, организовывали бригады. Кроме того, работали на колхозных полях. На лето в детский дом приезжали выпускники и тоже включались в работу. Самоотверженно трудились в огороде и на полях Николай Данковцев, Иван Сивков, Иван Барков, Иван Макскуль, Герман Фаст, Петр Шульков, Петр Стрелков. Сайгаджи Аджаяев, Тамара Истомина, Зоя Рязалева. Все они награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 45 гг.». В их характеристиках значится, что учились они на «4» и «5», летом добросовестно трудились на полях, были хорошими организаторами, являлись членами детского совета.

Послевоенная жизнь детского дома наполнилась новым содержанием: стали работать кружки, проводиться смотры художественной самодеятельности, фестивали, олимпиады, спартакиады. Детям везло на воспитателей и учителей. В 1950 году Томским обкомом была назначена инструктором по труду Жильникова (Пермякова) Татьяна Ивановна. Сама она тоже выросла в детском доме, затем закончила профессионально-художественную школу. Молодая, задорная, она прекрасно шила и вышивала, хорошо знала психологию детдомовцев, их интересы. Татьяна Ивановна любила спорт. С ее приходом стали работать кружки по труду и спорту, каждое утро она проводила зарядку. Под ее руководством дети принимали участие в областных спартакиадах воспитанников детских домов. Татьяна Ивановна вспоминает, что ребята придумывали свою эмблему, шили спортивную и парадную форму, упорно тренировались. Их старания увенчались успехом: Ида Руш, Маргарита Вибе, Маша Шипицына стали призерами соревнований по легкой атлетике, а Татьяна Ивановна была награждена Почетной грамотой.

Дети так любили Татьяну Ивановну, что буквально ходили за ней следом. Бывали случаи, когда не удовлетворившись занятиями на уроках и в кружках, мальчики вечерами забирались в класс через форточку и вышивали себе рубашки, наволочки, салфетки. Детский дом украшали вышитые панно, шторы, скатерти, дорожки. Дети берегли все, что сделали своими руками, а Татьяну Ивановну просто обожают и ласково называют за малый рост кнопочкой. За свой труд она награждена многочисленными почетными грамотами, благодарностями. Вместе с Татьяной Ивановной трудились воспитатели Раиса Сергеевна Хохлова, Людмила Владимиров-

на Тарханова, Елена Васильевна Беженар, Анфиса Васильевна Шахова, Сергей Григорьевич Лыков, музыкальный работник Владимир Коваль, фельдшер Софья Васильевна Бушкова.

Активно работала пионерская организация под руководством пионервожатых Валентины Марковой, а позже — Николая Пермякова. За хорошую учебу и активную работу пионерка Галя Мильке была направлена в пионерский лагерь «Артек», а председатель совета дружины Алефтина Истомина стала делегатом 1-го областного слета пионеров от Асиновского района. Пионеры занимались изучением истории родного села, партизанского движения, проводили встречи с участниками Великой Отечественной войны. 17 марта 1946 года ребята участвовали в общепоселковом пионерском костре в с. Асине. Со своим старшим пионервожатым Николаем Александровичем Пермяковым они ходили в многодневные походы, проводили интересные тематические сборы, недели детской книги, участвовали в проведении выборов в местные Советы, за что пионерская дружина им. А. Матросова была награждена Почетной грамотой обкома ВЛКСМ.

Дети никогда не отлынивали от работы, выполняли любое поручение. Они сами носили воду из реки, заготавливали в лесу дрова, делали ремонт, ухаживали за огородом, ходили за ягодами и грибами. Из детского дома они выходили готовыми к самостоятельной жизни. Ребятам поощряли за хорошую работу. Дорогие по тем временам подарки: отрезки на платье, часы, свитера, блузки, платки, ботинки — получили Т.Путина, М.Шипицына, М.Проскуря, А.Жилина, А.Доценко и др.

Все, кто работал в детском доме, даже прачки, повара, технички, кладовщики, завхозы, были так или иначе причастны к воспитанию детей. В большинстве своем это были добросердечные, отзывчивые, понимающие ребят люди. Более пятнадцати лет проработала техничкой Антониды Андреевны Мишукова. Некрашенные поначалу полы она выскабливала и натирала песком до блеска, сама пилила дрова, топила печи, чтобы детям было тепло и уютно. Много тяжелой работы досталось и Евгении Карповне Кузнецовой: ее руки от постоянной стирки были красные и разъеденные щелоком.

Прекрасно ладил с детьми сторож Андрей Яковлевич Мишуков, инвалид первой группы, потерявший руку еще во время гражданской войны. Добрую память о себе оставила повар Мария Алексеевна Воронина. Приказами часто отмечалась хорошая работа Зои Ефимовны Чаплыгиной, Евдокии Федоровны Картавых, Надежды Андреевны Мишуковой (Неберо), Анны

Семеновны Мишуковой. Незаменимым для детдома человеком был конюх, затем завхоз В.А.Мишуков. Он знал столярное и кузнечное дело, обучал ребят, всегда участвовал в проведении ремонта. Заслуживают добрых слов и Константин Андреевич Катаныхов, Федор Петрович Истомин, Демьян Иванович Чернов. Все они в разное время работали завхозами.

После 1948 года до 1965-го, когда детский дом расформировали, там сменилось 12 директоров. Среди них были И.Н. Киселев, Н.Н.Сапрыкин, В.К.Лоскутов, Д.И.Максимов. Директора менялись, а завучем по-прежнему оставалась Надежда Андреевна Пангина. Она была строга, следила за тем, чтобы детей не обижали, но и от них требовала соблюдения дисциплины. В 1952 году детский дом принял Степан Степанович Баженов. Интеллигентный, начитанный, эlegantный, подтянутый, он сразу стал для всех примером для подражания и внес много добрых изменений в жизнь детского дома — это был лучший ее период. За лето все помещения перекрасили в светлые тона, повесили тюлевые шторы, приобрели ковровые дорожки в спальни, залы, игровые комнаты, засадили весь двор цветами. Ребята усердно учились управляться со столовыми приборами, обслуживающий персонал надел белые халаты. Степан Степанович привез рассаду викитории, ягодой засадили участок в несколько соток. Когда поспел урожай, на столы выставляли целые тазы ароматной ягоды, и дети ели ее, сколько хотели. Развели кроликов, увеличили поголовье свиней. В детском доме появились свои трактор, грузовик.

У Степана Степановича принял эстафету Константин Иванович Сидоров, который начинал работать в детском доме еще до войны, потом ушел на фронт, продолжил службу в мирное время и вот опять вернулся на прежнее место. Он прежде всего заботился о том, чтобы дети были обуты и одеты. Починили и привели в порядок старую одежду, приобрели школьную форму, вторую обувь. Жаль, что работал он недолго — райком партии посчитал, что бывший фронтовик нужнее Асиновскому леспромухозу, и направил его туда для укрепления кадров.

В период работы директором Марии Дмитриевны Черябриковой самыми запоминающимися событиями были дни рождения ребят. Тогда уже было отлажено шефское движение. Из города приезжали гости с богатыми подарками: игрушками, одеждой, обувью, сладостями. Для детей такие праздники приносили много радости.

Дольше всех, почти шесть лет, проработал директором Михаил Ильич Чернышов. Особенно много внимания он уделял укреплению кадрового состава. В коллектив пришли прекрасные педагоги Василий

Иванович Коряков, Дмитрий Михайлович Преймачук, Н.А.Черябриков, Н.А. Пермяков., П.О.Качер, А.Х. Коптев. Вместе с учителями Т.П.Бутыриной, Л.В. Тархановой, М.В.Казяковой, Д.П.Петуховой, Н.М.Машуковой, Л.П.Преймачук они добились повышения успеваемости и дисциплины, сделали жизнь детского дома еще более интересной и разнообразной. В последние годы директорами были Иван Николаевич Неберо и Николай Александрович Пермяков.

10 сентября 1965 года Вороно-Пашенский детский дом прекратил свое существование, влившись в состав Асиновской школы-интерната № 1. Все 120 воспитанников жили одной дружной семьей. Детский дом был на хорошем счету в районе и области, но началось объединение, и как ни хотелось детям расставаться с родной Вороно-Пашней, а пришлось переезжать в Асино...

Лебединая песнь Г. И. Педурарова

Александр Лещик, 23.03.2006 г.

Двадцать восьмого июня 1940 года Красная Армия заняла Бессарабию и Северную Буковину — они вошли в состав Молдавской Социалистической Республики. Но именно с этого времени крепкий крестьянин села Конгаз Иван Педурару был объявлен «врагом народа», схвачен и отправлен туда, откуда не возвращаются. Его семья — жена, дочь и сын были вывезены в Среднюю Азию на поселение. Спустя некоторое время семью опять развели — их сына Жору отправили в Висимо-Уткинский детский дом для детей спецпереселенцев.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Как известно, Урал был «кузницей военной промышленности», и для работы этой «кузницы» требовались кадры. Жору, имевшего к тому времени семилетнее образование, призвали на обучение в ремесленное училище № 25 города Нижний Тагил Свердловской области. Там он получил профессию столяра и до сентября 1946 года работал при училище. Его мама и сестренка за это время были переселены в рабочий поселок Асино для дальнейшего проживания. Хорошо, что они все время поддерживали связь между собой, и осенью 1946 года им удалось воссоединиться, Жора приехал насовсем. Мама, тревожась за сына, пошла на небольшую хитрость, заявив в комендатуре, в которой она находилась под надзором, что в точном переводе с молдавского имя сына должно писаться Григорий, а фамилия Педураров. Так и записали в документах, выданных комендатурой, потому что достигший совершенно-

летия Григорий Иванович Педураров должен был еженедельно отмечаться у дежурного по надзору. Но обаятельный юноша еще долгое время для друзей оставался Жорой.

На работу он устроился в районный Дом культуры в качестве столяра и стал заниматься в оркестре духовых инструментов под руководством Александра Кузьмича Черепенникова. Понимая, что достичь чего-то значительного в жизни можно только при наличии соответствующего образования, он поступает в Томскую областную заочную среднюю школу и в 1949 году получает аттестат. С 1-го февраля 1950 года начал работать преподавателем математики в ремесленном училище № 7 города Асино. В сентябре 1950 года поступил на заочное отделение Томского Государственного педагогического института, и в 1956 году окончил его, получив право преподавать математику и физику в средней школе. Находясь на заочном обучении, он работает учителем физики и математики в школах города Асино. Работает хорошо и имеет огромный авторитет среди учащихся. Об этом говорят такие факты: учащиеся старших классов (в основном девочки) не показывали во время урока выполненные домашние задания для того, чтобы остаться после уроков с любимым учителем, а когда по производственной необходимости был издан приказ о его переводе в другую школу, учащиеся забастовали, требуя оставить любимого учителя.

Авторитет Григория Ивановича растет, его назначают сначала директором школы № 2, а затем школы № 1, инспектором РОНО, заведующим РОНО. Везде его работа получает высокую оценку. В шестидесятые годы прошлого столетия в стране проявился синдром гигантомании. Мелкие колхозы стали объединять в громоздкие совхозы, районы — в крупные суперрайоны, хорошо функционирующие небольшие детские дома решили объединить в крупные школы-интернаты. О последствиях преобразований не думали. Три детских дома: Вороно-Пашенский, Пышкино-Троицкий и Чердатский объединили в Асиновскую школу-интернат № 1. Для этой цели рядом с бывшей 10-й средней школой построили просторный спальный корпус, пищеблок, связали их между собой теплыми подземными переходами, напротив здания школы выстроили спортзал, мастерские, швейный цех. На южной окраине обширного пришкольного двора разместились кастаньянная, гараж и прочие хозяйственные постройки. Казалось, что детям здесь будет настолько хорошо, что они будут только учиться, играть, заниматься спортом и общественно-полезным трудом. Для нарушения дисциплины нет никаких оснований. Но случилось непредвиденное. При жизни детей в небольших коллективах их отношения с воспитателями групп были близки к родительским,

семейным. Причем в каждом детском доме был свой жизненный уклад, знакомое окружение и так далее...

И вот все это рухнуло. Образовали новые группы, где оказались дети из разных детских домов, возникла негласная борьба за лидерство. Пользуясь тем, что новые воспитатели их не знают, некоторые воспитанники начали хулиганить ради бравады перед товарищами, появилось воровство. Интернат бурлил. Даже городское начальство не решалось появляться перед детьми. Не могли найти директора, который мог бы навести там должный порядок. И вот в это трудное время на должность директора пришел Григорий Иванович Педураров. Пришел он с должности заведующего ГОРО-НО. Ему, познавшему в детстве массу жизненных невзгод, в полной мере вкусившему детдомовских прелестей в годы войны, было понятно, как вывести детский коллектив из трудного положения.

Во-первых, надо всесторонне познакомиться с каждым воспитанником, знать его думы, чаяния, надежды и мечты. Во-вторых, надо уравнять его со сверстниками, живущими с родителями. В-третьих, надо защитить его от насилия старших, вставших на путь произвола по отношению к малышам. В-четвертых, надо направить энергию старших на заботу о младших. В-пятых, необходимо для работы в интернате подобрать добросовестный персонал. И с первого дня работы в интернате Григорий Иванович начал претворять эти «надо» в жизнь. Память директора была настолько цепкой, что через пару недель он безошибочно называл своих воспитанников не только по фамилиям, но и по именам. Особое внимание он обратил на тех, которые совершали правонарушения.

Однажды, проходя по двору вдоль спального корпуса, он увидел мальчишку, что-то ковыряющего под тротуарной доской, которая под воздействием атмосферных осадков покоробилась, образовав удобную нишу, в которой можно было бы кое-что спрятать. Григорий Иванович окликнул:

— Витя, подойди ко мне!

Удивленный, Витя встrepенулcя, воровато оглянулcя, хотел бежать, но, поняв, что с ним разговаривает директор, потупив голову, подошел.

— Молодец! Ты и в Чердатском детдоме тротуары ремонтировал? — доброжелательно спросил Григорий Иванович.

— Не-е, я не умею ремонтировать, — робко промямлил воспитанник. — Я просто...- замаялся мальчуган.

— Хорошо, пойдём, подумаем вместе, как прибить эту доску, — взяв Витю за руку, промолвил директор, направляясь к тротуару.

Подошли, приподняли доску и обнаружили под ней кулек конфет и несколько апельсинов.

— Наверное, это дед Мороз начал готовить подарки к Новому году, — улыбаясь, проговорил директор. — Не рано ли?

— Это я, — потухшим голосом промолвил Витя и почему-то заплакал.

Зная о том, что воспитанники на полдник получают фрукты и конфеты к чаю, сделав недоуменный вид, Григорий Иванович спросил:

— Почему же ты плачешь? И почему ты не ешь фрукты в столовой, а несешь их прятать под тротуар?

— В столовой у меня отбирают старшие, а эти я украл в продмаге, — сознался подопечный.

Успокоив малыша, подозвав старшеклассника, Григорий Иванович поручил ему проводить мелкого воришку в магазин и сдать похищенное, а сам задумался: «Каким образом ликвидировать насилие старших над младшими?» И он придумал: «Надо в младшие группы направить в качестве шефов старшеклассников!» Эта мера оказалась действенной, грабеж малышей прекратился.

Однажды на подходе к школе-интернату Григорий Иванович увидел, что из-под мостика, проложенного над дренажной канавой, вылетают прямоугольные кусочки бумаги, очень похожие на куски конвертов. Заглянув под мостик, он увидел, что двое его воспитанников увлеченно рвут письма, вынимая их из бумажного мешка, который они стащили на почте.

— Что вы делаете? — строго спросил директор.

— Ищем деньги, — невозмутимо ответили «искатели».

Директор понял, что надо решать проблему «карманных» денег, и он решил ее, направляя группы учащихся на городские благоустроительные работы, оплату за которые вручал добросовестным работникам. У ребят появились хотя и небольшие, но зато собственные деньги. Это повышало их самооценку и уверенность в жизни.

В крупных детских организациях пищеблок всегда является наиболее тяжелым местом. Так было и здесь. Только образовался интернат, как сюда потянулись люди «начальствующего состава» города с целью отовариться по низкой цене мясoproдуктами, дефицитными в то время фруктами и прочей снедью. Григорий Иванович резко и решительно прервал это паломничество. Но существовала и другая беда: каким-то необъяснимым образом исчезало сливочное масло, выдаваемое ребятам на завтрак. Было организовано дежурство педагогического персонала в столовой, но выяснить причину исчезновения масла не удавалось. Тогда за выяснение этого явления взялся Григорий Иванович собственноручно. Перед завтраком в столовой появился сам директор. Он внима-

тельно следил, как накрывают столы, проверял, все ли приборы на месте, их чистоту и комплектность. Он видел, как принесли нарезанное параллелепипедами сливочное масло на каждого воспитанника, как вошли и заняли места за столиками учащиеся. Все шло «чин-чином» и вдруг крик: — Где масло?! Голос доносился из группы восьмиклассников. Григорий Иванович подошел и все понял. Они хотели получить дополнительную порцию лакомого продукта. Но не могли же они так быстро его съесть!

— Восьмой класс, встать! Шаг назад! Старшему стола перевернуть стол! — командовал директор. Каково было удивление присутствующих, когда они увидели прилепленные кусочки масла к обратной стороне столешницы. Так была решена еще одна загадка быта интернатовцев. Много подобных загадок пришлось решать директору и педколлективу, но коллектив заработал мощно, ритмично, слаженно.

26 кружков по интересам работали строго по расписанию. Не допускалось ни одного срыва их занятий. Кружки предметные: математический — вел сам директор, физический — проходил под руководством Виктора Ефимовича Гребенюка, литературный — вела Людмила Ивановна Никитина. Работали и другие кружки — исторический, географический, биологический, клуб юных кино-путешественников, особенно посещаемыми были кружки «Умелые руки» и «Духовой» под руководством Юлия Ефимовича Плоста, кружки «Кройки и шитья», «Вышивания и вязания» под руководством Татьяны Ивановны Пермяковой. В мастерских всегда было полно народа. Кружок изобразительного искусства — «Рисования и ваяния» — вел незаурядный художник Авенир Васильевич Орлов, кружок «Музыки и пения» ежедневно проводил Валерий Андреевич Базуев — автор интернатовского гимна. В библиотеке в обществе любителей чтения царил Мария Ивановна Батрученок, оставившая высокую должность заведующей отделом культуры района ради творческой работы с детьми. В спортзале под руководством Вадима Васильевича Перевалова пыхтели борцы, кряхтели штангисты и пластались в шпагате гимнасты. Целый день кипела жизнь, в школе-интернате во многом благодаря запасу бодрости, полученной во время утренней зарядки под руководством Анны Корнеевны Васильевой.

В марте 1966 года на базе Асиновской школы-интерната № 1 состоялся семинар директоров школ-интернатов и детских домов Сибири и Дальнего Востока. Опасаясь, что хозяева семинара занимаются очковтирательством, директора с пристрастием вникали в работу кружков, присутствовали на занятиях, расспрашивали воспитанников и были «сражены наповал» разводом суточного наряда под духовой оркестр.

Особенно торжественно выглядела сцена рапорта председателя Совета командиров директору школы-интерната. Председателем Совета команди-

ров была Тоня Череповская. Заведующий Томским областным отделом образования Митрофан Дмитриевич Шипулин при подведении итогов семинара директоров назвал Асиновскую школу-интернат «Педагогической поэмой».

Но жизнь продолжалась и ставила новые задачи. Наблюдая за тем, как ребята ловят живущих на чердаке голубей и не всегда обращаются с ними гуманно, Григорий Иванович провел с ними беседу и помог построить настоящую голубятню, где стали проводить свободное время любители птиц во главе с завзятым орнитологом Витей Слесаревым, который во взрослой жизни стал хорошим ветеринарным врачом. Следующим летом интернатовцы «усыновили» с разрешения директора сироту-медвежонка: они играли с ним, а на зиму сделали под крыльцом кастиелянной настоящей берлогу.

За плодотворную работу на педагогическом поприще Григория Ивановича Педурарова наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Под руководством опытных педагогов воспитанники совершали походы по родному краю, выезжали к Черному морю, в Москву, Волгоград, Ленинград. Летело время, и интернатовская «бригантина», управляемая опытным кормчим, на всех парусах неслась в будущее!

Детям помогала взрослеть

В. Н. Красникова, 12 дек. 1939 г. р., г. Томск, 10 окт. 2017 г.

Трудной, но интересной была моя работа с детьми в отделе социальной реабилитационной службы Управления образования Томской области. Как у ведущего специалиста отдела, на протяжении 15 лет с 1982 года, в моем ведении находились общеобразовательные школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и детские дома г. Томска и области. За свою нелегкую работу награждена государственным знаком «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда Советского Союза».

В мои функциональные обязанности входило оказание руководителям вышеупомянутых учреждений помощи по организации учебно-воспитательной работы, обеспечение мягким и жестким инвентарем детей, питанием, санаторно-курортным лечением и т.п. Во время этой работы приходилось решать и вопросы жилья и трудоустройства выпускников детских домов и интернатов. Передо мной встали насущные проблемы оказания материальной помощи выпускникам, которые оказались в трудной жизненной ситуации, студентам и отслужившим в Советской Армии, которые еще не смогли устроиться на работу, так как не было жилья и прописки. Посещала в колонии Кульменева

Игоря, который отбывал срок за воровство. Он учился в одиннадцатом классе и написал в письме, что ко всем приедут родители на собрание, а к нему — нет. Там я обнаружила еще нескольких детдомовцев, которых никто не навещал. Мы сделали запросы в колонии Томской области и к нам стали поступать списки осужденных сирот. Совместно с директорами наших учреждений было принято решение, по возможности, навещать их, посылать передачи и письма. Вместе со мной ездила в детскую колонию № 1 г. Томска и в г. Асино инспектор по охране прав ребенка Петина Л.И и Захарушкина М.Б.

Более приятное событие было тогда, когда круглый сирота Вова Боркин пригласил меня выступить в роли его матери при регистрации его брака. Вместе со мной присутствовала председатель Детского Фонда Администрации Томской области. Боркину Володе, как и еще пятерым воспитанникам из г. Асино (Евдокимов Женя, Югин Коля, Шуляев Андрей ...) я помогла поступить в геолого-разведочный техникум (ныне политехнический). Успешно его окончив, Боркин В., Евдокимов Ж. поступили в политехнический институт, а Боркин В. еще и в ТГУ обучался после окончания ТПУ. Теперь он успешно работает, вырастил двух замечательных дочек и стал дедушкой. Надо сказать, ребятам здорово повезло с классным руководителем Чагиной Лидией Кузьминичной. С Боркиным Володей и его доченьками мы до сих пор дружим.

Что мне особенно запомнилось, так это масштабные детдомовские общие мероприятия. Так, в июне 1988 года мы провели массовую Спартакиаду праздника «Детство». Детей из районов области принимали городские детдома, школы-интернаты, ребята сдружились, а у некоторых нашлись братья и сестры в городских детдомах. Чуть позже Юрий Шатунов, солист ансамбля «Ласковый май», благотворительный концерт организовал для наших воспитанников, принимали городские пионерлагеря. Благодаря Облздравотделу (ответственная за санитарно-курортные путевки была Кораблева Н.И.) десятки воспитанников получили лечение в санаториях Советского Союза: г. Ессентуки — «Юность», Московская область — Малаховка, г. Анапа — Евпатория и др. Мне запомнился Олег Епифанов из Колпашевской санаторно — лесной школы-интерната, потому что он присылал мне письма с красивыми рисунками. У Олега две дочери, он сам хороший работник и бывает у меня в гостях.

Большое значение для воспитанников имело то, что им хотелось знать, кто они, откуда и где их родственники, есть ли у них братья и сестры. Вот с этим-то я и столкнулась, придя на работу в облоно. Приходили взрослые выпускники с просьбой дать сведения об их родных, но, увы, после пожара (видимо после войны) сохранились несколько журналов, да и то без нужных им сведений. Совместно с районными органами опеки мы разработали «семейную таблицу»,

где были отражены все «передвижения» воспитанников от поступления в детский дом до выпуска, местонахождение братьев и сестер, сведения о родителях и закреплённом жилье, если оно было. Открыли денежные счета в Сбербанках, так как много было судебных тяжб на нерадивых родителей. Накопленные средства в дальнейшем помогли детям обустроить свое жилье.

Особо хочется остановиться на работе руководителей детдомов Среднего Васюгана и Тогура. В первом директор Галина Захаровна Шрайнер и ее супруг Иван Александрович всю душу вкладывали в работу с детьми. Все дети Ивана Александровича были завзятыми лыжниками, благо было им где развернуться в Среднем Васюгане. Воспитательная работа здесь была на высоком уровне. Учеба «хромала», как говорила Зоя Георгиевна Барашева, начальник Облуно: «К нам дети поступают не из Артека!». Со школой были проблемы, но в спорте — они ребята были первыми. У них было большое подсобное хозяйство, где выращивали свиней, учили детей готовить еду и шить одежду и многому другому. За большие спортивные успехи детдом был занесен на доску Почета ВЦСПС в Москве.

Тогурский детский дом возглавлял Май Иванович Никульшин, заслуженный учитель России. Его супруга Зинаида Алексеевна там же занималась эстетическим воспитанием детей. Отличной помощницей Маю Ивановичу была Любовь Владимировна Зырянова. Если Май Иванович был для детей папа, то она — истинная мама, добрая и заботливая. Я не раз приезжала к ним часов в семь утра с проверкой и заставляла одну и ту же картину. Дети встали и делают самостоятельно зарядку, наводят порядок в спальнях и дежурят на кухне, и т.д. Жалоб на детей из детдома со стороны школы не было. Опыт работы этого детдома был обобщен в Министерстве образования России. Министр Веселов, читая доклад на совещании, отметил среди лучших «Тогурский детский дом Колпашевского района Томской области, который занесен на доску Почета Министерства образования России». У Мая Ивановича и Зинаиды Алексеевны замечательные дети — педагоги: Сергей Маевич — директор средней школы № 54, а Любовь Маевна — директор школы в Тогуре. Май Иванович, к сожалению, уже не с нами, но его ученики увековечили его память, установив мемориальную доску на здании детдома и теперь Тогурский детский дом носит имя Никульшина М.И.

Не могу не отметить Лидию Лукиничну Сыстерову, медицинскую сестру детдома. В то время медработники, как и работники пищеблока повара, нигде не значились. по документам медики не относились ни к Облздраву, ни к общественному питанию. А Лидия Лукинична была медик от Бога: дети были чистыми и ухоженными, никогда не страдали от педикулеза, она любила подкармли-

вать детей витаминами. Мы решили наградить ее знаком «Отличник народного просвещения», чему она была очень рада.

В 1987 году всем учреждениям и заводам был дан «зеленый свет» об оказании помощи детским домам и интернатам. Детям были подарены автобусы и телевизоры, ковры и другая аппаратура, а детям Средне-Васюганского детдома были подарены дорогие спортивные лыжи. Улучшилось и питание: выдавали красную и черную икру, благородную рыбу, а нам инспекторам с главным бухгалтером гороно приходилось стоять на раздаче питания, чтобы вся икра досталась детям.

Надо отметить большую заслугу начальника областного Управления образования Зои Георгиевны Барашевой в том, что наши детские дома и интернаты почти ни в чем не нуждались. (Тогда мы жили по карточкам на продукты, стояли в длинных очередях в магазинах и три дочери мои иногда завидовали воспитанникам детдомов.) Она поддерживала все мои начинания по совершенствованию работы с детьми. Часто сама бывала в командировках по моим учреждениям, знала почти всех воспитателей и воспитанников по именам, особенно взрослых выпускников, которым мы оказывали материальную и юридическую помощь. Начальник нашего отдела Эфтимович Анатолий Александрович очень хорошо помогал мне в трудоустройстве выпускников (тогда еще и заводы и фабрики работали, на которых общежития были).

В тесном контакте мы работали с приемником-распределителем беспризорных детей (начальник Валентина Васильевна Вишнякова). Дети, сбежавшие из детдомов, содержались там, но мы организовали их учебу. Бывало и такое: освободился бывший воспитанник из заключения, а идти ему некуда. По нашей просьбе ему дадут приют, пока не решится его проблема с трудоустройством и жильем. Совместно с Институтом Учителя мы проводили семинары на базе детдомов и интернатов. Непосредственное участие в них принимали К.П. Сви-дерский, а затем методист института Альбина Викторовна Роготнева.

Но не все так благостно было в работе наших учреждений с детьми. Особенно много хлопот как мне, так и инспектору Асиновского гороно Марии Борисовне Захарушкиной, доставляла Асиновская школа-интернат. Она отличалась тем, коллектив воспитателей и руководство не занимались ни воспитанием, ни образованием, ни здоровьем ребят. Школа-интернат в то время была «кормушкой» для нечестных людей. Менялись директора, повара, завхозы, но ничего не менялось к лучшему в жизни детей. Провожу семинар для поваров и рассказываю о воровстве продуктов в интернатах. А новая повар и говорит: «Как не стыдно было красть у сирот!» Как то приехала я с проверкой, захожу на пищеблок и говорю: «Неужели ничего не украли? (как бы шутя), а эта

повар ответила «Ой, Валентина Николаевна, ну и скажете тоже!». Я говорю: «Ну, все-таки проверю». Все места проверила и нигде спрятанного не нашла. Не успела порадоваться, думаю, дай загляну в ванну с картошкой. Порылась и среди картошки нарыла 8 кг масла сливочного, кастрюлю отварного мяса (детям, видимо, кости достались) и кое-что по мелочи. Сначала я составляла Акты о хищении, а потом мне сказали: «Вы уезжаете, а они рвут Акты и продукты уносят домой». Тогда мы с порядочными работником Горфинотдела и инспектором по охране прав ребенка все, что найдем сразу скармливали детям.

Такое воровство возможно было с подачи бывшей зав. Гороно Протопоповой Н.И., которую за махинации с продуктами и имуществом детдома посадили на два года в заключение. Было такое, что списанное постельное белье заново сшивали и отдавали детям, а новое — уносили домой. Приходилось мне из дома везти игрушки и вещи от моих девочек и строго наказывать воспитателям, чтобы ничего не крали. Они боялись меня, как огня. Честным-то людям что меня бояться. Ни Шрайнер Г. З, ни Никкульшин М.И. не знали, когда я буду у них, если они честные, что им бояться контроля! В Асиновской школе-интернате я бывала чаще, чем в других детдомах. Дошло до того, что в Средне-Васюганском детдоме дали мастику лодочную, и мы с Захарушкиной Марией Борисовной маркировали все постельное белье и инвентарь в Асиновском детдоме. И только благодаря маркировке поймали и судили завхоза.

По дороге в интернат, если встречу грязного и оборванного ребенка, то знаю — это «асиновские замарашки», воспитанники. Тут закрыли школу-интернат и перестроили ее в семейный детдом (директор Мымрин Ю), но но у ребят все то же самое: грязь и воровство. Радовали дети, большинство из которых были порядочными и добрыми ребятами, росли сами по себе. Помню, в основном все грязные и неухоженные, а среди них Саша Веретнов — красивый и чистенький ребенок. Говорит мне: «сняли с меня пиджак и истоптали», чтобы и он был таким же замарашкой, как остальные. Тогда я предложила перевести его в Тогурский детский дом. Но он отказался, сказав, «это же мой дом»...

Интересный ребенок Персов Сергей. Когда бы я ни приезжала в интернат, захожу в бытовки, где свет слабый в подвале, а он сидит на корточках и читает книжку, вечный книгочей. А сейчас Сережа предприниматель, отец восьмерых детей, помогает другим воспитанникам морально и материально. Был у них такой воспитанник Кульменев Игорь: не пьет и ни курит, но не может расстаться с воровством, поэтому для него родным домом стала тюрьма. Мы на него много сил и энергии потратили: в свое время собрали ему «приданое», устроили на работу на завод, ему дали место в общежитии и определили шефа-ком-

сомольца. Но он сбежал оттуда, украл вещи и сел в тюрьму, начав с детской колонии в Дзержинке, затем в Асиновской колонии (захотел сам, хотя мы договорились с начальником и Игорем, когда отсидит, то пойдет служить в Армию). Потом три раза сидел в колонии № 1 и последняя отсидка была в Краснодаре. Нашли ему сестру и она звала его к себе, но он не захотел... Плохо закончил свой земной путь Шуляев Андрей, хотя с отличием закончил геолого-разведочный техникум. Писал мне из Армии письма на английском языке (я учительница английского языка), что нашел родителей, но запил — загулял, украл и попал в заключение. Там и погиб...

Несколько негативных слов заслуживает и администрация Колпашевской санаторно-лесной школы-интерната для детей сирот. Дети, которые сбежали из детдома, подвергались экзекуциям прямо в кабинете директора. Особенно «усердствовала» воспитатель Поливода Галина Сергеевна. Я проводила с ней индивидуальные беседы и предлагала уйти с работы добровольно, но она и не думала этого делать. Дети мне рассказывали об ее отношении плохом к ним. Так она им угрожала «Вот, уедет Красникова, тогда я вам покажу!» Поливода Г.С. могла взять первоклашку за голову и стучать ею по парте по той причине, что ребенок не может решить пример или задачку по математике. В моей с ней беседе последней я, будучи членом партии и атеистом, сказала: «Бог все видит и накажет тебя за издевательства над сиротами!» Дети рассказывали, что получают они двойку по предмету, то она лишает их полдника, а «сама сидит на самоподготовке и жрет наши конфеты». И завершила Галина Сергеевна свой земной путь страшно сказать: мужа задрал медведь и вскоре сын сгорел в машине бензовозе, а у нее «съехала крыша» и она умерла в одиночестве. К счастью, на смену этой администрации пришла настоящая мама детям в лице Мысковой Тамары Филипповны.

Похожие издевательства над детьми были и в детских домах № 1 и № 9 г. Томска Воспитательной работы вообще не проводилось в детдоме № 9 (директор П.Я. Нехорошева): дети ездили по трамваям и выбирали деньги из касс, т.к. кассиров не было, а деньги пассажиры бросали в кассы, отрывая талоны. Был омерзительный случай, когда девочка из дошкольной группы страдала энурезом и вместо того чтобы ее полечить, молодая воспитательница, по совету пожилой, посадила ребенка на горячую батарею отопления и сожгла ей попу до ожога третьей степени. Директор детдома попыталась скрыть этот факт. Была проведена серьезная проверка воспитательной работы и директор была уволена. В результате проверки было выявлено, что честно и профессионально с детьми работали в старшей группе воспитатель Шабанова Антонина Алексеевна (она до сих пор трудится в школе), а в дошкольной группе — Рогот-

нева Альбина Викторовна, о которой я уже упоминала. А.В. Роготнева имела большой опыт в работе с сиротами и, работая в институте учителей, оказывала методическую помощь детдомам и школам–интернатам, проводя семинары с воспитателями и педагогами. Она написала несколько книг по воспитанию детей-сирот, требующих большой коррекционной работы с ними.

Огромный психологический вред детям нанесли воспитатели дошкольного детдома № 1 г. Томска (директор Михеева Лидия Васильевна). А раскрылось это дело так. Я только приступила к работе в облоно, звонит Май Иванович и приглашает меня приехать в их детдом и побеседовать с детьми. Первоклассники поступили туда из детдома № 1, а учителя Тогурской средней школы не могут с ними справиться. Дети понимали только крик, да еще одна воспитанница оттуда дала «совет» учительнице: «Вы указкой по пальцам стукните и тогда они успокоятся». Мы с директором детдома № 1 и завуче школы–интерната № 3 приехали в детдом и стали беседовать с первоклассниками. Они рассказывали жуткие вещи, но в конце беседы встает девочка и говорит: «Хоть они (воспитатели) и били нас, но я их все равно люблю!» Побеседовала я с восемью ребятами и они также рассказали об издевательствах над детьми. Но сначала я услышала страшные слова одного паренька: «Когда я вырасту, то я убью свою воспитательницу!» Она применяла фашистские методы: подвешивала шалунов за ноги головой вниз или закрывала их в темной комнате. Игорь Кульменов (ему тогда было 16 лет, он из этого детдома) на вопрос «Откуда у тебя шрам на виске?» ответил, что это воспитательница его швырнула о батарею. Затем я, объезжая свои учреждения, беседовала с выпускниками этого детдома и слышала об одних и тех же издевательствах над ними. Проконсультировалась с юристами об этом и мне сказали, что за давностью лет директора и воспитателей не осудят. Зоя Георгиевна приказала провести с ее участием совещание по вопросу издевательства над детьми, царящих в их детдоме. Воспитательница признала свою вину, что давала лизать подошву тапка, если ребенок быстро изнашивал обувь. Ее уволили по статье, а директору в день ее 50-летия, дали строгий выговор и позже ее уволили.

Но надо сказать, что позже уже не было насилий над детьми. Все дети знали, что, если вдруг кто-то из воспитателей поднимет руку на них, то я им скажу: «Пишите мне по адресу «Томск, облоно, Красниковой В.Н.» и мне передадут, так как меня очень хорошо знали и в других Управлениях нашего здания пр.Ленина 111». Там находились областные организации здравотдел, управление торговли, госторгинспекция — и я со всеми ими хорошо контактировала по вопросам воспитания детей.

Здоровье свое я подорвала, так как переносить переживания и хлопоты за детей стоили мне больших нервов. Сейчас я нахожусь на инвалидности первой группы, но ничего не забыла. На моей страничке в «одноклассниках» интернета воспитанники пишут мне, интересуются здоровьем и благодарят за материнскую заботу и помощь им. Маслов Александр после окончания геолого-разведочного техникума проживает на Украине. Света Коцина-Власова закончила Томский медицинский колледж, проживает в г. Калуге и вырастила двух достойных парней. Старший сын Лёша имеет свою семью и ребенка, работает директором завода в г. Тула, а младший сын Миша, мой крестник, поступил в университет. Я много писала про Вову Боркина и он, когда бывает в Томске, то обязательно с доченьками и тортом меня навещает.

Хочется сказать добрые слова о людях, которые имели непосредственное отношение к созданию условий для оздоровления детей-сирот, о тех, кто помогал детям, лишенным родительского попечения. Помогали беспризорникам попасть в детский дом, а после окончания учебы помогали им в дальнейшем устройстве жизни и трудоустройстве.

Однажды, выступала я на коллегии Управления торговли области (начальник Мелита Вильгельмовна) и говорила о том, что некоторые дети детдома подпитывались водкой и куском хлеба. Здоровье их никудышное, требующее хорошего и качественного питания, чтобы впоследствии ребята могли идти и служить в Армии. Привела много примеров о том, что пришлось вынести детям в семьях пьяниц и наркоманов. Участники коллегии так почувствовали детское горе, что все согласились увеличить детям нормы выдачи икры и дорогой рыбы. Стали снабженцы отпускать продукты в детские дома без лишней волокиты.

Что касается профилактики болезней и лечения детей, то в этом нам помогала Кораблева Н. И. из облздравотдела и Альбина Павловна Гальцова, главный врач облвендиспансера. Однажды к нам поступила девочка с венерическим заболеванием. Мы с ней поехали в диспансер. Я спросила там, к кому обратиться, а она говорит мне: «Идемте, я знаю, куда идти». Оказалось, что она там лечилась. Альбина Павловна никогда нам не отказывала в приеме и консультации. Она часто вместе со мной ездила в командировки с целью профилактических бесед с детьми. Совместные командировки с Кашириной Валентиной Васильевной (областная санэпидстанция) помогали наладить в наших учреждениях надлежащий санэпидрежим и благодаря этому у нас не было отравлений детей.

Я говорила о том, что мы оздаравливали детей в санаториях страны (путевки облздора детям были бесплатные) и детям выделялись деньги на личные

расходы по линии облоно благодаря участию в этом начальника облоно Зои Георгиевны Барашевой и главного бухгалтера Валентины Михайловны Мухаметшиной. Валентина Михайловна Перова, секретарь облоно, зав канцелярией, помогала нашим воспитанникам, которые служили в Советской Армии, разными канцтоварами, чтобы они могли писать нам и детям в детдомах.

Большую помощь в комплектовании детских домов и интернатов оказывали районные и городские отделы образования и инспектора по опеке детей. Они помогали составлять журналы учета беспризорных детей, особенно проявили себя в поисках братьев и сестер, родственников. Их заслуга в оказании помощи выпускникам в трудоустройстве и получении жилья, в удержании алиментов с родителей и т.д. Самой активной и неравнодушной к детям была Мария Борисовна Захарушкина, инспектор по опеке Асиновского горно.

Я помню случай, о котором рассказала Мария Борисовна. Она забирала у матери, лишенной родительских прав, ребенка. Мать спрятала дите в подполье, но Мария Борисовна нашла его и тянет за руки из подпола, а мать тянет за ноги назад, ребенок плачет, а инспектор плачет вместе с ними. И так Мария Борисовна «рвала» свое сердце не раз и не два... Были такие родители, что Марии Борисовне приходилось забирать голенького ребенка в свое одеяло. Особенно много внимания у неё потребовал Кульменев Игорь. Она собрала ему целый чемодан «приданого» (кое-что передала от своих двух сыновей), привезла в город. Мы устроили его на завод, но увы... работать он не захотел и бездельничает по сей день.

Благодаря таким людям как Мария Борисовна, многие воспитанники из интерната г. Асино, нашли хороший путь и устроены неплохо в жизни. Предпринимателем трудится Сергей Персов, работает на Севере Боркин Владимир, воспитывает двух сыновей и живет в Калуге Света Коцина, женат и работает хорошо Саша Веретнов, работает в ТПУ Евдокимов Евгений... Условия в Асиновском интернате были не ахти какие, поэтому львиная доля моих командировок была туда и Мария Борисовна тоже там часто бывала...

Дети взрослеют, а мы не молодеем, но, я считаю, что была честна с ребятами из детских домов и интернатов, как умела помогала им взрослеть и становиться на ноги. Делала всё, что было в моих силах, чтобы они не обозлились на нас, взрослых, и чтобы они смогли построить свои семьи и не бросали бы своих детей так, как с ними поступили их родители.

Думаю, надо ли было писать о негативах в жизни детей-сирот? Но такова была жизнь в детских домах и интернатах и судьба детей, оставшихся без попечения родителей. Все, что написано это правда жизни нашей и трудно воспитываемых детей в Томской области.

Согретье Сибирью

Екатерина Скворцова 22 сентября 2015 г.

Четыре года в Тюменской области проходила акция «Согретье Сибирью», посвященная судьбам воспитанников детских домов, эвакуированных в регион во время Великой Отечественной войны.

70-летию Великой Победы посвящена и экспедиция журналистов России с таким же названием, которая состоялась 21–23 апреля 2015 г.

На тюменской земле в 1941–1943 годах было создано 97 детских домов, детских интернатов и ясельных групп, которые приняли более 12000 детей из блокадного Ленинграда, Москвы, Украины, Калмыкии, других регионов и городов. В рамках акции в городах, селах и деревнях, где работали детские дома, устанавливаются памятные доски в честь подвига сострадания и душевной доброты тюменцев.

Такие памятные знаки появятся и в ходе журналистской экспедиции. Ее гости и участники побывают в Ялуторовске и Тобольске, где гости и участники откроют Памятные доски, побывают в Музее декабристов, в Тобольском Кремле.

В Ялуторовске 23 апреля состоится и презентация книги «Согретье Сибирью», созданной в Тюменском издательском доме при участии редакций региональных и районных СМИ. Кропотливая исследовательская ра-

бота, проведенная тюменскими журналистами, помогает современному читателю больше узнать обо всех детских домах, эвакуированных в тюменские города, села и деревни в годы Великой Отечественной войны.

На свет появилась книга в двух томах. Герои книги рассказывают, как встретила и приютила обездоленных детей тюменская земля, какое участие в их судьбе приняли местные жители, как удалось организовать учебу, быт, досуг ребят и помогли им обустроить свою жизнь.

С первых дней Великой Отечественной войны задачи сохранения жизни детей, их обучения и воспитания приобрели особую остроту. Весь комплекс проблем эвакуации, приема и устройства детей получил государственную-правовую основу. 23 января 1942 года принято постановление Совнаркома СССР «О приеме, устройстве и обслуживании эвакуированного населения», 2 сентября 1942 года «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда».

Эвакуация гражданского населения из прифронтовых и фронтовых районов в 1941–1942 годах была поистине беспрецедентной и в мировой истории. Всего за годы войны в советский тыл было эвакуировано свыше 25 миллионов человек. В результате крупномасштабной эвакуации гражданского населения в годы войны была спасена значительная часть подрастающего поколения страны.

Для детей, эвакуированных из прифронтовой полосы (1941–1945 гг.) в Тюменский район, стали вторым домом:

- детдом им. Октябрат (до 1941 г.), с. Кулаково;
- дом-малютки № 26, с. Н. Юрты, с июля 1945 г. с. Ембаево;
- дошкольный интернат № 2, с. Ембаево;
- детдом № 25, с. Антипино; ленинградский детсад № 31, с. Ембаево;
- детдом № 62 им. Кирова, д. Зырянка;
- детдом № 63 им. Красной армии, с. Борки;
- дошкольный спецдетдом № 64, д. Н. Юрты;
- детдом № 65, д. Н. Юрты;
- детдом № 93, с. Ембаево;
- детдом № 125, с. Успенка;
- спецшкола-интернат № 178 на базе № 178, 179, 180 и ленинградский детсад 20;
- детинтернат № 179, в июле 1945 г. он вошел вместе с № 178 и 180 в специальный детдом для ленинградских сирот; детдом облсобеса «Верхний Бор», с. Верхний Бор.

Всего на территории районов, выделившихся в 1944 году из Омской области в Тюменскую, находилось 64 эвакуированных детских учреждения с контингентом 8 394 человека.

Более 80 процентов детей были из города Ленинграда, небольшая часть из Карело-Финской ССР.

Блокада Ленинграда была прорвана 18 января 1943 года, когда войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились в районе нынешнего Кировска. Полностью блокадное кольцо было снято лишь спустя год — 27 января 1944 года.

В ознаменование окончательного снятия блокады 27 января 1944 года в Ленинграде был дан салют.

Советским правительством 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

26 января 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Ленинград орденом Ленина, а 8 мая 1965 года в ознаменование 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов присвоил Ленинграду почетное звание города-героя.

В священную для всего российского народа дату — день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады в рамках редакционного проекта «Народная память» состоялась экспедиция «Ленинградская битва: согретье Сибирью». На этот раз ее организаторы: коллектив газеты «Тюменская область сегодня» совместно с территориальным отделением партии «Единая Россия», депутатами Тюменской областной Думы, тюменскими учеными и краеведами — отправились в село Борки Тюменского муниципального образования. Маршрут проложили в один из восемнадцати детских домов района, в котором жили эвакуированные дети из города на Неве.

Цель экспедиции — сохранить память о 900 страшных днях, передать ее детям и внукам, сделать все возможное, чтобы одна из самых трагических страниц в истории человечества никогда не повторилась.

В библиотеке семейного чтения имени Пушкина представили юным читателям из школы № 89 Ялуторовска проект Ивана Кнапика «Согретье Сибирью». Книга основана на документальных фактах: архивных данных, письмах воспитанников, воспоминаниях педагогов детских домов и интернатов сельских и городских Тюменской области. Это серьезный журналистский труд, историческое исследование событий военного времени. Встреча прошла накануне 70-летия Победы.

Согретье Сибирью

Валерий Пономарев

Из той поры холодной и жестокой,
Нам снова вести память обожгли,
Навстречу солнцу, в сторону востока,
Детишек эшелонами везли...

Разбомблены и Киев, и Одесса,
И на Неве захлопнулось кольцо,
Суровым и военным стало детство:
Ни бабушек, ни мам и ни отцов.

По метрикам — все круглые сироты,
Безжалостен казенный документ...
Как океан, Сибирь стал край заботы,
Теплом сердец здесь каждый обогрет.

Как в половодье, выбежали бабы,
Опора безмужичьих деревень...
И разобрали, как гостинцы, слабых
И голодом заморенных детей.

Кормили, как в больнице, понемножку.
Хотя самим им было нелегко...

На первое — мундирная картошка,
А на второе — хлеб и молоко!

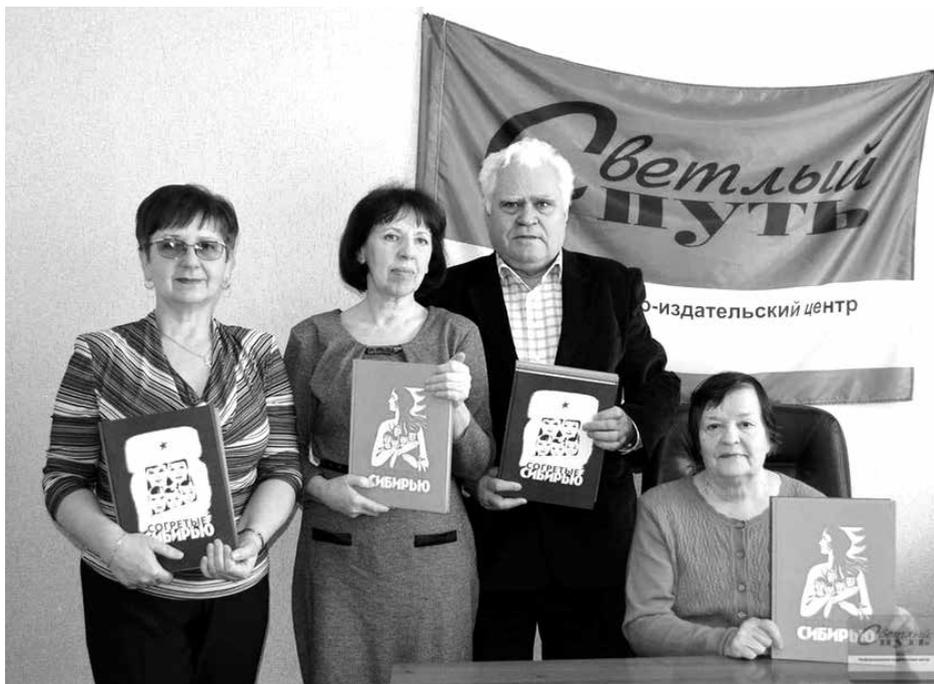
Такая из легенд видна житуха:
Сибирь — обетованный край земли...
Архивы, как газеты, твердят скупое,
Что многие здесь семьи обрели.

Чужие тети стали в числе близких,
И как не рассуждай и не пиши...
Но только нет на свете таких списков,
Тех, кто согрел сирот теплом души.

Участники далекой уже драмы,
Согретье Сибирью в страшный час,
Уверен, называют край наш мамой
И слезы у них катятся из глаз!..

Согретье Сибирью

Александр Вертячих

Санкт-Петербургские ведомости 06.05.2015

Ветераны-блокадники в музее школы № 1 Тобольска, известной с времен дореволюционных. ФОТО Сергея РУСАНОВА

Тюмень в годы войны приняла 12 тысяч детей из Ленинграда и других прифронтовых областей

К 70-летию Победы Тюменская область подготовила уникальную акцию «Согретье Сибирью», посвященную памяти сотни детских домов, эвакуированных из западных частей СССР в Тюмень и ее окрестности. Большая часть детей, младшему из которых не исполнилось и года, привезли из блокадного Ленинграда. Сибиряки, которые в 1941–1942 гг. отдавали фронту все, довольствуясь минимумом еды и одежды, приютили и обогрели ленинградских мальчиков и девочек. Многие из них были эвакуированы в июле 1941 г., путь их был долг и приехали они в заснеженную Тюмень в летних платьях. Выжили почти все, после войны они вернулись в родной город.

О подвиге сибиряков журналистам всей страны рассказали в формате экспедиции по маршруту Тюмень — Тобольск — Ялуторовск, организованной Союзом журналистов Тюменской области, региональными

и местными властями. Единственным представителем северной столицы в этой экспедиции стала газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Стержнем акции «Согретые Сибирью» стал одноименный двухтомник, подготовленный 110 авторами, 105 из которых — корреспонденты газет, теле- и радиостанций Тюменской области, собравшими воспоминания и архивную информацию по всем детским домам для эвакуированных в своих поселках, городах, районах. Историческая фактология, ссылки на документы собраны в приложении — отдельном томе. Финансировало издание правительство Тюменской области.

«Мы работали над книгой почти пять лет, — сказал автор проекта и главный редактор книги, известный тюменский журналист Иван Кнапик. — Наши авторы объехали всю область и выезжали в Петербург, чтобы встретиться с блокадниками, которых в детстве эвакуировали в Тюмень. Писали мы и письма по установленным в архивах адресам. Только в Петербург ушло 700 писем, большинство ответов на них обескуражило: «адресат по данному адресу не проживает», «квартира расселена» и пр. Нам казалось, что всю информацию собрать не удастся. Но все получилось, и книга вышла».

Тобольск — древняя столица Сибири, а ныне один из крупнейших в России центров нефтехимии. По данным городского комитета по культуре и туризму, в освобождении северной столицы от фашистской блокады отличились 48 тоболяков.

В годы войны этот город принял почти 3 тысячи ленинградских детей. И не только: во флигеле школы № 1 разместился польский детский дом. Его воспитанники, вернувшиеся на родину, до сих пор с теплом вспоминают о тобольских годах своей жизни. Детей привозили из Тюмени в Тобольск на пароходе по Иртышу — других путей тогда не было. В конце войны, когда ленинградские дети возвращались домой на борту того же парохода, они хором пели «Прощай, любимый город...».

Для ветеранов и жителей блокадного Ленинграда, оставшихся после войны в Тобольске, город ежегодно устраивает торжества. В прошлом году они посвящались Дню воинской славы — полному снятию блокады Ленинграда, в этом проходят в рамках акции «Согретые Сибирью». «Я вспоминаю свой детский дом каждый день, передавая память внукам, — рассказала житель блокадного Ленинграда тоболячка Вера Созонова. — У нас была интересная жизнь: мы устраивали спартакиады, отмечали праздники, на которых нам давали сласти военной

поры — сибирские «варенки» (ломтики вареной свеклы и моркови. — Прим. ред.)».

На вопрос — почему вы не вернулись в Ленинград? — Вера Иосифовна ответила просто: «После детского дома я пошла работать, а потом вышла замуж за сибиряка и осталась в Тобольске. Мы с мужем строили нефтехимический комбинат, поднимали город. Я своей жизнью довольна, и семья у нас хорошая: дети, внуки. Тобольск стал для меня таким же родным, как и Ленинград».

Ялуторовск — город декабристов, а ныне 40-тысячный райцентр на юге Тюменской области. В 1842 г. Иван Якушкин открыл здесь первую в Сибири всесословную школу для девочек. Спустя 100 лет в этом здании расположился детский дом для эвакуированных из Ленинграда. Всего в Ялуторовском районе в годы войны размещалось семь детских домов-интернатов, где воспитывались 565 детей.

«Память о том времени осталась у меня светлая, — написала в книге «Согретье Сибирью» воспитанница одного из ялуторовских детских домов военных лет Галина Косарева. — В нас горела самоотверженность — собрать деньги для фронта, помочь раненым в госпитале, а еще мечтали попасть в Ленинград, на фронт телеграфистами. Мама, внимая моим просьбам, устроила мне вызов в Ленинград в 1943 году. Там я окончила 10 классов, потом Университет по специальности «эконом-географ». Работала в институте проектирования городов, участвовала в организации пригородной зоны города Тюмени. Вот тут-то я и приехала в Ялуторовск, вернулась в наше далекое прошлое...»

Тюмень, Дом журналистов. Интеллектуальный центр, куда стекалась информация для книги «Согретье Сибирью». «О подвиге тюменцев, принявших в годы войны более 12 тысяч детей, за пределами нашего региона мало кто знает, — объяснил важность акции директор Дома журналистов Борис Терехов. — А ведь среди выросших в наших детских домах были прима-балерина Мариинского театра Габриэла Комлева, летчики-космонавты Владимир Комаров и Лев Демин. В книге «Согретье Сибирью» наши журналисты попытались рассказать, что Тюмень внесла важный вклад в победу над фашистами. Тюменцы сберегли будущее поколение ленинградцев».

«Я считаю Петербург близким мне городом, поэтому с радостью приезжала на берега Невы, чтобы встретиться с воспитанниками наших детских домов, — рассказала ответственный секретарь книги «Согретье Сибирью» Людмила Марикова. — Особенно мне запомнилась

встреча с Габриэлой Комлевой. Она призналась, что эвакуация в Тюмень была ее вторым рождением».

Пожалуй, самое большое впечатление на участников экспедиции произвели не торжества, памятники и доски почета, а дети. Подрастающее поколение тюменцев, с величайшим интересом слушавших историю о тех, кто 70 лет назад сидел за партой в их классе. О детях из далекого города, откуда они приехали голодными и больными, а через четыре года вернулись полными сил и желая восстановить прошлую мирную жизнь.

Многие юные жители Тюмени, Тобольска и Ялуторовска по окончании школы мечтают уехать учиться в Петербург. И северная столица примет сибиряков так же тепло, как когда-то столица Сибири — ленинградцев.

«Оба — два...»

А. Н. Егоров, 14 апр. 1937 г. р. Томск

Поколению войны посвящается...

Так распорядилась природа, что люди моего возраста зачастую до мелочей помнят события многолетней давности, но забывают, куда только что положили свои очки. Думаю, что, таким образом, распорядился Творец, позаботившись о сохранении народной памяти, которая куда важнее (и честнее), чем все учебники по истории, подверженные ревизиям и чисткам политического курса.

Мне было четыре года, когда началась Великая Отечественная. Жили мы тогда в городе с совершенно сибирским названием Тайга. Двухэтажная деревяшка с общей на весь этаж кухней и «удобствами» во дворе. От фронта далеко, но жители всё — равно обязаны были соблюдать светомаскировку, а стёкла окон заклеивать крест-накрест бумажными лентами. Видимо, это потому, что городок наш был, да

и сейчас является, крупным железнодорожным узлом и существовала, скорее гипотетическая, но всё же угроза, бомбёжек. Хорошо помню закреплённую в углу общей кухни чёрную тарелку репродуктора, объявившего голосом Молотова о немецком нападении на СССР («Почему не Сталин говорит?» — шептались взрослые).

В первый класс я пошёл в сорок четвёртом. Начальная школа недалеко от дома, старенькая, деревянная, но конечно же вспоминаемая с теплотой и благодарностью. Учительница Нина Ивановна, которую спустя много лет я пытался безуспешно отыскать. И закутанные во всевозможные одеяния ребяташки, т. к. в классе было зимой холодно. Согревались чаем, который нам наливали на большой перемене в принесённые из дома кружки. У многих, в том числе и у меня, кружкой служила обыкновенная консервная банка. Даже и сейчас помню иностранные буквы, изображённые на этой небольшой посудине. Ну а песня, которую мы пели, двигаясь по кругу в небольшом школьном зале (опять же, чтобы не замёрзнуть), врезалась в память навечно. Представляете картину? Два десятка карапузов дружно поют: «Как письмо получить от любимой, вспомнишь дальние края. И закуришь. И с колечком дыма улетает грусть твоя. Эх, махорочка — махорка, породнились мы с тобой. Вдаль глядят дозоры зорко, мы готовы в бой, мы готовы в бой». С тех пор я больше нигде и никогда этой песни не слышал.

В победном сорок пятом мы с мамой и сестрой жили уже в деревне Богашево под Томском, куда переехали к бабушке после того, как не стало отца. Хорошо помню, как встречали возвратившихся с войны односельчан. Как бережно доставали они из-за пазухи платочки с завёрнутыми в них орденами и медалями. Носить награды на груди было несподручно — был риск потерять их, поскольку в каждом доме дорогих гостей встречали не только хлебом-солью, но и доброй кружкой браги, которую в нашем селе называли почему-то пивом.

Вернулись, однако, немногие, да и те, кто без ноги, кто без руки. И долго ещё летними вечерами пели свои грустные песни молодые вдовы. Помните, земляки: «Цветочек ты, цветочек. Зачем же ты рано цветёшь?».

Не всё мы ребяташки-первоклашки понимали тогда. Вполне нормальным считалось отсутствие необходимой одежды или обуви. Даже в школу зимой приходилось ходить в сшитых матерью из старой телогрейки «бурках». Но так жили все и нашей безотцовщине были присущи

все детские занятия, игры, проказы, купания в пруду, выкопанном в живописном кедровнике ещё моим дедушкой со товарищи. К тому же, мы не голодали в прямом смысле этого слова. Всё же деревня — это, прежде всего, огород, а летом ещё и пучки, гусинки, саранки, ягоды, грибы, кедровые орехи и прочие дары леса. А у кого была корова, то хоть и приходилось сдавать молоко государству, что-то оставалось и нам.

И только когда выросли, мы стали понимать и осознать, как трудно было нашим матерям. Как нестерпимо больно было переживать потерю самых близких людей. У моей двоюродной бабушки Анны Дмитриевны на фронт в 42–43 годах ушли все три сына. Не вернулся ни один. Вот они: Михаил, Александр, Иван — на скорбных табличках в Лагерном саду.

Хорошо помню, как провожали младшего — Ваню. Стройный, смуглицый красавец, только что окончивший школу-десятилетку. Перед отъездом в Томск на сборный пункт он подарил мне на память свою гитару, научил играть пару немудрящих мелодий. К сожалению, гитару ту я не сохранил. Через пятнадцать лет разбили её о чью-то буйную голову на студенческой пирушке в университетской «пятихатке».

В Томске новобранцы пробыли совсем недолго. Перед отправкой на фронт родственникам сообщили о времени прохождения эшелона через нашу станцию. Собралось на перроне полдеревни. Вот и состав из пытящего дымного паровоза и десятка деревянных вагонов — «теплушек», в простонародье называемых «телячьи». Высыпали солдаты. Поцелуи, протянутые руки, напутствия, пожелания вернуться живыми. Вот и Ваня в новенькой форме и, не смотря на летнюю жару, с шинельной скаткой через плечо. Мечется по перрону, ищет свою маму. Как сейчас слышу его тревожный голос: «Мама, где мама?».

А мама его, Анна Дмитриевна, прийти не смогла. В этот день директор школы, где она работала техничкой, отправил её на покос. Ослушаться было нельзя. За это полагалась уголовная ответственность. Такие вот были времена...

Долгое время напоминанием о тех проводах служил мне старинный вокзал постройки начала прошлого века с его ажурной башенкой, летней верандой, буфетом и небольшим сквером с жёлтыми акациями. Сто лет простояла эта жемчужина архитектуры, радуя глаз богашевских жителей и проезжающих пассажиров. Стоял бы и сейчас, не особо проявляя признаков старения, но пришли лихие для культуры времена. Несколько лет назад вокзал разобрали и куда-то увезли. Не исклю-

чаю, что оригинальный купол этого шедевра, созданного руками наших предков, вполне может украшать дачу какого-нибудь железнодорожного начальника. Сейчас на месте вокзала — пустырь, заросший сорняками, а вместо посыпанного мелким песочком перрона — настил из щелястых железобетонных плит. И негде укрыться от непогоды многочисленным дачникам и «мичуринцам».

Теперь о том, как отмечали День Победы. Деревня гудела, как и вся страна. Наши собрались в просторном доме матери трёх погибших братьев. Громкие разговоры, грустные протяжные песни, махорочный дым. Визгливо заиграла старенькая гармошка в руках не очень умелого пожилого музыканта. И тоскливый взгляд солдата Терентия в гимнастёрке без погон и без руки, до войны, лучшего в деревне гармониста. Деревенское пиво делало своё дело и вот уже заскрипели половицы в такт простенькой мелодии. И пошли частушки-припевки. Вот вышла в круг и хозяйка дома. Она притопывает, припевает: «Оба — два, оба — два, оба — два — четыре. Кто-то двери отворил...». Только вместо «милый мой, не ты ли» она трижды повторяет «Мишенька, не ты ли, Шурочка, не ты ли, Ванечка, не ты ли?». И слёзы ручьём, и невыразимое горе и отчаяние в глазах.

Приятным грудным голосом начала песню о Ленинграде эвакуированная и жившая в нашем доме с двумя детьми Анна Сергеевна: «Ленинград мой, милый брат мой, родина моя». И захлебнулась рыданиями, вспомнив, видимо, о погибшем на фронте муже, изувеченном, настрадавшемся родном городе, оставшихся там родственниках и друзьях.

По всему-поэтому не совмещаются в моём сознании слова «праздник» и «война». Не может быть война поводом для праздников, это огромная трагедия. Но память о ней, о Великой Победе, одержанной советским народом путём невероятных трудностей и лишений, массового героизма наших родителей и дедов на фронте и в тылу должна оставаться в памяти поколений навечно.

И отмечаться дни памяти войны должны не только, и не столько, проведением официальных торжеств, но, прежде всего, проявлением глубокой благодарности, уважения и реальной поддержки к тем, кто спас страну, кто всё превозмог. И победил!

«Моя судьба сложилась в СССР»

Л. И. Калашников, г. Москва

Родился в семье фронтовика в 1960 году в байкальском селе Степной дворец. Родители рано ушли из жизни, и восьмилетний Леня с сестренкой попал в детский дом. Жизнь в детдоме быстро приучила к самостоятельности и закалила характер. Мальчишка был бойкий, с лидерскими задатками, часто подбивал товарищей на «подвиги». Сидеть на месте, когда вокруг такой огромный мир, казалось ужасно скучно. Много раз сбегал с друзьями из детдома, колесили по стране на попутках, товарняках. Чтоб прокормиться в пути, таскали кур. По несколько месяцев путешествовали, до Кисловодска добирались! Потом милиция водворяла их обратно. В общем, к старшим классам Леня Калашников имел устойчивую репутацию хулигана. И была бы ему прямая дорога в ГПТУ, но учителя решили по-другому: с головой парнишка, учится хорошо, надо бы ему десятилетку закончить, а там, глядишь, и остепенится. А еще он увлекся спортом: в восьмом классе получил первый разряд по легкой атлетике. Спорт и дисциплинирует, и много времени отнимает — некогда хулиганить.

В последних классах Леня грезил океанологией. Таких факультетов в стране было всего два — в Москве и Владивостоке, и сразу после школы не было денег, чтобы поехать поступать. Хотел год поработать и поехать. Но вышло иначе. Друзья поступали в Восточно-Сибирский технологический институт в Улан-Удэ, позвали помочь на экзаменах, задачки порешать. Пришлось тоже подать документы. Так и стал — практически случайно — студентом машиностроительного факультета. Но с мечтой об океане не расстался. В институте была секция подводного ориентирования. Стал мастером спорта, членом сборной республики. Каждое лето ездил в стройотряды: работал проводником поезда, строил Байкало-Амурскую Магистраль (БАМ).

Распределился в Одессу, на машиностроительный завод. В Одессе тогда открылся факультет гидрографии, и Леонид хотел получить второе образование. Еще собирался в антарктическую экспедицию, специально окончил курсы дизелистов. Но тут вмешалась судьба. Через год после института в московской командировке познакомился с начальником отдела с ВАЗа.

И так он увлекательно рассказывал об автозаводе, о молодом городе, куда съехалась лучшая молодежь страны, что Калашников не устоял: поехал на денек своими глазами посмотреть. Загорелся: буду здесь работать!

Избежать всех скользких дорожек детдомовцу помог спорт, который в СССР был доступен каждому

В 1983 году приехал в Тольятти с молодой женой, которая вот-вот должна была родить. Знающие люди посоветовали: хочешь быстрее получить квартиру — иди мастером, а не инженером, как следовало по диплому. И он пошел работать мастером в 48-й цех сборочно-кузовного производства. График был тяжелый, трехсменка, но ничего — втянулся. Понравилось сразу на заводе — такой здесь был молодой, веселый дух.

Сначала с женой и новорожденным сынишкой жили в общежитии, через полгода дали малосемейку. А уже через 4 года работы на заводе получили двухкомнатную квартиру, потом еще земельный участок и беспроцентную ссуду на постройку дачи. На ВАЗе тогда к молодым специалистам относились с душой, помогали во всем. Ни с садиком, ни с медициной, ни с путевками в санаторий проблем не было. Социальная база у завода была великолепная, тогда это не считалось обузой для производства. Спорт был доступен для всех — было бы желание. Леонид занимался многоборьем, скалолазанием. Создал секцию подводного плавания для детей, сам ее вел.

Комсомол и партия постоянно вели кадровый отбор, продвигали самых ярких и энергичных ребят. Калашникову предложили поработать в комсомоле, и эта работа ему пришлось по душе. Скоро он стал лидером вазовского комсомола. Это было очень интересно, комсомол такие дела тогда вершил! Многие из того, что создано в Тольятти, было ударными комсомольскими

стройками — например, Дворец культуры и техники, да и сам завод в свое время. Проводили туристические слеты, фестивали, шефствовали над школами и пионерскими лагерями. Организовали популярный турнир «Зимний мяч Автограда», легендарного Яшина привозили. Комсомол помогал в становлении хоккейной команды «Лада». Калашников много ездил с хоккеистами. За несколько лет добились того, что клуб из провинции стал чемпионом страны. Клуб был любимым детищем завода, а сейчас он — сирота, всеми брошенный, терпит бедствие.

Еще вазовские комсомольцы одними из первых в стране начали движение МЖК, сотни молодых тольяттинцев построили свои квартиры сами. Комсомол был отличной школой: Калашников считает, что за 3–4 года работы получил опыта не меньше, чем за 20 лет на производстве, только более разностороннего. Плюс возможность получить дополнительное высшее образование — окончил Высшую школу при ЦК ВЛКСМ, аспирантуру.

В 25 лет вступил в Коммунистическую партию. По инициативе Леонида Калашникова на ВАЗе впервые в стране решили выбирать секретаря заводского комсомола на конкурентной основе. Кандидаты писали программы, обсуждали, спорили. Так Калашников выиграл свои первые выборы.

Как лидер вазовского комсомола Леонид Калашников опекал хоккейный клуб «Лада». «Профилактическая» беседа с командой соперников

В 1990-е, когда комсомол и партия ушли со сцены, снова пришлось искать свое место в жизни. Калашников остался на заводе, организовал вместе с другом производственно-коммерческое предприятие. Кроме основ-

ной деятельности, были интересные культурные проекты: создали Центр кино для детей и юношества при помощи Ролана Быкова, с которым дружили. Построили детский кинотеатр. Издавали хорошие книги, привозили в Тольятти популярных артистов.

Но после масштаба комсомольских дел Калашникову было тесновато, не хватало размаха. И когда в середине 1990-х председатель совета директоров РАО ЕЭС Дьяков пригласил его поработать в энергетике, охотно согласился: это был подходящий масштаб задач — гигантская энергосистема страны. К сожалению, скоро до энергетики добрались записные либералы — Кириенко, потом Чубайс. Они оттеснили советских профессионалов-управленцев и стали разваливать отрасль. Годы прошли в борьбе с ними: Калашников с единомышленниками, как могли, противостояли деятельности Чубайса по дроблению ЕЭС, но власть была на стороне разрушителей.

Именно тогда Калашников понял, что одиночкам не справиться с организованной силой разрушения. В начале 2000-х он пришел в КПРФ, стал советником ее лидера Геннадия Зюганова, издателем и редактором «Рабочей газеты». В 2008 году вошел в высшее руководство партии: избран секретарем и членом Президиума ЦК КПРФ. Избран в Государственную Думу по списку коммунистов от Самарской области. Занимает пост первого зампреда международного комитета. Сегодня дело его жизни — защищать внешнеполитические интересы нашей страны на уровне законодательства.

Когда шло обсуждение стратегического российско-американского договора СНВ-3, Калашников одним из первых забил тревогу: договор в таком виде потенциально опасен для российского суверенитета. Однако нерассуждающая машина «ЕР», как обычно, послушно ратифицировала договор. «ЕдРо» штампует любые инициативы Кремля: ратифицирует договор с Норвегией о передаче куска акватории Баренцева моря, разрешает транзит НАТО в Афганистан через нашу страну, принимает гнусные заявления против Белоруссии и Ливии, объявляет советских офицеров ответственными за Катюнь. Калашников воюет с «медведями» в комитете, постоянно выступает с думской трибуны и в прессе. Если едросов пока нельзя остановить, надо хотя бы сделать их предательскую политику достоянием гласности.

«То, что детдомовский пацан Ленька выбрался на международный уровень — это заслуга советской власти, которая чуть не насильно учила нас, малолетних хулиганов, за уши тянула, воспитывала, мотивировала на всю жизнь, — уверен Калашников. — Такая судьба, как у меня, возможна только в СССР. Сейчас, при капитализме, ребенку из детдома

даже высшее образование не светит, и большинство мальчишек пополняет преступный мир. Поэтому, наверное, главный стимул моей политической деятельности — это стремление построить в нашей стране такое общество, где судьба человека не будет зависеть от толщины кошелька и связей родителей, где снова каждому будут открыты все дороги. Это общество называется социализм.

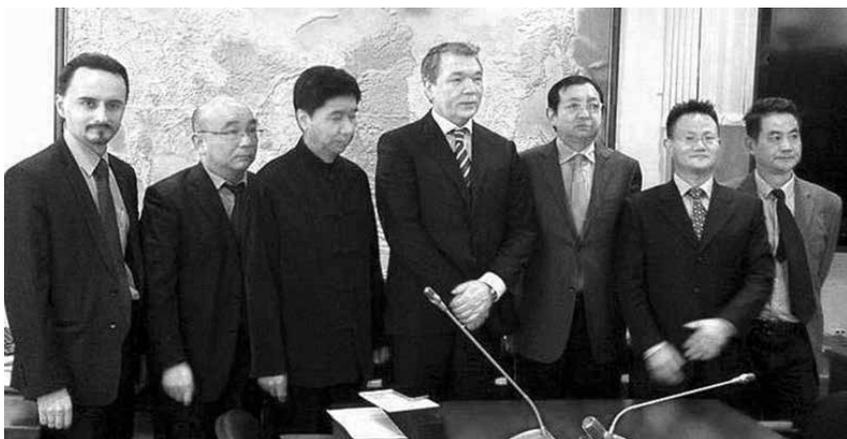
А еще мне повезло, что попал на ВАЗ, очень многое дал мне комсомол — бесценная школа жизни, отношения к делу, ответственности. Лучшие годы, большие задачи, крепкая дружба — все это связано с Самарской областью и, прежде всего, с городом Тольятти. Поэтому я здесь всегда буду дома, этот город — в моем сердце. И я никогда не выпускаю из виду родной завод, болею за него душой».

Леонид Иванович КАЛАШНИКОВ — первый номер в списке кандидатов КПРФ на выборах в Государственную Думу от Самарской области.

Много лет работал на АВТОВАЗе, прошел путь от мастера до заместителя начальника управления в научно-исследовательском центре. Избирался секретарем заводской комсомольской организации, заместителем секретаря парткома ВАЗа, депутатом городского совета г. Тольятти.

Член президиума, секретарь ЦК КПРФ, первый заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам.

(Рабочая газета, 6 ноября 2011 г.)

Тогурское братство

**Воспоминания Виктора Холодова, 1940 г. р. выпускника
Тогурского детдома Томской области. Владивосток, 2013.**

Штрихи к истории Тогурского детского дома

Сибирское село Нарым до революции было местом ссылки И. В. Сталина. А в 30-е годы, в период репрессий, в этот край с трескучими морозами и летними завесами из гнуса ссылали «врагов народа» — всех неугодных сталинскому режиму.

По данным органов надзора, в 1932 году в северных районах Томской области (Нарымский край) было 191545 человек спецпоселенцев, из них умерли в течение года 8326 человек. Тогда-то и хлынула здесь новая большая волна сиротства. Первое массовое появление беспризорных детей в 1918–1920 годах еще как-то объяснимо: страна разваливалась на куски, шла Гражданская война. В тридцатые годы войны уже не было, однако именно в это время как грибы после дождя выросли в Нарымском крае десятки детских приютов.

Вот и в старинном сибирском селе Тогур в 1932 году застучали топоры, зазвенели пилы. Под руководством десятника Василия Григорьевича Белкина спешно строился большой дом. Огромную территорию для детского приюта предоставила Тогурская комендатура ОГПУ, которую перевели в Колпашево. Стройка велась на окраине Тогура. Рядом кедрач. Таежный гнус одолевал молодых строителей, тяжела была работа, но уже крепко усвоили они, к чему может привести срыв графика или малейшая оплошность... И валили лес, корчевали пни, пилили, тесали, строгали. Работали быстро, толково.

В августе 1933 года, когда здание детского дома еще не было сдано, не все оконные рамы застеклены, не было ни одной кровати, в Тогур привезли из таежного поселения Палочка Верхнекетского района 40 малышей от 3 до 4 лет. Среди них были Маша Дорофеева, Толя Культинов, Надя Куликова, Витя Маркелов, Шура и Анфиса Шаховы, Саша Суворов, Тома Ипполитова, Володя и Толя Пшеничкины, Катя Короткевич, Вася Байгулов, Нелли Митрофанова, Аркадий Астанин, Галя Юферова, Шура Кремлёв, Юля Сорокина, Валя Крючкова, Ира Колмакова, Юра Дахно.

Их принимала первая воспитательница Анастасия Павловна Пичугина. Ее направила на эту работу Колпашевская комендатура, но у неё было трое детей, и потому она просила отпустить её. Просьбу удовлетворили только через два года, когда она родила четвертого ребенка. Худенькие, остриженные на-

голо дошколята робко жались к воспитательнице и нянечкам. Спали на полу. Окна затыкали мешками с соломой. Пришлось срочно сколотить временные нары. Затем появились железные кровати с деревянными досками. Матрацы и подушки тоже набивали соломой. Поначалу ребятишкам было жутковато.

Постепенно детский дом обживался. Его обитатели привыкали к новому месту, малыши резвились на просторной территории. Зазвучали, в духе того времени, песни и стихи, которыми ребята славили любимого отца и учителя Сталина, благодарили его за счастливое детство. А тем временем взрослые с трудом доставали продукты, чтобы кормить ребятишек: в стране был голод, вызванный насильственной коллективизацией.

Поколение детдомовцев 30-х годов... К сожалению, и сегодня о нем известно слишком мало. Листаем личные дела: скупые, жесткие записи в графе «сведения о родителях»: «Арестованы», «отправлены на спецпоселение», «расстреляны»... Лишь совсем недавно чуть приоткрылась для выпускников детских приютов тех лет черная пелена неизвестности, покрывавшая судьбу их родителей. Идут теперь запросы в органы госбезопасности...

Вот что ответили из новосибирского управления КГБ семье Геры Кулик, 57-летней учительницы из Минска: «Ваш отец расстрелян в Колпашеве в 1937 году как «враг народа», мать — как жена «преступника» этапом угнана на работы в село Леботер Томской области, где умерла». Тогда в этой семье было четверо детей: Надя, Рихард, Ян и самая младшая Гера, которой было от роду 9 месяцев. По счастливому стечению обстоятельств все дети выжили, выросли прекрасными людьми, получили хорошее образование. Может быть потому, что после трагических событий попали на воспитание именно в Тогурский детский дом к замечательным педагогам тех лет.

...Когда грянула война, из детского дома ушли на фронт мужчины. Остались женщины и двое старичков: дядя Яша Сафронов и дядя Никита Соболев. Ушедшего на фронт директора Федора Поликарповича Слобожанинова сменила Нина Михайловна Ильясова. Она так и осталась в этой должности на последующие 20 лет, потому что Федор Поликарпович получил на войне тяжёлое ранение, долго лечился и умер в 1947 году. Его жена, потом вдова фронтовика, Мария Викуловна, более двадцати лет отлично работала воспитателем в нашем детдоме, все относились к ней с большим уважением.

Ох, и трудно же пришлось Нине Михайловне руководить детдомом в военные годы! Женский коллектив воспитателей и сотрудников сам заготавливал в лесу дрова, топил 30 печей, носил воду, варил, стирал, мыл полы, подметал большущий двор, заготавливал корм для быков, коров и лошадей. Детдом, начиная с первых лет его основания, продолжал оста-

ваться дошкольным, поэтому взрослым могли помогать только ребяташки шести-семи лет. Кроме работы в детдоме была еще обязательная трудовая повинность в помощь фронту.

Создали специальную бригаду из работников детдома, целый месяц рыли ямы под силос в колхозе, заготавливали овощи, дергали лен. Работали с 5 часов утра до 10 часов вечера. Никто не ныл, настроение поднимали бодрой песней. Все эти неутомимые труженики после войны были награждены медалями. Помогали фронту и дети. В 1943 году стали привозить в детдом не только дошколят, но и ребят постарше: нарастал поток сирот войны. В 1944 году Тогурский приют получил статус детдома для воспитанников школьного возраста. Теперь уже ребята постарше вместе с воспитателями и нянечками выполняли разные хозяйственные работы, собирали в поле колоски, вязали для солдат шерстяные носки и варежки, писали им письма с рисунками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года 12 воспитанников Тогурского детдома были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Такими наградами отмечали ударников трудового фронта, работавших по многу часов на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах. Выходит, в той великой Победе есть вклад и маленьких воспитанников Тогурского детдома. В годы войны сложился дружный, сплоченный коллектив. Как правило, молодые женщины, энергичные, веселые и симпатичные, они не знали усталости, были неистощимые на выдумку. И непосильный для женщин труд, и яркие праздники для детей — всё им удавалось. Ко всякому делу они подходили творчески, с фантазией.

Душой педагогического коллектива была Таисия Гавриловна Трифонова, завуч детдома. Всегда в окружении ребяташек, жизнерадостная, задорная. Зимой она в роли Дедушки Мороза водит вместе со Снегурочкой хороводы с детьми вокруг нарядной новогодней ёлочки. А летом, на детском утреннике, она — Баба Яга, бегаёт с метлой за маленькими чертенятами, укравшими у неё волшебную ступу.

Чудесная рукодельница Ольга Степановна Корнева, бывшая воспитанница Томского детдома, очень любила малышей, обучала их рисованию, лепке из пластилина, бумажной мозаике, а главное, учила замечать и ценить прекрасное.

Надежда Семеновна Бычкова кроме положенной заботы о здоровье ребяташек добровольно взяла на себя обязанность прививать детям с раннего возраста навыки культурного поведения. Детдомовцам 40–60-х годов повезло: и Ольга Степановна, и Надежда Семеновна все эти годы

ненавязчиво, терпеливо передавали свои знания, умения и навыки детям. И делали это не только на специальных занятиях, но ежедневно и еже часно, примером собственной жизни.

В 43-м году детский дом отмечал своё десятилетие. Еще шли грандиозные сражения: Сталинград, Курская дуга... Наша армия, хотя и с тяжелыми потерями, но одерживала победы в суровой схватке с фашистами. Празднование первого юбилея Тогурского детдома приурочили к 26-й годовщине Октября. Долго и тщательно готовились к этому событию. Детям сшили праздничные костюмчики и специальные наряды для выступлений. Приготовили всем подарки, что сделать в военное время было непросто.

И вот долгожданный праздник начался. Прекрасно оформлен зал — Ольга Степановна постаралась. В ее исполнении на фортепьяно звучит бодрый марш, и в зал входят дети в костюмах краснофлотцев, танкистов и летчиков. Ведущая Мария Викуловна говорит: «Наши танки и тачанки и грохочут и гремят!» Дети — «танкисты» изображают грохот танков. Под авиационный марш идут дети—«летчики», изображая гул самолетов, затем скачут на палочках — лошадках мальчишки — «кавалеристы».

Миша Симаев, Илюша Шалупинин, Лена Ащеулова, Вова Неверовский читают стихи об отважных воинах-защитниках Отечества и, конечно же, о главном организаторе славных побед Иосифе Сталине. Ребята поют, танцуют. Воспитатели рассказывают гостям праздника о детском доме, о своих питомцах...

ДЕТИ НАРЫМА

**На лугу растут желтые лютики,
И резвятся в них дети — прутики.
Ловят каждый луч солнца ясного,
Чтоб набрать в запас лета красного.**

**Скоро стужа вновь к нам пожалует.
Мало нас Нарым теплом балует.
Вьюги белые всех загонят в дом,
Печка жаркая пышет там огнем.**

**Голосок журчит тихий, ласковый,
Заворожит нас мудрой сказкою.
Ой, Нарым — Сибирь, ты могучий край,
Детям — прутикам свою силу дай.**

БОЛЬШАЯ МАМА

Хозяйка нового приюта

В сороковые годы я с малолетства воспитывался в разных детских приютах Томской области. 17 марта 1951 года меня привезли в Тогурский детдом. В кабинете директора я увидел большую, тучную женщину, говорившую чудно, с нерусским акцентом.

Это была Нина Михайловна Ильясова. Через месяц я стал свидетелем любопытного соревнования. Я дежурил по столовой. Кладовщица продуктового склада тетя Поля, схожая по комплекции с Ниной Михайловной, взвесила на больших напольных весах полный таз сухофруктов, и я понес их на кухню, жуя на ходу кисло-сладкую черносливину. Возвращаюсь за следующим вкусным грузом и вижу: тетя Поля стоит на весах, а директор передвигает гирьку на железной планке с делениями и усмехается: — Ё-ё-ё! 115 кг.! На два с половиной тяжелее меня. Голодать надо. Добродушная, милостивая Полина Ивановна весело отвечает: — Обе мы толстушки-рекордсменки. Голодай — не голодай, ничего уже не изменится.

А называли Нину Михайловну «большой мамой» еще и потому, что у нее было своих 6 детей и более 150 воспитанников. И с такой «оравой» (её выражение) она управлялась отлично. Эта мудрая женщина обладала талантом организатора. Дома у нее старшие дочери Идея, Нелли, Альбина и Галя с полной ответственностью занимались младшими детьми — Аликом и Асей. Мама по 10–12 часов — в детдоме. Отец, Ильясов Николай Николаевич, работал начальником заготконторы и постоянно уезжал в командировки. Каким же чудом можно объяснить почти неприметное материнское искусство воспитания? Все шестеро детей Ильясовых получили хорошее образование, а главное, стали порядочными людьми.

Как в семье

Нина Михайловна привносила опыт своего материнского воспитания в работу с детдомовскими ребятами. Она обсуждала с нами, как и со своими детьми, бюджет, сколько на нас государство выделяет денег, и как мы их используем на питание, обмундирование, мебель, хозинвентарь и другое. Нас учили экономно расходовать деньги, бережно носить одежду и обувь, не ломать стулья, своевременно чинить и ремонтировать всё, что еще можно использовать. А на оставшиеся в конце года средства покупать дополнительно новые красивые вещи.

Наблюдения в своей семье подсказали Нине Михайловне необходимость постоянного шефства старших воспитанников над малышами. Шефами у нас становились только лучшие старшеклассники, которые брали под свою защиту слабых или наоборот, хулиганистых мальчишек, нуждающихся в постоянном контроле. И сразу стали заметны результаты. К примеру, по детдомовской традиции обиженный кем-либо пацан не смел жаловаться воспитателю. Он мог схлопотать за это, вплоть до «тёмной», когда ябеду накрывают одеялом и бьют несколько человек, а кто — неизвестно. Теперь дети получили право жаловаться на обидчика своему шефу, который быстро разбирался в происшедшем и принимал необходимые меры.

Если недисциплинированные старшеклассники хотели стать шефами, они должны были сначала исправить своё поведение, а уж потом получить разрешение на шефство.

Моим шефом, когда я учился в начальной школе, был Володя Березин. А с шестого класса я сам шефствовал над Юрой Аникиным. Эту тесную братскую связь мы сохранили надолго. Я встречался со своими подопечными, когда учился в пединституте, служил на флоте, работал. Навещал Юру Максимова в томском санатории, а Витю Некрасова — в физико-математической школе при Новосибирском Академгородке. Слава Данченко и Юра Аникин побывали у меня в гостях в Приморье, когда служили на Тихоокеанском флоте. Я отпрашивал их у командиров в увольнение на сутки под свою личную ответственность, как старший брат. Мне доверяли — я был тогда первым секретарем Ольгинского райкома ВЛКСМ.

В детдоме Нина Михайловна организовала по-домашнему наши дни рождения. Имениннику пекли пирог или торт, на котором красиво писали кремом его имя и возраст. Во время ужина он сидел с двумя своими гостями за отдельным столиком (один гость — детдомовский друг, второй мог быть поселковым приятелем). Позднее стали отмечать именины один раз в месяц для всех, кто родился в этом месяце. После ужина устраивался в клубе вечер отдыха, где продолжали поздравлять именинников, танцевали, играли, пели.

В начале 50-х годов все воспитанники готовили школьные задания в больших рабочих комнатах. А в 55-м, когда появился новый деревянный корпус, директор разрешила старшим девочкам заниматься в своих уютных спальнях, оформленных по-домашнему.

Все заслужили уважение

Однажды Нина Михайловна экстренно собрала коллектив детей и работников для обсуждения важного вопроса. Открывая собрание, сказала: — В нашем

доме произошло ЧП: Слава Перемитин не поздоровался с тётёй Катей Гербер, которая целыми днями стоит у кипящего котла, стирая ваше грязное бельё.

При обсуждении выступающие говорили, что мы живем одной большой семьёй и нужно уважительно относиться ко всем работникам. А я в это время покраснел от стыда и низко наклонил голову, чтобы не заметили. Ведь мы вчера подшутили над работником детдома Володей Молофеевым. Он возил на лошади большую бочку, наполнял её водой, которую черпал из речки Тарасовки и разливал в бочки на кухне, в прачечной, в корпусах. Валера Кайдалов и я частенько катались с Володей, помогали ему. Нам нравилось быстро ехать порожняком к речке, забираться как можно глубже в воду, наполнять бочку чистой в те времена водичкой (сейчас Тарасовка заилилась, в ней нельзя купаться). Нам с Валеркой пришло в голову пригласить глуповатого Володю в школу. Мы сказали, что его вызывает наша учительница. Он обрадованно закивал головой.

Назавтра мы встретили его у ворот школы. Где он нашел более-менее чистую одежду — неизвестно. Но главное, на его руке красовались редкие, в то время, часики, только они были сломаны, стрелки не двигались. Мы усадили Володю на заднюю парту. Вошедшая в класс строгая учительница не стала разбираться с появлением неожиданного гостя. А Володя весело поглядывал на всех и, демонстративно поднимая левую руку, правой приоткрывал свои давным-давно остановившиеся часики, «узнавал», который теперь час. Мы хихикали, а Ираида Ильинична сурово шикала на нас и невозмутимо продолжала занятие. В конце урока она проводила Володю до двери, а нас оставила... Что было потом, лучше не вспоминать, а вернуться к собранию, на котором уже говорили о вежливом обращении друг к другу.

— Чтобы больше не слышно было грубых слов, а тем более, брани, кличек — не в тюрьме находимся, — подытожила разговор директор. Такое собрание подействовало на нас сильнее, чем беседы о культуре поведения.

Учимся лучшему

Нина Михайловна использовала самые неожиданные приемы воспитания. Группа мальчишек, в том числе и я, попались на колхозном поле — воровали горох. Сначала нас отчитал «дядя Яткин», директор колхоза имени Сталина, заявивший в конце ругательства (цитирую дословно): — Своим неблаговидным поступком вы подгрызаете фундамент коммунизма!

Пятиклашки недоумевающе переглянулись: мы не мыши, чтобы грызть брёвна фундамента. Потом нас доставили в кабинет Нины Михайловны. Мы

струсили: сейчас устроит нам головомойку, что она иногда мастерски делала. Директор усадила нас, пятерых, на большой диван, обитый черной кожей, раскрыла книжку «Счастливым днем суворовца Криничного» и стала читать хорошо, увлекательно. Куда девалось её татарское произношение...

Мы сразу оказались вовлечёнными в события, происходившие где-то очень далеко, в красивом городе на Неве. Пацаны там жили в большом старинном здании, наподобие дворца, носили специальную форму суворовцев. Дисциплина у них строгая, как в армии. Чистота, культура, вежливое отношение друг к другу, интересные занятия, праздники. Куда уж нам до них ...

Но Нина Михайловна думала иначе. Она прервала чтение на самом интересном месте, закрыла книгу. Маленькие заплывшие глазки на большом круглом лице быстро и хитро глянули на каждого пацана. Мы сидели ошарашенные, с приоткрытыми ртами.

— Понравилось? Дочитаете потом.- Передала книгу мне, детдомовскому библиотекарю, и продолжила:

— Ребята, вы по возрасту такие же, как суворовцы. Давайте жить, как они: заниматься спортом, ходить в походы, учиться танцевать, петь, читать стихи. ...И началось! По субботам — танцы в нашем клубе. Девочки обучают нас. Моя партнёрша — Нина Сопыряева. Вальс, танго, фокстрот, полечка — все модные танцы 50-х годов освоили. Всех желающих записали в кружки художественной самодеятельности, которыми руководили талантливые музыканты братья Яков и Николай Пархоменко.

Пять лет я пел в детдомовском хоре, потом — в студенческом, пел в воинской части, сейчас пою в кавалеровском: пожизненный хорист. Четыре года играл на балалайке в детдомовском оркестре народных инструментов. Немного танцевал. Даже «Танец с саблями» из балета Хачатуряна поставила с нами балетмейстер из Прибалтики, опытная дама. К сожалению, она через два года уехала на родину. Но её строгие требования на репетициях помогли мне стать неплохим танцором на дискотеках. А сколько кружков вела Ольга Степановна Корнева! Рисование, лепка из глины и пластилина, папье-маше, вышивка, макраме, фотодело, художественное шитье... Под её руководством старшие девочки вышили большой шелковый ковёр с портретом И.В. Сталина к его 70-летию и отправили в Москву. А через месяц каждая юная вышивальщица получила в подарок от «отца всех советских детей» именные ручные часики.

К новогодним праздникам воспитатели и старшие ребята под руководством Ольги Степановны лепили большие снежные скульптуры.

В саду между деревьями и кустами возникали фигуры Деда Мороза, Снегурочки, Ивана — Царевича на сером волке, слона. Сначала снег набивали в большую цинковую ванну, поливали холодной водой и мокрый снег налепляли на конструкцию из дерева и фанеры. Замерзающие руки согревали в тёплой воде, которую мальчишки носили в вёдрах из кухни. Нелегко создавать красоту на морозе! Зато с каким удовольствием мы гуляли по нашему дивному саду и радовались, разглядывая белых сказочных героев. ...

На третий день на снежных скульптурах мы увидели следы мочи. Подумали, что это наши собачки набезобразничали. Но потом мальчишки выдали себя сами: стали соревноваться, кто пустит струю повыше. Возмущённая скульптор Ольга Степановна попросила старших ребят, помогавших лепить скульптуры, подкараулить «преступников» и, не выдавая их, обязать сохранять снежные фигуры от загрязнения до тех пор, пока они не поймут других пакостников. Это сработало безотказно. Ольга Степановна сама воспитавшаяся в детдоме, хорошо понимала нас. Была требовательной, но никогда не повышала голос. Заметит маленькую складочку на драпировке и скажет мягко, с лёгкой укоризною:

— Валя, у тебя, наверное, утюг был холодный. И девочка беспрекословно наполняет чугунный утюг новыми красными углями, размахивает им, раздувая угли и тщательно переглаживает ткань.

Девчата обучались кулинарии на кухне, кройке и шитью — в мастерской. Мальчики под руководством мастера Василия Григорьевича Белкина осваивали столярное дело, художественное выпиливание лобзиком и выжигание по фанере. Да так постигли эту науку, что потом десятки юношей стали столярами-краснодеревщиками.

А еще были бригады растениеводов. Другие ребята ухаживали за лошадьми, коровами, свиньями, курами, кроликами.

Таким разнообразием форм трудового и художественного воспитания не мог похвастаться никакой другой детдом Томской области. Не случайно из всех детских учреждений только наш детдом стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1954 году, награждён серебряной медалью и дипломом ВСХ В. Конечно, в этом огромная заслуга талантливых педагогов Т.Г. Трифионовой, М.М. Базуевой, О.С. Корневой, А.Г. Лактионовой, Я.К. Пархоменко и других.

Но собрала их, сплотила и 20 лет сохраняла для нас Нина Михайловна Ильясова. В июле 1941 года она вернула к новой жизни и активной работе Надежду Семеновну Бычкову, медичку детдома.

Сестра милосердия

До революции Надежда Семеновна окончила Смольный институт благородных девиц, вышла замуж за офицера-кавалергарда, приближенного ко двору Николая Второго. В Первую мировую она была сестрой милосердия в Петербурге. В Гражданскую её муж сражался в белой гвардии и, верный воинской присяге, погиб «за веру, царя и Отечество». В 35-м Надежду Семеновну с 12-летним сыном сослали в Сибирь — так она попала в Тогурский детдом медсестрой. Жила с сыном в деревянном одноэтажном доме: одна его половина была изолятором, а вторая — маленькой квартиркой медработника. На этом месте сейчас стоит двухэтажный кирпичный корпус для воспитанников.

Постаревшая вдова «белогвардейца» очень любила своего Славу, красавца-парня, талантливого журналиста, подающего большие надежды. Сын для Надежды Семеновны был единственной нитью, связывающей её с канувшим в безвозвратное прошлое временем: любимый муж, общение в императорском окружении, связи в высшем свете, блистательная жизнь... И вдруг все рухнуло... Революция. Гражданская война, отнявшая мужа. Ссылка в Нарым.

И еще одна страшная трагедия, готовая раздавить ее окончательно. В августе 1941 года пришла чёрная похоронка. Ее горячо любимый Славик погиб в войне за советскую Родину. И всё для нее оборвалось: и прошлое, и будущее. Так зачем ей нужно опустошённое настоящее?!

В глубочайшей депрессии застала ее Нина Михайловна, только что вступившая в должность директора детдома. Мгновенно поседевшая медсестра три недели не выходила из квартиры. Время жизни для нее остановилось. Она потом никогда не отмечала свой день рождения, и никто не знал её возраста. Нина Михайловна и её старшие дочери кормили Надежду Семеновну, дежурили у постели в самое тяжкое время, когда она готова была покончить с собой.

Чтобы вывести ее из транса, Нина Михайловна сказала, что трое ребят заболели корью, но в больницу их не берут — нет мест. И врачи не могут приходиться в изолятор, потому что заняты (на самом-то деле постоянно приходил участковый терапевт). Нина Михайловна призвала к жизни отчаявшуюся медсестру: — Надежда Семеновна, спасайте малюток! У них высокая температура, они у вас за стеной, им некому помочь, кроме вас. Вы же давали клятву Гиппократата!

И Надежда Семеновна медленно поднялась, пошла к больным малышам. Ещё с месяц восстанавливалась она после сильнейшего потрясения. До позднего вечера работала, потом за ней приходил кто-нибудь из Ильясковых и вёл

к ним домой на вечерний чай, после чего отводил в её квартиру. С тех пор большая семья Нины Михайловны — 6 своих детей и воспитанники — стала семьёй и для одинокой медсестры, имевшей богатое прошлое, хлопотное настоящее и долготетнее будущее — она прожила более 100 лет, работала в Тогурском детдоме 43 года и внесла неоценимый вклад в этическое и эстетическое воспитание сотен детей.

ОПРАВДАНЫЙ РИСК

Обычно у больших, полных людей характер мягкий, покладистый. Нина Михайловна внешне тоже казалась спокойной, уравновешенной. Тем не менее она обладала необходимой для руководителя твёрдой волей, решительностью и даже смелостью.

Единственно, чего она смертельно боялась, так это грозы. При её приближении, с первыми, ещё мягкими раскатами грома она в страхе ложилась в своём доме на пол (ближе к земле — безопаснее). Дети обкладывали её со всех сторон подушками и успокаивали: «молнии не яркие, значит гроза пройдёт стороной, быстро» и ещё вспоминали разные хорошие приметы. Такой страх пришел к Нине Михайловне в 1952 году после попадания в её дом шаровой молнии. Тогда пожара не произошло, но стена успела обуглиться несмотря на сильный дождь.

Нина Михайловна не раз совершала смелые, рискованные по тем временам поступки. В 1941 году она приблизила к своей семье Надежду Семёновну Бычкову, вдову белогвардейца. В 1942 году директор приняла на работу воспитателем Марию Михайловну Базуеву, которая, как и Надежда Семёновна, была сослана в Сибирь в 30-е годы.

Нина Михайловна не побоялась взять своим заместителем волевою, властную Таисию Гавриловну Трифонову. И они хорошо сработались, несмотря на отдельные разногласия. Директору удавалось сдерживать порой излишнюю строптивость завуча.

Так постепенно формировался в военные годы дружный, сплоченный коллектив. Талантливые педагоги были со своими странностями, разными характерами и даже с нежелательными пристрастиями. С этим приходилось и мириться, и бороться, и считаться. А главное, удерживать несмотря ни на что. Где еще сыщешь таких мастеров? Кое-кто даже порывался сгоряча уволиться с работы. Но директор настойчиво советовала, то подождать до окончания учебного года, то поработать еще две недельки, успокоиться, подумать, чтобы не сделать опрометчивого шага. Этих пауз хватало на полное погашение

конфликтных ситуаций. И все норовистые возвращались в колею, прокладываемую ведущим — Ниной Михайловной.

Очарован искусством

За 20 лет работы в Тогурском детдоме «большая мама» всегда была рядом: и в будни, и в праздники, и в выходные дни. Была ли она когда-нибудь в отпуске, мы не знали, потому что директор никогда не отлучалась из детдома надолго. В 54-м году Нина Михайловна ездила с группой ребят и двумя воспитателями в Москву. Мы, конечно же, побывали в Третьяковской галерее. Не знаю, как у других, а у меня картины, как живые видения, запечатлелись на всю оставшуюся жизнь. На деньги, какие я накопил перед поездкой, купил в галерее открытки — репродукции картин Репина, Сурикова, Шишкина, Левитана, Серова и других известных русских художников. Это стало началом моей коллекции, в которой сейчас около семи тысяч репродукций шедевров мирового изобразительного искусства.

Вернулись из Москвы в детдом. Я написал письмо в «Третьяковку» о том, что мне очень понравились картины и я хочу чаще смотреть на них. Поэтому после учебы поеду в Москву и буду проситься на работу в галерею хоть кем, даже гардеробщиком. С нетерпением ждал ответа. А потом уже не ждал, а боялся, что о моём наивном письме узнают в детдоме, и мальчишки будут смеяться. Через месяц меня позвали к директору.

— С чего бы это? Что я натворил? — робко вошёл в кабинет. Нина Михайловна поднялась со своего большого кресла, вышла из-за стола, села на кожаный диван. Пригласила меня сесть рядом и уважительно заговорила: — Витя, тебе прислали пакет из Москвы, из Третьяковской галереи. Давай вместе посмотрим, что там.

Она открыла большой конверт, извлекла из него бумаги, дала мне письмо, а сама стала читать методические рекомендации ГТГ по организации «Малой Третьяковки» в школах и детских домах. Нине Михайловне очень понравилось предложение известной галереи, и она поручила мне и моей воспитательнице покупать картины — большие репродукции на ткани или картоне в золочёном багете. Деньги она будет давать и на картины, и на открытки для моей личной коллекции. Три года ушло на сбор экспонатов.

В 1957 году состоялось торжественное открытие нашей «Третьяковки». До сих пор я храню открытку, на которой Юля Трифонова, председатель детского совета, написала: «Уважаемая Галина Ивановна! Приглашаем Вас

5 мая 1957 года в клуб детдома на торжественное открытие Малой Третьяковки. Начало в 18 часов. — Детский совет и совет галереи».

Вечером клуб был переполнен: собралась вся детдомовская семья и гости. Нина Михайловна рассказала о моей переписке с научным сотрудником ГТГ, которая помогла организовать галерею. Таисия Гавриловна познакомила собравшихся с галерейной коллекцией, а Мария Михайловна провела с ребятами первую экскурсию.

Через неделю после открытия галереи литераторша Надежда Павловна вошла в наш 8 «б» и ахнула в восторге:

— Боже мой! Это кто же сотворил такую красоту?!

— Витя Холодов, — дружно выкрикнул класс. Василиса Прекрасная, так называли мы любимую учительницу, в сарафане, с длинной русой косой за спиной, подошла к стене, на которой висели шесть склеенных листов ватмана с журнальными репродукциями картин Врубеля, Поленова, Шишкина, Васнецова, Репина, Крамского, Нестерова, Ге, Тропинина, Брюллова, Сурикова и других художников.

Учительница указала на пейзаж И. Шишкина «Одинокая сосна» и проникновенно прочитала стихотворение М. Лермонтова: «На севере диком ...», а глядя на репродукцию картины М. Врубеля «Демон поверженный», вспоминала строки из поэмы Лермонтова. «Бурлаки на Волге» Ильи Репина вдохновили её на чтение отрывков из стихотворений А. Некрасова. Половину урока мы, словно замороженные, слушали Надежду Павловну, а потом она прошла к учительскому столику, раскрыла классный журнал и сказала:

— За прекрасный художественный монтаж репродукций, связанных с литературными произведениями, я с великим удовольствием поставлю его исполнителю в журнале две «пятёрки».

Так получилось...

Нина Михайловна стала более доверительно относиться ко мне. А еще больше нас сблизил такой случай. Приехала из Москвы инспектор по детским домам. Побывали они с директором на моем юннатском участке. Я бойко рассказывал и показывал, как мы ставим опыты с овощами и кормим их «кашей», чтобы росли хорошо.

— Какой кашей? — удивилась инспекторша.

— А вот этой. — Мы подошли к железной бочке, и я откинул крышку. Оттуда так пахло перебродившей навозной жижей, что москвичка прикрыла свой нос надушенным платочком и быстро отошла от бочки. Потом

она посмотрела на мои покрасневшие босые ноги и спросила, почему я без обуви в холодную погоду (в конце августа такое в Сибири случается). Я, ни на секунду не задумываясь, ответил:

— А я не мёрзну. И легче бегать.

Она улыбнулась:

— А где твои ботинки? Тебе их выдали?

— Да, они стоят под койкой, в спальне, — сказал я так уверенно, что она и не подумала проверить. И зря. Новенькие ботинки нам выдадут позднее, чтобы мы их не потрепали до школы. А под койкой валялись изношенные за лето сандалии. После отъезда столичной инспекторши Нина Михайловна частенько с улыбкой вспоминала эту сценку и спрашивала: — Зачем ты обманул москвичку? Зачем открыл перед ней вонючую бочку? — Не знаю, так получилось.

«Светские» беседы

Я учился в одном классе с сыном Нины Михайловны, Аликом. Мы с ним сдружились, играли вместе, выполняли домашние задания в нашей рабочей комнате или у него дома. И вообще, он стал почти детдомовским и сейчас приезжает на слеты выпускников.

В зимние вечера после выполнения домашнего задания вместе с Аликом в доме Ильясовых меня оставляли на чаепития. За самоваром собиралась вся семья. Приходила старенькая медсестра и всегда приносила на десерт что-нибудь вкусенькое — сама готовила.

Впервые мне довелось послушать светские беседы. Надежда Семеновна, знавшая этикет дореволюционных петербургских салонов, была инициатором тех разговоров. Ее единственной собеседницей была интеллигентная, начитанная, мудрая Нина Михайловна. А младшим давали слово только тогда, когда к ним обращалась Надежда Семеновна: — А что думают по этому поводу барышни Ильясовы?

Старшая из них, Идея Николаевна, уже занималась адвокатской практикой в Москве, приезжала домой во время отпуска. Нелли стала фармацевтом. Альбина закончила пединститут и работала учителем русского языка и литературы. Она иногда играла на фортепиано и неплохо пела. За столом говорили на разные темы: о книгах, картинах, о музыке, истории, медицине, кулинарии. Я с интересом прислушивался к этим плавно текущим беседам, резко отличающимся от болтовни и сплетен сельских кумушек.

Система не подвела

Самым серьезным испытанием зрелости коллектива, надежности той системы воспитания, которую внедрила Нина Михайловна, стало вынужденное объединение Тогурского и Кругловского детских домов в 1955 году. Кругловский детдом был лучшим по спортивным результатам, зато по остальным показателям, особенно по дисциплине, значительно отставал от нашего коллектива. Нина Михайловна с большой тревогой согласилась с решением Томского ОБЛОНО о слиянии двух больших коллективов. Ведь она принимала не только 80 старшеклассников из Круглого, которые, несомненно, будут влиять на ее воспитанников, но и кругловских педагогов, с которыми необходимо быстро сработаться. Получится ли?

Нина Михайловна решила организовать приезжающим ребятам и воспитателям праздничный прием, продемонстрировать нашу тогурскую сплоченность и организованность. Нужно было сходу, без раскочки, включить всех новичков в ритм нашей жизни, по правилам, наработанным ею за 15 лет директорства. С этой целью в мае провели заседание педагогического и детского советов, собрания во всех группах воспитанников. Решили: новичков нужно принять очень дружелюбно, но не расслабляться, а поддерживать дисциплину и в своих рядах, и среди прибывших. Поставили задачу: за две недели навести образцовый порядок в помещениях и на просторной территории, утопающей в зелени и цветах.

Нина Михайловна сказала: — Сразу после объединения никто не должен называть новых для нас ребят и воспитателей «кругловскими». Они должны быстро стать тогурскими и жить по-нашему.

Так и случилось. Новичков быстро определили в органы детского самоуправления, в юннатские звенья, в кружки рукоделия и художественной самодеятельности. Некоторые воспитатели, работавшие в Кругловском детдоме, попытались применять коллективные наказания за проступки отдельных воспитанников. Например, в 11 часов вечера, когда мы засыпали, воспитатель поднимал всех мальчишек и выстраивал их в одних трусиках в коридоре, где зимой было прохладно. Малыши ныли, а воспитатель, показывая на двух провинившихся, выведенных из шеренги пацанов, объявлял:

— Это из-за них вам приходится стоять. Они разговаривали и смеялись после отбоя.

Нам, полуголым, озябшим, хотелось спать, но мы уже не возмущались, так как за нарушения порядка в строю добавлялись штрафные минуты. Когда некоторые ребята стали засыпать и заваливаться на соседей, нас отпра-

вили в спальни. А утром кругловские мальчишки рассказывали, что в их детдоме провинившихся малышей иногда голышом ставили в угол.

Нина Михайловна немедленно отменила незаконные экзекуции. Педсовет рекомендовал всем воспитателям применять только те наказания, которые уже практиковались в Тогурском детдоме: замечание, выговор, обсуждение проступков на собрании, перевод в другой детдом, трудоустройство в колхоз или на лесозавод по достижении пятнадцати лет, с продолжением образования в вечерней школе. Поначалу некоторые прибывшие старшие воспитанники проявляли грубость, пытались навязать свои правила поведения. Они собирались по 5–7 человек в сушилке. Здесь всегда топились большая печь, было жарко, душно. «Шестёрка» бежал за «провинившимся» пацаном: — Иди в сушилку, старшие зовут... Кого постращают, а кого и пинают ногами, обутыми в мягкие валенки, чтобы следов на теле не оставалось. На голенище валенок написано: «Пни». Старший приказывал малышу: «Читай!» И получалось, что мальчишка сам просил пинать его. Меня, уже 15-летнего подростка, тоже пригласили в сушилку. Обвинили в том, что я любимчик у «воспеток», то есть, воспитателей, потому что закладываю ребят.

— Никого он не закладывает, он не «любимчик», его уважают за нормальные дела, — заступился за меня Сергей М., тогурский девятиклассник, оказавшийся в этой компании.

Нина Михайловна пресекала любые попытки изменить заведенный ею порядок. Каждое утро она сидела в столовой возле двери и осматривала входящих ребят. От ее цепкого взгляда ничего не ускользало: синяки, ссадины, возбужденное состояние — всё она замечала и немедленно выясняла причины.

С приездом кругловских воспитанников Нина Михайловна поселила в новый одноэтажный корпус девочек 7–10 классов и мальчиков 1–6 классов. Директор категорически запретила другим воспитанникам появляться в этом здании. Это было удобно и девушкам, и младшим пацанам, нуждающимся в защите от старших хулиганов, особенно в ночное время, когда не бывает воспитателей. Остальные воспитанники жили в двухэтажном деревянном корпусе.

Директор и медсестра стали чаще проводить вечерние обходы корпусов. Нянюшка несла лампу. Нина Михайловна и Надежда Семеновна осматривали ребятшек, нет ли на теле следов побоев, татуировок, засосов, интересовались самочувствием детей. Грязнуль отправляли мыть ноги. Директор потребовала от всех воспитателей, чтобы они в этот период тоже

вели тщательное наблюдение за детьми в своих группах. Она внедрила новый порядок дежурства: воспитатель вечерней смены укладывал детей спать и после отбоя находился в корпусе до 24 часов, потом передавал детей ночной няне. Обо всех, даже малейших происшествиях, сразу сообщали директору или завучу.

Такая требовательность и постоянный контроль позволили избежать серьезных конфликтов и более спокойно пережить сложный период воссоединения двух коллективов. Хочу отметить, что многие кругловские воспитанники, как и тогурские, в 1956–1960 годы хорошо учились, активно занимались спортом, в кружках художественной самодеятельности и прикладного творчества, становились призёрами на областных олимпиадах и спартакиадах.

Под руководством Нины Михайловны Тогурский детдом успешно выдержал экзамен на зрелость. Восторжествовала более гуманная система воспитания. Педагогический коллектив доказал, что он способен решать сложнейшие воспитательные задачи.

Вторая половина 50-х годов дала наглядные результаты системного воспитания. Организация детского самоуправления помогала директору и воспитателям поддерживать дисциплину и порядок. Хорошо отлаженная юннатская работа увлекала ребят. Почти все занимались в творческих кружках или спортивных секциях, участвовали в общественной жизни детдома. И при этом успевали неплохо учиться. Больше половины выпускников поступали в вузы и техникумы, остальные — в различные профессиональные училища. Становились замечательными мастерами и на производстве, и в народном образовании, и в культуре, и даже в науке.

Нам неважно было, кто ты: рабочий, колхозник или интеллигент. На встречах выпускников мы узнавали главное: стал ли ты настоящим человеком, полезным для своей Родины. Этому нас всегда учила Нина Михайловна и её соратники.

ОТ МЕЧТЫ — К ДЕЛУ

Всё под контролем

Как только она появлялась на территории детдома, всё вокруг приходило в движение. И взрослые, и дети подтягивались в ожидании чего-то необычного, значительного. А она, статная, слегка полноватая, величаво шествовала по центральной аллее сначала в контору, затем в наш двухэтажный деревянный корпус. На её пути шкодливые сорванцы шмыгали, как мыши, в разные стороны. А те, кто постарше, научились по выражению её лица определять,

что сегодня грозы не будет, и спокойно приветствовали её: — Здравствуйте, Таисия Гавриловна!

Она в ответ кому слегка кивнет, кому чуть улыбнется, а с самыми старшими воспитанниками перекинется двумя — тремя словами.

Завуч никогда ни о чем нас не расспрашивала, не выпытывала. Создавалось впечатление, что она всегда знает о нас всё. И действительно, из бесед с воспитателями и учителями, по личным наблюдениям у неё собиралась и отфильтровывалась информация о каждом воспитаннике. Такие сведения необходимы для принятия верного решения о поощрении отличившихся или наказания виновных, о выдвижении кандидатур в выборные органы детского самоуправления, о награждении туристическими путёвками.

Продвигаясь по широкой аллее, Таисия Гавриловна зорко следила за чистотой территории, за состоянием цветочных клумб. По пути заходила в столовую, в рабочий корпус, в клуб, в мастерские, раздавая на ходу поручения и распоряжения, выясняя, всё ли выполнено из прежних заданий. И весь коллектив, как большой, отлаженный механизм, работал четко, быстро набирая необходимые обороты. А обороты завуч задавала поистине бешеные.

Фруктовый сад в Нарыме

Обладая вулканическим темпераментом, Таисия Гавриловна вовлекала всех в скоростную орбиту незамедлительного исполнения своих замыслов. Она сначала завораживала нас фантастическими идеями:

— Вам не надоело носиться по грязным лужам на задворках территории? Давайте посадим там фруктовый сад. И красиво станет, и будут у нас свои яблоки, вишни, крыжовник, будем варить варенье. Она говорила так эмоционально, что мы невольно представляли деревья и кусты, усыпанные плодами и ягодами, ощущали то ароматы цветов, то ягодную кислинку, то сладковатый вкус яблок и глотали слюнки.

Таисия Гавриловна рассказала, что уже съездила в деревню Чугунку, в 16-ти километрах от нас. Там познакомилась с учеными-растениеводами Нарымской государственной селекционной станции. Они дадут нам саженцы фруктовых деревьев и ягодников, элитные семена картофеля, овощей, зерновых культур, помогут по-научному спланировать посадки. На этих словах она развернула красочную схему будущего сада, подготовленную работником селекционной станции, и торжественно произнесла:

— Ребята, я уверена, что очень скоро у нас, на Крайнем Севере, зацветут и яблоки, и вишни, вырастут помидоры, баклажаны и даже... сладкие арбузы!..

Нам очень хотелось верить каждому её слову. Но чтобы в зоне вечной мерзлоты выросли крупные яблоки и созрели арбузы — это уж слишком «загнула» наша «Тэ Гэ» (так мы её называли между собой). Но вот через четыре года на бывшем пустыре действительно зацвел большой фруктовый сад, закрыв печальный вид на сельское кладбище, расположенное через дорогу от нас. А еще через пару лет наши юные мичуринцы собрали первые 800-граммовые яблоки. Для этого яблоньки пришлось с самой посадки аккуратно прищипливать к земле колышками, придавая деревьям стелющуюся форму. Зимой под большими сугробами яблони выдерживали 30–40-градусные сибирские морозы. Мы убедились, что Тэ Гэ слов на ветер не бросает.

Юннаты, вперёд!

Параллельно с садовыми опытами шла работа по развитию других направлений растениеводства, которыми руководили воспитатели. Завуч могла бы передать и садоводство кому-либо из педагогов, но она взяла на себя еще и руководство звеном цветоводов. Это было самым сложным делом. Во-первых, выращиванием разнообразных цветов в военное и послевоенное время почти никто из местных жителей не занимался, значит, у воспитателей не было опыта в этом деле. Во-вторых, зерноводам, картофелеводам, овощеводам отводились компактные земельные участки по 6 соток, а цветоводы трудились, как пчелки, на всей огромной территории.

Чтобы быстрее познать опытническую работу с цветами, Таисия Гавриловна повезла юных цветоводов в Томский ботанический сад. Познакомились с научными работниками, внимательно посмотрели, как сотрудники ухаживают за цветами (посев семян, посадка цветочных клубней, полив, подкормка, срезка цветов). Девочки записывали советы специалистов и свои наблюдения в тетрадки. Директор ботанического сада подарила детскому дому семена и клубни разнообразных цветов. Вернувшись в детдом, с энтузиазмом принялась за дело. Оформили красивые цветочные клумбы, рабатки, газоны, палисадник.

И вскоре наш детский городок превратился в дендрарий: цветы однолетние и многолетние, садовые и полевые, махровые и простые, высокорослые и ковровые. В теплые летние вечера наш большой чудесный сад благоухал ароматами жасмина, резеды, левкоев, флоксов, душистого горошка, медового алиссума, турецкой гвоздики. Позднее юные цветоводы высаживали цветы на территории наших шефов в Тогуре и Колпашеве.

Юннатская работа была на таком высоком уровне, что на базе нашего детдома в 1947 году состоялся первый областной слёт юных мичуринцев.

В 50–60-е годы в нашем детдоме проводились слеты юннатов и семинары для руководителей детских домов и школ-интернатов Томской области. Мы показывали гостям свои опытные участки и рассказывали, как выращиваем различные сельскохозяйственные культуры, какие проводим опыты, чтобы добиться высоких урожаев.

В 1955 году мне, пятикласснику, доверили выступить на областном слете юннатов в Томске. Это было в городском саду, в большом летнем театре. Я вышел на трибуну, поднялся на специальную подножку для маленьких ораторов и стал говорить, заглядывая в бумажки, написанные моей воспитательницей. В зале было душно, всех разморило. Открыли окна. Поток теплого июльского воздуха сдул с трибуны мои листочки, и они, как голуби, полетели прямо в зал. Публика оживилась, а юннаты и вовсе развеселились: — Как теперь мальчишка будет говорить без шпаргалок? ...Я сначала растерялся, потом махнул рукой и стал выкладывать всё, чему меня научили в детдоме. Слушатели притихли, затем заплодировали. Раздались одобрительные реплики: — Теперь понятно: пацан хорошо знает свое дело. — Молодчина, юный агроном!

Осуществилась главная мечта Таисии Гавриловны: юннатское движение набирало обороты и стало основным направлением в трудовом воспитании ребят. Методист Томского областного отдела народного образования Лидия Николаевна Муратова, умнейшая женщина, прекрасный оратор (мы всегда слушали её с раскрытыми ртами) распропагандировала наши достижения и в Томской области, и за её пределами. В 1954 году нас пригласили в Москву для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Театру быть!

Но и этих достижений для завуча было недостаточно. Как-то зимним вечером мы доедали в столовой скромный ужин — соленые грузди с картошкой. Неожиданно обе половинки двери одновременно распахнулись, словно занавес на сцене, и на пороге возникла нарядная, внушительная фигура Таисии Гавриловны. Более величественной ее делала тугая коса тёмных густых волос, короной уложенная на голове. Вид у нее был сияющий. В наступившей тишине она торжественно провозгласила: — Ребята, мы сможем с вами организовать свой театр!

Слово «сможем» прозвучало настолько убедительно, что никто и не подумал усомниться в осуществлении новой идеи. Все готовы были немедленно записаться в артисты. Но Таисия Гавриловна жестом руки осадил нетерпеливых: — Постоянных артистов, как в городских театрах, у нас не будет. Сначала выберем пьесу. Потом распределим роли.

Но мальчишки настаивали на своем: — Я буду пиратом.- А я — разведчиком... — С этим мы пока подождем, вначале поставим гоголевского «Ревизора», — ответила завуч.

Малыши не поняли, на что замахнулся режиссер еще несуществующего театра, а старшие недоверчиво покачали головами. Но это ничуть не смутило Таисию Гавриловну. Она решительно шагнула со своего «пьедестала», приблизилась к нам и стала взхлёб рассказывать о Хлестакове, о Городничем, как будто была с ними знакома. Тут же перескакивала на описание декораций, костюмов. Эмоции захлёстывали, мысли опережали слова, она не успевала договаривать отдельные фразы, начиная новые. Мы привыкли к этому и легко настраивались на ее волну. Творческое горение режиссера воспаляло детские души. И вскоре все мы были заодно: детдомовскому театру быть!

Я хорошо запомнил свое участие в спектаклях «Барышня-крестьянка», «Ревизор», «Горе от ума», «Недоросль», «Обломов». Мы играли только отдельные действия, акты из этих классических произведений, которые очень любила Таисия Гавриловна. А еще ставили пьесы советских авторов на героико-патриотические темы.

Но особенно удалась постановка сказки С. Маршака «Двенадцать месяцев». Ее готовили основательно, долго. Помогали все: Яков Константинович, Ольга Степановна, Мария Михайловна, Нина Сергеевна и другие воспитатели, сотрудники, рабочие. А «снег» резали ножницами из тончайшей папиросной бумаги все ребята, и он красиво, медленно падал из длинного, круглого короба, вращающегося под потолком сцены. В спектакле были задействованы 20 самодеятельных артистов — взрослые и дети. Эту новогоднюю пьесу показывали в поселковом Доме культуры «Лесопильщик» неоднократно. И на каждом представлении зрительный зал был переполнен. Появление артистов на сцене встречали бурными аплодисментами, а на финальном выходе всей труппы зрители скандировали: «Молодцы!» «Браво!» «Спасибо!» И стоя хлопали в ладоши. Наш театр существовал с переменным успехом более десяти лет. Постановщиками пьес в разное время были Иван Сергеевич Воронов, Мария Михайловна Базуева, Анна Григорьевна Лактионова, Нина Сергеевна Попова. А неизменным главным режиссером оставалась Таисия Гавриловна.

Напряженная работа

Она была настолько яркой личностью, что заметно выделялась даже среди наших талантливых педагогов. Её кипучая деятельность побуждала коллектив работать с полной самоотдачей. А те, кто хотел найти в детдоме «тёплень-

кое местечко», наталкивались на такую жёсткую требовательность завуча, что не выдерживали даже короткого испытательного срока и быстро исчезали из нашего поля зрения. Но если она замечала у нового работника педагогическое призвание и любовь к детям, то опекала и обучала, постепенно втягивая в напряженный ритм.

Под непрерывным контролем Таисии Гавриловны никто из воспитателей не мог спокойно «отбыть смену». Все готовили дома ежедневный план, конспект беседы, прорабатывали школьные задания на дом по каждому предмету, чтобы потом помочь своим питомцам при самоподготовке. Периодически завуч присутствовала на занятии какой-нибудь из групп. Посидит, посмотрит, послушает и молча выйдет. Разборки занятий — потом, в кабинете. Но бывало, хотя и очень редко, что она отстраняла неподготовленного воспитателя от работы. Делала это тактично, под благовидным предлогом, неприметно для нас.

У воспитателей летних каникул не было. Завуч не позволяла им расслабляться. Основные летние дела — работа на опытных участках, ремонт помещений. А еще — игры, беседы, которые тоже нужно готовить заранее. Требовательная к себе, она не допускала никакого послабления в работе коллег. В 50-е годы в детдоме работал коллектив педагогов, сформированный в годы войны. Строгая дисциплина, безоговорочная подчиненность руководству и понимание необходимости такого режима сохранялись еще и в послевоенное десятилетие. Поэтому все привычно продолжали работать четко, под неусыпным оком блюстителя порядка — Таисии Гавриловны. Она и к нам относилась очень требовательно.

Доигрались

В детдоме подростки облюбовали для запретных игр, затей и курения верхнюю каморку водокачки. В полной безопасности — кто кроме них поднимется на 15 — метровую высоту по крутой лестнице? В очередной раз небольшая компания разместилась в потайной «верхотуре». Закурили. Степан В. раскидал колоду на четверых и спросил: — Всем раздал по шесть карт?.. — Нет, не всем. Мне не досталось, — раздался голос снизу. Онемевшие пацаны побросали «бычки», притоптав их ногами, спрятали карты за спину. Сначала над полом возникла крупная голова с «коронай» из заплетенной косы, затем тяжело поднялась грузная фигура завуча.

— Ну что, сыграем? Соберите колоду и дайте мне. Я сама буду раздавать, — взяв карты, Тэ Гэ продолжила, — подходите по одному и получайте.

Ты, Степан, — самый большой, тебе — «туза», а Юра поменьше — дам ему «короля».

И так она поочередно вызывала картёжников и вместо карт раздавала им подзатыльники на выходе из каморки. На вечерней линейке она вывела игроков на середину, отчитала их и строго — настрого запретила всем лазить на водокачку.

Хулиганистый мальчишка

Попадало и мне от Таисии Гавриловны. И поделом. Ведь я рос и умным, и хулиганистым мальчишкой. В третьем классе меня называли «дедушкой русской авиации». Я научил одноклассников делать самолетики из газеты. Договорились: одновременно, по моей команде «воздух», запустить свои «аэропланы», как только закончится урок и прозвенит звонок на перемену.

Наша учительница, красивая, молодая была слишком доброй, чтобы справляться с таким сложным классом: из 42 учеников 27 — детдомовцев, бойких, сплоченных, жёстких.

Мария Ивановна, как всегда, с робкой, милой улыбкой закончила урок, удивляясь нашей безмолвной нетерпеливости. В коридоре громко зазвенел колокольчик. «Воздух!» — крикнул я с задней парты. И взметнулись самолетики вверх, вперед, в стороны, заполняя всё воздушное пространство. Больше всего самолетиков спланировало возле классной доски, пролетев над головой оторопевшей «училки».

А через неделю мы устроили затею похлеще. Я и Володя Семениченко на большой перемене затащили в свой класс козлика и удерживали его за рога возле учительского стола. Вход в класс был вдаль от стола, возле задних парт, где сидели переростки, учившиеся в первом и во втором классах по два — три года. Они, окончив пять классов, шли работать в колхоз или на лесозавод. После звонка Мария Ивановна направилась к своему учительскому месту. А ей навстречу с блеянием устремился беленький козлик. От испуга она выронила всё, что несла на урок, и выбежала из класса. А мы поймали перепуганное животное и вытащили его на школьный двор.

Если первое ЧП обошлось для меня внушением от директора начальной школы Павла Семеновича Казазаева и взбучкой от моей воспитательницы, то за вторую проделку Таисия Гавриловна резко отчитала меня на общедетдомовском построении. Это было у нас самым строгим публичным наказанием.

Через три дня меня пригласил в свой пятый «б» класс Михаил Семенович Поляков, муж нашей учительницы. Я его немного знал и дружил с его пя-

тиклассниками-детдомовцами, поэтому пошел спокойно. Учитель с доброй улыбкой представил меня:

— Это слишком инициативный мальчик, ему скучно со своими одноклассниками, он будет приходить к нам. Не возражаете?

Так я стал активным участником тематических вечеров, классных часов, праздников у пятиклассников. Михаил Семенович нашел выход моей неуёмной энергии. С тех пор я не только перестал безобразничать в своём классе, но и сдерживал остальных. А вскоре вместо Марии Ивановны к нам пришла строгая, требовательная Ираида Ильинична. Она мигом навела полный порядок в классе.

Что я натворил!

В 1957 году я учился в 8 классе, был звеньевым овощеводов, библиотекарем, директором картинной галереи, но Таисия Гавриловна продолжала очень требовательно относиться ко мне. В холодную зимнюю субботу она назначила меня дежурить после обеда в юннатском домике. Там цветоводы хранили клубни георгинов, луковицы гладиолусов, корневища других многолетних растений. Нужно было к вечеру, в четыре часа затопить печку, чтобы температура поднялась до 17 градусов, тогда утром, до прихода истопницы, будет не менее 5 градусов тепла. Я натолкал побольше дров в топку и побежал играть в «войнушку». Да так увлёкся, что забыл про свое дежурство. В воскресенье, во время завтрака, громкий голос завуча напомнил мне об этом: — Где Холодов?! — донеслось из коридора, — Немедленно в юннатскую!.. В её голосе было столько гнева, что я весь сжался от ужаса: что я натворил! Всё заморозил... А дежурный воспитатель уже торопил: — Доедай быстрее и беги! Я хлебнул горячего чаю, чтобы проглотить остатки пищи, застрявшие в горле, и выскочил в коридор. Таисия Гавриловна, одетая в пальто с чернобуркой на плечах, зловещим хриплым голосом, какого я до этого никогда не слышал, подстегнула меня: — Быстро одевайся, посмотрим, как ты поморозил наши лучшие цветы!

До юннатского домика шли молча, было жутко от ожидания взрыва, который Тэ Гэ еле сдерживала. Уж лучше бы она сразу отругала меня или побила. А она лишь прибавляла ход. Я едва поспевал за ней. Вот и хранилище цветочных посадочных материалов. Из трубы мирно поднимается в небо столб дыма. Кто-то уже с утра пораньше, по указанию завуча, затопил печь. Она быстро вошла в холодное помещение, температура плюс два градуса.

— А сколько было, когда вы звонили в семь утра? — Спросила она истопницу. — Минус один... Таисия Гавриловна кинулась к своим драгоценным ящи-

кам, осматривая, ощупывая клубни элитных георгинов. Замерзания не обнаружилось, она немного успокоилась и сказала, что снижение температуры до критического уровня может ослабить ростки, отругала меня за «преступную» безответственность:

— Я доверила тебе важное дело, а ты, отличник учёбы, сбежал, как ничего не соображающий мальчишка. Еще час, и пришла бы неминуемая гибель нашему многолетнему труду по отбору лучших сортов. Начинали бы всё с нуля. Я крепко — накрепко запомнил этот урок и старался больше не допускать срывов.

В домашней обстановке

А через два дня, смягчившись, Таисия Гавриловна взяла меня к себе домой, где они вдвоем с мужем, Иваном Фёдоровичем, за чашкой чая учили меня уму — разуму. Таисия Гавриловна пыталась настроить своего Ваню на более строгое мужское осуждение моего поступка. А он продолжал говорить со мной спокойно, сдержанно, с доброй улыбкой на лице. Уклонялся от роли ментора, а всё больше расспрашивал о моих увлечениях, о помидорах. Он сам выращивал их отменно, и тут же попросил хозяйку принести томаты «Бычье сердце». Она показала крупные плоды и быстро приготовила из них вкуснейший салат, заправленный домашней сметаной, украшенный веточками петрушки и укропа, зеленым горошком и белыми кольцами лука. Сегодня это обыденное блюдо, а тогда, в начале 50-х годов, оно было для меня чем-то невероятным. Иван Федорович со своим трудовым коллективом шефствовал над детским домом. Он всегда любил и жалел воспитанников.

Каким приветливым, домашним оказался начальник сплавной конторы, второго по значимости промышленного предприятия в районе. Он всегда жалел и любил всех воспитанников. Мы и после выпуска из детдома частенько бывали и в юности, и в зрелом возрасте в этой уютной квартире, красиво оформленной картинами художника-любителя Ивана Федоровича. Всё у них было культурно, со вкусом оформлено и обставлено: интерьеры комнат, сервировка обеденного стола. Нигде до этого я ничего подобного не видел, разве что в кино.

После внушений и беседы Иван Федорович показывал мне репродукции картин русских художников — вкладыши из журналов, тщательно переплетённые им в художественные альбомы, а я сразу называл многие уже известные мне картины и авторов. Он удивлялся, нахваливал меня: — Ты послушай, Тася, как много картин знает Витенька (он всегда стал меня так называть, даже через 10, 30 лет). А ты ещё ругаешь его...

Потом мне постелили на диване, и я (о, Чудо!) улёгся на мягкую перину с белоснежной простынёй. Наволочка и пододеяльник с ароматом душистого мыла — как в сказке! В этот вечер я впервые услышал персонально ко мне обращенное по-домашнему пожелание спокойной ночи и блаженно погрузился в мир безоблачных сновидений.

Буду учителем

Таисия Гавриловна больше общалась со старшими воспитанниками, поэтому я попал в её постоянную «обойму» активистов в конце 50-х годов, когда меня выбрали в состав детского совета. В 1959 году я стал председателем этого высшего органа детского самоуправления. Иногда меня приглашали на заседания педагогического совета, когда необходимо было узнать, как могут встретить решение педагогов воспитанники. Завуч курировала детский совет, поэтому всегда присутствовала на наших заседаниях. Она выявляла инициативы лидеров — старшеклассников, мягко предлагала свои замыслы, учила, развивала у нас организаторские навыки, узнавала наше мнение по различным вопросам жизни детского коллектива.

Летом 1960 года я закончил 11-й класс и работал на подменах воспитателем в младших группах. Таисия Гавриловна сказала, что из меня выйдет хороший педагог, а значит, мне прямая дорога в Томский педагогический институт. Я последовал её совету и получил специальность учителя биологии, намереваясь работать в своём детдоме.

НАСТАВНИК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Завидное долголетие

16 июня 2008 года группа бывших воспитанников Марии Михайловны Базуевой приехала из разных городов России в Тогур на празднование её 90-летия. Тогурский детский дом торжественно отметил юбилей ветерана в Доме культуры «Лесопильщик». Цветы и приветствия, подарки и выступления самодельных артистов–воспитателей и воспитанников детдома, вокальной группы Колпашевского Дома культуры. Именинница сидела на почетном месте — на авансцене. Благодарила за теплые поздравления, утирала слезы счастья, спела со своими питомцами, поднявшимися на сцену, свою любимую песню «Орленок».

Когда Марии Михайловне стало трудно самой управляться с домашними делами, ее единственный сын Валерий, живущий со своей семьей в Белоруссии, настойчиво уговаривал маму переехать к нему. Она ни в какую: — Нет, сынок. Я хочу умереть здесь, где пролетели мои детство и юность, где я 26 лет растила детей — сирот. Обо мне заботятся мои воспитанники, здесь могилы моих родных и близких. Как же я всё это оставлю?! Нет, с Сибирью я теперь уже не расстанусь.

Сибирская ссылка

В Сибирь Мария Михайловна попала не по своей воле. Ее большая семья жила на Алтае. Все были работяги, выделывали кожу, шили из нее шубы, обувь. Вот за это раскулачили их в 1930 году и выслали из большого города Бийск в таежный поселок Палочка, близ Белого Яра в Томской области. Выживали здесь, как могли. Ели то, что добывали в тайге. От непосильного труда и болезней многие умирали, в том числе отец и брат Марии Михайловны, ее племянники.

— Девять человек в семье было, — вспоминает Мария Михайловна, — все неграмотные. Только я с большим трудом смогла выучиться.

— А что вам мешало? Учеба плохо давалась? — спросил я.

— Учиться-то я любила, занималась хорошо, сначала в Бийске до 12 лет, а когда сослали в Сибирь, то меня, как дочку «кулака», по требованию начальства, исключали из школы. Учителя втихаря продолжали со мной заниматься.

В сибирской ссылке Мария окончила школу крестьянской молодежи и училась на курсах для воспитателей детских садов. В 1937 году начала работать в Кругловском детдоме, но в этом же году ее уволили за то, что были арестованы два её брата, как «враги народа». Старшего, Василия Глотова, вскоре отпустили, а Семена расстреляли. Только в 1983 году он был реабилитирован.

— Пришлось мне прятаться под землей, — шутит Мария Михайловна, — тайком перебралась в Кемерово, там работала в угольной шахте. Очень тяжело было, особенно когда война началась. Резко повысили нормы выработки, а хлеба стали выдавать по карточкам мало. Вскоре ей повезло: директор Тогурского детдома, знавшая Марию Михайловну по учёбе на курсах подготовки воспитателей детских садов, пригласила к себе на работу.

— Это была лучшая пора моей жизни, — просветленно вспоминает Мария Михайловна. Морщинки на ее лице разглаживаются. Она мысленно переносится в те давние времена...

Нашла свое призвание

1942-й год, самый разгар Великой отечественной. В детский дом привозят малышей из осажденного Ленинграда, из западных областей страны. И здесь, в Тогуре, их согревают материнским теплом и лаской, постоянной заботой нянечки и воспитатели. И среди них молодая, энергичная Мария Михайловна. Ей дали группу детей трёх — четырёх лет.

— Очень жаль было маленьких сироток, — рассказывала воспитательница. — В банный день мы с няней Ольгой Мурзиной заворачивали детишек в одеяла, носили в баню, потом снова укутывали и укладывали в кровати.

Зимой работники ходили в лес на заготовку дров для детдома. Иногда Тогурский лесозавод привозил нам из тайги нераспиленные сухие лесины, их пилили, кололи, а дети помаленьку носили сухие дровишки к печам. На такую работу-прогулку ребятишки шли с охотой. Но не все, так как валенок на группу давали 3–4 пары. Пока те, кто в валенках, помогали взрослым, остальные с завистью смотрели на них в окно...

Воспитателям, конечно, легче было выполнять хозяйственные работы самим, без помощи малышей (детдом был дошкольным). Но, проявляя жалость к сиротам и всяческую заботу о них, взрослые придумывали разные игры, помогающие детям усваивать трудовые навыки. К примеру, малыши любили собирать «грибы». Летом выходили на прогулку, каждому давали лёгкую, сплетенную из осиновых стружек корзиночку, в которую дети укладывали «грибы»: щепочки, камушки и прочий мусор. Затем вместе смотрели, кто собрал больше «грибов». Каждый старался, чтобы его корзиночка была полнее, и таким образом территория детдома всегда была чистой. В 1943 году Тогурскому детдому разрешили принимать детей школьного возраста.

— Нелегко было на ходу осваивать учебные программы, — вспоминала Мария Михайловна, — срочно обучались на специальных курсах и семинарах.

Главный овощевод

Закончилась война, но еще долго ощущались ее последствия: было холодно и голодно. Чтобы пополнить рацион детского питания, решили учить ребят огородничеству, и наш детский дом перешел на систему юннатского труда. В этом движении участвовали все: дети, воспитатели, сотрудники и подсобные рабочие. Каждый педагог выбрал свое направление растение-

водства. Мария Михайловна стала главным овощеводом, и ее воспитанники шли за ней.

Зимой проводились занятия по технологии выращивания помидоров, огурцов, моркови, свеклы и других овощей. Весной выращивали в теплице, затем в парниках рассаду теплолюбивых растений. В начале июня наша наставница вместе с ребятами разметила земельный участок в семь соток (семипольный севооборот), определила, кто какую культуру будет выращивать. Мне достались томаты. Вот так я стал с 1951 года, когда меня перевели из Колпашевского детдома в Тогурский, и по настоящее время специалистом — «помидорщиком».

С какой заинтересованностью мы трудились на своих участках! Вели дневники наблюдений за ростом и развитием опытных и контрольных растений. Каждый старался, чтобы его участок (100 кв. м.), обозначенный именованным указателем, был самым ухоженным. Вскоре юннаты стали получать отличные результаты. Научный сотрудник Нарымской селекционной станции приезжал в детдом, чтобы на месте убедиться в достоверности полученных данных. В 1953 году взвесили урожай с самого лучшего куста томатов: 12 килограммов! Один рекордный помидор «потянул» на 980 граммов — редкий случай для нарымских условий земледелия. Такой урожай был на моём опытном участке. Я тогда учился в четвёртом классе.

Юра Голещихин вырастил высокий урожай огурцов. Алеша Долгов добился, чтобы у него на участке созрели арбузы (хоть маленькие они были, но сколько вызвали восторгов!). Гена Волков собрал на закреплённом за ним плодовом участке около 100 килограммов крупных яблок «белый налив». Кроме этих овощеводов и садоводов лучшими юннатами в 40–50 годы были Юля Трифонова, Саша Ерх, Галя Шляхова, Володя Шабанов, Тоня Колошницына, Володя Арсентьев, Дуся Корпусова, Володя Березин, Маша Медведева, Митя Терещенко, Лиля Ильиных, Нелли Жданова.

Крупные, красивые овощи, картофель, кукуруза, ягоды, фрукты, выращенные воспитанниками детдома, удивляли посетителей на выставках в Тогуре, Колпашеве, Томске. Работа на опытных участках стала главным направлением в трудовом воспитании детей. Но не только это было важным. Выращенная сельхозпродукция существенно разнообразила питание воспитанников, особенно в праздничные дни. А море красивых цветов радовало и детей, и взрослых, и всех входящих на просторную территорию нашего детдома.

В 1954 году за достигнутые результаты 15 лучших юннатов вместе с Марией Михайловной, директором Ниной Михайловной и завучем Таисией Гавриловой поехали в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где

были награждены медалями и дипломами ВСХ В. Наш детский дом ещё 5 лет участвовал в этой выставке, и самым лучшим юннатам Гене Волкову, Майе Ильиных и мне вручили в 1958 году вторые медали ВСХ В.

Труд — основа воспитания

Мария Михайловна не заставляла нас работать. Она вовлекала младших в трудовую игру, а старших — в трудовое соревнование.

Многие воспитанники были так увлечены огородничеством, что работали на своих опытных участках не только в отведенные трудовые часы, но и в свое свободное время.

А вечерами мы по своей инициативе дотемна охраняли созревающие овощи от полуголодных воспитанников и поселковых детей. Ведь нужно было замерить, взвесить отдельные рекордные плоды, подсчитать урожай на опытных и контрольных делянках. И только потом свежая огородная продукция попадала в детское меню.

Хорошо помню, как мы в 1955-м году, после недельной спартакиады в Томске, возвратились в детдом и сразу побежали не в столовую, где нас ждал обед, а на свои участки. Хотели быстрее посмотреть, как подросли наши подопечные растения.

Мария Михайловна воспитывала своим личным примером равнодушного отношения ко всему, была строгой, требовательной мамой. Приучить к труду — вот на что нацелена была работа с нами. Сама выросшая в большой рабочей семье, она твердо верила и постоянно внушала нам через пословицы и поговорки, книжки и пьесы, которые мы с ней ставили: только практическими делами человек заслуживает уважение. Ни минуты она не давала нам сидеть сложа руки. То в столярке что-то мастерим с дядей Васей, то на кухне поварам помогаем. Сами чиним свою обувь, реставрируем одежду, наводим порядок в помещениях и на дворе. Ухаживаем за коровами и свиньями, лошадьми и курами. Косим сено, выращиваем овощи.

Скрытая любовь

Не скрою, некоторые дети порой обижались на суровость Марии Михайловны. Ведь были в детдоме воспитатели помягче, поласковее, такие, как Капитолина Алексеевна, Нина Петровна, Антонина Марковна, Любовь Прокопьевна. Казалось, только так и нужно было обращаться с сиротками: жалеть и лелеять. А она любила нас по-своему, относилась к нам требовательно, по-

рой грубовато. Но мы интуитивно чувствовали, что мы для нее не чужие, что она горой стоит за нас, защищая от нападок старших, от всякой несправедливости.

Она никогда не сдавала своих воспитанников директору или завучу. А если произошел конфликт, и с её провинившимся пацаном уже разбиралось начальство, она спешила на выручку. Убеждала, что всё выяснит сама, и её группа примет решение о наказании.

Мария Михайловна не стремилась завоевать дешёвый авторитет воспитанников, не играла роль доброй, заботливой мамы. Она, скорее, выглядела простой крестьянкой. В темном рабочем халате, с лопатой или граблями, она ловко делала на теплой рыхлой земле грядки, лунки, ровные бороздки. И мы, закатав рукава, ковырялись рядом. Старались делать также красиво.

Если кто из пацанов отставал в работе, Мария Михайловна сразу это замечала: кому — помогала, кого — подбадривала, а кого и подстегивала резкими замечаниями. Самое гневное слово у нее было «лодырь». Это для тех, кто уваливал от работы. Соберет нашу группу в кружок, сначала похвалит тех, кто хорошо поработал, а потом вызовет в центр нерадивого:

— Ну-ка, Ваня, расскажи нам, чем ты сегодня отличился?

— Он за обедом две порции слопал, — съязвит кто-то.

— Поешь ты, Ванечка, мастак. А вот работать за тебя почему-то должны другие, — добавит воспитательница. И вместе так расчихвостят мальчугана, что ему на всю жизнь хватит этого внушения. А уж потом чуть заметит Мария Михайловна улучшение в его работе, тут же одобрит:— Молодец! Умеешь ведь не хуже других работать.

Подготовка к взрослой жизни

Конечно, она жалела своих питомцев — сирот, но при этом понимала, что нас нужно вырастить умелыми, честными, готовыми к суровым жизненным испытаниям. Знала, что ждет нас за стенами детдома, где не будет рядом ни родителей, ни воспитателей. Значит, основное — это привить нам самостоятельность, умение многое делать, самим принимать верные решения в различных жизненных ситуациях.

Мария Михайловна внимательно наблюдала за нашей учебой. Приходила в школу, беседовала с учителями. А когда мы собирались в рабочей комнате для выполнения домашних заданий, она неизменно спрашивала: — Кто сегодня в классе провинился? Вставайте по одному и докладывайте. Чистосер-

дечное признание смягчает наказание... И робко поднимались «герои дня» и лепетали о своих проступках. Воспитатель одних тут же журила, а другим говорила:

— С тобой разберемся после занятий, чтобы не задерживать всех.

Она заканчивала эту традиционную разборку сообщениями о хороших делах в школе, хвалила не только хорошистов, но и тех середнячков, кто хоть немного начинал лучше учиться. Потом все вместе, как на уроках в школе, выполняли письменные задания. У тех, кто быстро решит задачу, примеры, напишет упражнения, она брала тетради и отправляла погулять, выполнить устные задания. А с остальными усердно занималась, объясняла непонятое.

Она хорошо владела методикой учебной работы с воспитанниками младших классов, хотя не имела специального образования, только краткие курсы и настойчивое самообразование. Мне приходилось замечать в её доме, как она варила ужин и одновременно штудировала школьные учебники и методические пособия.

Воспитательные нити

После начального обучения в школе мы переходили из ее группы к другому воспитателю. Казалось бы, ей теперь дела нет до нас. У нее другие малыши. Не тут — то было. Мария Михайловна связывала нас новыми «воспитательными нитями».

Первое: мы, пятиклассники, становились шефами её первоклашек и опекали их четыре года. Тем самым она учила нас заботиться о младших. Второе: мы, повзрослевшие члены овощеводческого звена, до самого выпуска из детдома продолжали совершенствовать свои знания и навыки опытнического огородничества и помогали начинающим.

Удивительно! Мария Михайловна, имеющая лишь специальность воспитателя детского сада, проводила со взрослыми воспитанниками интересные беседы о художниках и композиторах, возила на экскурсии в музеи и выставочные залы разных городов, ставила с нами пьесы. Она стремилась развить наши духовные качества, разбудить способности. И это ей удавалось. Многие ее воспитанники определяли свое призвание еще перед выпуском или на начальном этапе самостоятельной жизни. И наряду с получением основной специальности мы сохраняли интерес к огородничеству, к различным видам искусства и коллекционированию.

Наши детские и юношеские увлечения становились профессиями или дополняли их, разнообразили жизнь. Я получил профессию учителя биологии,

а через 25 лет работал директором Кавалеровской картинной галереи, и при этом всегда выращивал и продолжаю выращивать отличные помидоры, за что меня называют в Приморье известным «помидорщиком».

Выпускница детского дома Юля Трифонова стала учителем в Тогуре и продолжила педагогическую работу в Москве. Ее увлечение огородничеством продолжилось на загородной даче, в 138 километрах от Москвы. На крохотном участке земли она добивалась такого урожая овощей, картофеля и ягод, что его хватало на три семьи. Тамара Исакова, Володя Арсентьев, Галя Галузина и многие выпускники нашего детдома стали педагогами, агрономами.

Как старосте класса и бригадиру овощеводов мне доводилось чаще других бывать в доме своей воспитательницы. Я продолжал учиться у нее хозяйственной сметке, бережливости, экономии. До сих пор храню в памяти сытные ароматы щей и каши, домашних булочек, которыми потчевала меня хозяйка. По тем временам это было лучшее угощение. В теплом деревянном домике Марии Михайловны оттаивала моя душа, очищаясь от наносной детдомовской грубоватости.

Продолжение наставничества

После выпуска из детдома я не расстался со своей мамой–воспитательницей. Она оставалась моим наставником, когда я сразу после окончания школы учился в Томском педагогическом институте. Мечтал работать рядом с ней в нашем детском доме, в летние каникулы замещал ушедших в отпуск воспитателей.

После третьего курса института меня призвали на воинскую службу. Из-за демографического срыва, вызванного войной, военкоматы не выполняли план набора призывников. К тому же, пединститут не имел военной кафедры. Вот и пришлось мне четыре с половиной года служить на Тихоокеанском флоте, где я получил отличную жизненную закалку. И все это время меня согревали теплые письма Марии Михайловны. С каким нетерпением я ожидал тогда весточки из далекой Сибири! Они удерживали меня от опрометчивых поступков, которые я мог совершить в первый, самый трудный период становления военного моряка.

И потом, когда после демобилизации я остался на Дальнем Востоке, я не расставался со своей мамой, часто приезжал к ней за тысячи верст в Тогур, постоянно отправлял письма и посылки из Кавалерова. И не переставал удивляться тому, как пожилая больная женщина старательно исписывала

по 5–6 страниц, подробно сообщала все новости, живо интересовалась моими делами, беспокоилась о здоровье моих родных. Не было случая, чтобы она задержалась с ответом на мое письмо.

Как и у большинства российских женщин, у нее были серьезные семейные проблемы. Но она тщательно скрывала это от всех. Дома ее, единственную кормилицу, ждали муж Андрей Васильевич — инвалид войны, сестра Александра Михайловна — инвалид детства, и сын Валера — учащийся, нуждающийся в постоянной материнской заботе и помощи. Она работала на два дома. Трудилась на износ, и в результате резко ухудшилось здоровье. Вот почему ушла из детдома на пенсию в пятьдесят лет, хотя и любила свое дело, всем сердцем привязывалась к своим воспитанникам.

А выпускники навещали ее, писали письма, не оставляли без внимания. Позднее за состарившейся, больной воспитательницей ухаживали ее питомцы, живущие в Тогуре, Лидия Захарова, Ирина Балычевцева и ее дочь Марина Пунгина, ежедневно заботившаяся о своей бабушке Мане в последние годы, месяцы и дни её жизни.

Праздники родственных душ

Тогурский детский дом славился замечательными традициями. Одна из них — слеты выпускников. Так мы называем двухдневные праздники для бывших и нынешних воспитанников по юбилейным датам нашего дома, через каждые пять лет. Основой для этой традиции, вероятно, послужили встречи выпускников, проводимые с незапамятных времен в учебных заведениях. Для учителей это хороший повод узнать, кем становятся их ученики. А выпускники получают возможность пообщаться с бывшими однокашниками и выразить благодарность своим наставникам.

Детский дом сближает питомцев сильнее, чем школа учеников. Воспитанники не только одноклассники, но и братья по общему Дому детства, где они несколько лет живут под одной крышей. Выходит, для них встреча выпускников — это праздник родственных душ. Педагоги Тогурского детдома послевоенных лет прекрасно понимали это.

Напомню, с 1933 по 43-й год Тогурский детдом был дошкольным, а в конце войны пополнялся разновозрастными детьми. В начале 50-х годов детский дом стал выпускать в самостоятельную жизнь юношей и девушек со средним образованием, остальных ребят направляли после окончания семи классов в ремесленные училища, трудоустраивали на предприятия или в колхоз.

В 1958 году педагогический совет принял решение о проведении первого слёта выпускников. Весной развернулась большая работа по подготовке к 25-летию детдома. Приводили в порядок опытные участки, плодово-ягодный питомник, теплицу, чтобы получить скороспелую продукцию к празднику, разметили дополнительные цветочные клумбы для украшения территории и для букетов. Картофелеводы и овощеводы посадили ранние сорта огородных культур и столовой зелени.

Летом, сразу после завершения учебного года, начался большой ремонт: побелка, покраска, столярные работы. По эскизу Ольги Степановны соорудили красивые большие ворота при входе на территорию детдома. Построили новую веранду в саду. Подготовили две большие гостевые комнаты в рабочем корпусе для участников слета.

Каждый вечер на линейке командиры ремонтно-строительного и хозяйственного отрядов, звеньевые-растениеводы и животноводы коротко докладывали, что сделано по подготовке к юбилею и получали задания на предстоящий день. В июле провели два субботника по наведению идеального порядка в нашем большом саду и на всей территории. Благоустроили площадку для проведения праздничной линейки, игровую и спортивную площадки. Вычистили и обработали хлорным раствором все выгребные ямы, отмыли и побелили наружные туалеты.

А творческая группа во главе с завучем готовила сценарии двухдневного слета, проводила репетиции. В подготовке к слету были задействованы все: завхоз Николай Иванович Вовченко, бухгалтерия во главе с Фаиной Абрамовной, воспитатели, медработники, кладовщик, кастелянша, столяр, няни, прачки, швея, рабочие подсобного хозяйства.

Первого августа детский дом, сияющий чистотой и улыбками, встречал гостей. У ворот дежурили ребята и воспитатель. Каждому участнику слета вручали цветок и сопровождали в жилой корпус. За ужином в столовой выпускников поздравили с приездом директор Нина Михайловна и завуч Таисия Гавриловна.

Второго августа, в 10 часов, по сигналу горна началась первая юбилейная линейка, которая проходила на празднично украшенной площадке, напротив садовой арки. В парадных белых костюмах выстроились 158 воспитанников. Затем ведущая, восьмиклассница Валя Беспалова, торжественно произнесла:

— На первый слёт выпускников прибыли 37 наших старших братьев и сестёр. Встречайте их!

Грянул марш духового оркестра Колпашевского военного гарнизона. Под дружные аплодисменты воспитанников, всех работников детдома,

учителей и многочисленных гостей праздника на линейку вышли первые выпускники. Среди них: Анисимовы Ваня и Катя, Байгулов Вася, Колмакова Ира, Бутусов Володя, Коробкина Тома, Верхунов Илья, Годлевская Эмма, Засухин Витя, Исаковы Тома и Валя, Ерх Саша, Кобелькова Дина, Шабанов Володя, Качалова Тома, Культинов Толя, Колошницына Тоня, Манойленко Юра, Короткевич Катя, Неверовский Володя, Корпусова Дуся, Колотовкины Зина и Лида, Устинов Лёня, Кулик Гера, Коткины Лена и Вася, Маркелов Витя, Мусанин Вова, Митрофанова Нелли, Шалупинин Илья, Юферова Галя, Якутов Гоша и другие.

Здесь же выступили руководители Колпашевского района и Тогурского поссовета, директор детдома и выпускница Тамара Исакова. Флаг слета поднял Володя Неверовский. В заключение воспитанники спели песню, написанную к слету Яковом Константиновичем Пархоменко, нашим музыкальным руководителем. Запевали воспитанники Юля Трифонова, Алёша Долгов, Надя Полтанова, Люда Захватченко, Валера Кайдалов, Аза Залогина и Витя Холодов. А припев дружно подхватывали все детдомовские хористы, которые разучили эту песню накануне праздника.

**В своей семье родной Согреты всей страной
Живем мы весело и крепнем с каждым днем.
И с каждым днем растем, И все вперед идем
К заветной цели и с пути мы не свернем.**

**Припев:
Наша жизнь с каждым днем все чудесней.
Мы вперед идем, и солнышку мы рады.
А с песней, эх да с нашей песней
Не страшны нам никакие преграды.**

**Наш светлый детский дом.
Как хорошо нам в нем!
Тебя, наш дом, мы будем часто вспоминать:
Большой семейный круг, учёбу и досуг,
И эту песню будем всюду напевать.**

Припев.

С линейки участники слета пошли отдельными группами на опытные участки, на выставку урожая и на выставку творческих работ. Каждую группу сопровождал воспитатель-экскурсовод.

Праздничный обед организовали на большой садовой веранде, среди зелени и цветов. Потом направились в поселковый клуб «Ударник», где продолжалось торжество. Руководители шефствующих над детским домом предприятий, начальники областного и городского отделов народного образования дарили детскому дому подарки, поздравляли с серебряным юбилеем. От группы выпускников выступили Гера Кулик и Саша Суворов. Они рассказали о своей самостоятельной жизни, дали наказ ребятам хорошо учиться и слушаться своих воспитателей. Дети выступили со своими концертными номерами. В заключение с большим восторгом смотрели киножурналы о жизни Тогурского детдома в 1947 и в 1957 гг., бурно реагируя на все события, происходящие на экране.

В 17 часов начались спортивные игры и конкурсы, победителей награждали призами.

Запоминающимся событием стало катание ребят на трёхтонном грузовике ЗИС-5, подаренном коллективом леспромхоза, нашего постоянно-го шефа. В кузове по левому и правому бортам были прикреплены лавки, на них рассаживались дети с дежурным воспитателем, и грузовичок двигался по улице Советской до лесозавода и обратно. Машину украсили разноцветными флажками и березовыми ветками. На машине, на воротах, на корпусах красовались юбилейные цифры 25.

Вечером в столовой устроили праздничный ужин для выпускников и воспитателей. Выпускники рассказали о своих успехах и проблемах, с какими столкнулись в начале своей самостоятельной жизни, о том, что они готовы помогать детдому в определении старшеклассников в техникумы и вузы, в которых уже работают или учатся бывшие воспитанники.

На следующий день выпускники и ребята отдыхали на берегу речки Тарасовки, на нашем любимом месте, где всегда проводились пикники. Играли, как в детстве, делились друг с другом новостями первых лет самостоятельной жизни, купались, загорали. Обед нам привезли на телеге, запряженной лошастью, там стояли бачки, а в них — вкусный детдомовский борщ, каша с мясом и компот. К вечеру собрались у большого пионерского костра, пели детдомовские песни, вспоминали своё бедолажное детство. Утром третьего августа организовано проводили выпускников в аэропорт и на пароход.

В подготовке и проведении первого слета выпускников мы с Юлей Трифоновой принимали активное участие, так как были тогда членами юбилей-

ного штаба. Это событие произвело на меня такое впечатление, что в будущем подтолкнуло меня к организации последующих встреч выпускников.

Пока детдомом руководили Н.М. Ильясова, Т.Г. Трифонова, их тогурские последователи, слёты в 1963, 1968, 1973 гг. готовились и проводились работниками детдома, а мы, выпускники-активисты, приезжали в Тогур за неделю до праздников и сходу включались в работу. И не было никаких проблем с финансами, размещением и питанием выпускников. С приходом нового директора Мая Ивановича Никульшина всё изменилось. До переезда в Тогур он директорствовал в сельской школе, поэтому «ошибочно» поставил знак равенства между встречами школьных выпускников и праздниками — слётами детдомовских ребят и их старших собратьев.

В 1978 году на мое письмо о проведении очередного традиционного слёта М.И. Никульшин ответил, что он найдет средства на проведение слёта, а подготовка праздника — за нами. Пришлось мне во время своего отпуска приехать в Тогур за месяц до слёта. Собрал активистов-выпускников-Иру Балычевцеву, Толю Ковальчука, Лиду Булгакову, Володю Захарова, Сашу Киселева, Юру Аникина, пригласил наших ветеранов-педагогов Тасию Гавриловну и Марию Михайловну. Слёт провели хорошо. Пользуясь оставшимся после предыдущих руководителей подсобным хозяйством, Май Иванович обеспечил участников слёта питанием и в детдомовской столовой, и на пикнике, выделил средства на приобретение призов победителям спортивных соревнований, конкурсов, игр.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ

В 1983 году Тогурскому детскому дому исполнилось 50 лет — золотой юбилей! Нужно было по давней традиции готовить слёт, и я написал директору М.И. Никульшину свои соображения и планы по организации большого юбилейного праздника и создания музея нашего детдома.

В ответ — короткая телеграмма: приезжайте готовить слёт, оформляйте музей, изыскивайте средства на эти мероприятия. Снова я обратился к своим помощникам — Тамаре Исаковой, Васе Байгулову, Ире Балычевцевой, Юре Аникину, Вале Беспаловой, Володе Фёдорову, Тане Никитиной, Володе Михальчуку, Нелли Ждановой, Славе Данченко, Юле Трифоновой, Сергею Харлапову, Наташе Протопоповой.

Мы начали с того, что отпечатали в фотолаборатории города Новоомскова, где живёт Беспалова Валя, красивые фотоприглашения и фотоэм-

блемы слёта. К тому времени у меня уже было 167 адресов, по которым разослали приглашения на слёт. Не все смогли побывать на юбилейном празднике. Некоторые поздравили воспитанников и работников детдома с золотым юбилеем, прислав открытки, телеграммы, письма.

Хочу отметить, что на первый слёт в 1958 году пригласили выпускников, которые, находясь в детдоме, закончили Тогурскую среднюю школу или сразу из детского дома поступили в техникум. Приглашали по списку, составленному директором и завучем. Дело было новое, поэтому не стали рисковать, позвали только лучших своих питомцев.

В 1968 году список первых выпускников с адресами мне передала Таисия Гавриловна, и я дополнял его всё новыми и новыми именами. Мы стали приглашать на слёты всех бывших воспитанников. Сейчас в моём объёмном журнале записаны 470 адресов, и в период подготовки слётов я пишу выпускникам по 15–20 писем в месяц. Бережно храню в архивных папках сотни посланий от своих собратьев по детдому. Есть интересные воспоминания Виктора Маркелова, Анфисы Шаховой, Веры Моисеевой, Юры Аникина и других ребят. Только от Вити Некрасова получено 97 писем из Казахстана в 1989–1993 гг. Тогда мы с ним подготовили и провели с помощью других соратников два самых лучших слёта. У меня есть карта, где я отметил адреса, откуда приходили письма выпускников: Москва, Ленинград, Киев, Минск, Кишинёв, Алма-Ата, Фрунзе, Улан-Удэ, Воркута, Кызыл, Краснодар, Абакан, Новосибирск, Норильск, Томск, Новомосковск, Пермь, другие города и сёла, где живут мои братья.

15 июня я приехал в Тогур, чтобы за полтора месяца вместе с помощниками оформить музей детского дома и подготовить праздничные мероприятия к слету. Директор был в отпуске, его замещала завуч Любовь Владимировна Зырянова. Она деятельно помогала нам осуществлять намеченное. Устроился я в Тогурском профилактории-водолечебнице, куда мне выхлопотала путёвку Лида Булгакова, работавшая там сестрой-хозяйкой.

Чтобы собрать на золотой юбилей больше выпускников, я попросил ветеранов детдома Таисию Гавриловну, Марию Михайловну и выпускников, живущих в Тогуре, в Колпашеве поискать адреса, телефоны и пригласить тех выпускников, которые ещё не попали в мой общий список.

1 июля в газетах Томска и Колпашева, на радио и телевидении сообщалось о проведении юбилейного слёта. Только молчал об этом важном событии главный человек в детдоме — Май Иванович. И тогда штаб слёта

выпускников направил личное приглашение начальнику Томского областного управления народного образования.

Через 5 дней М.И. Никульшину позвонили и сообщили, что 31 июля в детдом приедут руководитель ОБЛУНО Ленид Эдуардович Глок и главный бухгалтер этого учреждения, и к их приезду директор должен подготовить смету на проведение юбилея детдома, слёта выпускников и оформление музея. Директор сразу засуетился, прервал свой отпуск и стал заниматься вместе с нами подготовкой праздничных мероприятий. Тут же нашлись и деньги, и материалы, и специалисты.

Общими усилиями наводили порядок на территории, в корпусах. Для музея предоставили самую просторную комнату. Детдомовский столяр Сергей Колобовников по моим эскизам изготовил большие стенды для лучших фотографий и красочных текстов по истории детдома за пять десятилетий. Он же со старшими мальчиками смастерил застеклённые витрины для медалей, значков, дипломов, грамот, которыми награждались воспитанники и работники детдома.

За две недели до слёта приехали по моей просьбе выпускники Юлия Трифонова из Москвы и Юрий Кейнер, художник-оформитель из Перми. В детдоме он занимался в 50-е годы в художественном кружке у Ольги Степановны Корневой. У этой же замечательной мастерицы в 70-е годы обучался рисунку и лепке Борис Борискин. В 1981 году он выпустился из детского дома и теперь помогал оформлять музей, реставрировал скульптуры, выполненные из пластилина выпускниками в разные годы.

Завуч Л.В. Зырянова собрала архивные документы, представляющие интерес для детдомовского музея. Остальные материалы прислали по моей просьбе воспитанники и работники. А художник Юрий Кейнер оформил всё это на стендах и планшетах.

24 июля приехали выпускники-активисты — Валя Беспалова, Саша Таганов, Галя Байгулова, Юра Аникин, Нелли Жданова, Слава Данченко, Дуся Корпусова, Володя Ковальчук, Таня Никитина, Федя Трифонов, которых я заранее пригласил для оказания помощи в подготовке праздничных мероприятий, и работа у нас закипела. Парни крепили на стены оформленные стенды, женщины аккуратно развешивали вышитые ковры, портреты и другие произведения прикладного творчества, раскладывали в витрины экспонаты меньшего размера, расставляли скульптуры. Творческая группа готовила сценарий «голубого огонька».

Первого-второго августа встречали прибывающих на слёт выпускников. Приехали более 140 человек.

Второго августа празднование золотого юбилея началось с торжественной линейки. Первыми построились воспитанники. Рядом стояли работники и пенсионеры детдома, учителя, гости из Томска, Колпашева, Тогура. Все замерли в ожидании парада выпускников. Они под аплодисменты и марши выходили по группам-десятилетиям: тридцатые годы, сороковые, пятидесятые, шестидесятые. Замыкали шествие молодые выпускники 70–80-х годов. Командиры групп представили участникам праздника прибывших на юбилей выпускников.

Ветеран Тогурского детского дома Таисия Гавриловна Трифонова сердечно поздравила всех с золотым юбилеем, пожелала нынешним воспитанникам и работникам с уважением относиться к лучшим традициям детдома. Воспитатель военного и послевоенного времени Мария Михайловна Базуева коротко рассказала, как трудно, но интересно жил детский дом в 40–50-е годы и призвала педагогов и воспитанников больше трудиться, добиваться успехов в учёбе, в разнообразных творческих кружках, спортивных секциях, в художественной самодеятельности, чем всегда славился наш детдом.

Начальник Томского областного управления народного образования Л.Э. Глок отметил заслуги старшего и нынешнего поколений педагогов и работников детского дома:

— Перед началом праздника я посмотрел оформленный выпускниками музей и считаю, что его открытие — это главное событие юбилейного слёта. Подобного музея нет ни в одном другом детском учреждении Томской области. Вы вправе гордиться этим уникальным явлением. Нынешние руководители и педагоги детдома обязаны сохранять его и пополнять всё новыми и новыми интересными экспонатами, активно использовать в воспитательной работе с детьми.

Сразу после линейки участники слёта и гости побывали в музее, сфотографировались на память с воспитанниками. После экскурсий — праздничный обед на большой садовой веранде.

В 15 часов все организовано пришли в Дом культуры, где посмотрели небольшой концерт художественной самодеятельности и киножурналы о жизни Тогурского детдома. Вечером провели «голубой огонёк» для выпускников и воспитателей. Хорошим дополнением к праздничному угощению на столиках оказались ароматные яблоки, которые привезли из солнечного Узбекистана Вера Коновалова и Люда Качалова. На следующий день выпускники и ветераны — воспитатели выехали на пикник на Светлое озеро, где очень хорошо отдохнули.

Взгляд в детство

Если сдвинуть сейчас осторожно
Запылившийся занавес лет,
Сквозь далекий туманный свет
В наше детство взглядеться можно:
Загорелые, звонкие дети
В мутной речке визжат и резвятся,
А ночами им реже снятся
Лица близких, родных людей.

Припев:

Тогурский детский дом.
Сколько нас выросло в нем!
Было трудно порой, но всегда с теплотой
Вспоминаем его мы с тобой.
Много песен хороших и светлых
Было спето под крышей одной.
Может, помнишь, мой друг дорогой,
Как в мечтах мы летали заветных?
Волновал нас черемухи цвет,
И дурманил её аромат...
Вдруг, заметив призывный взгляд,
Робко я улыбался в ответ.

Припев.

Мы играли, ходили в походы,
Часто ссорились, тут же мирились.
Уважать и любить нас учили
Доброту, красоту и свободу.
Время с детством пришло расставаться,
Колесить по дорогам страны.
Но при всех поворотах судьбы
Не забудем мы нашего братства!
Припев.

СЛЕТАМ — БЫТЬ!

В 1988 году предстояла очередная встреча выпускников к 55-летию детского дома. Эта традиция не нарушалась уже 30 лет. Вот и на этот раз мы с Таисией Гавриловной и Марией Михайловной, Ирой Балычевцевой и Лидой Захаровой всю зиму рассылали приглашения выпускникам. 10 июля 1988 года я получил телеграмму от директора детдома об отмене слёта в связи с капитальным ремон-

том. На выяснение истинных причин срыва слёта и принятие необходимых мер не было времени: слишком далеко я живу от Тогура. Пришлось срочно сообщать всем выпускникам о переносе слёта на следующий год.

В январе 1989 года я написал директору детдома М.И. Никульшину что слет состоится в начале августа. Ответа не получил. Тогда я обратился с открытым письмом к педагогическому коллективу Тогурского детского дома с просьбой о содействии нашему традиционному слёту. Текст обращения в открытом конверте я отправил заказным письмом выпускнице детдома Ирине Пунгиной. Она передала открытое письмо лично в руки завучу детдома Л.В. Зыряновой, и Любовь Владимировна совершила настоящий гражданский поступок: собрала педсовет, который вопреки упорному сопротивлению директора принял решение о проведении слёта выпускников 5–6 августа. Срочно отпечатали в Колпашевской типографии новые пригласительные билеты и разослали всем выпускникам.

15 июня я приехал в детский дом и узнал, что директор отправил завуча в отпуск, а сам ушёл отдыхать, оставив за себя В.И. Юшина, музыкального работника, не наделённого никакими полномочиями (без печати, без права отдавать приказы, распоряжения, тем более по подготовке к слёту).

Май Иванович каждый вечер появлялся в детдоме, так как жил на территории этого учреждения. Он контролировал выполнение данных им заданий, но при этом говорил работникам, чтобы они не помогали в подготовке к слёту, мол, без того дел хватает. Однако такое «участие» не помешало мне быстро найти общий язык и с завучем, и с физруком. Мы договорились о совместном проведении весёлых стартов для выпускников и детей. Спорторганизатор Сергей Николаевич Крисковец сразу собрал детско-юношескую команду из воспитанников и приступил к тренировкам по составленной им программе спортивно-развлекательной эстафеты.

17 июля приехал из Казахстана мой основной помощник Виктор Некрасов, детдомовец 60-х годов, с которым организовали штаб слёта, подключили выпускников, живущих в Тогура и Колпашеве, ветеранов детдома Таисию Гавриловну и Марию Михайловну. Вместе подготовили к приёму гостей жилое помещение, оформили большой стенд «Под крышей дома своего» с информацией о слёте и фотографиями выпускников в детском возрасте и нынешними снимками, чем дополнили музей детского дома новыми экспонатами 1983–1989 годов.

Организовали встречу членов попечительского совета Тогурского детдома, на котором убедили руководителей предприятий оказать помощь в проведении праздника для воспитанников и выпускников. Шефы решили выделить два автобуса для выезда участников слёта на пикник, направить двух художников для

праздничного оформления территории детдома, организовать фотографирование и видеосъёмку слёта.

30 июля приехали выпускники — активисты Наташа Соловьёва, Валя Беспалова, Саша Таганов, Дуся Корпусова, Володя Михальчук, Нелли Жданова, Шура Шичанина, Юра Оникин, Люда Качалова, Вера Коновалова, Федя Трифонов и Надя Полтанова. Они быстро включились в работу штаба, оперативно выполняя поручения и задания: шили, строгали, пилили, рисовали, писали, готовили площадки к празднику.

За три дня до слёта, видя нарастающую активность, заметные результаты деятельности штаба и тот оптимизм, с которым мы встречали и ожидали многих участников слёта, Май Иванович вышел из отпуска и стал усердно помогать нам.

Справедливости ради хочу заметить, что за время директорства М. И. Никульшина были возведены новые дома для воспитанников и работников детского учреждения, капитально отремонтированы старые постройки, проведены системы тепло- и водоснабжения, заасфальтирована хоккейная площадка. Под его началом выполнено столько строительно-ремонтных и хозяйственных работ, сколько не сделано руководителями детдома за все предыдущие и последующие годы. Маю Ивановичу очень повезло с завхозом Александром Григорьевичем, более 20 лет старательно помогавшим директору осуществлять грандиозные проекты. И сейчас он умело ведёт всю хозяйственную работу в детском доме.

Слёт начался 5 августа торжественной линейкой возле нового двухэтажного корпуса. На традиционную линейку вышли 139 выпускников, рядом с которыми стояли нарядно одетые воспитанники детдома, воспитатели, учителя и гости праздника.

С приветственным словом к собравшимся обратились первый воспитанник детдома Виктор Маркелов, руководители Колпашевского района и Тогурского поссовета. Тепло поздравила выпускников с юбилеем и приездом в свой детский дом Любовь Владимировна Зырянова. В конце выступления она сказала, что детский дом будет всегда встречать своих воспитанников не только на традиционных слётах, через каждые 5 лет, но и ежегодно в День открытых дверей в первое воскресенье августа. В этот момент я стоял между завучем и директором и увидел, как он гневно взглянул на Любовь Владимировну. Стало понятно, что ее объявление-приглашение выпускникам не было одобрено М.И. Никульшиным.

После торжественного открытия слёта и поднятия флага зазвучал спортивный марш и на площадку вышел «русский богатырь» в кольчуге и шлеме — Виктор Некрасов. Его сопровождала свита с горящими факелами. Богатырь громко произнёс указ о проведении весёлых игр и забав и повёл за собой всех участников слёта на спортивную площадку.

Пока шли приготовления к весёлым стартам, группы выпускников и воспитанников вместе со своими воспитателями фотографировались на память о слёте. На спортивной площадке выстроились две команды. Честь выпускников защищали Владимир Неверовский, Евдокия Корпусова, Владимир Ковальчук, Ирина Пунгина, Александр Киселёв, Валентина Медведева, Евгений Егоров, Наталья Соловьёва и другие.

Команду воспитанников возглавлял Андрей Эверской, отличный спортсмен, заядлый футболист, получивший прозвище Марадона.

Соревнование было поистине зрелищным, состязательным и забавным. Каждый участник сбивал из воздушного ружья хоккейную шайбу с расстояния 8 метров, проезжал на велосипеде к булавке и, обогнув её, возвращался назад. Далее участники эстафеты выполняли другие задания. Если учесть, что выпускники 40–50-х годов не катались в детстве на велосипедах, потому что их в детдоме не было, а некоторые ни разу не стреляли из «воздушки», то можно представить, как они выполняли эти задания под смех и одобрительные возгласы болельщиков. Детдомовская команда 10 дней готовилась к этим состязаниям, она и победила в весёлых стартах, хотя и с минимальным разрывом в счёте. И как они были довольны! Их успеху порадовались и все выпускники. Затем состоялись спортивные игры: мини-футбол, волейбол, пионербол. Победители награждались призами, а в это время с группами выпускников и воспитанников проводила экскурсии в музей ветеран-педагог Таисия Гаврилониовна Трифонова.

В 13 часов начался праздничный обед в кафе «Кеть», а затем все собрались в клубе «Лесопильщик». На этот раз здесь не было привычного торжественного собрания. На экране демонстрировались кадры кинохроники 40–50-х годов.

Каждая группа выступала по своему оригинальному Как жили воспитанники разных десятилетий? Об этом интересно, кратко рассказали Василий Байгулов, Владимир Березин, Раиса Мамзина, Михаил Свиридов, Тамара Кузнецова, Сергей Харлапов.

Самый молодой выпускник, Сергей Мессарович, рассказал о том, что был свидетелем теплой братской встречи воспитанников старшего поколения на теплоходе, идущем из Томска в Колпашево. Они дружески обнимались, целовались, общались, как родные. В отличие от них молодые выпускники встречаются друг с другом не по-родственному, а как знакомые.

Музыкальные подарки участникам слёта подготовил певец Валерий Базуев, сын нашей воспитательницы Марии Михайловны. Он приехал на слёт из Белоруссии и был очень рад тому, что его маму и других наставников окружают вниманием и заботой их повзрослевшие питомцы. С особым интересом ребяташки и все участники слёта слушали пение членов семьи выпускника Виктора

Некрасова — Натальи, Насти и Артёма. Потом мы, затаив дыхание, смотрели кинохронику о жизни детдома в 1947 и 1958 годы. Кажется, в этот момент время повернулось вспять: папы и мамы, бабушки и дедушки видели себя на экране маленькими мальчиками и девочками. И рядом с нами воспитатели, помолодевшие на 40 лет, такими они остались навсегда в нашей цепкой детской памяти. Как только промелькнули последние кинокадры, к экрану вышла группа ветеранов-воспитателей. Все в зале встали и зааплодировали, воспитанники вручили букеты цветов своим наставникам.

Встреча в клубе завершилась выборами совета выпускников, который призван отстаивать права бывших воспитанников детдома и оказывать помощь особо нуждающимся молодым питомцам Тогурского приюта, начинающим самостоятельную жизнь. В состав совета вошли детдомовцы разных поколений: Василий Байгулов, Виктор Маркелов, Александра Шичанина, Тамара Зибарева, Виктор Холодов, Юрий Аникин, Ирина Балычевцева, Лидия Захарова, Наталья Соловьёва, Тамара Кузнецова, Дмитрий Тиунов. Меня выбрали председателем совета выпускников. К сцене вышли ребята с гитарой, начали песню, ставшую нашим гимном, и весь зал дружно подхватывал:

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Позднее, когда стемнело, на площадке возле нового корпуса начался вечер отдыха для детей и выпускников. Попеременно звучала современная диско-музыка и играла на баяне Надя Полтанова. Дети и выпускники танцевали, пели, участвовали в различных конкурсах. Развлекательную программу подготовили и вели Виктор и Наталья Некрасовы. 6 августа выпускники со своими воспитателями поехали на пикник, к Светлому озеру, где загорали, купались, играли, как в детстве, беззаботно и весело. Пили чешское пиво — целую бочку привёз нам Колпашевский пивзавод, а рыбоконсервный завод, куда мы в детстве ходили на экскурсии, выделил нам разнообразные закуски.

Бессменные детдомовские ведущие Валя Беспалова и Нелли Жданова организовали на берегу озера импровизированный концерт, где каждая группа представляла по 3–4 номера. Выехали с пикника в 6 часов вечера, хорошо отдохнувшие, весёлые. А вечером, после ужина, снова дискотека для детей и выпускников, песни и танцы до позднего вечера.

7 августа — грустный день расставания. Выпускников провожали группами до Колпашева, откуда они отправлялись в разные стороны на самолёте, речной «Ракете», автобусе с надеждой, что через 5 лет снова встретятся на тогурской земле, в своём Доме детства.

ПОДДЕРЖКА ИЗ МОСКВЫ

Первого августа 1993 года ребяташки с удивлением наблюдали, как мужчины и женщины разного возраста небольшими группами или поодиночке заходили на территорию Тогурского детского дома. Встречаясь друг с другом, они обнимались, смеялись, плакали. Вглядываясь в знакомые черточки лиц, узнавали друзей, однокашников, громко угадывали имена и детские прозвища. Слышно было: «А помнишь?..». И нескончаемый поток воспоминаний, смешных и грустных, захлестнул детский городок. Так начинался слёт выпускников, посвящённый 60-летию Тогурского детского дома.

А ведь этого замечательного праздника детства могло и не быть. Вспомним «лихие девяностые»... Развал великого Советского Союза, начало «дикого рынка»... Организованный в 1989 году фонд выпускников Тогурского детдома к началу 1992 года насчитывал уже более четырёх тысяч советских рублей. Этих денег с лихвой хватило бы и на проведение слёта в 1993 году, и на оказание помощи особо нуждающимся молодым выпускникам. Однако начавшаяся тогда бешеная инфляция быстро пожирала наши благотворительные накопления. На мой вопрос, будем ли мы проводить слёт-93, директор М.И. Никульшин ответил: — Без финансовой поддержки слёта не будет.

Я написал в январе — феврале 1993 года десятки обращений и писем в различные организации и фонды, руководителям Томской области, в министерство образования — даже ответов не было: ни положительных, ни отрицательных. И только в мае позвонили из Советского детского фонда в Кавалеровскую районную больницу, где я лежал с обострением радикулита. Предложили мне приехать в Москву на заседание Правления СДФ имени В.И. Ленина для решения вопроса по моему обращению, спросили лечащего врача, смогу ли я лететь на самолёте. Врач снабдил меня таблетками и обезболивающими порошками в капсулах. В аэропорту Домодедово меня встретил представитель Детского Фонда.

Заседание Правления было бурным. Сначала заслушали мою информацию с показом фотографий о жизни детдома, о слётах (я должен был убедить Правление принять положительное решение по моему ходатайству — об этом меня заранее предупредил председатель А.А. Лиханов). Однако некоторые выступающие были против финансовой поддержки слёта выпускников:

— Не хватает средств на выполнение детских программ, а тут взрослые просят деньги на проведение праздника...

Спокойно выслушав всех оппонентов, председатель Правления СДФ писатель Альберт Лиханов, ведущий заседание, задал сидящим в зале учёным

педагогам, представителям крупных предприятий-соучредителей Детского фонда и общественным деятелям вопрос:

— А кто виноват в том, что миллионы детей в 30–40–е годы стали сиротами и попали в государственные приюты? Теперь они пожизненно являются детьми нашего государства. У них нет другого родного дома, где они могли бы встретиться и вспомнить свое трудное детство. В Тогурском детдоме регулярно в течение сорока лет проводили интересные слёты — праздники для детей и выпускников, о чём нам сейчас рассказал Виктор Холодов.

Теперь в нашем государстве снова сложилась такая экономическая ситуация, при которой сироты, воспитанные государством в детдомах, не могут собраться в своём доме детства. Давайте поможем им в этом юбилейном для Тогурского приюта году. Потом они, как и все россияне, приспособятся выживать и встречаться в новых условиях.

После эмоционального выступления основателя СДФ Альберта Анатольевича Лиханова большинство членов Правления всё же проголосовало за решение: выделить Тогурскому детдому один миллион рублей на проведение юбилейного слёта выпускников, направить на празднование 60-летия детского дома делегацию СДФ с подарками для детей. Московская делегация убедилась в том, что слет выпускников в Тогуре был проведен отлично, имел положительное воспитательное воздействие на детей.

На встречу со своими собратьями собрались 186 выпускников из разных городов и сёл бывшего Советского Союза — самый многочисленный сбор! Мало кто верил, что такое возможно во времена развала страны и анархии. А те, кто не смог приехать по болезни или финансовой несостоятельности, прислали письма, открытки, телеграммы.

Ветераны поделились своими воспоминаниями с молодыми выпускниками, призвали нынешних воспитанников хранить лучшие традиции Тогурского детского дома. Накануне своего праздника детдомовцы, и взрослые, и дети, пришли на сельский погост, где настоятель Тогурской церкви отец Орест бесплатно отслужил панихиду на сиротской могиле и помянул имена всех умерших питомцев детдома. Отныне такие службы будут проводиться регулярно, а выпускники станут поддерживать порядок на сиротских могилах.

5 августа состоялась праздничная линейка. Взволнованных и нарядных выпускников аплодисментами встречали их младшие сестрёнки и братишки, все работники детдома. Выпускники выразили своим наставникам признательность и благодарность, подарили им цветы, поздравили всех участников торжества с 65-летием детского дома.

Тепло встретили на слете выступление заместителя председателя правления Советского Детского Фонда Зинаиды Федоровны Драгункиной. Она высказала добрые пожелания воспитанникам Тогурского детдома и передала дружеский привет от детского писателя Альберта Лиханова. Московские представители СДФ передали детскому дому подарки к юбилею, а Виктор Холодов, председатель совета выпускников, получил почётную награду — ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ Советского Детского Фонда и Памятный знак.

Завуч детдома В. В. Федорук доложил слёту:

— Музей Тогурского детского дома, созданный выпускниками в 1983 году, размещался в аварийном помещении, поэтому отдельные экспонаты пришли в негодность. К нынешнему слёту с помощью выпускников музей реконструирован в новом корпусе, экспонаты отреставрированы. Обещаем участникам слёта сохранять и пополнять музей новыми материалами.

К великому сожалению, позднее, уже в бытность В. Федорука директором детдома, музей снова разобрали, экспонаты беспорядочно свалили в старом аварийном корпусе. А ведь этот уникальный музей, единственный в Сибири, да и, пожалуй, в нашей стране, мог составлять гордость и Тогурскому детдому, и Томской области.

После линейки участники слета перешли на зеленую лужайку, где состоялась переключка поколений: на площадку выходили поочередно группы каждого десятилетия. Они коротко представлялись, потом выпускники пели свою любимую песню. Впервые прозвучали песни, написанные выпускниками. Был на слете выпускник детдома томский писатель Венедикт Колыхалов, даривший участникам слета свои книги с автографом.

Для всех участников и гостей слета приготовили праздничный обед под открытым небом, на площадке возле корпуса. После обеда выпускники и дети, работники детдома и гости организованно прошли по центральным улицам Тогур, Советской и Ленинской. Духовой оркестр Колпашевского военного гарнизона играл бравурные марши, и на всём пути празднично украшенную колонну с добрыми улыбками приветствовали жители села. Подошли к памятнику землякам, погибшим в годы войны: ребята возложили цветы к обелиску. Многие выпускники вспоминали в этот момент своих родителей, безвременно ушедших из жизни в страшные времена репрессий и в годы борьбы с фашистской Германией...

А в Доме культуры «Лесопильщик» снова звучали поздравления, выступали замечательные танцоры ансамбля «Глория» школы

№ 7 города Колпашево. Настоящее ликование зала вызвал традиционный просмотр уникальной кинохроники о жизни нашего детдома в 1947 и в 1957 гг. Три вечера подряд у костра на территории детдома собирались взрослые и дети. Далеко за полночь продолжалось веселье — песни, шутки, всевозможные конкурсы, в которых принимали активное участие многие выпускники и дети. Но участники слета не только веселились и отдыхали. Был серьезный разговор о жизненно важных проблемах. В каком направлении развивать движение выпускников? Как помочь самым незащищенным? Каким образом выручать из беды оступившихся в жизни молодых ребят, попавших в колонию или находящихся в кризисной ситуации.

На слете стало известно, что семья воспитанника детдома В. Некрасова решила переехать из Казахстана в Тогур, поближе к детскому дому. Все Некрасовы — способные музыканты, готовые многое сделать для обучения детдомовских ребятишек. К тому же Некрасовы прекрасные организаторы культурно-массовых мероприятий, что еще раз подтвердили во время праздников. Выпускница детдома Ирина Балычевцева сделала всё возможное и даже, казалось бы, невозможное в 1993–1994 годы для переезда и обустройства этой семьи в Тогуре. Все шло к тому, чтобы укрепить совет выпускников, выбрать Виктора Некрасова председателем совета. Ему было бы проще оперативно решать на месте важные вопросы по связи между детдомом и его выпускниками, организовать шефство над проблемными воспитанниками, оказывать помощь в организации праздников, в том числе и слетов бывших воспитанников, способствовать реабилитации молодых выпускников.

К сожалению, этого не произошло. С переездом семьи Некрасовых в Тогур их замечательная активность в общественной работе с выпускниками, которую они проявляли в 1989–1993 годы, быстро сошла на нет. Надежды на смену лидера совета выпускников не оправдались. Шесть лучших лет, ушедшие на подготовку нового, молодого председателя, оказались напрасно потерянными. Такое отступничество Виктора и Натальи Некрасовых выбило меня из колеи. После так называемой малой встречи выпускников в 1994 году на «фазенде» Лиды Захаровой я долго не приезжал в Тогур.

Мне, живущему далеко от Тогура, заниматься этим практически невозможно. А в паре с Виктором Некрасовым мы могли бы сделать многое. Ведь у нас есть замечательные помощники и в Тогуре, и в Колпашево, и в Томске, и в других поселениях России.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

1–2 августа 2010 года в Тогурском детском доме состоялась встреча выпускников, посвященная 65-летию Победы. В этом году ее главными героями стали дети войны, воспитанники 30–50-х годов. Это поколение хлебнуло лиха полной мерой, но состоялось в жизни. Это стоило больших усилий, потому что нужно было преодолеть многие преграды. В том числе нежелание директора детдома В. В. Федорука и начальника Департамента по вопросам семьи и детей Томской области Л. А. Эфтимович принимать первых выпускников в Доме, где они подрастали.

Полгода ушло на переписку. И только благодаря настойчивости и непреклонности В. П. Холодова, сопротивление было сломлено. Появился специальный приказ начальника Департамента: «... принять с проживанием и небезвозмездным питанием в детском доме выпускников 30–50-х годов в количестве до 30 человек...». Вот почему на празднике было не так много первых воспитанников Тогурского детдома. Они вышли на торжественную линейку под аплодисменты участников и гостей слета. Российский флаг внесли воспитанники Колпашевского кадетского корпуса, одетые в красивую парадную форму. Участников слёта приветствовал директор детдома.

Ветераны-выпускники добрым словом вспоминали своих наставников, особенно тех, кто работал в 40–50-е годы во времена директорства Нины Михайловны Ильясовой.

— Хотя жизнь в детдоме в те времена не была гладкой, — рассказывала первая выпускница Раиса Телицына, — даже в самый тяжёлый 1943 —й год в Тогурском детдоме устроили праздник для малышей. Так отметили первое десятилетие детского приюта. И мы до сих пор продолжаем традиции, заложенные во времена Великой Отечественной.

— У нас мама умерла 6 июня 1941 года, — рассказывала Лидия Устинова, — Отец во второй раз не женился, может, не нашел такую женщину, что пошла бы за вдовца с пятью ребятишками. А может, не успел: в октябре 1942 года его взяли на фронт, а в ноябре 1943 он погиб. Хотя, как потом выяснилось, он имел бронь и не должен был служить. Куда ребятишек? В детдом...

Таких было очень много. Вот что писал, например, эстонец Леэп Вундер в своих воспоминаниях: «Детдом спас меня и других эстонских детей от верной голодной смерти. Лишь двое эстонских ребят из двух сотен умерли в детдомах Сибири от болезней. Я тоже заболел... Помню момент, когда открыл глаза и увидел седую женщину в белом халате. Это было в изоляторе Тогурского детдома, где за мной ухаживала пожилая медсестра».

Скорее всего это была легендарная Надежда Семеновна Бычкова. Потеряв на двух войнах мужа и сына, она всю оставшуюся жизнь отдала оздоровлению и воспитанию сирот. После торжественной линейки участники слёта построились в колонну. Впереди — флаг России, за ним — тогурские ветераны войны и «дети войны» — первые поколения выпускников детдома. Замыкали парад нынешние воспитанники и воспитатели. В руках шествующих цветы и воздушные шары. Из микроавтобуса, идущего в середине колонны, громко транслировались марши и песни военных и послевоенных лет. Праздничная колонна прошла по улице Советской, свернула на улицу Ленина, к мемориалу Славы, где стоял почетный караул — кадеты с автоматами. Здесь началась военно-патриотическая акция. Вместо обычных речей — яркое выступление юношей и девушек из колпашевского молодежного центра «ВСВ». Они исполнили авторскую композицию с современными стихами и песнями о войнах XX века. Зазвучала финальная мелодия, и воспитанники детского дома понесли алые гвоздики к памятнику погибшим воинам. За ними участники праздника возлагали букеты и венки на гранитную плиту мемориала.

Затем всех пригласили в ДК «Лесопильщик».

— В свое время не раз приходилось здесь выступать, — замечает приехавший из Донецка полковник милиции в отставке Александр Жуков. — В 50-е годы в детдоме было два оркестра, струнный и духовой. Руководили ими братья Пархоменко, Яков и Николай. Я играл в струнном на домре. Мой брат Владимир — на гитаре.

У Веры Герцулевич, приехавшей из Курска, другая забота: в тех местах стоит жара, с мая ни капли дождя, пожары. Но приехать в Тогур на слет она посчитала своим долгом.

На слете было, как всегда, много воспоминаний и разговоров: в столовой, где выпускников кормили детдомовские повара сытной и вкусной пищей, во время спортивных стартов, где состязались в быстроте и сноровке юные воспитанники с выпускниками. Но особо душевные беседы велись вечером у пионерского костра. А когда зашло солнце нарымское небо озарилось праздничным фейерверком. И ребятишки, и взрослые встретили это разноцветное сияние дружным «Ура!»

Такой великолепный праздничный подарок воспитанникам и выпускникам подготовил воспитанник 80-х годов Сергей Пегарев со своими друзьями. Так красиво завершился первый день слета. И, конечно же, не обошлось без пикника. Эта традиция живет уже более 60 лет. В детском доме издавна было заведено завершать летнюю страду (покосы, уборка урожая) пикником. Раньше на быке, потом на лошади, на полуторке везли продукты и необходимую для варки-жарки утварь, сухие дровишки, подстилки, скатерти. А сзади дружно шли на берег

реки или озера ребята. Сейчас проще: сели в автобус и поехали на Светлое озеро, а там, как в детстве, — шумные игры, конкурсы, обед за общим столом, купание, песни у костра и нескончаемые воспоминания, расспросы, рассказы... Разные люди, разные судьбы... Всех их объединяет дом, в котором прошло детство.

Прасковья Тарасова, выпускница 48-го года, сказала:

— Сегодня я испытала счастье от встречи со своими братьями и сестрами по детскому дому. Вот только жаль, что маловато нас, ветеранов, осталось. Кого уже нет в живых, а кто по состоянию здоровья не смог приехать. А я хотя и неважно себя чувствовала, но всё же добралась сюда и сразу помолодела на несколько лет.

Лидия Колотовкина, выпускница 54 года, приехавшая из Красноярска, поведала: -Для нас детский дом был родным, потому что в то время все дети были полными сиротами, не то, что сейчас.

Надежда Полтанова, воспитанница 50-х годов, благодарна своей мастерице Ольге Степановне Корневой, научившей её художественной вышивке. Она до сих пор участвует в выставках декоративного творчества, и ее работы вызывают восхищение. Рассказывает о других работниках детского дома: -В то время музыкальными руководителями были братья Яков и Николай Пархоменко. Мы ездили с ними на областные фестивали в Томск, где завоевывали только первые места. Благодаря этим мастерам я, не имея специального образования, работаю музыкальным руководителем в детском саду.

А Нина Ипокова, жительница Новосибирска, воспитывалась в Тогурском детском доме с 1967-го по 1975-й год. Она говорит: «Я не отношусь к старшему поколению воспитанников, которых мы сегодня чествуем, но очень рада, что смогла побывать на этом чудесном празднике!»

Слёт действительно удался на славу. Для этого без усталости трудились Виктор Холодов и его главная помощница Лидия Захарова, с которой он заранее письмом из Приморья договорился о тесном сотрудничестве.

— Без этого согласия я бы не взялся за такое ответственное мероприятие, которое нужно было подготовить всего за 10 дней, — признаётся Виктор Петрович, — На помощь работников детдома не приходилось рассчитывать. Когда я попросил директора отозвать на два дня музыкального работника Н.А. Некрасову для озвучания традиционной праздничной линейки и проведения конкурса военно-патриотической песни, он согласился, но почему-то предложил мне самому поговорить с Натальей Александровной. Я понял, что толку не будет, но всё же вместе с Лидой Захаровой пошел к Некрасовым. Наталья, не приглашая нас в дом, наотрез отказалась помогать нам в проведении праздника для ветеранов-выпускников.

Пришлось обратиться к воспитателю Андрею Андреевичу Овчинникову, и он, несмотря на большую занятость ещё и ремонтными работами, отлично справился с обязанностями звукорежиссёра на праздничной линейке. На слете вели разговор о подготовке к 80-летию детдома в 2013 году. Вот только нет уверенности в том, что руководство детдома заинтересовано пригласить ветеранов — выпускников на юбилейный слёт. Это заметно по нынешнему более чем прохладному отношению принимающей стороны.

Выпускников жизнь разбросала по городам и весям. А кто-то из жизни уже ушел. Поэтому участники слёта организованно пошли на кладбище помянуть покоящихся там бывших работников и воспитанников детдома. Собрались, как обычно, у могилы Владимира Захарова. Он был круглым сиротой, воспитывался в Тогурском детдоме в 60-е годы. Спортивный, красивый парень-весельчак после службы в армии работал участковым милиционером в Тогуре. Погиб молодым, выполняя служебное задание.

Настоятель Тогурского храма отец Орест провел здесь краткую службу и обратился к собравшимся с призывом почаще молиться за усопших и больше творить добрых дел. К сожалению, не слышали эту проповедь нынешние воспитанники детского дома, хотя организаторы слета рассчитывали, что это будет духовный урок: руководство детдома не дало согласия, мотивируя свой шаг клещевой опасностью. А разве бездуховность менее опасна?

Воспитателю Тогурского детдома Галине Александровне нынешний слёт понравился именно тем, что ребята встретились с первыми выпускниками, со своими взрослыми и постаревшими братьями и сёстрами по общему Дому Детства. Они увидели, как состоялись эти люди, подраставшие в суровое военное и послевоенное время. Почти все они получили хорошее трудовое воспитание в Тогурском детдоме и старались учиться в школе, в ФЗУ, ПТУ, в ВУЗе так, чтобы стать отличными специалистами работать профессионально, добросовестно. И это у них получилось! Их уважают, ценят, на них равняются. — Я уверена, сказала она, — что такие встречи просто необходимы. Нынешние питомцы детского дома лучше поймут, что при желании и старании можно достичь многого.

70 лет назад, в военном 43-м детский дом отметил своё 10-летие красочным праздником. В 1958 году собрались в Тогуре первые выпускники детдома, получившие среднее образование — так зарождалась и 70 лет сохранялась замечательная традиция слётов. Сейчас в детдоме всё меньше и меньше ребят. Возможно, этот старейший в Сибири приют скоро прекратит своё существование, но его выпускники будут верны детдомовскому братству и продолжают встречи на Тогурской земле.

Фотоиллюстрации книги «Тогурское братство»

Директор Тогурского детского дома Нина Михайловна Ильсова

1937 год, территория Тогурского детского дома

Дети-сироты остались без попечения родителей... 1943г.

**В.Г. Белкин, бригадир
первых строителей
зданий детского дома**

О.С. Корнева занимается с детьми

Грустная мелодия в группе малышей

Труженики тыла, награжденные медалями

Научные сотрудники Нарымской селекционной станции и педагоги

Чаепитие для выпускников Тогурского детдома 1960 года

Нина Михайловна со своими детьми и воспитанниками

Н.М. Ильясова с коллективом работников детского дома 1965 г.

Таисия Гавриловна со старшеклассницами

Третий Б класс с Ираидой Ильиничной

М.М. Базуева – «Наставник на всю жизнь»

Уход за цветами

Директор и завуч детдома за Первым урожаем фруктов

Девочки помогают строить теплицу

Водокачка в Тогуре

В праздничный день

С днем рождения, дорогая Мария Михайловна

Свидетельство от 1954 года овощевода Виктора Холодова

Овощеводы Фрида Миллер и Дина Кобелькова 1950 г.

В Москве на Всесоюзной С – X Выставке 1954 г.

На опытном участке в детдоме 1956 г.

Малая Третьяковка в г. Кавалерово Приморского края

В кавалеровской картинной галерее

1958 г. Корпуса Тогурского детского дома

1958 год Выпускники на Первом слете

1958 г. Прекрасен наш сад в детском доме

Воспитанники 40-х годов

Воспитанники 60-х годов

Слет – 83. Часть 1

Участники Слета – 83. Часть 2

1983 год. Работники детдома

М.М. Базуева, Т.П. Евшова и др. выпускники на пикнике 1983 г.

Готовимся к съемке для кино

1989 год, группа участников Слета

Н.У. Приставко с детьми

Виктор и Наталья Некрасовы с друзьями на отдыхе

Дети с наставниками

Воспитанники детского дома

Резерв будущего на праздничной пионерской линейке

Взгляд в детство. Резерв – 2

Игра в волейбол у Светлого озера

В зале ДК Лесопильщик

Выпускники ветераны Тогурского детдома

Организаторы Слета – 93 выпускников Тогурского детдома

Праздничное шествие выпускников

Добро пожаловать на землю Тогурскую!

Свидетельство о Признательности

У фонтана в г. Томске

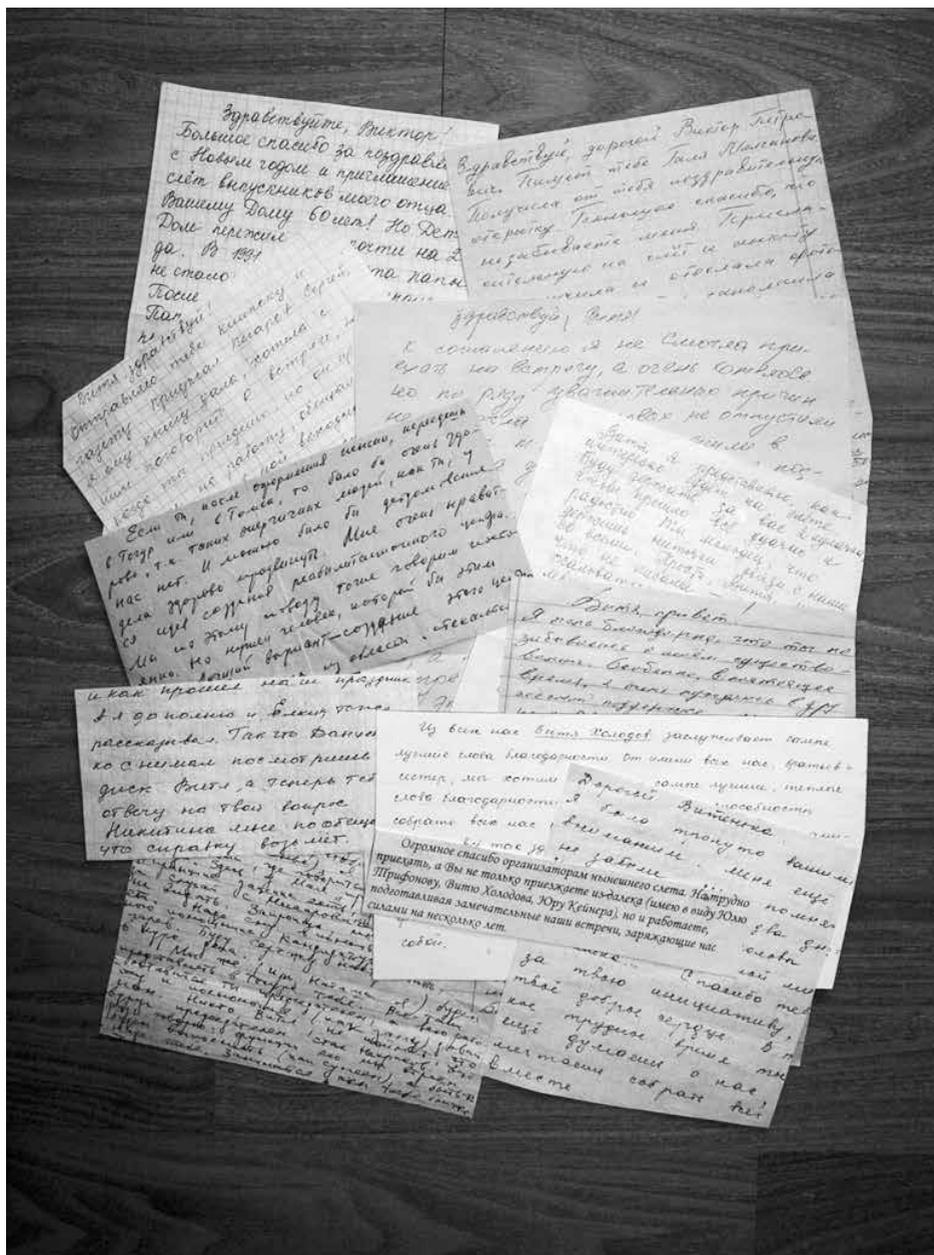
**У самого большого в мире
вантового моста во Владивостоке**

Храм на земле ТОГУР Томской обл.

Берег океана...

Письма выпускников в родной дом Тогур

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Души моей живое полотно

Евдокия Григорьевна Пахоменко (Обоскалова), родилась 17 августа 1923 года в деревне Сладкая Крутинского района Омской области и прожила долгую и трудную жизнь. В 1929 году ее семья была лишена имущества, а в 1931 году выслана на Васюган, в деревню Осинники. Там в 1931 году семья Обоскаловых похоронила почти всех детей...

Стихотворение «Ой, туманы, туманы...», по ее словам, написано было по случаю. «Вышла на улицу, а там такой добрый туман. И такое сложилось стихотворение...». Оно выдержано в народной традиции плача-причитания. Безыскусность стихотворного слога искупается искренностью горя и правдивостью рассказа.

Ой, туманы, туманы...

Туманы, туманы, верните мне братьев и двух сестер,
Со слезами я очень прошу.
Мне семь лет, на могилках стою,
Около шалашей горит костер.

Эту утрату я понесу к своему шалашу.
Туманы, туманы, верните мне сестер и братьев моих,
Нас было пятеро в 1931 году.
Они умерли на ссылке от законов лихих,
Когда нас сослали в глухую тайгу.

Туманы, туманы, верните расстрелянных в 1937 году,
Их в нашей семье было двое, деда и дядя.
Никогда не забудутся добрые их имена,
А в 1947-м повисла 58 статья над моей головой.

Туманы, туманы, верните мне всех, кого мы схоронили.
Я пришла на могилки, их на свадьбу позвать.
Случайно осталась живая без них,
Не знаю, как об этом сказать.

Туманы, туманы, верните мне всех, кто погиб
Меня судьба забросила далеко от могил,
Но помню я всех их живыми.
Моя судьба не очень простая, — суровый закон тогда был.

Туманы, туманы, шесть человек в сырой Васюганской земле.
Умерли они от болезней и голода в тайге.
Два человека расстреляны неизвестно где.
...Вот такие советские законы в 30-е годы.

Айполовский детский дом

г. Томск, 9 мая 2015 г.

В 1931 г. по реке Васюган были приготовлены участки, куда выгружали привезенных ссыльных кулаков. Все участки были под номерами. У поселка Дальний Яр был № 14. Туда привезли на барже кулаков из Омской области. Кроме сплошной тайги, комаров и мошек здесь не было ничего. Стали строить шалаши, землянки, а кое-где и избы к зиме. Но приобрести продукты было негде, т.к. туземное население жило природой, сколько надо для жизни, столько и брали.

Хотя эта деревня по сравнению с другими туземными была большая. А в Айполово была даже церковь одноэтажная деревянная, в ней было все необходимое для ведения службы (иконостас, подсвечники, кадила и другое). В 30-е гг. церковь закрыли, разграбили все, в здании сделали клуб, а батюшку и всех служителей увезли неизвестно куда. В первые же годы, сосланные люди стали погибать, особенно пожилые и дети. Рядом был такой же поселок № 12 Березов Яр.

Во время ссылки мужчин отправляли в шахты, в соляные копи, на Беломорканал, в поселках оставались только женщины с детьми и стариками. И вот в этих поселках, да и в других, оставались голодные сироты. Комендатура и сельский совет поручили Чаунину Якову Ивановичу собрать этих детей. Из ссыльных была организована бригада строителей, чтобы строить помещение, куда можно было бы определить сирот.

Эти трудолюбивые люди сделали работу по привычке, с любовью, ведь делали для своих же детей. Быстро построили маленький корпус, сложили печи, сделали нары и поместили детей. Построили кухню, баню и все для первой необходимости. Вот это первое здание впоследствии стало изолятором детского дома, потом построили еще два больших корпуса с печным отоплением. В каждом была комната для того, чтобы кто-то постоянно следил за детьми.

А дети все прибывали. Были даже случаи, когда женщины, оставшиеся без мужчин доходили до крайности: получив пайку, делили ее себе и детям и уходили за болото. И детей подбирали и оформляли в детдом. Если эти женщины выживали, они потом возвращались домой, но дети были спасены от голода. Рабочие делали деревянные кровати и потом уже стали размещать девочек и мальчиков отдельно. Еще в довоенные годы в детском доме организовали подсобное хозяйство, надо было большую семью кормить: были коровы и кони; сажали картошку и другие овощи. Много

трудностей было с одеждой и обувью. Доходило до того, что сами выделывали кожи и шили чирки. С первых дней, как появились кони, стал конюхом Яков Романович, тогда еще совсем молодой переселенец, он так и работал в детском доме до его ликвидации.

Устроилась работать молодая женщина Устинья Николаевна Забейворота прачкой и банщицей, она тоже работала в детском доме до конца его существования. Мария Ивановна работала поваром, а ее помощниками были Ирина и воспитанники детского дома. Воспитатели с детьми обрабатывали все в огороде, старшие дети пасли скот, помогали на покосе, заготавливали ягоды на зиму. Самый трудный участок работы — это заготовка дров, а дров надо было очень много. В довоенные годы в детском доме было почти все необходимое.

Директорами детского дома были люди без педагогического образования, только как умные руководители. Воспитателями работали разные люди, мало кто из них имел семилетнее образование. В послевоенные годы воспитателями работали 1 человек с педучилищем, 3 человека с семилетним образованием, а с младшими классами и дошколятами работали воспитатели, не имея даже семилетнего образования.

В 1945 году приехал директором в Айполовский детский дом Потуремский Тимофей Семенович. Он не имел высшего образования, но имел душевное отношение к работникам коллектива детского дома и к детям. При нем было много сделано для работы в детском доме и жизни детей.

Были и очень трудные годы, когда не было продуктов, кроме того, что давало подсобное хозяйство. Не было одежды и обуви, потому не все дети могли зимой ходить в школу. В швейной мастерской работали 2 женщины — эстонки, которые могли сшить не только штанишки и рубашонки, но и одеть детей со вкусом.

Было пять умственно отсталых детей с самого раннего детства, их даже пытались отправить в специальную школу, но потом поселили отдельно. Они не только не могли учиться, но и не могли выполнить самую простую домашнюю работу. В 1948 году я наблюдала в детском доме № 9 в Томске, как дети играли с умственно отсталым Мишей, как с трехлетним ребенком, а Миша был 1902 года рождения. Ему дали топор-колун, и он его охранял, а если ехали на дачу, то он брал колун с собой и колол дрова для кухни. Нянечка мне сказала, что кормят его по норме. Если много давать еды, то он будет есть без ограничения.

Умственно отсталые дети в нашем детском доме получали в столовой такую же норму еды, как и все, и одежда у них была такая же; у них лишь

не было школьной формы. У каждого ребенка был свой номер, и после бани он получал выстиранную и выглаженную (если надо, и починенную) одежду. В детском доме на починке работала одна женщина, латышка. Починки требовалось много, ведь в то время не было прочной джинсовой одежды, а дети есть дети, и у них были не только игры, они и в лес ходили. Но особенно берегли школьную форму. Надо отметить, что добросовестно относились к порученному делу все, работавшие в детском доме.

Вот в 1947 году, в июле, в Новом Васюгане, организовали что-то вроде спартакиады и олимпиады для детей школы и детского дома. Айполовский детский дом приехал с духовым оркестром, музыкальным руководителем которого был Геннадий Борисович Ройтман (он был из ссыльных 1941 года). Оркестр — это событие № 1 для Н. Васюгана, до этого в райцентре не было никаких музыкальных коллективов.

После спортивных выступлений детей на площади были выступления в клубе, дети показали на сцене инсценировки, песни и танцы. Особенно привлекла внимание песенка «Варежка», ее дважды исполняли девочки 2 класса. Конферансье был мальчик 4 класса, он был одет в белую рубашку с бабочкой. В заключение духовой оркестр исполнил знакомые мелодии и полонез Огинского. Очень тепло встречали каждый номер, присутствовали руководители района и заведующий РОНО. Готовила детей к выступлению воспитатель Обоскалова Евдокия Григорьевна.

В 1948 году олимпиаду и спартакиаду организовали в Томске, на нее съехалось 35 детских домов. Спартакиаду проводили на стадионе «Труд», а олимпиада проходила в драмтеатре. Айполовский детский дом занял третье место, первое место занял Парабельский детский дом, где руководителем была женщина с музыкальным образованием. Нашему музыкальному руководителю комендатура не дала разрешения на выезд в Томск, и ребятам аккомпанировал на баяне воспитанник детского дома Юра Трифонов. Готовила детей к выступлению также воспитатель Обоскалова Е. Г. Вечером был перекрыт пр. Ленина и все детские дома, каждый со своим знаменем, от облисполкома (здание сегодняшнего магазина «1000 мелочей»), шли в Лагерный сад, где для детей был устроен большой костер. Директора детских домов все были со своими воспитанниками.

Питались дети в облисполкомовской столовой, где сейчас находится здание мэрии. Нас обслуживала седая девушка, эвакуированная с Украины. На ее глазах фашисты расстреляли всю семью за связь с партизанами, а она успела спрятаться за шкаф. Девушка всегда молчала, а эту историю мне рассказали женщины, работающие в столовой.

В 1949 году воспитательнице было поручено везти детей из Айполово в Томск на учебу и трудоустройство на заводы. Ехать надо было до Каргаска на маленьком пароходе «Тара», а в Каргаске пересаживались на обские пароходы. По разнарядке ОБЛОНО я приводила детей на завод, где не всегда удавалось убедить директоров принять того или другого воспитанника, поэтому на многих из тех, кому исполнилось 16 лет, в Томске пришлось получить паспорта.

За период работы директором Потуремского Т.С. в Айполовском детском доме завучами были Каликина Евдокия Григорьевна, Сурикова Анна Михайловна, Кошкарлов Андрей Александрович (потом в 1949 году он принял детский дом). Воспитателями были: Обоскалова Евдокия Григорьевна (образование 7 кл.), Зинченко Галина Николаевна (7 кл.), Казыдуб Галина Афанасьевна (7 кл.), Зинченко Пана Андреевна (педучилище), Слюняева Анна Степановна (5 кл.), Власова Полина Андреевна (5 кл.), Ульрих Валентина. Осенью привезли в Айполовский детский дом 12 мальчиков из Чаинского района, их детский дом расформировали и детей группами развозили по области.

Детей вымыли в бане, одели и поместили в изолятор. Директор был в отпуске и я замещала директора и завуча. Захожу в изолятор — пусто, все дети сидят под кроватями. Я попросила их вылезти. Мы разговорились и они рассказали, как воспитателям «тёмку» играли и про другие свои пакости. О многом поговорили. Побеседовала с воспитателями, чтобы подготовили наших детей и они не попали под влияние приехавших, потому что приезжие мальчики были уже взрослые. Но все обошлось, а в сентябре приехал директор детдома.

В 1945 году привезли детей — дошколят, эвакуированных из Ленинграда. Очень истощенные были дети, первое время они даже не пытались играть, а просто сидели. Но постепенно они поправились. В октябре 1947 года на меня поступил донос в НКВД, 58 статья «враг народа». Получив пакет документов на меня из НКВД, Тимофей Семенович Потуремский поехал в райцентр, хлопотать за меня. Ямщиков развел руками, хотя и знал меня лично. Начались общие хлопоты и меня отстранили от работы в детдоме, а направили на лесозаготовку. Была на лесозаготовке до мая 1948 года. Через 8 месяцев мой вопрос решился положительно и я снова стала работать с детьми. Вместе с детьми готовились к олимпиаде области. Я благодарна директору детдома Потуремскому Т.С. за то, что он поднял вопрос о моем освобождении и тем самым вместе с сотрудниками спасли меня от расстрела...

Вернувшись на работу стала готовить детей на Олимпиаду в Томск. Тогда в области было 35 детских домов...

**1947 год. Н. Васюган, дети Айполовского детдома
на Олимпиаде и спартакиаде. Фото 1947 год, июль, Н. Васюган**

1. Ройтман Геннадий Борисович — музыкальный руководитель детдома.
2. Обоскалова Евдокия Григорьевна (Пахоменко) воспитатель — привезла детей.
3. Субоч Галина С. Первый секретарь РК ВЛКСМ. Сзади три девушки ее работники.
4. Начальник милиции Васюганского района.
5. Журавлев Алексей Григорьевич- председатель райисполкома.
6. Миненок — первый секретарь РК ВКП (б.)
7. Черникова Дарья Антоновна- зав. Районного отдела народного образования,.
8. 3 женщины работники РОНО
9. Директор Н. Васюганской школы.

На фото нет начальника НКВД Романа Васильевича Ямщикова, так как он был тогда в командировке.

Дети Айполовского детского дома показали хорошую спортивную подготовку на спартакиаде и олимпиаде, девочки 2 класса исполнили песню «Варежки» дважды, хор исполнил русские и военные песни, танцы, спортивные выступления. Особенно привлекла внимание инсценированная песня «Варяг». Выходят на сцену капитан корабля и матросы, песню «На верх вы товарищи, все по местам» матросы исполнили дважды, аплодировали зрители стоя! Оркестр исполнил произведения русских зарубежных композиторов. А «Полонез» Огинского особо. В Новом Васюгане в то время не было иных музыкальных инструментов кроме гармошки и балалайки.

В 1949 г. Потуремского Т.С. перевели работать директором детского дома в Средний Васюган, а детский дом в Айполово принял Кошкоров А.А. В 1950 году детский дом в Айполово закрыли, детей перевезли в Средний Васюган, корпуса разобрали, сплотили и по реке пригнали в Средний Васюган.

Василий Иванович, 05.11.2014

1931 год. Ссылка в Нарымский край. Сослали всю семью Обоскаловых в Нарым, кроме Григория и Ивана, которых в 1929 году отправили в шахты в Кемеровскую область, на подневольную работу. В 1932 г. там, заменив партию рабочих, кое-кого освободили, а кое-кого в числе очередной партии отправили на Беломорканал взамен там погибших. В их числе был Иван Дмитриевич. Из шахты в Анжерке он попал на Беломорканал. Дома у него остались дети. Жена Анна выбивалась из сил, кормить детей ей было нечем. Она трудилась, как могла, но, не выдержав напряжения, умерла.

Двоих детей оформили в детский дом, а сын Вася не пошел. Когда приехали за детьми, он спрятался. Сходил к своим, повидался, а потом пошел в Омск, где работал на заводе токарем его родственник Ерофей Петрович. Он пришел к нему и сказал, что хочет работать на заводе. Ерофей Петрович уже был в преклонном возрасте, работал токарем-универсалом. Он решил Васю взять к себе и учить его токарному мастерству. Ерофей Петрович был незаметным на заводе. После долгих хлопот все-таки удалось устроить этого мальчика учеником, а время-то какое было! Вася называл его «дедушкой», так как его родного деда сослали. Ерофей Петрович поставил крепкий пустой ящик около станка и стал обучать Васю. Ученик он оказался очень толковый и вскоре заменял деда. В коллективе на вопрос «Как зовут?» Вася отвечал «Василий Иванович». Так и стали называть его в шутку: «Василий Иванович». Время

шло, окреп у станка Вася, часто стал заменять уставшего деда. И вот грянула Великая Отечественная война. Васе было уже 15 лет, он работал токарем.

Однажды на заводе получили важное задание. Ерофей Петрович заболел и кое-как пришел на работу. Но у станка его заменил Вася и отлично справился с заданием. Потом дед приносил ему обед, пока Васю не прикрепили к столовой. И так Василий Иванович работал всю войну, не считаясь со временем. Когда его принимали в комсомол, то директор сказал, что если бы все так работали, как Василий Иванович, то завод был бы первым в стране. Ерофей Петрович сказал спасибо директору за то, что помогли ему устроить Васю, и что теперь он уверен, что Вася — надежный токарь, его замена. Вскоре Ерофей Петрович умер.

Вася добросовестно выполнял все поручения от комсомола, посещал курсы трактористов и получил документ. И вот после войны, в 1953 году, прозвучал призыв поехать на целину. Вася по комсомольской путевке поехал на целину в Казахстан. Уверенный в своих силах, Вася первым поехал на тракторе через речку. Но лед не выдержал, и трактор ушел под лед.

...А мечтал Вася: «Как только устроюсь самостоятельно, заберу сестру и брата из детского дома...»

Праздник после Победы, 12.01.2015

В эти мрачные таежные места с самым большим в мире болотом в 1931 году везли на баржах по реке Васюган ссыльных кулаков. Около старой туземной деревни Айполово организовали участок № 14, куда прямо в сплошную чащу леса, с тучей комаров и мошек высылали репрессированных из Омской области. Поначалу жили в землянках и шалашах, потом стали строить бараки. С первых месяцев ссылки от голода и болезней стали погибать целые семьи. Чудом оставались в живых осиротевшие дети. Их становилось все больше, так что в 1932 году комендатура и сельский совет, изыскав необходимые средства, поручили одному из наиболее грамотных ссыльных — Якову Ивановичу Чаунину, собрать сирот в одно место, обустроить жилье и вести с ними занятия. Стройка развернулась в деревне Айполово. Довольно большой, сравнительно с другими поселениями Васюганья.

Здесь когда-то даже была деревянная церковь. Правда, в лихие 1930-е ее закрыли, разграбили и превратили в клуб, а служителей репрессировали. В строительной бригаде люди работали буквально за пайку хлеба. Одновременно строили не только корпус, но и подсобные помещения: кухню и столо-

Праздник после Победы

Айполовский сиротский дом стал родным для многих его воспитанников

В эти мрачные тяжкие места с самым большим в мире болотом в 1931 году везли на баржах по реке Васогаи сыпльких жуков. Около старой туземной деревни Айполово организовали участок № 14, куда прямо в сплошную чащу леса, с тучкой карягов и мошак, выдвинули ссыльных из Омской области.

Поначалу люди жили в землянках и шалашах, потом начали строить бараки. С порыва месседа ссыльки от голода и болезней стали погибать целые семьи. Чужим оставались в живых соротившие дети. Их становилось все больше, так что в 1932 году колхозники и сельский совет, ищущая необходимых средств, попросили одного из карбонеров графитных ссыльных — Якову Мезенкову Чуринку, собирать сирот в одно место, обустроить жилье и вести с ними занятия.

Строить заваривали в деревне Айполово, довольно большой сравнительно с другими поселениями Васогаи. Здесь когда-то была даже деревянная школа. Праздка, в конце 30-х годов ее закрыли, разобрали и превратили в клуб, а служителей репрессировали. В строительной бригаде подарили работнику буквально за плату хлеба. Одновременно строили на тополях котельню и подсобные помещения — кухню и столовую, склады и баню. Сначала дети спали на нарах, потом местные умельцы соорудили каждому ребенку по деревянной кровати, раскрасив ее, как его еще называли, сиротского дома, год от

■ 1947 год. Среди участников праздника воспитанники Айполовского детского дома.

года росло. Питомцы прибывали из соседних поселков. Так что к началу 40-х годов в нем прижили свыше 100 ребятишек. Потом стали прибывать дети родителей, погибших во время «второй волны» ссылок. Это были преимущественно эстонцы, молдаване, турки, а еще во время войны на каргасокский север области привезли в августе 1942 года более 130 детей в возрасте от 7 до 14 лет из блокадного Ленинграда. Помимо Айполова их распределили в село Вертика, поселки Усть-Чижалка и Ново-Югино.

С 1945 года директором Айполовского детского дома стал Тимофей

Семенович Потуремский, деятельный человек, прекрасный педагог, много сделавший для улучшения жизни детей-сирот в то труднейшее для страны время. Подраставшие воспитанники трудятся в подсобном хозяйстве, дополнительно обеспечивая детдомовцев своими овощами, картофелем и мясом. Была даже пасека, но мед использовали лишь как редкое лакомство и приятное лекарство. Я работала тогда воспитателем и хорошо помню, как в июле 1947 года районное руководство организовало для обездоленных детей первый большой праздник после Победы.

Вместе с другими воспитанниками в районной спартакиаде и олимпиаде участвовали дети, проживавшие в Айполовском детском доме. С азартом соревновались они по многим видам спорта. Затем в клубе Нового Васогаи прошла олимпиада художественной самодеятельности, зал был переполнен. В программе выступили песни, танцы, обрядовые спортивные номера. Играл духовой оркестр, чарура души и сердца волнующими звуками мелодий великих композиторов. Особенно тепло встретили артисты инсценировку знаменитой пьесы «Вакхия». А девочки младших классов исполнили на «час» популярную в те годы песню «Взрехи». Подготовили этот праздничный концерт воспитатель Евдокия Григорьевна Обосолова и музыкальный руководитель Геннадий Борисович Ротман.

Заване договорились, что жители Нового Васогаи возьмут нечехать детей по квартирам, поскольку гостища в поселке отсутствовала. Пятилетия ребята в столовой. Шел 1947 год. В него два года минуло после окончания Великой Отечественной войны. Всем нам тогда очень хотелось праздника, мирной и благополучной жизни, до которой было еще так далеко. Спасибо государственому райполкому Александр Григорьевич Журвалеву, заведующую районо Дарю Антоновне Черниковой, другим руководителям, подраставшим нам, детям войны, обездоленным сиротам, этот прекрасный праздник. Первый после Великой Победы. И потому день, неизбываемый на всю жизнь.

Евдокья ПАХОМЕНКО, ветеран войны

вую, склады и баню. Сначала дети спали на нарах, потом местные умельцы соорудили каждому ребенку по деревянной кровати.

Население детского, или, как его еще называли, сиротского дома, год от года росло. Так что к началу 1940-х годов в нем прижили свыше 100 ребятишек. Потом стали прибывать дети родителей, погибших во время «второй волны» ссылок. Это были преимущественно эстонцы, молдаване, турки. А еще во время войны на каргасокский север области привезли в августе 1942 года более 130 детей в возрасте от 7 до 14 лет из блокадного Ленинграда.

Помимо Айполова их распределили в с. Вертика, поселки Усть-Чижалка и Ново-Югино. С 1945 года директором Айполовского детского дома стал Тимофей Семенович Потуремский, деятельный человек, прекрасный педагог, много сделавший для улучшения условий жизни детей-сирот в то труднейшее для страны время. Подрастающие воспитанники трудятся в подсобном хозяйстве, дополнительно обеспечивая детдомовцев своими овощами, картофелем и мясом. Была даже пасека, но мед использовался как редкое лакомство и приятное лекарство. Я работала тогда воспитателем и хорошо помню, как в июле 1947 года районное руководство организовало для обездоленных детей первый большой праздник после Победы.

Вместе с другими воспитанниками в районной спартакиаде и олимпиаде участвовали дети, проживавшие в Айполовском детском доме. С азартом

соревновались они по многим видам спорта. Затем в клубе Нового Васюгана прошел смотр художественной самодеятельности, зал был переполнен.

В программе выступлений песни, танцы, обязательные спортивные номера. Играл духовой оркестр, чаруя души и сердца волшебными звуками мелодий великих композиторов. Особенно тепло встретили зрители инсценировку знаменитой песни «Варяг» А девочки младших классов исполнили на «бис» знаменитую в те времена песню «Варежки». Подготовила этот праздничный концерт воспитатель Евдокия Григорьевна Обоскалова и музыкальный руководитель Геннадий Борисович Ройтман. Заранее договорились, что жители Нового Васюгана возьмут ночевать детей по квартирам, поскольку гостиница в поселке отсутствовала. Питались ребята в столовой.

Шел 1947 год. Всего два года минуло после окончания Великой Отечественной войны. Всем нам тогда хотелось праздников, мирной и благополучной жизни, до которой было еще так далеко. Спасибо председателю Райисполкома Алексею Григорьевичу Журавлеву, заведующей райОНО Дарье Антоновне Черниковой, другим руководителям, подарившим нам, детям войны, обездоленным сиротам, этот прекрасный праздник. Первый после Великой Победы. И потому день, незабываемый на всю жизнь.

Дети Ленинграда, 12.01.2015

На «большой земле» их спасали всем миром

Исполнилось более 70 лет со снятия блокады города-героя Ленинграда. Немцы ставили задачу полного уничтожения и города и его жителей, это подтверждает директива Гитлера. Нечеловеческие испытания обрушились на взрослых и детей, страдавших от голода и холода, разрывов снарядов и бомб. Многие погибли, но город не сдался. Когда появилась возможность, часть жителей, в первую очередь, детей, удалось вывезти на большую землю. Этих маленьких «старичков» спасали всем миром. Ленинградских детей привезли и в наши края.

В те далекие военные годы Томской области еще не было. Существовал Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске (Неточность: Новосибирская область существует с 1937 года — ред.) К нам в Вертикос Каргасокского района в августе 1942 года привезли 134 ленинградца в возрасте от 7 до 14 лет из эвакуированного детского дома № 82. В поселок Усть-Чи-

жапка прибыли 67 питомцев детского сада № 49 Выборгского района г. Ленинграда. Еще 58 ребятишек поселились в с. Новоюгино, приехав сюда составом детского дома № 45. Десять детей дошкольного возраста оказались и в нашем Айполовском детском доме. Они были сильно истощены, с трудом ходили, словно маленькие старички. Работавшая в дошкольном корпусе нянечка Мария Ивановна кормила детей по особому режиму. А директор строго предупредил всех «домашних»: не обижать!

В то время я работала воспитателем у старших детей. Уходя в отпуск, директор оставил меня за себя. Вот тогда-то я и познакомилась поближе с маленькими ленинградцами.

Сколько успели они испытаний пережить за свою короткую жизнь! Мы боролись за жизнь каждого ребенка. Далекая холодная Сибирь, отзывчивые сердца людей обогрели теплом этих малышей, пострадавших от войны. Даже на пороге своего девяностолетия не могу забыть этих обездоленных сирот, брошенных военным ураганом в самую «глубину сибирских руд». Так и стоят они перед моими глазами. Кто они теперь? Где они сейчас? Возможно, откликнутся, прочитав эти строки?

Невыдуманный север, 27.12.2014 г.

Не один десяток лет живу я на Томской земле. Значительную часть — на Севере. Многое пришлось увидеть, пережить, но особенный след в душе оставили годы, когда на моих глазах близких и дорогих людей увозили в никуда. 1931 год ознаменовался массовым заселением севера ссыльными по рекам Васюган, Чузик, Парабель, Тым — до Александрово.

Это были переселенцы из Омской, Новосибирской областей, Алтайского и Красноярского краев. Люди гибли от холода, голода, расстрелов. Из поселка Борисовка близ Среднего Васюгана в 1937 году «черный ворон» увез 12 мужчин. «Оголили колхоз» — так тогда говорили. Остались старики, женщины с многодетными семьями. Одна из таких жен, Анна Драчук, однажды получила известие из «черного ворона». На письме, измятой бумажке без обратного адреса, рукой мужа было написано: «Нюра, береги детей, старайся учить». В 1942 году подросшие сироты расстрелянных отцов пошли защищать Родину.

В 1935 году охотники нечаянно нашли деревню Увал около большого таежного озера. Там обосновались бежавшие из армии Колчака офицеры, многие с фамилиями Сажины и Ведерниковы. У них был скот посева, зимой они вывозили на продажу пушнину, орех, на вырученные деньги покупали продукты и вещи. Позднее они организовали колхоз, приписали его к Майскому сельсовету и тем миновали расстрела.

В средневасюганской школе работала учителем начальных классов Анисья Николаевна Лобанова из спецпереселенцев поселка Ново-Спасск. В 1942 году я встретила эту женщину в Нижнем Васюгане, она шла с милиционером за обедом в столовую для заключенных. Я растерялась от такой встречи, а она сказала: «Да, это я, и такое бывает». Потом мне сказали, что она что-то сказала в коллективе учителей.

Донесли. Тяжелое время было. А в 1947 году в НКВД поступил донос и на меня. В 1937 году расстреляли моего деда и родного дядю, возможно, это послужило основанием для доноса. Я работала воспитателем в детском доме. Меня отстранили от работы, отправили на лесозаготовку в Тимельгу. Мне было тогда 24 года и при росте в 1,5 м. нужно было работать топором и пилой на равных с остальными. С октября по май 1948 года, пока разбирались с моим делом, провела я в этих местах.

Но, как говорят, мир не без добрых людей. За меня все это время хлопотали люди во главе с директором детдома Т.С. Потуремским. Я была активной комсомолкой, и в конце мая мой вопрос решился положительно: с июня 1948 года я снова работала воспитателем в детдоме.

В 1951 году я поехала в Колпашево учиться в педучилище. В 1954 году в Колпашево на летний период горОНО организовал пионерский лагерь. Подходящего здания не было, и, по иронии судьбы, пионерский лагерь был размещен на территории местного НКВД. Я была начальником пионерлагеря. В тяжелое время после войны родители были довольны этим лагерем, отдыхом детей, другого уютного уголка в Колпашево еще не было. Предоставленный детям спортивный зал был хорошо обустроен: большое помещение, спортснаряды, на улице — волейбольная и футбольная площадки (так жили работники НКВД).

По тем временам в Колпашево это была роскошь. Правда, поодаль было двухэтажное деревянное здание, мрачное, на замках и запорах, с высокой оградой и за колючей проволокой. При закрытии пионерского лагеря родители благодарили горОНО, воспитателей, вожатых. Кое кто и на пароходе по реке первый раз плыл. А на территории лагеря в свое время были захоронения расстрелянных «мятежников» из Чаянтинского района, которых просто закапывали в ямы. И страшно стало, когда однажды бабушка девятилетней Зои, проходя по лагерю, сказала: «А мой Ваня вот тут лежит».

В 1979 году обвалился берег реки Оби у Колпашево — обвалилось людское горе времени, которое стояло на костях. Ушло в воду беззаконие. Был Колпашевский Яр, Соловецкие острова, Беломорканал, Колыма... **Все дальше уходят страшные годы репрессий, когда тысячи невинных людей были уничтожены. Забывать о прошлом нельзя. Надо помнить о нем ровесникам моим и молодежи...**

Горькое Нюрино счастье, 04.11.2014

Многие семьи в годы коллективизации были сосланы на север Сибири. Для всех, кого коснулся в 30-е годы прошлого века молох сплошной коллективизации, это время памятно на всю оставшуюся жизнь. Сотни тысяч людей погибли в ссылках и лагерях. А уж сколько безвинных душ загублено в бескрайних Васюганских болотах, одному Богу ведомо.

Расскажу о мытарствах многодетных семей. Николая, мужа Степаниды, отправили в лагерь на Урал, откуда он не вернулся. Вдову вместе с детьми и престарелыми родителями сослали из Омской области в Осиновку на Васюгане. Но сначала у них отобрали дом, который потребовался для колхозной конторы, и два года до ссылки они прожили в бане, которая топилась «по-черному». Дети ютились на полке, а взрослые теснились на нарах, словно привыкая к будущим утратам и лишениям. В первый же год ссылки умерли старики и двое из четверых детей. Тогда весной Степанида пошла на крайность — решила бежать с двухлетним ребенком на руках и 16-летней Нюрой. Уговорились отправиться в опасный путь вместе с Терентием Ивановым. Он тоже схоронил стариков, двоих детей и жену, и взял с собой двоих уцелевших ребятишек. Терентий не попал в лагерь из-за своего увечья, так как с детства у него не работала одна рука. Какой ни на есть, а мужик, и Степанида упростила Терентия не оставлять ее с детьми в опостылевшей Осиновке на окончательную гибель.

Когда добрались до большого болота, Степанида велела Нюре не отставать от Терентия. Словно сердцем чувствовала, что ей с ребенком болота не перейти. И правда, вскоре стала погружаться в хлябь вместе с ребенком. Только и успела крикнуть Терентию: «Не оставляй Нюру!»

Томской области тогда еще не было, а существовал Западносибирский край с центром в Новосибирске. В Кыштовке Терентий упросил жителей принять Нюру и пошел с детьми дальше. Здесь и осталась бедолага. Добрые люди приютили. Кому была необходимость помочь в домашнем хозяйстве, звали.

Сравнительно недалеко в тайге на Васюгане была деревня Увал около большого озера. Здесь с Гражданской войны одиноко жили на Чертале бывшие белогвардейские офицеры Власов и Семенов. Они нашли чистые поляны, раскорчевали кусок тайги и сеяли овес. Собирали дары природы и везли за болото обменивать необходимые им продукты. Семенов пожаловался знакомым, что у него болеет жена, и требуется прислуга. Ему предложили Нюру. Девушка согласилась: все хоть крыша постоянная над головой. Вскоре Семенов овдовел, и предложил 18-летней Нюре руку и сердце.

Так она стала женой 63-летнего офицера. Новая лесная жизнь после всех испытаний стала для нее настоящим раем. Она часто вспоминала те годы. По ее рассказам, муж относился к ней очень нежно, не загружал никакой работой, кроме кухни. В доме был какой-то диковинный музыкальный инструмент. Так бы и жили, но в 1942 году по доносу в НКВД арестовали и Власова, и Семенова.

И снова Анна осиротела. Ее определили в Новый Васюган, работать на засольном пункте. Тут она и поведала нам свою горькую биографию. В 1943 году на Васюган эвакуировали рыбаков с Азова. Направили в бригады на помощь женщинам и подросткам. Николай Деревянко оказался в колхозной бригаде, где вместе со старшей сестрой трудился шустрый Ванюшка Зотов. Его отец погиб на строительстве Беломорканала, и парнишка очень нуждался в мужском внимании, вот и почитал Николая за отца. Вскоре Николай получил черную весть с родных мест. Друг написал ему, что его жена и двое детей погибли на катере, в который попала фашистская бомба. Погоревал Николай и решил, по совету женщин, жениться на Анне. Мол, так легче пережить горе. Анна согласилась. А через пол-года пришло письмо, в котором жена сообщала Николаю, что она с детьми не смогла сесть на катер и осталась жива.

В 1945 году азовским рыбакам разрешили вернуться домой. Николай взял с собой Анну и поселил в соседней станице, упросив знакомого председателя устроить на работу свинаркой. А дальше все получилось как в кино с неожиданным финалом. От пережитых военных тягот жена вскоре умерла, и Николай приехал в станицу «просить руки Анны». Та, немного подумав, согласилась: уж больно добрый был мужик Николай Деревянко. Веселый, с природным чувством юмора, трудолюбивый.

В 1985 году мы с мужем, Григорием Тихоновичем были в гостях в Ростовской области и городе Азове. Встретила я там Ивана Зотова, того самого Ванюшу из рыбацкой бригады на Васюгане. Он сказал, что служил в армии в Крыму и остался жить на юге. Едет на 75-летний юбилей к своему названному отцу Николаю Деревянко. Живет он с Анной Николаевной, а сыновья — отдельными семьями. У них хорошее хозяйство и большой сад. Николай делает отличное вино.

Иван очень обрадовался встрече и настойчиво звал нас в гости. Говорил, что особенно обрадуется встрече Нюра. К сожалению, у нас уже были заказаны билеты на обратный путь, в Томскую область. Я отправила поздравление юбиляру, пожелала много добра, радости и счастливой семейной жизни Анне Николаевне.

Вспоминая былое, 6.12.2014

В Молчановском районе люди старшего поколения помнят, когда первым секретарем райкома партии был Силуянов — человек дела. Он не оставлял без внимания того, кто честно трудился, а время было нелегкое, послевоенное. Из его рук получил орден Трудового Красного знамени председатель колхоза «Прогресс» Е. А. Молькин.

В 1930-е годы плотно заселяли берега Чулыма и Оби ссыльными кулаками, а потом, в сороковые, началась ссылка с Запада. Привезли в Тунгусово латышей.

14 июля 1941 года приехали из Прибалтики, в дороге узнали, что началась война. Везли месяц до Новосибирска, так как вагоны стояли в тупиках, пропуская военные грузы на фронт и поезды с солдатами. Среди ссыльных была семья Ваверс. Пережитые трудности нельзя описать. Люди из Прибалтики не знали сибирских морозов, одеты были по-летнему, обеспечить себя продуктами не было возможности. Семья Ваверс вечерами, даже ночами, копала картофель у местных жителей, чтобы хоть что-то заготовить на зиму, а жили на квартире. Потом поселились в пустой избушке на окраине, и, к счастью, в ней сохранилась русская печь — подремонтировали и зимовали под крышей. Зимой Эмма Ваверс пошла с саночками в «Прогресс» в надежде хоть что-то приобрести. Зашла в один из домов, не зная к кому. А жила в этом доме семья Харахординых. Встретили ее тепло, бабушка посадила за стол, налила горячих щей, дала хлеб домашней выпечки. За чашкой чая женщина рассказала о своей беде. Нашли валенки, телогрейку, рукавички и т.д. Бабушка отдала ей свой теплый платок из мягкой овечьей шерсти. Собрали продукты, в том числе и картофель.

Когда Эмма возвратилась, в доме был праздник.

С утра до ночи работали в колхозе. Это было военное и послевоенное время, даже местные жители во всем испытывали трудности. Сын, Эдуард Ваверс, учился в школе. Все предметы шли на хорошо и отлично, трудно давался только русский язык. Мама с детства приучала сына к технике, давала ему «ремонттировать» часы, детские игрушки, а потом он собрал себе велосипед из утиля. Когда он окончил школу, колхоз отправил его в Молчаново учиться на тракториста. Получив трактор в нерабочем состоянии, сам его «вылечил», разобрал до последней детали, кое-что заменил. А потом добросовестно работал, перевыполняя нормы. Мама его работала на ферме, трудолюбивая женщина завоевала уважение. А когда приобрели корову, кажется, все трудности ушли в прошлое.

К празднику 7 ноября в райком все колхозы дали сведения о лучших работников, среди них оказался и Эдуард Ваверс. Познакомился Силуянов с Эдуардом в поле, тот пахал зябь. Остановив трактор, Эдуард вышел. Взглянув на богатыря, Силуянов спросил: «А почему босиком?» Эдуард ответил: «Мне мама сшила носки, стезенки теплые, есть половичок. А обуви купить не могу, нет моего размера, есть только до 45». Силуянов смерил ногу прутиком, а ему сказал, чтобы сел в трактор. Приложил прутик к своей обуви: «Да, прибалтийский ветерок вырастил из тебя богатыря. Дядя Степа тоже носил 45 размер». Первый секретарь заказал по особой колодке сапоги и валенки лучшему трактористу. Хочется отметить это человеческое отношение к людям, труженикам района. Ведь колхозные руководители не заметили того, что увидел первый секретарь района.

Во время ссылки, как и в 30-е годы, мужчин отправляли в лагеря. Отца Эдуарда отправили на Урал. И уже только возвратившись на родину, В 1989 году Эдуард узнал о гибели отца в уральском лагере. Один из заключенных — врач, работавший в больнице лагеря, тайно вел запись о погибших на папиросной бумаге и сохранил их имена и дату гибели. Погибших сбрасывали в глубокие ямы, пересыпали известью, а наполнив, закапывали и копали другую яму. Если могучая Обь в 1979 году, подмыв Колпашевский Яр, понесла трупы в океан, то на Урале глубокие ямы заросли лесом.

Да, были тяжелые годы на земле русской и не только — Отечественная война, рядом с ней и репрессии. Поколению молодому надо помнить!

Прошли по дедовскому следу, 26.12.2014

ФИО переселенцев: Обоскалов, Пахоменко, Степановский

Места переселения: Средний Васюган, Томская губерния

Как долго не остывает в наших душах огонь прошедшей войны. Нет-нет, да и нахлынут воспоминания о людях, отдавших самое дорогое — свою жизнь — за освобождение нашей Родины от фашизма.

Братья Федор и Григорий Степановские еще детьми были высланы вместе с матерью Степанидой с Алтайского края в Средний Васюган. А отца их, Николая Степановского, отправили на строительство Беломорканала, и, судя по всему, он так и сгинул в этом адском месте. Перед войной братья сиротами жили в Среднем Васюгане, а мать осталась в пос. Смелом. Ребята скитались, где придется, ночевали в бане. И однажды решились на отчаянный шаг — тайком ночью перевезли мать в пос. Средний Васюган, чтобы

жить всем вместе в наспех вырытой землянке. Поступок по тем временам геройский, но все, к счастью, обошлось.

Сколько житейского лиха хлебнули эти юные потомки алтайских хлеборобов! Какие муки безвинно вынесли их родители! Но не обозлились ребята, не затаили обиду на советскую власть! А когда в 1942 году в трудный для страны час их призвали на фронт, они, не раздумывая, взяли в руки оружие и стойко сражались с врагом в составе 3-го Украинского фронта, только в разных стрелковых подразделениях. Перед самой гибелью Федора судьбе было угодно, чтобы братья встретились на фронтовых дорогах Болгарии. Правда, радость была недолгой. Вскоре Федор был убит и похоронен в Михайловграде вместе с 400 другими солдатами и офицерами. На каждом памятнике — фамилия и воинское звание. Кладбище заботливо окружено посаженными здесь белоствольными березками. Григория тяжело ранило в том бою, где пал брат, но сибиряк вынес все страдания, выпавшие на его долю, в госпитале Михайловграда. И выжил, всем смертям назло.

В 1949 году в школе Среднего Васюгана шел урок истории, на котором проходили тему об Александре Невском. Учительница говорила об этом великом человеке, стараясь передать дух той героической эпохи. Но, видно, еще не остыл жар минувших сражений. И мальчишки наперебой стали называть участников Великой Отечественной войны, своих отцов, односельчан. «А мой папа участвовал в штурме Берлина!» — похвастал Петя. «А мой, — сказал, пряча повлажневшие глаза, Сережа, — погиб, освобождая Болгарию. Я думаю, он был храбрым, как Александр Невский». «Конечно, мой дорогой, — подтвердила мудрая, многое пережившая учительница. — Только во времена Александра Невского, в 1242 году, когда его войско побито рыцарей, были не автоматы, а мечи, копья, доспехи...»

Когда мы, дети, узнали, что Сережа навещает больного, израненного на войне, своего дядю Григория, то предложили сходить к фронтовику всем вместе. Стали готовить подарки: поделки из дерева, рисунки, девочки — кисеты и носовые платки. Бабушка Наташа испекла сладкий пирог. Григорий Николаевич обрадовался таким гостям. Он рассказал о храбрости наших бойцов и командиров, о помощи Красной Армии болгарских партизан. Вспоминал о том, как выхаживали его, раненого, болгарские врачи и медсестры. «Будешь меня слушать, — заявил врач, — останешься жив». И я старался, как мог. Лечение шло очень трудно и долго. Порой я даже плакал от невыносимой боли. Зато не было предела радости, когда стал выздоравливать, и мне разрешили гулять. Очень хотелось поскорее уви-

дочь маму. Я знал, что брат Федор уже никогда не вернется домой. Знала об этом и она в далекой сибирской стороне. После выписки долго стояла в храме Александра Невского, молясь за свое чудесное исцеление, благодарил Всевышнего и болгарских врачей».

Вскоре на столе перед фронтовиком выросла целая горка подарков от детей. Сердечно поблагодарив, Григорий Николаевич напутствовал нас такими словами: «Всегда помните фронтовиков. Хорошо учитесь, слушайте своих учителей и родителей. Живите, честно исполняя свой долг».

Прошли десятилетия. Давно нет на свете Григория Николаевича Степановского. Но все, кто встречался с ним, помнят его рассказы. А я, как только представилась такая возможность, побывала в Болгарии, в местах, где похоронен брат Григория Федор Николаевич. А также у памятника героям Плевны, освобождавшим Болгарию от турецкого ига. Солдаты 3-го Украинского фронта в 1944 году тоже оставили здесь памятную надпись: «Спокойно спите, русские орлы, потомки чтут и помнят вашу славу. Отчизна нам безмерно дорога, и мы прошли по дедовскому следу, чтоб уничтожить лютого врага и одержать достойную победу!»

А Федор остался жив, 06.11.2014

Однажды в декабре зашел в наш дом в поселке Борисовка мужчина обмороженный, да плохо одетый. Изношенные валенки, бушлат, ветхие рукавицы. Даже шапка имела дыры. А мороз был за 40 градусов. Мужчину звали Федор. За ним зашли сопровождающие обоза с продуктами и попросились на ночлег. Часто у нас ночевали путники и сопровождающие обозов, так как до Среднего Васюгана было еще 25 км.

В 30-е годы по этой дороге часто ходили обозы с продуктами, так как завезли много людей на Васюган, а с Васюгана вывозили рыбу и пушнину. Не успевали по воде завозить грузы, т.к. по мелководью не шли пароходы, да и пароходов в 30-е годы было маловато.

Утром Федор стал собираться в дорогу. Мой дедушка остановил его, сказав, что подремонтировать надо обувь и одежду, а обозы ходят часто и уехать можно позднее. Дед починил ему валенки и бушлат, бабушка — шапку и рукавицы, подлечили его обмороженное лицо и руки.

А Федор рассказывал нам о своей жизни, сказал и о том, что он был на Беломорканале. Сначала подробностей не рассказывал, так как дал подписку о неразглашении, но потом рассказал о том, как ему удалось выжить.

...В 1931 году пришли бедняки и милиция раскулачивать семью Федора и приказали всем собираться немедленно. Отец Федора успел бросить ему в сумку льняные нитки и иголки. Семью сослали в Сибирь, а Федора отправили на строительство Беломорканала. На каторге Федор стал чинить арестантам одежду и обувь. Сначала он чинил обувь ножами, а потом люди стали просить начальство, чтобы Федора оставляли в бараке. Иногда он отдавал людям свою обувь. Ведь обуви не хватало, и иногда ее даже снимали с погибших. Да и не только обувь, но и все остальное.

Еще Федор рассказал о своем друге, Степане. Рядом с Федором на нарах был Степан из Соликамска. В разговоре выяснилось, что они со Степаном одной старообрядческой веры, что после реформы Никона родственники Степана переселились на Урал, а предки Федора дошли до Сибири.

Степан рассказывал Федору о себе. Что женился он совсем молодым. Надо было помощницу матери, у которой было четыре сына и ни одной дочери, а Степан был старшим. Степан забыл снять обручальное кольцо. Чтобы не отобрали, снял лишь дорогой, а в бараке зашил его в бушлат. Вскоре Степан заболел, ему становилось все хуже и хуже. Перед смертью Степан отдал кольцо Федору и попросил найти его жену и передать кольцо. Федор всегда считал, что просьба друга — это святое, и освободившись, разыскал жену Степана и передал ей обручальное кольцо.

Через четыре дня пришел новый обоз и Федор, поблагодарив хозяев за гостеприимство, стал собираться в дорогу. А шел Федор к своей семье в поселок Сталинка, который находился еще в сотне километров от Среднего Васюгана. В Сталинке были бараки и землянки, наспех построенные избы. Отец и мать от голода превратились в дряхлых и немощных стариков. Непосильный труд в колхозе измотал и жену Валентину, она тоже постарела за эти три года. Из 4 детей в живых осталось только двое...

В 1934 году закончилось строительство Беломорканала. Сколько людей осталось в земле навсегда, никто этого не знает. Когда истощенные люди погибали, на смену им пригоняли новых. «Медвежегорск» — тот, кто остался жив, с глубокой болью вспоминает это слово.

Панамский канал длиной 81,6 км строили 28 лет. Суэцкий канал длиной 161 км строили 10 лет. Беломоро-Балтийский канал длиной 227 км строили меньше двух лет: начали в начале сентября 1931 года, а окончили в апреле 1933 года, к празднику 1 мая. 7 шлюзов, 12 шлюзов на спуске, 15 плотин, 12 водоспусков, 49 дамб, 33 канала.

Все это сделали заключенные, отряды обреченных, ни в чем не повинных людей. Многие люди погибли. А Федор остался жив.

Люди и судьбы Васюганья, 05.11.2014

В Среднем Васюгане была организация «Сибпушнина» — пункт, куда сдавали пушнину и где отоваривали сдатчиков. В этом же здании была гостиница для коренных жителей края, здесь они отдыхали, выходя из тайги за боеприпасами и продуктами. Около Среднего Васюгана жила в тайге семья тунгусов Самаровых: Иван, Марья, Егор, Анисья и Агафья. До войны семья Самаровых жила в поселке Борисовка.

Егора сначала обучали грамоте, а потом отправили в Колпашево учиться на охотоведа. Его оторвали от привычной жизни в тайге, от таежных продуктов, и он умер.

Марью в 1935 году поранил медведь. Ее привезли в Средний Васюган в больницу. Врачом тогда работал опытный хирург по фамилии Коган, он спас Марью. В больнице она рассказывала, что восемь медведей она убила, а вот девятый напал на нее внезапно. Рассказала и о том, как она справлялась с медведями: «На голову медведю я бросаю балахон — полотно, потом — нож в сердце». После ранения Марья снова ходила на охоту. Она еще долго жила в Среднем Васюгане.

Агафья тоже долго жила в Среднем Васюгане и до глубокой старости ходила в тайгу. В 1937 году Агафью избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. Это были первые выборы после войны, начальником избирательного участка был Шилов, он же был председателем избирательной комиссии.

Когда на совещании подводили итоги выборов, Шилов подробно рассказал о происшествии у него на участке с тунгусами Самаровыми... Марья вышла из тайги за 18 дней до выборов, и начальник избирательного участка Шилов дал ей 18 пуговиц на нитке. Он попросил Марью, чтобы она повесила их на шею, и каждый день снимала по одной пуговице. А когда пуговиц не останется, нужно приехать на выборы. Через 18 дней к шести часам семья приехала голосовать. Семья Самаровых пришла к шести часам, но на следующий день после выборов, так как Марья пропустила одну пуговицу. В Средний Васюган на выборы Самаровы приезжали на оленях.

Тимельга

В Тимельге тоже жили коренные жители, но у них был другой уклад жизни, это были не тунгусы, а «остяки», как их тогда называли. Они жили оседло, хотя их тоже кормила охота, а речка и озера кормили рыбой. Там осталось название озера «Матрешкин двор» — озера, где рыбачила остячка Матрешка.

Айполово

Житель Айполова Флегонт рассказывал, что ходил на охоту с дядей Федотом, которому сороковые годы было уже больше ста лет. Но потом Федот полностью ослеп, и его увезли родственники в Парабель. А самого Флегонта однажды поранил медведь, он дошел до Айполовского болота и упал в ил. Через 3 дня Флегонт почувствовал, что может встать и идти. Встал, поел и пошел домой. Не один человек излечивался в этом болоте. Названия болота я не знаю.

Катальга

Вторая группа тунгусов жила среди тайги, около Катальги, где сейчас примерно поселок Пионерный. Для них построили факторию, куда завозили все необходимое для охоты, а также продукты, спирт и т.д. В гостинице было все необходимое. Выходя из тайги, они отдыхали, гуляли. Была баня. Во время войны их обслуживал Абрам Николаевич Томский, он специально ездил в Томск за всем необходимым и, конечно, отправлял в город пушнину. Много пушнины вывозили с этого участка.

Однажды он приехал на факторию (он знал, когда тунгусы выходят из тайги), и увидел, что они портрет Ворошилова сняли и порвали, а к портрету Сталина приколоты веточки. Откуда-то они узнали о том, что Ворошилов сказал, что тунгусов надо отправлять на фронт, а Сталин сказал, что мягкое золото так же важно, как танки. Конечно, если бы русские сделали так, как остяки, им бы грозила 58 статья.

Немчиновы с Малого Югана

Зимой 1946 года с Малого Югана пришла семья тунгусов-юганцев по фамилии Немчиновы. Шли они по тайге несчитанные километры прямо на остяцкую деревню Кунтики. По дороге женщина родила. Трое подросших детей шли или ехали на нартах. Все добрались до деревни. Но потом младенец умер, а затем умерла и мама. После этого районные руководители перевезли эту семью в Новый Васюган, дали избу около бездонного озера, чтобы они брали воду в озере, так как до реки Васюган было далеко. А вода в озере была очень чистая. Озеро было небольшое, но когда пытались достать его дно, этого сделать не удалось, и назвали озеро «Бездонным». На всю семью им дали карточки на продукты, но жить без матери Немчиновым было трудно. Ходили разговоры, что там, на родине, в тайге, семья не выполнила какие-то общие законы народа и была вынуждена уйти.

Я работала в РОНО инспектором по патронированию семей и несколько раз бывала у Немчиновых, предлагала определить детей в детский дом, но отец отказывался. Но потом, когда я уже работала в детском доме, мне пришлось принимать двоих детей от Немчинова, оставившего себе лишь старшего сына. Документов на возраст детей у него не было, да и объяснить, кому сколько лет, он не мог: «Вася родился в Орешный год», «Когда я с белка пришел, он родился». На мальчика и девочку отправили документы в ЗАГС, определив их возраст условно. Трудно сказать, почему на Васюгане не осталось коренного населения.

Озерное

На берегу реки Васюган есть красивое место, где проходит большая гряда высокого яра и растет сосновый бор. В 10–15 км от него с давних времен находилось несколько поселений. Деревушки **Окунцы, Кунтики и Озерное** были населены коренными жителями — остяками, как их тогда называли. Озерное находилось в 20 км от яра, за почти непроходимым болотом. Только зимой можно было проехать туда на лошади или пройти пешком.

В Озерном люди жили, питаясь тем, что давала тайга и огромное красивое озеро. Легенда гласит о том, что по озеру ходили корабли, а мыс — это затонувший корабль. От деревни в озеро выдавался мыс, разделяя его на 2 половины. На мысу остяки выбрали самое красивое дерево и к нему привозили свои дары. Около дерева из причудливых корней и деревьев было сделано семь богов, которым они поклонялись в свои праздники. Однажды, уже в 30-е годы, кто-то из охотников сжег одного бога. Остяки вновь сделали и «отмаливали» своего седьмого бога.

В 20-е годы в Озерное прибыла русская семья, муж и жена. Построили новоселы себе домик в русском стиле, завели корову. Настороженно встретили остяки прибывших, и лишь впоследствии они стали хорошо понимать друг друга. Новоселы привезли с собой две дивные машины: сепаратор и швейную машинку «Зингер». Остяки сначала долго присматривались к этому новшеству, но потом понравились сливочки, да и платья стала шить Анна Петровна. Григорий Семенович учился мастерству рыбачить и ходить на охоту. Наладили они взаимоотношения с местными жителями и стали жить дружно. Григорий Семенович выезжал иногда за болото, мало того, что он привозил дары природы, но и встречался с друзьями, ведь многие из тех, кто служил у Колчака, оказались на Сибирских просторах.

В 1933 году рядом с Озерным, на высокий яр, в сосновый бор, привезли ссыльных кулаков из Красноярского края, которые здесь основали поселок

«Путь Севера». С 1940 года спецпереселенцев стали переселять на верховье Васюгана, в поселок Веселый, а на месте поселка «Путь Севера» построили районный поселок Новый Васюган. Для строительства от каждого колхоза обязывали высылать строителей. В деревне Озерное незадолго до войны организовали колхоз. У одного жителя конфисковали двухэтажный дом, на первом этаже сделали контору колхоза, а на втором — школу.

Когда в Новом Васюгане создали рыбозавод, в Озерном колхоз стал рыболовецким. Построили засольный пункт, магазин. По мере поступления рыбы, в поселковый магазин завозили продукты, а за сданную рыбу рыбакам выдавали талоны на промтовары. Анна Петровна стала работать на засольном пункте, а в свободное время шила рыбакам новые вещи, к концу войны все женщины приоделись.

В озере было много рыбы. До образования колхоза каждый житель ловил рыбу только для себя, а во время войны рыбаки перевыполняли планы в 2–3 раза. Заинтересовались этим, областные руководители и в 1944 году прилетели в Озерное на гидросамолете. Самолет сел на озеро. Испугавшись, некоторые туземцы ушли в лес и увели домашний скот.

В это время на засольном пункте, в магазине и школе работали русские. Приятно было людям, никогда не покидавшим свою деревню, встретить областных руководителей.

Я была там в декабре, проводила в школе контрольные работы за полугодие, наблюдала, как многие дети бежали босиком по снегу рядом с дорогой.

В первые дни войны Григория Семеновича призвали на фронт, и он погиб. Анна Петровна получила похоронную. Потом она решила выехать в Новый Васюган. Нагрузила воз сена, взяла на поводок корову и рано утром пошла до Нового Васюгана. Ссылная Лиза Кристельштейн помогла ей устроиться на квартиру. Устроилась Анна Петровна работать техничкой в милицию, т. к. туда никого из спецпереселенцев не принимали. Впоследствии она продала корову и лошадь, купила на окраине избу и продолжала жить в Новом Васюгане. Ведь ехать ей было некуда, многих родственников раскулачили или сослали, а жить надо. Нет теперь и деревни Озерное.

Он был председателем колхоза

Весной 1931 года около пос. Могочино остановился пароход с баржей. В барже были кулаки, ссыльные из Алтайского края. После команды надзирателей и комендатуры пошли обреченные люди с детьми, с больными,

престарелыми, на берег через дамбу. Сложив свои скудные вещи (все, что имели эти люди, было при раскулачивании изъято и конфисковано) и стали ждать новой команды.

Сначала все объяснил комендант, на каких условиях они будут здесь жить, работать на лесозаводе под непосредственным контролем комендатуры. Потом выступил директор завода, объяснив, что завод ведет переработку чулымского леса, — предприятие имеет союзное значение.

Прибывших расселили в бараки, по несколько семей вместе. Комендант объяснил, что ссыльные будут получать паек на работающих и на иждивенцев.

И вот началась работа с лесом, с плотами, работа непосильная — мизерная пайка хлеба и только вдоволь обской воды, приобрести продукты негде, ловить рыбу — нет времени. И вот однажды, в один из воскресных вечеров собрались мужчины, — алтайские хлеборобы, стали разговаривать о том, как бы добиться земли и выращивать хлеб, а потом и скотину можно приобрести. Все единогласно решили обратиться в комендатуру, чтобы разрешили найти участок земли и организовать сельскохозяйственную артель.

Долго хлопотали, и, наконец, просьба увенчалась успехом. Нашли землю около деревни Сарафановка. Сначала строили избушки, стала расти деревня, новая в молчановском районе, районное руководство дало ей название «Прогресс». Собрались все переселенцы, избрали правление и председателя — молодого Егора Андреевича Молькина. Люди хорошо знали трудолюбивую семью Молькиных. Не раз приходили к главе семьи дяде Андрею не только за пудовкой зерна и муки, но и за советом, за добрым словом.

Первый же год собрали урожай и приготовили семена, а на собрании решили ежегодно увеличивать посевную площадь. И вот здесь, на новом месте, Егор Андреевич сумел поставить работу так, что к началу войны в колхозе уже было многоотраслевое хозяйство, колхозники были довольны тем, что полученное на трудодни давало возможность обеспечить семью, ушли в прошлое избушки, выросли дома, построили магазин, школу.

В трудные годы ехали в «Прогресс» не только за зерном, но и за картошкой. С поставщиками колхоз расплачивался всегда своевременно, приходилось даже платить за соседей. Колхоз «Прогресс» держал первое место в Молчановском районе. Молькина приняли в партию, а в 1957 году его наградили орденом Трудового Красного знамени.

В 1957 году осень была на редкость благодатная. Вовремя управились со всеми сельскохозяйственными работами, и Е.А. Молькин пошел в райком партии просить отпуск, чтобы съездить на родину.

Оформив все документы (паспортов тогда у колхозников не было), поехал в Алтайский край. Встретился со знакомыми, с родственниками, побывал в родной деревне, где его очень тепло встретили. Увидел и того человека, что его раскулачивал, выгонял семью из родного дома.

Да, трудолюбие и талант руководителя дали возможность колхозу «Прогресс» подняться на ступеньку выше соседей. Однажды в разговоре с Первым секретарем Е.А. Молькину предложили, чтобы чем-то помог соседям. Она на это ответил: «Надо вставать пораньше, а помощь — я подарю им красного петуха, все колхозники нашего колхоза петуху подчиняются, встают рано, а я только проверяю участки работы». Никто не обиделся на его ответ, так как это была правда.

И вот, проработав много лет, тяжело заболел Е.А. Молькин, и умер, не получив ни рубля даже восьмидесятирублевой пенсии. И такое бывает.

Не нашла сына, 12.01.2015

В июле 1948 года для воспитанников детских домов в Томске была организована Олимпиада и Спартакиада. По окончанию этих мероприятий были подведены итоги, награждены победители. Завершились они пионерским костром в Лагерном саду. После всех этих праздников я, воспитательница детского дома, со своим шумным народом возвращалась домой, в Айполово Васюганского района. На пароходе мои воспитанники постоянно привлекали внимание пассажиров. Юра Трифонов очень хорошо играл на баяне. Да и остальные только тем и занимались, что показывали свои способности.

На другой день ко мне подошли две женщины и рассказали, что на пароходе из Новосибирска едет пожилая женщина без денег и продуктов. Ездил к сыну, но не нашла его. Я побеседовала с этой женщиной. Убитая горем, она рассказала следующее.

— В тридцатые годы нашу семью раскулачили. Все имущество передали в колхоз, мужа отправили на строительство Беломорканала, он так и не вернулся ко мне. А меня с двумя малышами сослали в Каргасокский район. Высадили нас в дремучем лесу. Кое-как, спасибо, добрые люди помогли, соорудили землянку к зиме — так начали новую жизнь. Нужда, холод и голод. Я изо всех сил старалась сохранить детей. Работала на тяжелой работе в колхозе и потеряла здоровье. В 1942 году старшего сына взяли на фронт, он погиб под Сталинградом. Младший сын ушел на фронт в 1944 году. Остался жив, живет в Новосибирске. Написал письмо, чтобы

я к нему приехала. Когда приехала в Новосибирск, обратилась к милиционеру, показав письмо с адресом. Но сына в городе не нашли, адрес был неправильный. Вот и отправили меня обратно в Каргасок.

Она показала мне это письмо, но я ничем не могла ей помочь. Рассказала о беде этой бабушки детям, и они каждый раз во время обеда приносили ей продукты. Так мы доехали до Каргаска, где ждали свой пароход, который ходил по Васюгану. Чтобы хоть чем-то помочь нашей спутнице, я сообщила в милицию. Милиционер побеседовал с ней и ушел. Пришел пароход. Я оставила бабушке немного продуктов, и мы поехали в свой детский дом. Как сложилась ее судьба — не знаю. Но случай этот остался в памяти очень отчетливо. Бывает ведь и такое.

Семья Ежовых и Пахоменко, 05.11.2014

Семья Ежовых в годы Столыпинского переселения переехала из Орловской губернии в село *Коломино* Чаинского района. На берегу реки Обь была пахотная земля, покосы, ягоды. Познакомились с местными жителями, стали обзаводиться хозяйством. Очень понравились им условия жизни. Природное трудолюбие переселенцев, богатство природы на новом месте, дали возможность быстро встать на ноги...

На первый посев государство давало семян. В первый же год убирали богатый урожай, засыпав свои семена, и кое-что размолоти. Могучая Обь вдоволь кормила рыбой, потом стали возить рыбу в Томск не только зимой, но и летом. Ефим Петрович соорудил холодильник для рыбы: хорошо оборудованную глубокую яму забивали льдом, а над ней был сарайчик с крышей, с двойными стенами, забитыми соломой. Смогли завести пасеку и все необходимое для жизни семьи. Подрастали дети. Две дочери уже были замужем, но вдруг скоропостижно умерла жена.

Сын Степан был еще не женат — надо хозяйку в дом. Поехали за невестой в деревню *Погино*. Деревню Погино построили тоже переселенцы из Орловской губернии. В Погино их привлекало сибирское приволье: свободная земля, лес. Около большого лога была чистая поляна, всякие ягоды, грибы, но деревня находилась далеко от Оби и воду брали из колодцев.

В **семье Гнездиловых** из Погино было 2 сына и 2 дочери. Хозяин Тимофей Савельевич построил уютный просторный дом, а его жена Матрена Гавриловна привезла с собой швейную машинку марки «Зингер», она еще на родине была портнихой-белошвейкой и шила вещи богатым «по моде». В Сибири она тоже нашла себе работу, на новом месте ее умение ой как при-

годились. Дочери с детства выполняли нехитрую работу и постепенно учились мастерству портнихи. Выбирая невесту в то время, учитывали все: трудолюбие и красоту; искали мастерицу и хорошую хозяйку в доме. Выбрали Евдокию Гнездилову.

После свадьбы Евдокия стала полновластной хозяйкой в доме Ежовых, уже богатом по тому времени. Ефим Петрович был грамотным, привозил из Томска книги, газеты, хорошо разбирался в послереволюционной политике. Приехав однажды из Томска, он собрал семейный совет и сообщил о том, какова обстановка в стране и чем может кончиться НЭП. Что в скором времени будет коллективизация, колхозы и все имущество будет объединено.

Друг рассказал ему о Кузбассе, о работе на шахтах и о жизни в Кемерово. И решил он съездить туда в разведку, а потом и переехать жить в Кемерово. Потихоньку стали все продавать, а кое-что, нажитое за 20 лет, пришлось и так оставить. В Кемерово Ефим Петрович стал работать сторожем, а сын Степан устроился работать шахтером. В бараке дали комнату. Трудно, конечно, было с детьми. Но, благодаря трудолюбию и умению усваивать все новое, доброте в характере, Степан Ефимович смог быстро освоиться в коллективе шахтеров и пошел вверх по служебной лестнице. Вступил в партию. Когда его назначили бригадиром, он сплотил свой коллектив и успехи не заставили себя ждать. С получением Ордена Трудового Красного знамени ему дали дом без права продажи, но дети имели право жить в этом доме.

Семья Пахоменко тоже приехала в Сибирь по сталинскому переселению, поселилась в деревне *Фоминка* Молчановского района. Сначала построили общий дом, а потом все три брата — каждый себе по большому дому. На свободной земле посеяли хлеб, семена дало государство. Построили плотину и образовался огромный пруд, в который запустили карасей. В Томске приобрели коней. Купили кузнечный инструмент и построили на берегу пруда кузницу. Вскоре появилась пасека. Природное трудолюбие и талант дали возможность семье по состоятельности подняться на ступень выше окружающих.

Один из братьев был не женат. Тихон Тимофеевич с отцом поехали в д. Погино за невестой, и вторую дочь из семьи Гнездиловых, Анастасию, высватали в семью Пахоменко. А в 1931 году трех братьев Пахоменко раскулачили. Конфисковали все имущество: 4 дома, кузницу, пасеку, забрали весь скот, другое имущество; сослали на Васюган.

Нет слов, чтобы описать все трудности тех людей, которых ссылали. Тайга. Комары и мошка. Мизерная пайка муки — вот и все продукты. Уми­рали дети и старики, а взрослым — бесплатный труд за пайку, и, кроме того,

клеймо спецпереселенца. «Спецы» никаких документов не имели, не имели права выйти за пределы своего поселка, не было никакой связи с родственниками, а родственники не могли писать ссылкой.

У Тихона Тимофеевича и Анастасии Николаевны было четверо детей, и вот в 1941 году началась Великая Отечественная война. Старшего сына Алешу взяли в армию в 1944 году. С фронта его направили в Кемеровское военное училище. На танцах он познакомился с Таней Ежовой. С другом из Смоленска, тоже Алешей, они пришли в гости к ней на день рождения, и мать Тани узнала в нем родного племянника. Алеша стал частенько заходить к своей близкой родне в Кемерове. Он рассказал им, как «переехали» из Фоминки на Васюган, потом рассказал, как раскулачивали, как сослали и как трудно живет семья. Что младший брат с 12 лет работает в бригаде рыбаков из-за голода. Ведь даже с местным коренным населением Васюгана, Тыма, Парабели и Чузика проводилась агитационная работа, и им рассказывали о том, что привезли людей, с которыми не надо общаться, что ссылают только плохих людей, врагов Советской власти.

О селе родном, 12.01.2015

По историческим справкам село основано в 1702 году на левом берегу могучей Оби, и Молчаново испытывает сильное влияние реки. Первые строения были на берегу, и река смывает дома целыми улицами. В прошлом веке было смыто две церкви: одна деревянная, другая — кирпичная. Особенно большой урон нанесло селу наводнение 1941 года.

И вот село стало постепенно подниматься на гору. Далеко от центра, где вокзал, магазины, появилось много улиц с добротными домами, каждый застройщик выделяется своим талантом. Кое где появились настоящие терема с резными наличниками.

Молчановцы помнят старинный домик на косогоре, построенный топором (в те далекие годы не было даже поперечной пилы) пол и потолок из колотых плах, а дом на лиственных стойках. Он построен Варламом Васильевичем Сысоевым около 150 лет назад.

Многое пришлось пережить этому селу за свою историю. Менялись власти, каждая устраивала свои порядки.

В 1920-е годы подошла баржа, в которой везли обреченных полуживых людей. Половину похоронили в Молчанове, в районе рыбозавода. Свидетелем был Александр Васильевич Сысоев. Он рассказывал, что местные жители привезли соломы и каждый ряд людей перекладывали слоем соломы.

Закопанная могила еще «дышала». Осталось тайной, как удалось жителю Молчанова Глючинскому уговорить работников баржи, чтобы его высадили на берег, и он остался жив. Вторую половину людей увезли в Колпашево. В 1960-е годы останки (похороненных в Молчанове — ред.) перенесли, закопав около церкви.

В 1930-е годы — волна сплошной коллективизации и раскулачивания. Зажиточных из многих деревень сослали на Васюган, где половина безвинно погибли. Но в эти же годы везли в на баржах в Молчановский район кулаков из Омской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края. Были они в Могочино и по реке Чулым. В глухой тайге выросли поселки Луговое, База, Карегод, Суйга, Золотушка, Старица, заселены Икса и Мадога. Много погибло спецпереселенцев в 1930-е годы. В 1937 году черная коса смерти косила ни в чем не повинных людей, многие из которых расстреляны в Колпашево.

Рассказывала Ульяна Додарева, как везли из Тунгусова М. Аксиненок и Федора Диких, привязанных к телеге веревками. Была жаркая погода. Они просили пить. Женщины вынесли квас, но охрана не разрешила напоить измученных людей. Дали попить только кучеру. Он женщинам сказал: «Не знаю, вернусь ли я домой».

Дочь Аксиненко рассказывала, как арестовывали отца: «Ночью вошла в дом милиция. На ногах вся семья, всех поставили к стене, никого не отпускали в туалет, отца допрашивали. Когда под ногами во время обыска оказались иконы и книги, бабушка хотела подобрать, ее грубо толкнули к стене. Били отца по лицу и не разрешили проститься. Потом нам рассказали, что отца привязали к телеге вместе с дядей Федором и повезли в Молчаново. Сначала никто ничего не знал, куда увозят этих людей, потом стали говорить, что в Колпашево. В 1979 году могучая река Обь подмывает берег, показала народу, куда увозили этих ни в чем не повинных людей».

В 1941 году, не подготовившись, страна встретила нападение фашистов без объявления войны. Нельзя описать словами, как с первого дня провожали на фронт. В 1942 году по решению правительства стали провожать на фронт и спецпереселенцев, общая беда объединила людей. И вот 4 года женщины и дети трудились, не покладая рук, испытывая холод и голод.

Из Молчановского района погибло 2235 жителей. Хорошо, что местные жители искренне почитают и помнят о погибших сородичах. Очень трудно было и в послевоенные годы. Только в 1947 году отменили карточки, но испытывали трудности и в 1980-е и в 1990-е годы. Да и сейчас не избавились от всех проблем. Хочется пожелать землякам их решения в скором будущем. Вы этого заслужили.

Юности прекрасная пора, октябрь 2015 г.

Расскажу о том времени, которое началось для моих ровесников 22 июня 1941 года. В этот день в Новом Васюгане был митинг. С болью говорил председатель райисполкома Землянский, что фашисты, не объявляя войны, уже бомбят наши города и села. На сцену вышли 17 парней, и каждый сказал: «Иду на фронт добровольцем». В первый же год формировали бригаду, и мы поехали в Катальгу на помощь колхозу. Нас, « грамотных», а я окончила семилетку ещё в 39-м году, стали готовить радистами на фронт. Но меня оставили дома для работы по колхозам. Сразу скажу — доля эта не из лёгких. В 1942 году мне поручили работать в трудовой спецпереселенческой части. Там было раскорчёвано поле, были бараки и погост. Копали землю, посадили картофель, овощи.

Летом с бригадой в Черемшанке готовили сено, силос, жили в палатке, убирали зерновые — так до холодов. Зимой неводили, ловили рыбу, долбили метровый лёд на Чёрных озёрах в сорока километрах от села. В летнее время туда не пройдёшь, не проедешь — кругом болота. Как-то остались без продуктов, я как бригадир отправилась на обласке в деревню, чуть не погибла от волн и холода. Приходилось часто так же плавать с газетой, чтобы люди знали о событиях на фронте. Помню, приехала в Берёзов Яр 5-го августа 43-го года. Как раз освободили Орёл и Белгород. Прочитала, побеседовали. Рыболовецкая бригада решила взять повышенные обязательства, а в бригаде женщины, два подростка и Иван Петрович, ему под 60. Да и в колхозе всего четыре мужчины: председатель, бригадир, счетовод 70-ти лет и рыбак Иван Петрович. Вот так все военные годы пробыла я на своём посту. После войны комсомол направил меня в детский дом воспитателем, потом пришлось стать учителем школы и работала там я с удовольствием.

Но вот «недоразумение», свойственное тому времени. Кто-то написал на меня донос в НКВД. Присудили 58 статью и меня от школы отстранили. Так оказалась я на лесозаготовках, участок «Матрёшкин чвор». Топор, поперечная пила и вековые деревья. К этому ещё мороз в 40 градусов, снег выше пояса, одежда ветхая. Спасибо, спасли добрые люди. В 1948 году я снова пришла в детдом воспитателем. Но до сих пор в памяти, как так же по доносу арестовали в Среднем Васюгане учительницу Анисию Николаевну Лобанову. Её увезли в Колпашево. Там в музее есть документы о судьбе этого человека. Не сразу и с трудом отпустили меня учиться в педучилище. «А кто работать будет?» — так говорили. Да, жизнь прожить — не поле перейти.

Сколько раз приходилось смотреть в глаза своей смерти! В 1931 году из пяти своих братьев и сестёр я живая осталась одна. А сколько опасностей было связано с моим транспортом — обласком! Вот ехали мы с подругой на лесоучасток, взяли попутчицу. Она из Молдавии, обласок для неё новинка. Стали подплывать к берегу, она вдруг встала, наклонилась. Обласок вверх дном! Они с Машей выбрались, а я застряла под лодчонкой. До берега далеко... Ладно услышали нас мужчины. Прибежали, спасли. А встреча с хозяином тайги! Тоже страшно.

Я искренне благодарна всем, кто понимает мои переживания теперь в Томске. Когда мне исполнилось 90 лет, было много приятного внимания и поздравлений — от совета ветеранов г. Томска, Кировского и Молчанова, где я работала последние трудовые годы. Поздравление получила даже от В.В. Путина. За многолетнюю работу получила две трудовых награды и шесть военных медалей. Всё, что знаю и помню, стараюсь рассказать молодым. Как-то мы были в детских лагерях в Аникино и в Калтае. Приятно было слышать, что ребята называют имена полководцев Великой Отечественной войны. В младшей группе меня попросили рассказать о Зое Космодемьянской. Это очень радует.

Мы жили по соседски, 12 ноября 2015 г.

Хочу вспомнить, какие отношения царили между людьми разных национальностей в Советском Союзе. Даже в 30-е годы, когда северянами многие становились поневоле.

На Васюган, Парабель, Чузик, Тым везли на баржах без вины виноватых русских, украинцев, белорусов, немцев, молдаван, жителей прибалтийских республик, курдов и турок. Мне больше всех пришлось встречаться именно с турками, они жили на юге Кавказа. Десятки семей распределяли по специальным переселенческим поселкам, в колхозы и на лесозаготовки. Надвигалась суровая северная зима, а люди были одеты по-летнему. Не всем удалось сразу помочь. Трудно сказать, сколько людей погибло, а в детских домах появились турецкие дети. В пос. Дальний Яр Айполовского сельского совета доставили несколько таких семей. Председатель колхоза Иван Макарович Сулов разместил всех прибывших под крышу. От райкома комсомола мне поручили принимать вновь прибывших вынужденных переселенцев. Турецкие имена с непривычки очень трудны на слух, поэтому председатель предложил давать им русские, записывая в скобках настоящие имена.

Наша инициатива вызвала неоднозначное отношение.

Помню, представитель райкома партии А. Гришаев сказал мне: **«Расскажите, Евдокия Григорьевна, как вы с Суловым турок крестили»**. Я объяснила, что сделали мы это исключительно для удобства общения на первых порах. Вспоминаются первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР.

В Среднем Васюгане голосовали в школе. Пришел дедушка Ивот, работавший на ферме черно-бурых лисиц. Отогревшись после долгого пути, выпив чая, он попросил бюллетень, заявив: **«Я живу в СССР и должен голосовать»**. Ему дали бюллетень. А в обратную дорогу снабдили теплым платком и дали рукавицы. Детей турок определили в школу. В моем классе было шесть человек. Учились они неплохо, хотя на первых порах с трудом осваивали русский язык. В 50-е годы турок стали откреплять от комендатуры. Они подавали заявление о гражданстве. Появились смешанные браки. Ян-оглы Назим Халитович родом из солнечной Абхазии женился на Ренате Таарде из Эстонии. У них родилось четверо детей. Когда представилась возможность вернуться на родину, они поделили детей и разъехались. Но ненадолго. Вскоре вернулись на север, на родину своих детей. Обустроились, завели дом и хозяйство. Отец стал работать нефтяником. Некоторые турецкие дети получили высшее образование.

Например, Севилле Руштыевна Кереджи-оглы стала учителем истории Мыльджинской школы. Она соавтор проекта «Прощение и память», руководитель краеведческого кружка «Поиск». Благодаря ее настойчивости в Мыльджине установлены мемориал участникам Великой Отечественной войны и памятный Камень скорби. Люди, пережившие репрессии, по крайней мере, большинство из них, выстояли, нашли свое место в жизни, не потерялись в круговерти жизненных передряг. Время было суровое, но жившие рядом с переселенцами люди, всегда были готовы протянуть руку помощи. Мы были дружны, старались жить по-соседски. Осенью 2011 года я не смогла принять участие в конференции **«Томский север»**, но записала свои воспоминания на видеопленку и отправила делегатам. Я тоже с избытком хватилась лиха, семья была выслана из Омской области на север. Выжила с огромным трудом, оставшись одна из пятерых своих братьев и сестер. Надо помнить и знать свою историю со всеми горестями и крутыми поворотами судеб. А самое главное — никогда больше не повторять ошибок прошлого, не стрелять в него бездумно и безоглядно, чтобы будущее не сразило нас пушечным залпом.

Платон и прабабушка Евдокия рода Обоскалова, 2013 г.

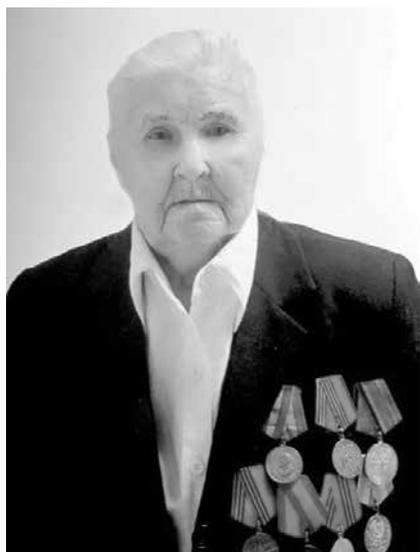

На фото: Варвара Константиновна Обоскалова, мама Евдокии Григорьевны и в юные годы Евдокия Обоскалова.

Варвара – внучка и Светлана – дочка
Евдокии Григорьевны Обоскаловой (Пахоменко), г. Томск

На том далеком Васюганье, 26.12.2014

Есть много публикаций о трагедии раскулачивания. Целыми семьями ни в чем неповинных людей отправляли «на жительство» в таежное Васюганье. Трудно жили здесь ссыльные. Опухали и мерли от голода, надрывались на раскорчевках земли. Все трудности делили с ними и приехавшие сюда на работу учителя. Особенно пришлось хлебнуть нам лиха в военные и послевоенные годы.

Когда грянула война, 17 юношей, только что окончивших десятилетку, на митинге записались добровольцами, мужчины-учителя ушли на фронт. Двойная ноша легла на плечи учителей-женщин, многие из которых остались с малыми детьми. Детей учили часто по два-три класса вместе. Вели ребят на помощь колхозникам, рыбакам, сами впрягались в невод, выходили на поля. Может быть, после многочисленных публикаций о самом процессе раскулачивания мой рассказ покажется неинтересным, но то, о чем я говорю, было, и отвернуться от этого невозможно: история.

Учителя становились агитаторами, помогали клубным работникам. Со сцен клубов мы воспитывали в народе чувство патриотизма, говорили о силе Союза, костяк которого составляли Россия, Украина, Белоруссия. Скажем, коллектив Ново-Васюганской средней школы ставил пьесы Чехова и Островского — пьесы о глубине и стойкости русского духа. Использовали и фронтовой материал, какой удавалось найти. Был организован шумовой оркестр, звучали со сцены частушки, народные песни, Всем этим смягчали, как могли, горе народа.

В наше время, вижу, учительский пыл просветительства поумерился. А тогда, когда я работала в Васюганском районе, учителя всегда можно было увидеть с людьми. С газетой ли в руках, с сообщением ли Совинформбюро на полевом стане, с частушкой ли на лесной деляне и в рыболовной бригаде. Не обходилась без нас ни кампания по сбору теплой одежды для фронта, ни подписка на заем. Сложность учительской работы на Севере ощущалась и в том, что местным ребятишкам не хватало пищи, одежды. Поддерживали, как могли, семьи фронтовиков, хотя и наши-то доходы высокими тогда не назовешь... Как великую премию, например, расценивали мы то, что на конференции в 1945 году нам продали по одному платью из бумазеи неопределенного серого цвета, а через два года — по три метра штапельного полотна. Взглянешь на фотографию первого послевоенного года — мы одеты, кто во что горазд.

Выпускники Первого Колпашевского педучилища, 1950-е годы. Сколько воспоминаний будят в нас, людях старого закала, такие фотографии! Вот справа, в рубашке, сидит директор Нововасюганской средней школы Шабурников, человек большой души. В молодости он партизанил... Вот Л. Ф. Кузьмин, инспектор РОНО.

Пожилая учительница с медалью — в левой части снимка — А. Н. Питиримова, педагог с еще дореволюционным стажем. Плечо в плечо с ней — Рассказов, директор майской школы. Девушка с бумагами на коленях — крайняя слева — Маша Зинченко, единственный в РОНО бухгалтер... О каждом вспоминается что-то доброе. Наверно потому, что наше поколение много вынесло, но мы были дружнее, чем учителя сегодняшнего дня. Упрекнуть кого-либо в ловкачестве, половинной нагрузке невозможно: и люди были честнее, и на виду каждый.

С восторгом встречали потом на районных совещаниях возвратившихся с фронта учителей. Вернулись, конечно, далеко не все. До сих пор помню простую — заметьте, типичную для нашего времени! — историю, но как берет она за сердце. В первые дни войны ушел на фронт педагог Средневасюганской школы Шинкаренко. С женой остались две дочери, семи и девяти лет. Никому не ведомо, сколько слез выплакано матерью с дочерьми по отцу. Проплакались. Любовь ли подтолкнула их к такому шагу, ненависть ли к врагу, скорбь ли великая — только внесли они в фонд обороны 5000 рублей. Немалые деньги для тех полугодных лет. Сейчас нет на карте области такого района — Васюганского: он давно ликвидирован. Часть школ закрыли, уехали многие учителя. Иные на заслуженном отдыхе. Кто встретит, помнит их — поклонитесь в пояс...

Вспоминаешь, и сердце щемит

Иванов В., 12.01.2015, п. Вертикос

Как-то раз пришли ко мне три девочки-школьницы: собирали материал о реабилитированных, живущих в Вертикосе. Спросили: подвергались ли мои родители репрессиям после ссылки? И я стал вспоминать. Сестра моя родилась в 1939 году в Каргаске, а я сам появился на свет в 1940 году в Усть-Васюгане. Поселка этого давно нет, как нет многих других, возникших в период коллективизации. Почему была выслана из Каргаска семья с грудным ребенком на руках, и другим, еще не родившимся, но которого мать носила под сердцем? Ведь и отец тогда работал на рыбозаводе. Почему? Да кто тогда задавал подобные вопросы, и кто бы на них отвечал? Вызвали «куда следует» и поставили перед фактом.

Дед мой был арестован еще в 1935 году по совершенно смехотворному по нынешним меркам поводу. Вот как рассказывала об этом бабушка. «Лето. В колхозе сено готовят, бабы копнят, мужики метают сено в стога. И тут наплыла туча, забрызгал дождик. Мужики, а все они были из числа репрессированных, решили подождать, пока ветерок обдует сено. Вдруг подъезжает председатель. И попер с верхней полки. Дед не выдержал и ответил этому устьвасюганскому Давыдову: «Сено отсыревшее, обязательно сгниет». «Ты вставай метать, делай, что тебе говорят, кулацкая

морда!» И так слово за слово. В итоге деда забрали, как тогда говорили, по линии НКВД и отправили строить Норильск».

Когда этап прибыл на место, начался обход начальством зоны. Рядом шел один из охранников с овчаркой. По сигналу собака набрасывалась на заключенного, если тот не так что-то ответил или посмотрел на начальство. Дошли до деда. Вопрос. Соответствующий ответ. Следом сигнал собаке, и она бросается вперед. Дед перехватил ее на лету и, стиснув горло, сломил шею. Его тут же повалили на землю и заступом отрубили кисть руки.

В Васюган он вернулся перед самой войной калеккой. С началом войны все самые справные лошади были взяты для нужд армии. В колхозе остались лишь клячи. Деда поставили на вывозку сена. Народу не хватало, и в один день ему пришлось поехать одному на трех дровнях. Когда возвращался с возами, лошади не смогли одолеть лог. Дед выпряг клячу и на себе вытащил сани с сеном. Так же вытянул и остальные два воза. Привез сено на скотный двор.

— Ну, бабы, надорвался я. Вы уж сгружайте сами, да лошадей распрягайте.

И ушел. Бабушка рассказывала, что всю ночь его рвало сгустками крови, а к утру он скончался.

...Проводив гостей, я вновь достал справку о своей реабилитации, перечитал. «С рождения вместе с родителями в составе семьи бывшего кулака находился на спецпоселении Томской области. С учета спецпоселения снят 21.11.1949 года» и в заключении: «На основании пункта «в» статьи 3 и статьи 1.1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761–1 «О реабилитации жертв политических репрессий Иванов Владимир Михайлович реабилитирован».

Это какое же Зазеркалье, если вдуматься. Без малого 9 лет держать ребенка на учете! Очевидно, власть предержавшие считали, что я представляю для них потенциальную угрозу. По той же логике, дети, чьи родители были разорены и ограблены, высланы на неминуемую гибель, подвергаемые чудовищной эксплуатации, выросши, стали бы задавать нежелательные вопросы. Хотя мы их не задавали. Родители, оберегая нас, никогда не рассказывали своего отношения к властям. А в школе воспитывали в духе преданности коммунистическим идеалам и вождям.

Сельские учительницы

Доровенчик Елена Ивановна, с. н. с. Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова, 12.01.2015

**В начале другого столетья,
Учитель, ты помнишь поныне,
Невзгоды, войну, лихолетье,
Что ты на печях своих вынес?
Ты пахарем был и жнецом
Был в поле, а в клубе — артистом,
В лугах был хорошим косцом,
Оратором был ты неистовым.
Пока еще учатся дети
В той школьной стране неделимой,
Пусть лучшие люди столетия
Прославят и ваши седины!**

Эти стихи Евдокии Григорьевны Пахоменко можно смело отнести ко многим сельским учителям, которые были одними из самых заметных жителей села.

Многие поколения учеников помнят Зинаиду Михайловну Аксиненко, принимавшую активное участие в строительстве новой жизни: ликвидация неграмотности, административная работа, театр, всего не перечить. Ее имя можно увидеть во множестве архивных документов, в восхищенных воспоминаниях ее учеников. Вспоминает учитель Молчановской средней школы Людмила Ивановна Крицкая:

«Мы слушали Зинаиду Михайловну буквально открыв рты, так интересно она рассказывала, читала художественные произведения. Мы переживали вместе с героями рассказов, мечтали, плакали, учились любить поэзию, родную речь. Я стала учителем русского языка и литературы, потому что у меня был такой замечательный Учитель».

Вспоминает ученица Зинаиды Михайловны Надежда Ивановна Шестакова (Волкова):

«Свою первую учительницу Аксиненко Зинаиду Михайловну я знала еще до поступления в школу. Мы жили недалеко друг от друга, возле универмага. Зинаида Михайловна, ее дочь Лиля и ее старенькая мама жили в небольшом доме, летом утопающем в цветах. К поступлению в школу наша семья переехала в новый дом, несколько дальше от цен-

тра, но все равно близко от школы и стадиона, на котором мы, ребятня, проводили все свободное время. Наполняемость классов была очень большой, более 40 человек, но Зинаида Михайловна была настолько энергичной женщиной, что даже все перемены играла с нами в коридоре школы, а в единственный воскресный выходной водила нас в кино и в походы, а то и просто навещала нас на дому. Я училась довольно неплохо, но и мой дом Зинаида Михайловна не обходила стороной. За великое счастье считали мы нести до ее дома стопки тетрадей для проверки. Сколько души и заботы вкладывала она в наше воспитание! Мальчиков учила галантности и деликатности, девочек учила рукоделию и аккуратности. В холодное время года закутает нас (девчонок) в шали, а портфель (ранцев тогда не было) отдаст мальчику, чтобы проводил до дома, отнес поклажу и немного погрелся в хате. В воспитательной работе большое место отводилось дружбе, товариществу, сотрудничеству, взаимопомощи. Дружили не только параллельными классами, но и школами. У нас была дружба с аналогичным классом Тунгусовской средней школы. Пешие походы с рюкзаками за плечами, экскурсии на лисоферму, ловля рыбы в реке Татош, костры — это все до сих пор живет добрым воспоминанием в наших сердцах. А как мы ездили на уборку льна в помощь нашему совхозу! Хранятся в школьном альбоме черно-белые фотографии с трудовых баталий. Зинаида Михайловна смогла воспитать нас так, что мы, ее ученики, чувствовали себя близкими родственниками, а не случайными людьми, учащимися какое-то время в одном классе. Наши встречи — это масса положительных эмоций, ликования, беспредельного счастья. И пусть наша учительница, Зинаида Михайловна, благосклонно простит нас, что мы порой не звоним, не пишем, не заходим — замучили рутинные проблемы. Главное, что Вы у нас есть. Сильная, красивая, умная, та, на кого мы всю жизнь ровняемся, с кого берем пример!».

Немного из биографии З.М. Аксиненко. Родилась в 1918 году. Окончила 4 класса Молчановской начальной школы в 1930 году, а в 1933 году — семимесячные курсы учителей и с 9 ноября 1933 года начала работать учителем начальных классов. С 1938 по 1944 год училась заочно в Колпашевском педагогическом училище. В 1947 году она была избрана заведующей отделом райисполкома, затем снова работала учителем начальных классов. Ушла на заслуженный отдых в 1968 году. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. »

О вас строки еще одного стихотворения Евдокии Григорьевны Пахоменко, написанного в честь встречи выпускников Колпашевского и Томского педагогических училищ, которая прошла в мае 1997 года.

**Учительский труд наш ничем не измерить,
Ученые меры такой не нашли,
Так будьте здоровы, и счастливы будьте,
Весь труд наш — на благо России-страны.
Не сетуйте, что голова седа,
Всему в природе есть своя пора.
И пред неотвратимой истиною этой
Желаю море счастья и добра!**

Хорошим другом краеведческого музея школы стала Евдокия Григорьевна Пахоменко. Недавно она подарила нам фотографии, связанные с ее работой в Молчанове: праздников последнего звонка (1974 и 1975 годов) зданий школы, спортивных соревнований. Все они сделаны во время подготовки к празднованию 100-летия, а также 135-летия школы. Особо ценной представляется эмблема, выдававшаяся выпускникам школы в честь ее столетия.

Очень интересно слушать рассказы Евдокии Григорьевны о ее жизни. Они помогают нам больше узнать об истории края, в которой есть и такие мрачные страницы, как репрессии и ссылка.

«Родилась в 1923 году в деревне Сладкое Омской губернии. Эту деревню в 1900 году основал мой прадед Дмитрий Обоскалов. Там были степи, хлеба. Был богатый дом. В семье — 5 человек детей. Предки были из старообрядцев, в Сладком была старообрядческая церковь. В Первую мировую войну дед воевал и попал в плен в Румынии. 4 пленных взял себе помещик, среди них был мой дед. Пленные работали и жили в поле. Потом накопили сухарей и сбежали. Долго добирались на родину. Шли на восток ночами. Когда перешли границу, съели по кусочку родной земли. Пошли в Петербург и нашли свой полк. А когда произошла революция, и Ленин сказал: «Земля — крестьянам!», они поверили и вернулись домой, чтобы работать на своей земле.

Но в 1930-х семью раскулачили, так как был большой дом и хозяйство, отобрали 10 коров, кур, постройки, хозяев выгнали во двор. В доме сделали молоканку. Отца выслали в шахты. Больше мы отца

не видели и не знали о нем. Нас привезли и высадили в густой лес. На Васюгане были поселки спецпереселенцев, их называли «Спецы». На Васюгане и Тyme «спецы» построили дороги, работали на лесозаготовках, затем создавали колхозы. В ссылке дед построил шалаш, состоящий из перекадины и настила из деревьев, сверху закиданных землей. А зимой построили избушку и из глины сделали русскую печь». Осенью прибыла партия из 18 ссыльных, они стали у нас жить. Спали на нарах, а из продуктов давали только муку. В нашей семье четверо детей умерли от голода. Помогали остяки, хотя с ними проводилась работа, чтобы они не общались с нами. Но они часто делились с нами необходимым. Вот такая история произошла...

Дед познакомился с одним остяком и однажды он привез рыбу и старый обласок. Увидев дочь ссыльных, нашу родственницу, он решил сосватать ее для сына. Ее звали Капитолина. Сын остяка Егор был некрасивый: маленький, кривоногий, Капа его не любила, но замуж пошла: жить ссыльным было очень трудно. Осенью его забрали в армию, а перед этим год учили грамоте. Они остались в Новосибирске, прислал письмо: «Капа, приезжай». Капа получила документы и приехала. Но не к мужу, а на родину, в Омск. Устроилась на заводе. А потом на завод прислали инженера из Ленинграда, и он на ней женился. Так она выбралась. А родители ее умерли на Васюгане. Ссыльные отмечались в комендатуре и не имели права уезжать.

А я очень хотела учиться, и в 15 лет написала Сталину письмо, что не могу учиться, не разрешают, так как родители ссыльные. Я тогда работала на пихтовом заводе. После этого письма я получила открепление от комендатуры (в конце 1930-х годов письмо было написано, а поступила Е. Г. Пахоменко в Колпашевское педучилище в 1951 году. — прим. ред.) В 1953 году я работала в пионерском лагере на Васюгане. Случайно разговорилась с одной бабушкой, которая привела в спортзал свою внучку. Она мне рассказала, что раньше в здании пионерского лагеря оказался НКВД, проходили расстрелы и пытки. «Сейчас здесь все красиво, но тут погиб мой Ваня», — сказала та женщина, и мне стало страшно. Потому что в 1947 году над моей головой из-за доноса нависла страшная 58-я статья, по которой людей объявляли «врагами народа». Пока шло следствие, я год работала на лесозаготовках. (В школьном музее есть переданная Е. Г. Пахоменко пила-«лучок», похожая на ту, которой она работала, пока не была оправдана).

В 23 года я думала, как будет проходить мой расстрел. Это было рядом. Однажды ночью пришел катер и забрали 12 человек. Им даже не давали проститься с родными. Одной женщине чудом удалось получить мятое письмо: «Аня, береги детей. Старайся их учить». В 1955 году я окончила Колпашевское педучилище. Работала в школах: в Айполово, Тунгусово, Молчаново. Работа в Молчановской школе, запомнилась тем, что здесь был хороший коллектив. И многие ученики стали замечательными людьми. Вова Сагеев (Средний Васюган), стал летчиком».

Многие учителя погибли в годы репрессий и на фронтах Великой Отечественной войны. Всем сельским учителям, ветеранам войны и педагогического труда посвящается это стихотворение «День Победы».

**День Победы был от нас далек.
Четыре года мы фашистов били.
И только в мае 45-го пришел этот денек,
Но и теперь его мы не забыли.**

**Да, было трудно, в тылу и на фронте,
Огромное горе терпела страна.
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Кого под Москвою знобила зима.**

**Теперь обо всем не расскажешь,
Как страна в эти годы жила.
Какая безмерная тяжесть
На хрупкие женские плечи легла.**

**Сироты — девчонки, мальчишки
В колхозе косили и жали.
Спрятав под шапку косички
У станка у подмостков стояли.**

**Отгремела лихая година,
С победой вернулись бойцы,
Но до сих пор не забыли родные,
У кого не вернулись мужья и отцы...**

Большая семья

Людмила Боровская, г. Северск, 2010 г.

Пятьдесят лет назад в городе Северске была создана система помощи ослабленным детям. Это были вспомогательные классы на базе нескольких школ города. У руля школы встала Екатерина Николаевна Краснова — опытный педагог и энергичный человек. А через четыре года в сосновом бору выросло здание — красивое и просторное, удобное и, что самое главное, предназначенное для особого контингента детей. В уютных квадратных классных комнатах — одноместные парты, отличная столовая, спальни и спортзал, столярные и слесарные, обувные и швейные мастерские.

Ежегодно Министерство образования Советского Союза (России) направляло в закрытые города по два — три специалиста — дефектолога. А те, кто приехал в Томск-7, с гордостью говорили, что им крупно повезло. Среди новобранцев молодого города была и я.

Первое место работы и опытом обогатило, и дружбой одарило. Как оказалось, на всю жизнь. Жизнь удивляла открытиями и откровениями людских душ. И я с большой благодарностью вспоминаю тех, кто не предавал в трудностях, умел искренне радоваться успехам коллег. Флора Вильдановна Жданова помогала абсолютно всем и безотказно. Выше нее в профессиональном плане не было в то время никого. Сейчас она трудится в областной поликли-

нике г. Уфы. Преподаватель производственного обучения Вячеслав Александрович Кругликов учил детей профессиям. А еще он доводил до ума» школу — новостройку. Ироничный и остроумный, он моментально мог погасить назревающий конфликт. Дети его боготворили, а мальчишки, у большинства из которых не было отцов, числили его в друзьях.

Дотошность, в хорошем смысле слова, по отношению к ученикам технологов швейного дела Валентины Васильевны Абрамовской и Лидии Федоровны Потехиной подкупала многих. Обе они не только мастерски владели иглой, замечательно кроили и шили, но и скупулезно учили всему этому девочек. По сути, они были для них мамами — и фигурки формировали, и осанку, и чувство ответственности, и вкус. А как это пригодилось в жизни потом!

В те времена очередь на трудоустройство в гороно доходила до полсотни человек, и во вспомогательную школу приходили поработать на какое-то время воспитателями и пионервожатыми учителя биологии, истории и математики. Некоторые из них вскоре уходили, но оставляли после себя яркий след и добрые чувства. К ним надо отнести Екатерину Григорьевну Кручинину, Алевтину Арсентьевну Троегубову, Марию Галиевну Девяшину. При всей непохожести характеров их объединяла ответственность за судьбы детей, так несправедливо и не по своей вине обойденных счастьем с малых лет.

Один класс мне запомнился тем, что был наполнен выше нормы, а если каждому ребенку выводить краткий психологический, физический и умственный уровень развития и отклонения, то идентичных диагнозов не встретишь. Поэтому каждый учитель — предметник должен был очень дифференцированно, бережно и щадящее, в то же время эффективно работать. А теперь представьте себе учителя физкультуры, который вел уроки с такими разными детскими коллективами и должен привести всех к какому-то результату, обеспечить динамику развития каждому ученику. Таким вот виртуозным человеком и была Анна Антоновна Альба. Но, помимо общих задач, надо было все время держать на контроле гиперактивных и болезненно заторможенных школьников. Учителя школы — интерната способны были обнаружить болевые точки обиженных, умели серьезно заниматься самоанализом и корректировать свои действия.

А уроки географии Любви Григорьевны Александровой! Самые пассивные, которые нередко, присутствуя, «отсутствовали», преобразались на глазах. И если не было стопроцентного результата в усвое-

нии материала, то уж чувства востребованности и радости прямо-таки лучились из их глаз в ответ на эмоциональность учителя.

Из воспитателей больше всего мне довелось работать с Зоей Алексеевной Арыштаевой и Вероникой Алексеевной Назаренко. Их педагогические находки могли показаться небесспорными. Но надо было видеть детей, особенно непредсказуемых и неадекватных, неуправляемых в поведении, которые никогда не дерзили своим мамам — воспитателям, да и со своими родными находили общий язык исключительно благодаря этим чутким женщинам. Медсестры Мария Никифоровна Хомякова и Галина Николаевна Агеева работали, конечно, под руководством врачей, но были настолько близки к детям, что создавалось ощущение одной большой семьи.

Для кого-то Зинаида Григорьевна Димара была элегантной женщиной, энергичной туристкой, горячей взрывной натурой, настоящим товарищем, а для меня — беззаветным другом, который недоспит, забудет про себя, но поддержит любое начинание, творчески воплотит свои идеи и поможет в этом другим. Был случай, когда ученик из класса Зины Димары проколол бутылочным стеклом прохудившуюся подошву ботинка. Он побелел, вытянул ногу и откинулся на стенку.. Зинаида Григорьевна мгновенно сняла с него ботинок, стянула носок, не побрезговав, нащупала своим языком осколок, вытянула его зубами и повела ребенка на обработку раны к медикам. При этом сказала ему: «В следующий раз ноги надо мыть лучше, а носки стирать чаще». Художник по образованию, она прекрасно оформила школу, и комиссия из гороно пришла в интернат не проверять, а любоваться ее работой. На уроках черчения она учила детей выполнять сложные элементы, например, три проекции табурета (а многим из них с трудом удавалось даже построение простой рамки). Позднее, на уроках труда, ученик по своему чертежу должен был смастерить деревянную табуретку.

Каким же надо быть терпеливым, изобретательным и по хорошему изощренным, чтобы подготовить ребятишек школы-интерната № 195 к взрослой жизни. И это несмотря на то, что у многих педагогов тоже было трудное военное детство: блокадный Ленинград, детский дом, и жизнь без родителей. Не в пример другим, обвиняющим судьбу, окружение и родителей за нереализацию своих планов и этим оправдывающим себя, ожесточившимся, смотрящим на мир угрюмо, так и не сумевшим ничего дать ни себе ни людям, в светлом доме на окраине Северска поселилась и поныне живет и здравствует большая и дружная Семья.

Георгиевский кавалер П. А. Сухачёв

Александр Сухачёв, город Рубцовск, Алтайский край, 2017

Во второй половине девятнадцатого века из Воронежской губернии в село Тайга (сегодня станция Тайга, крупный железнодорожный узел в Кемеровской области) приехала семья Ивана Сухачёва, моего прапрадедушки. Родители с одним сыном решили остаться здесь, ещё один сын направился в Красноярск, третий же — мой прадед Александр Иванович Сухачёв — перебрался в Томск.

В столице огромной губернии и состоялась судьбоносная встреча с Терентием (Терёхой) Винивитиным, в результате которой прадед и оказался в Ново-Кусково. Винивитин имел в селе свой магазин, товары же завозил из Томска, одному управляться, понятно, тяжело, вот он и уговорил Александра Ивановича стать его помощником. Это, так сказать, официальная версия.

На самом деле Терентий преследовал вполне прагматичные цели — искал мужа для своей единственной дочери Анны. Искал отца своим будущим внукам, искал и, ему показалось, нашёл. Дело быстро сладилось, молодые люди поженились. Оправдали ожидания? Но вот ведь в чём дело — мы живём-то на Руси, а в отечестве нашем зарекаться от суммы и от беды — занятие малоперспективное, беда и пришла. При первых родах Анна умерла. На наследниках, как и на далеко идущих планах, пришлось поставить крест. Расширять торговлю — для кого? На кой ляд? После похорон дочери Винивитин выделил Александру Ивановичу часть своей земли и отделил его. Прадед купил дом в центре села, который стоит и сейчас (в нём до конца своих дней жил его младший сын Иван).

Портрет деда Петра Александровича работы Ю. А. Белозерцева. Барнаул

Затем, жить-то надо, снова женился. Полина, вторая жена, и родила ему всех детей: двух дочерей — Прасковью и Лукерью — и пятерых сыновей — Илью, Петра, Григория, Николая и Ивана. Александр Иванович занимался выделкой кож и катал пимы (валенки). Позже выделкой кож занимался его сын Илья, а катала пимы сноха Хритинья Михайловна, моя бабушка. Прадед всё время ездил в гости к родителям в Тайгу. После смерти Поли он снова женился, уже в последний раз. Прозвище Сухачиха — вот всё, что в памяти людей от третьей жены осталось. Годы жизни Александра Ивановича: 1850—1938. Похоронен он на Ново-Кусковском кладбище. Так что мой дед Пётр Александрович появился на свет в средней, по тогдашним меркам, семье. В те времена дети рано приобщались к нелёгкому крестьянскому труду. Лишним образованием народу головы не заморачивали. Дед-то, правда, считался приличным грамотеем на селе, сумев окончить четыре класса церковно-приходской школы. Пришло время, он женился на бабушке — Хритинье Михайловне, урождённой Соктиной. Вскоре молодая семья пополнилась старшим братом моего отца — Сергеем. Тут деда призвали на действительную военную службу. В Томске рекрутская комиссия определила его в гвардию. Основания для службы в отборных частях имелись все — высокий рост, стройное телосложение, правильные черты лица и ничем не запятнанное прошлое.

Но с вхождением в элиту нашей армии пришлось погодить. В Томске без пяти минут гвардеец случайно встретил служивого земляка. Короткой встреча не получилась, в молодости вообще время летит незамет-

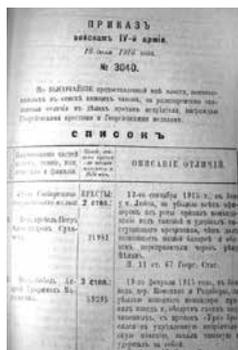
но. Но в рекрутском присутствии часовое опоздание ещё как заметили, и с гвардией пришлось распрощаться. Служить пришлось в Томске, в 42-м Сибирском стрелковом полку, тут и застала его война с Германией.

Великая, а для нас вскоре после окончания забытая война стартовала. Ирония истории в том, что Франц Фердинанд был женат на чешке, потому неплохо относился к славянам. Даже ратовал за установление дружеских отношений с Сербией. Но, майн Готт, почему судьба оказалась к нему так несправедлива?

28 июля 1914 года состоялось «принципиальное» убийство — хорватский студент Гаврила Принцип застрелил австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. Хотя миротворцам частенько перепадает на орехи от забияк. «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу». К высказыванию Томаса Вудро Вильсона добавить-то и нечего. 1 августа 1914 года Германия объявила России войну.

В нашей истории полно войн, к которым мы были не готовы, а проиграли мы войну именно ту, к которой были готовы. Войну, которую ещё и хотели. Зарвавшимся тевтонцам полагалась хорошая трёпка. Потому 19 июля 1914 года, дней за десять до выстрела в Сараево, в России была объявлена мобилизация. Началось развёртывание воинских частей до штатов военного времени и в Томском гарнизоне. После укомплектования подразделений в 42-м Сибирском стрелковом полку состояло: 79 офицеров, 9 классных чиновников, 4442 нижних чина.

Всем военнотружущим для поднятия боевого духа выдали медали (бронзовые) под названием «В память 300-летия царствования дома Романовых». На фронтальной части медали изображены портреты Николая Второго и Михаила Фёдоровича. По кругу медали — орнамент в виде бус и точек. На обратной стороне медали — надпись: «В память 300-летия царствования дома Романовых. 1613–1913». Лента колодки медали трёх цветов: оранжевого, белого и чёрного — гербовых цветов династии Романовых. К медали полагалось свидетельство о праве ношения. В конце августа эшелоны полка, включённые в 11-ю Сибирскую стрелковую дивизию, убыли на фронт. Дивизии в составе 1-го Туркестанского Ерофеев) армейского корпуса (командующий — генерал-лейтенант Михаил Романов) надлежало действовать в Восточной Пруссии. В начале войны корпус находился на Юго-Западном фронте, однако в сентябре был переброшен на Северо-Западный фронт. Боевое крещение полки 11-й Сибирской стрелковой дивизии приняли в ходе операции по деблокированию русской крепости

Медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых».
Знак 42-го Сибирского стрелкового полка. Приказ войскам IV армии.

Пётр Александрович Сухачёв

Осовец. Части дивизии вынудили неприятеля прекратить осаду крепости. Первый же бой 42-й полк принял 14–15 сентября 1914 года в ходе Варшавско-Ивангородской операции (15.09.1914–26.10.1914).

22 сентября части корпуса перешли русско-германскую границу. Но командующий фронтом генерал от инфантерии Н.В. Рузский по не совсем понятным причинам в ночь на 29 сентября отвёл основные силы 1-го Туркестанского корпуса на российскую территорию. Вторично русско-германскую границу части корпуса перешли 25 октября, сначала оттеснив немцев к городу Сольдау, а 3 ноября и захватив город. Правда, всего на сутки. В ноябре 1914 года грянуло 1-е Праснышское сражение (75 км севернее Вар-

шавы), по результатам которого немцы потеряли 60 тысяч солдат убитыми, ранеными и пленными.

42-й Сибирский стрелковый полк не подкачал тоже — отбросил прусский ландвер (вид ополченцев) за линию границы. Призовые полка по итогам операции — 1000 пленных с четырьмя орудиями в придачу. План противника по окружению наших армий был сорван. Немцы получили хорошую трёпку и надолго запомнили сибирских стрелков.

Вот что писал немецкий генерал Второй мировой войны Г. Блюментритт: «Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, ещё сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник... В наших самых первых атаках на Русском фронте мы быстро осознали, что встретили совершенно других солдат, чем французы и бельгийцы. Более суровых воинов с крепким боевым духом и решительностью. Мы терпели значительные неудачи...» Наше командование стремилось развить успех. Но разгромить немецкие войска в Восточной Пруссии с тем, чтобы потом двинуть на Берлин, не удалось. Да, русская армия по вооружению превосходила австрийскую, однако значительно уступала немецкой. Плюс очень важный нюанс — русские генералы вели переговоры по радио открытым текстом. Не шифруясь. Противник этим весьма успешно пользовался. Так или иначе, но развить успех не удалось, а с конца 1914 года на проведении боевых операций русской армией начал сказываться недостаток боеприпасов. В приказе штаба 1-го Туркестанского корпуса от 6 декабря 1914 года предписывалось ограничиться нормой в 6 снарядов на орудие в день. Дальше дела пошли совсем неважно — с января 1915 года часть пополнения, прибывающего в полк, не имела уже и винтовок.

Неудачи случаются и у самых великих полководцев. «Сир, есть семь — «Достаточно! — причин (поражения). Во-первых, не подвезли снарядов...» перебил Наполеон. — Хватит и этой». Исторический анекдот? Пусть. Зато коротко и толково. Главное — извлекать из неудач выводы, причём правильные выводы, Наполеон умел. Умели и мы.

Стратегическая задача германцев летом 1915 года состояла в том, чтобы разбить русскую армию и принудить Россию к сепаратному миру. 13 июля 1915 года, в ходе начавшейся 2-й Праснышской битвы, главный удар немцев пришёлся на нашу 11-ю Сибирскую дивизию. Всего перед фронтом дивизии находились 48 батальонов, 360 лёгких и 136 тяжёлых орудий, плюс резерв — 18 батальонов и 80 орудий.

Сибирские стрелки располагали 20 батальонами и 44 орудиями. Дело для стрелков обстояло худо. Сибиряки оказалась в самом трудном на всём

русско-германском фронте положении. А 42-й Сибирский стрелковый полк, занимая центр расположения дивизии, перекрывая совместно с 44-м полком шоссе, ведущее из Грудуска в Прасныш, оказался на самом острие наступления противника. Тринадцатого июля в 4 часа 45 минут германская артиллерия принялась интенсивным огнём более восьмисот орудий утюжить позиции сибирцев. Тяжёлые снаряды сметали брустверы, превращая траншеи первой линии обороны стрелков в братские могилы.

Не менее эффективно убивала и калечила шрапнель. Плотные клубы пыли и дыма накрыли всю первую линию обороны. К вечеру в строю полков 11-й Сибирской дивизии осталось не более 5000 человек. В 42-м Сибирском стрелковом полку, вступившем в бой в количестве 3788 штыков и 49 офицеров, вечером осталось 1153 стрелка при 21 офицере. Да, сибирцы отошли на 25–30 километров, заняв тыловые оборонительные рубежи. Да, полк нёс огромные потери. Но он продолжал упорное сопротивление, продолжал сражаться.

Всего 11-я Сибирская дивизия потеряла 105 офицеров и 10951 солдата. Однако русские войска сохранили позиции на реке Нарев. А войска, находившиеся в Польше, получили возможность отойти и занять новые позиции. Как видим, про «сам погибай, а товарища выручай!» сибирякам лишний раз повторять нет нужды.

Проявил себя и мой дед Пётр Александрович Сухачёв:

Приказом по 1-му Туркестанскому армейскому корпусу от 21 августа 1915 г. № 304 объявлены номера Георгиевских крестов 4-й степени, которыми награждены нижние чины частей войск корпуса приказом по корпусу от 27 июня 1915 г. за № 266 (в период оборонительных боёв на Северо-Западном фронте). В списке солдат 42-го Сибирского стрелкового полка указан старший унтер-офицер Пётр (отчество не указано) Сухачёв, который награждён Георгиевским крестом 4-й степени за № 231465, на основании п. 16 ст. 67 Георгиевского Статута: «Кто, вызвавшись охотником на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом». Началось великое отступление, армия арьергардными боями сдерживала германские войска, значительная часть населения, снявшись с насиженных мест, уходила вместе с русскими войсками. Дабы предотвратить надвигающуюся катастрофу, император принял единственное, так ему, по крайней мере, казалось, правильное решение — 23 августа 1915 года отстранил великого князя Николая Николаевича Романова от должности Верховного главнокомандующего и сам встал во главе армии. Совершил ошибку? Без учёта дворцовых и околдворцовых интриг — нет, безусловно. Тем более в краткосрочной перспективе (модное

нынче выражение) хуже не стало. Но в долгосрочной, стратегически, проиграл. Дальше — цугцванг. Снятие Николая Николаевича вызвало неудовольствие элит, увидевших бесспорное усиление позиций императрицы Александры Фёдоровны, то бишь Гришки Распутина. Царь проиграл не войну, проиграл схватку за власть. Но об этом чуть позже...

К сентябрю 1915 года в 11-й Сибирской стрелковой дивизии в строю насчитывалось 1916 штыков, а некомплект составлял 10952 человека. В начале октября в дивизии насчитывалось 1510 штыков в строю, некомплект составлял 11990 человек. В конце «великого отступления», на 27 октября 1915 года, 42-й Сибирский стрелковый полк, сведённый в один батальон четырёхротного состава, насчитывал 815 штыков при 15 офицерах. На вооружении находилось 4 станковых пулемёта. В созданной гренадёрской команде состояло 96 солдат, вооружённых только гранатами и холодным оружием. Хоть и огромным трудом, но русская армия восстановила силы и боеспособность после тяжких неудач. К началу 1916 года в составе 42-го полка уже насчитывалось 12 рот, в которых числилось 46 офицеров и 1497 нижних чинов и 300 нижних чинов в гренадёрских командах. На пополнение прибыло 32 прапорщика и 1890 невооружённых нижних чинов. Не совсем уж и ничёмным оказался император полководцем.

А сибиряки продолжали совершать выдающиеся подвиги мужества и храбрости в делах против неприятеля. Приказом по 1-му Туркестанскому армейскому корпусу от 30 января 1916 года нижние чины частей корпуса награждены Георгиевскими крестами 3-й степени. В списке солдат 42-го Сибирского стрелкового полка указан старший 67 Статута унтер-офицер Пётр Сухачёв, который на основании п. 4 ст. («Кто, при взятии занятого неприятелем укреплённого места, примером отличной храбрости ободрит своих товарищей и увлечёт их за собою») награждён Георгиевским крестом 3-й степени за № 71342. Но вот прибывающее в полк пополнение состояло уже из уроженцев европейской части России, пополнения высылались из разных запасных батальонов во фронтовые части, понёсшие наибольшие потери. В результате, как и в большинстве сибирских частей, в 42-м Сибирском стрелковом полку сибирский личный состав оказался в подавляющем меньшинстве, что с неизбежностью сказалось на боевых качествах подразделения.

При проведении перегруппировки войск, в преддверии планируемого на лето 1916 года наступления русской армии, 11-ю Сибирскую стрелковую дивизию вывели из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса и ввели в состав 4-й армии. Штабы привели в порядок документацию. Приказом по войскам 4-й армии Западного фронта от 16 июля 1916 г. № 3040 фельдфебель

42-го Сибирского стрелкового полка Пётр Александрович Сухачёв награждён Георгиевским 1981 за то, что «12 сентября 1915 г., в бою у крестом 2-й степени за № местечка Любча, за убылью всех офицеров из роты, принял командование под таковой и удержал наступающего противника, чем дал возможность нашей батарее и обозам переправиться через реку Неман». (П. 11 ст. 67 Георгиевского Статута.) Десять месяцев деда искала и наконец нашла награда.

Примерам героизма русских солдат и офицеров в Великой войне несть числа. Но героизм солдат и офицеров зачастую оказывался бесполезным. Летом 1916 года, когда успешно развивалось Брусиловское наступление, Западный фронт, чтобы не дать перебросить войска противника на юг, провёл — стратегически важный Барановичское наступление. Барановичи железнодорожный узел, где перекрещивались железнодорожные пути Москва — Минск — Брест-Литовск — Варшава и Вильно — Ровно. Перед этим сибирцы долго и прилежно работали, создали целую сеть окопов. Затем, без всякой артиллерийской подготовки, 11-я Сибирская стрелковая дивизия три раза пыталась захватить позицию 3-й ландверной дивизии у Лабуз и Дарова. Не получилось. Почему атаковали без применения артиллерии, даже сегодня совсем непонятно. Да, понятно, когда отсутствие снарядов предопределило неудачный исход прошлой летней кампании. А тут словно специально дали германцам хорошенько подготовиться и перегруппироваться. Потом, словно спохватились, выпустили более 7000 снарядов, из них 2000 тяжёлых. Вроде знатно ввалили тевтонцам. Но это уже не помогло, целей никаких снова не достигли.

А может, и цели-то были другие у командования? Потому якобы и вдруг спохватились? Может, целью было берега речки Щары пропитать кровью — кровью наступавших русских? Вот эту цель достигли — особенно большие потери понёс соседний с 42-м полком 41-й Сибирский стрелковый полк — до 70% своего состава. 4-я армия, потеряв за девять дней боёв почти 80 тысяч человек, продвинулась, вклинившись в оборону противника, на весьма незначительное расстояние к югу от Барановичей. Прекрасный стратегический замысел остался нереализованным. А ведь летняя кампания 1916 года могла склонить чашу весов на нашу сторону. Бесповоротно. Она и склонила бесповоротно, но бесповоротно в пользу наших союзников, стран Антанты. И уже без нас. Теперь про цели.

Главный либеральный идеолог Февральской революции П. Н. Милюков в одном из писем (опубликованном в 1983 году, однако написанном им давненько, сразу после отставки, в мае 1917 года) всё толково объяснил и дал ответы на чуть выше поставленные вопросы: «Вы знаете, что твёрдое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято

нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать своё согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть моё внутреннее состояние в настоящее время.

История проклянёт вождей так называемых пролетариев, но проклянёт и нас, вызвавших бурю». Закулисные кукловоды получили результат — прекрасно спланированная операция, известная нам под названием Брусиловский прорыв, в ходе которой австрийцы потеряли около восьмисот тысяч человек убитыми, четырехсот тысяч пленными, для нас закончилась ничем. «Никаких стратегических результатов эта операция не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в коей мере выполнено не было. Западный фронт главного удара так и не нанёс, а Северный фронт имел своим девизом знакомое нам с японской войны «терпение, терпение и терпение». Ставка, по моему убеждению, ни в коей мере не выполнила своего назначения управлять всей русской вооружённой силой. Грандиозная победоносная операция, которая могла осуществиться при надлежащем образе действия нашего верховного главнокомандования в 1916 году, была непростительно упущена».

Это Алексей Алексеевич Брусилов с горечью подвёл итоги прорыва, весьма недвусмысленно обвинив царя. Император стал пожинать плоды своего решения от 23 августа 1915 года. В 1917 году 11-ю дивизию передали в состав 10-й армии Западного фронта, занимавшей позиции по реке Берез, в ста километрах западнее Минска. Фронт стабилизировался. Но, опять и снова но!.. Петроград ждал скорой революции, работа заговорщиков начала приносить плоды. Британский историк Бернард Пирс охарактеризовал сложившееся положение следующим образом: «Фронт был здоров, тыл же прогнил».

Ему вторит британский же военный атташе в России Альфред Нокс: «Если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла увенчать себя новой славой в кампании 1917 года». Государю докладывали о заговоре, однако: «Ах, опять о заговоре, я так и думал, что об этом будет речь, мне и раньше уже говорили... добрые, простые люди все беспокоятся... я знаю, они любят меня и нашу матушку Россию и, конечно, не хотят никакого переворота. У них-то, наверно, больше здравого смысла, чем у других», — вот так государь отчитал своего флигель-адъютанта А.А. Мордвинова. Иллюзии и безграничная вера в «руку Божию», в верность и честность подданных не позволили Николаю II трезво взглянуть на ситуацию. Потому

к началу волнений в Петрограде в феврале 1917 года царь оказался слишком далеко от места событий. В Могилёве Ставка согласовывала план весеннего наступления. Когда же он направился в столицу, его беспардонно остановили и заставили написать манифест об отречении.

Николай II, по моему глубокому убеждению, стал первым, кто проиграл информационную войну. Слухи про царицу из германцев, связь её с Гришкой Распутиным ползли по империи, и всё бы ничего, но уже появилась пресса, в те времена в тогу независимости даже и не пытавшаяся рядиться. Многие и до сих пор пытаются топором вырубить перьями написанное. Мало у кого получается. Да наш последний самодержец, будучи лично порядочным и мужественным человеком, бороться не стал — отрёкся от престола. Обрадовал родственников и военачальников. Ведь все командующие фронтами и флотами (кроме адмирала Колчака) и все великие князья присылали ему в Ставку телеграммы о необходимости отречения. Встать на сторону царя оказались готовы только двое — хан Нахичеванский, мусульманин, командовавший Дикой дивизией, и генерал Фёдор Келлер, немец. Хотя... хотя вполне возможно, государь до последнего надеялся, что подданные всё же одумаются, авось заметят несурязицу документа. Для чего разбросал по тексту намёки. Ведь отречение самодержавного государя не допускалось законами Российской империи!

Это намёк номер один. Намёк номер два — в телеграмме государь говорит о передаче права наследования престола своему брату Михаилу Александровичу, в обход законного наследника — царевича Алексея. Побок Свод законов Российской империи! Ну и, наконец, намёк номер три — подписана телеграмма карандашом. Единственный документ в истории государства Российского, подписанный карандашом! Клятвопреступники одумались? А то! Верность царю, его наследнику и Отечеству? Так про это мы читаем в мемуарах битых белых полководцев. Государь поплакался в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман...» Заговорщики торжествовали. Получил свои тридцать сребреников за участие в перевороте и Брусилов, его назначили Верховным главнокомандующим русскими армиями. Разочаровался быстро в новых правителях страны, потому быстро же и подал прошение об отставке. Как и все части русской армии, 42-й Сибирский стрелковый полк пережил потрясение Февральской революции 1917 года. Казалось бы, армия успешно преодолела снарядный голод, в летнем наступлении 1917 года русская артиллерия была обеспечена снарядами так, что запасов потом хватило на несколько лет братоубийственной войны.

Однако армия и народ устали от войны. Потому требовалось быстрое решение. Такое решение быстро и нашлось — отречение Николая II от пре-

стола, должное, со всей очевидностью, решить все проблемы одним махом. Государь отрёкся, отрёкся и народ. Армия развалилась. Ликование на фронте воцарилось повсеместное, как на Пасху.

Между тем шёл Великий пост. А Временное правительство, получивши власть в стране (сейчас бы ту революцию назвали цветной), взялось вовсю проводить реформы (непременный атрибут всех в последующем названных цветными революций). То есть принялось искать доказательства измены царя и коррупции в правительстве. Чрезвычайная следственная комиссия допросила сотни людей, измены и коррупции, однако, не обнаружив. В результате тщательного обыска Царскосельского дворца комиссия выяснила также, что императрица Александра Фёдоровна не только не работает в интересах Германии, но она более других преданна идее самодержавия в России и войны против Германии до полной победы союзников. Гора даже не сподобилась родить мышь! В ноябре 1917 года, после заключения перемирия с немцами и начала переговоров о мире, новая советская власть приняла ряд мер по постепенной демобилизации армии. В феврале 42-й полк направился с фронта в Томск. По прибытии в Томск, после передачи вооружения и снаряжения представителям новой власти, Томска от 11 апреля 1918 года 42-й Сибирский приказом по гарнизону г. стрелковый полк был расформирован. Так бесславно закончилась история славного полка!

Отречение Николая II не решило ни одной проблемы в стране, предсказуемо добавив новые. Первая мировая закончилась для России унижительным Брестским миром — сепаратным мирным договором, подписанным 3 марта 1918 года в Брест-Литовске представителями Советской России и центральных держав. Он ознаменовал поражение и выход Советской России из Первой мировой войны. Это уметь надо, чтобы выигранную войну — и проиграть! Но невозможное возможно! Три года страна упорно работала на победу, и вместо того, чтобы немного потерпеть, ведь действительно немного оставалось времени до безоговорочной победы стран Антанты, буквально в самый канун триумфа — бац, и Мир — народам! Землю — крестьянам!

Лозунги чистые, кто бы спорил. Правда, в конечном счёте, идеализм или цинизм их провозвестников, а может, гремучая смесь из идеализма с цинизмом, сбили нашим гражданам мозги набекрень. А с мозгами набекрень выдавливать из себя рабов каплями, как советуют классики, — безнадёжное дело! Принялись, так нам сподручней, вычерпывать ведрами. Эти ведра образовали поток, в первый раз в двадцатом веке смывший Великую империю.

Как никто другой, мы можем любую победу с блеском обратить в поражение, правда, можем, с не меньшим блеском, и наоборот. Для нас важ-

но — кто у кормила власти, верим ему или не совсем. Народ мы до наивности доверчивый. Поэтому и по сей день информационные войны страна с блеском проигрывает. Всё правила стараемся блюсти, щеголяем благородством, за сориночку в собственном глазу вечно каяться готовы и прощения просить, а за слезу ребёнка классики и умереть зазорным не считают.

Однако благородство нынче не в цене. В приоритете другие ценности. На нынешней большой дороге к ценностям — США. Янки ни (якобы демократическим) заправляет нынешний большой брат раз и нигде не виноваты. Надо применить силу в любой точке мира — применяют. Надо применить оружие внутри страны — да пожалуйста! Это и есть правильный миропорядок. Наша беда в том, что мы словам до сих пор верим. А слова в нашем лучшем из миров давно превратились в фальшивые погремушки — по сути, в те самые бусы из стекла, за которые предки нынешних американцев купили земли, на которых сегодня и проживает очередной исключительный народ.

И история нас ничему не учит. Будь последний русский монарх не диктатором, нет, будь он немного похожим на нынешних демократичных правителей западных, да и не только западных, стран — никакой бы революции в нашей стране и не случилось бы. Однако Николай Александрович оказался просвещённым демократом. Таких сейчас нет. После революции 1905 года ему предлагали уничтожить несколько сот революционеров. Государь не разрешил: — Человек подвержен воздействию зла, но он может исправиться, покайся. Нужно дать шанс каждому. И многие в стране думали так же? Вот то-то и оно. Получилось, именно он и преподал практический урок последующим диктаторам и тиранам, причём не только нашим. На тему, как не надо вести себя с политическими противниками. И насмотрелись мы в двадцатом веке на ГУЛАГИ, МАУТХАУЗЕНЫ, ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ, ЧИЛИЙСКИЕ СТАДИОНЫ, ПОЛПОТОВСКИЕ БРАТСКИЕ МОГИЛЫ...

...Пётр Александрович Сухачёв направился домой. Возвращение в родные пенаты, после долгой разлуки встреча с женой и сыном — если это не счастье, то что тогда? Ужасы передела мира в угоду — а, собственно, деду уже было по барабану, кому в угоду, — остались позади. Отвоевался. По земле соскучилась, натуру не заменишь, душа хлебороба. Мечтать не вредно. Большинство-то граждан страны, увлечись идеями переустройства, остановиться не смогло либо не захотело. С энтузиазмом принялись корёжить на разный лад старый режим в угоду светлому, правда, тоже на разный лад, будущему. Наши национальные забавы типа стенка на стенку большого ума не требуют, были бы кулаки поувесистее.

А тут в стране оружия завались. И понеслось! Обозначили войну как Гражданскую и навсегда дискредитировали слово «гражданин». Водовороты не испрашивают разрешения, без церемоний тянут в пучину — и баста. Народоворотам почитание церемоний присуще вряд ли большее. Вот деду от развернувшихся в родном селе событий в стороне остаться и не удалось. 26 апреля 1919 года партизанский отряд Петра Гончарова разгромил Ново-кусковскую волостную милицию. В селе стихийно организовался Военный красный комитет. Орган народовластия, аналог нынешних Советов депутатов, состоял из 12 человек. Практически сплошь бывшие фронтовики.

Деда, учитывая церковно-приходское образование, обозначили секретарём. Первым делом самостоятельный орган принялся за экспансию советской власти, разослав по соседним деревням часть своих членов. Фидель и Че только лет через шестьдесят додумаются экспортировать соседям революцию. Выходит, окопные семинары Первой мировой теориям классического политического образования легко могли дать фору. Знатно расширяли кругозор. Правда, продвижение вольнодумства власти пресекли на корню.

Нагрянул карательный отряд капитана В.А. Сурова. Комитетчикам пришлось спешно ретироваться из села. Василий Бурдавицын, Яков Кусков и мой дед решили переждать тугие времена на лугах неподалёку от Ново-Кусково. Там их и обнаружил милиционер из местных — Михаил Чернышёв. Стрельбу односельчане открывать не стали, вступили в мирные переговоры. Представитель колчаковских правоохранительных органов предложил землякам — аргумент сдать добровольно. Дабы семьи не пострадали. Семьи — довод железный. Нелегалы посоветовались. Решили — А будь что будет! И отправились сдаваться. На постое у моего прадеда Александра Ивановича Сухачёва тогда находилось 28 колчаковцев. Взвод. Плюс домоладцы. Уютной казарму не назовёшь. В числе постояльцев оказался совсем молоденький офицер. И как увидел он висевшую на стене групповую армейскую фотографию, так сразу принялся выяснять:

— Откуда у вас эта фотография? — Дак это моего мужа, — ответила бабушка. — Вон он, с тремя Георгиями.

— Ну а это мой отец! — поделился радостью постоялец. — Бывают же такие совпадения! Вот удача так удача, чёрт возьми! А как бы с ним поговорить? Дома он?

— Да нет. — Затряслись поджилки Хритинии Михайловны. — Муж на рыбалке... Шли дни, офицер время от времени продолжал справляться про рыбака. Хотелось ему увидеть сослуживца отца. А того всё нет и нет. Все

истории имеют свойство когда-нибудь кончаться. Увы, кончилась и рыбацкая. Капитан Суров много разговаривать не стал: — Расстрелять!

С судьбой особо не поспоришь. Начертано быть расстрелянным — не утонешь точно. Но сроки предписанной небесами кончины вполне могут варьироваться. За мужиков вступился заведующий Ново-Кусковской больницей Николай Александрович Лампсаков. А так как он исполнял ещё и обязанности начальника переселенческого пункта, то определённый вес не только в уезде, но и в губернии имел. Да и офицер, чей отец служил и воевал вместе с дедом на Германском фронте, не смолчал. Благородство ведь не цветом убеждений достигается. Расстреливать защитника Отечества, тем паче георгиевского кавалера, он полагал недопустимым. Есть кому нашей семье свечки в церкви ставить! Мой отец-то появился на свет 26 марта 1930 года. Одиннадцать, без малого, лет спустя. Следовательно, заступничество удалось? Ещё бы! Суров сменил гнев на милость. Иногда и двадцать пять шомполов, учитывая альтернативу, звучат музыкой в ушах.

Лимиты везения, знать ещё, выбраны не до конца. Дед счастливым образом избежал расстрела в 1918 году, колчаковцы подарили, казалось, очередную отсрочку, вышло — последнюю. Как он ей распорядился? Просто жил. Работал на своём наделе. Освоил несколько нужных на деревне профессий. Мог катать валенки, шить сапоги, другую простейшую кожаную обувь, класть печи, плотничать. Своими руками построил себе довольно большой дом, который и теперь стоит. В общем, он любил работать, и потому жизнь складывалась неплохо. Но людям свойственно иногда совершать поступки, способные искверкать судьбы, и не только их собственные.

В двадцатых годах Пётр Александрович несколько лет прослужил в церкви псаломщиком. Развивать слух и ставить голос умели приходские учебные заведения. Но кому-то в молодой республике православная церковь сильно мешала. Юристы, квартировавшие у деда, на полном серьёзе утверждали, что лучше бы он, мол, человека убил, чем в храме Богу служил. Так далеко страна успела отделить служителей культа. И пройдёт много времени, прежде чем наши нигилисты спохватятся. Начнут изобретать, вернее, списывать у Иисуса Христа заповеди. Назовут их заповедями строителей коммунизма.

Но пустые души, подобно незасаенным полям, быстро покрываются сорняками. Правда, поля-то можно просто перепахать. А вот по духовным пустырям плугом не пройдёшься! Ладно, оставим философствования. Когда началась коллективизация, дед в числе первых вступил в колхоз. Но вскоре не поладил с записными активистами, всю энергию которых, похоже, отнимала борьба с мировым империализмом на многочисленных собраниях.

Все жилы вытягивала неравная классовая битва. Откуда ж бедолагам сил-то набраться для работы в полях? Вот и халтурили. А дед халтурить не умел, пустозвонства не любил. Так что с колхозом расстался. Актив, правда, настаивал на обсуждении отступных. Моральный урон оценили в четверть водки. Скрупулёзно подсчитанная компенсация учитывала и службу в церкви, и Георгиевские кресты (царские же!), и непокладистый характер.

После предполагаемого совместного употребления «компенсации» можно было обсудить вопрос о включении деда (а почему нет?) даже в актив. Грамотные люди везде нужны. Четверть водки деда, конечно же, не разорила бы. Но ох уж эти принципы! Посланные по известному адресу деятели многозначительно предупредили: «Ну, смотри, Петруха, как бы пожалеть потом не пришлось!» Случай для реванша представился скоро. Родной племянник деда, сын его старшей сестры Григорий Бувич, поспособствовал. Мама отрока Лукерья Александровна вторично собралась замуж, а шестнадцатилетний Гришка оказался в этом деле помехой. Вот она и упростила Христом Богом Петра Александровича взять юношу пожить к себе. Мол, иначе личной жизни полные кранты. Дед просьбу уважил.

Минуло несколько лет. Подошло время, дед женил племянника честь по чести. Племяшу процесс, похоже, понравился. Вскоре он переженился, отправив первую жену с ребёнком на все четыре стороны. Матери аморальные подвиги сына очень не понравились. Она, в свою очередь, предложила блудливому пареньку позабыть порог родного дома. Без затей указала на те же четыре стороны. Мол, там пускай и женихается, с новой-то молодухой! Наказала и деду гнать Гришку со двора. Выслушай женщину... дальше можно не рассказывать.

Пётр Александрович и поступил наоборот. Выделил Гришке из хозяйства полный пай. Стороны подписали соответствующие бумаги. Оно, конечно, топором-то написанное не возьмёшь. А чего рубить, когда можно потерять или сжечь. Сообразил племяш, какие наступают времена! Какие перспективы в смысле карьеры. Теперь только б в партию пролезть. Надо склепать пролетарское прошлое? Чтоб, окромя цепей, ни хрена? Плюнуть раз. Он же теперь не токмо сирота (при живой-то матери), но и батрак. А батрак кто? Пролетарий и есть. Угнетённый! Угнетённое не бывает. Смышлёного племяша тут же, причём чрезвычайно, стала угнетать беспредельная наглость деда, посмевшего оставить своей семье из четырёх человек половину хозяйства и собственного дома. Типичный кулак. Мироед ярый да классово чуждый элемент.

— Ах, родственник говорите? Какой-токой родственник? Раз фамилии разные, общего ничего с этими кровососами иметь не желаю! А желаю соответствовать историческому моменту! Что ж, признаем, двоюродный племянник Петра Александровича Сухачёва прозрел в строгом соответствии историческому моменту. Радетель за права угнетённых строчит телегу по известному адресу. Дальше телега закрипела по накатанной колее. Деда раскулачили, семью мироеда выкинули на улицу. Хозяйство и дом отошли мнимому батраку. Партия радушно и скоро распахнула объятия сознательному сельскому пролетарию. Нехилый гонорар за страничку текста!

А некоторые «Войну и мир» сочиняли. Ну да, Чехов-то Антон Палыч куда смотрел? Не сказал про сестру таланта — краткость Льву Николаевичу. А может, просто таланты бывают разные? Или сёстры у талантов? Актив злополучную четверть отыграл с лихвой? Нет, погодите. Вновь выявленного эксплуататора права голоса лишили. Вот теперь, пожалуй, будет с лихвой. Хотя сломать Петра Александровича не получилось. Он написал жалобу в Москву, на имя М.И. Калинина. Жалобу удовлетворили, полностью восстановили в правах. Основанием послужило распоряжение ВЦИК от 10 марта 1935 года. Наверное, при этом в столице неслабо удивились принципиальности товарищей на местах. Ведь даже при сильном умопомутнении трудно представить обладателя дома, сарая и одной свиньи отъявленным мироедом. Данные взяты из «Справки об имущественном положении жителя с. Ново-Кусково Сухачёва Петра Александровича» от 22 июля 1937 года. Племянника батраком москвичи воспринять отказались наотрез. Дьяконом служил? А Иосифа Виссарионовича за семинарское прошлое велите расстрелять тоже?! Пока неповоротливая отечественная бюрократическая машина восстанавливала справедливость, дед покинул село. Подался в Кемерово, но через год вернулся. Потом уже со всей семьёй перебрался в село Сергеево. Там похоронили старшего брата моего отца Сергея Петровича, который вернулся из трудармии с тяжёлой формой туберкулёза. И снова, летом 1937 года, понадеявшись на распоряжение ВЦИК, Сухачёвы двинули в Ново-Кусково. Не сладили с ностальгией.

Двоюродный брат деда Иван Чернышов приютил лишенцев. Однако лимиты на везение уже выбраны дочиста. Господь отправился собирать очередной урожай доспевающих яблок. Здесь, у чужого порога, в июне 1937 года Пётра Александровича Сухачёва и достали ежовые рукавицы. Многие, испытав на себе действие уже упомянутого мной репрессивного молоха, ломались. Стремясь сохранить жизнь, плели небылицы. Автору пресловутого приказа № 00447, одному из железных сталинских наркомов Ежову, чуть позже предоставили возможность на себе испытать силу

убеждения бывших коллег. Так вот, бедолага признался даже в гомосексуализме. Весьма экзотичное в те, уже пуританские, годы увлечение! И это помимо шпионажа, терроризма, участия в заговорах.

Дед до конца верил в законы и справедливость рабоче-крестьянской власти. Не забыл удавшееся битие челом всесоюзному старосте. Только пресловутые тройки к справедливости и закону уже отношения не имели. Причём никакого. Потому никаких, даже эфемерных шансов на объективность просто не существовало. Что дальше? Дальше за дело взялись профи из НКВД. Дед спокойно подписывает анкету и протокол допроса. А отчего же не подписать? Ведь на вопрос анкеты: «Участие в бандах, к-р. организациях и восстаниях» — записывается верный ответ: «Не участвовал». Рискую показаться многословным, но всё же приведу ниже выдержку и из протокола допроса. Вопрос: «Какую вы контрреволюционную деятельность проводили с указанными вами кулаками?» Ответ: «С указанными мною кулаками я никакой контрреволюционной деятельности не вёл».

Дед посчитал, что гражданин следовательно действительно хочет разобраться с его делом, а его долг ему помочь. Зря посчитал. Это была обычная практика той лихой години. Оперативный работник вызывал арестованного, разговаривал с ним, выяснял, где он работал, какие там были неполадки, аварии, после чего отпускал в камеру и принимался творить. Фантазировал. Все неполадки и аварии по месту работы фигуранта, о которых он рассказывал, без затей ему же в вину и вменялись, записывались как его контрреволюционная и диверсионная деятельность. Потом фигуранту предлагалось подписать протокол. Если тот упрямылся, требовал протокол прочитать, его не били и не пытали. Ему просто говорили, что подпись формальность, она требуется для разоблачения капиталистических государств в их подрывной деятельности против СССР, что ему-то лично эта закорючка уж совсем никаким боком не грозит. А у проклятых милитаристов костью в горле застрянет. И чего читать-то, драгоценное время тратить зря при таких раскладах. Большинство соглашались.

Согласился и Пётр Александрович. А расклады случились следующие. Дед, оказывается, организовал убийство члена сельсовета В.Н. Петрова в конце 1932 года. Допускаю, что данный гражданин был вполне достойным членом общества, только погиб-то он в пьяной драке. А дед в то время жил в городе Кемерово. Триста вёрст в один конец. Ещё Петру Александровичу, перебравшемуся в 1937 году на жительство в село Сергеево, оказывается, мечталось сжечь колхозный сарай в селе Старо-Кусково. Самому Вольфу Мессингу не грех бы поучиться у сержантов госбезопасности умению проникать мысли, причём на изрядном расстоянии. Искомый сарай

полюхнул в мае 1937 года, а дед вернулся в Ново-Кусково только в июне того же, 1937 года. Затем, уже в обвинительном заключении, слово «хотел» меняется на «сжёг», добавляется для большего антуража фашистская Япония — и можно вытирать пот со взопревшего сержантского лба.

Обжаловать? С луны вы, батенька, не свалились? Если кто не в курсе или подзабыл, напомним: в тройки входили секретарь обкома или райкома партии, начальник отдела НКВД, прокурор. Рассмотрение дел «контрреволюционеров» внесудебными органами (здесь можно упомянуть и «Особое совещание») проходило не только без свидетелей, но и без участия обвиняемых. 19 сентября было вынесено предсказуемое решение, а 25 сентября 1937 года деда расстреляли. Вот как, оказывается, может выглядеть кончина от крупозного воспаления лёгких. Холодная осень?

Скорее всё-таки зима выдалась лютой. Ведь — в согласно записи в Асиновском ЗАГСе, дед умер 5 января 1944 года самый разгар холодов. При полном отсутствии дома и имущества. Выходит, недаром, ох недаром, суетились активисты. В смысле, не задарма... И ведь до сих пор многие верят в пресловутую сказку про десять лет без права переписки. Ладно бабушка, ей сказали, она и поверила. Собрала передачу и отправилась на север Томской области в Колпашево. На барже.

Местные чекисты ей наплели про полную невозможность свиданки ввиду тяжести преступных помыслов осуждённого, от которых он и не подумал отказаться. Так что, конечно, дабы не усугублять его положение, бабушке надлежит валить по-тихому отсюда домой и надеяться. А на кого? Товарищи глубокомысленно простёрли пальцы вверх. Точно такие же небылицы плели и в отношении других расстрелянных. Даже глубоко уважаемый мною директор Томского мемориального музея истории политических репрессий Василий Антонович Ханевич им верит. «На сегодня у нас размещено порядка 500 биографий репрессированных, в том числе и известного Вам Лампсакова. Правда, он не был расстрелян, как Вы пишете, а умер в лагере в 1942 году». Это он мне написал и приложил соответствующую справку. Однако информация из «Книги Памяти Томской области» всё расставляет по своим местам: «Лампсаков Николай Александрович. Родился в 1875 г., Калининская обл., Удомельский р-н, с. Котлован; русский; образование высшее; б/п; райбольница, врач. Проживал: Томская обл., с. Н-Кусково. Арестован 12 июня 1937 г. Приговорен: 18 августа 1937 г., обв.: «Союз спасения России». Приговор: расстрел. Расстрелян 29 августа 1937 г. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. ».

Вот так, если отбросить сказочки про «десять лет без права переписки», дело и обстояло. Это штамп номер один, штамп же номер два про «Союз спа-

сения России» даёт ответ на вопрос, откуда брались контрреволюционеры, враги, значит, идейные. Ведь у мироедов что-то вроде должны экспроприировать, направляя затем конфискованное добро в доход государства.

А дом и имущество деда активисты распределили давно и между собой. Всё чин чинарём. Главное, утруждать и без того натруженные организмы составлением бумаг отпала необходимость. Сразу. Становится ясно и ежу, откуда же такая путаница с приговорами, датами и причинами смерти. Борцы за идею заматали следы. И замели. Ведь согласно справке Государственного архива Томской области № 451 от 14.05.1991, «... сведения о конфискации имущества у Сухачёва Петра Александровича не выявлены». Даже изъятое при последнем обыске охотничье ружьё с 350 зарядами испарилось по дороге в томскую тюрьму. Наверное, можно задать вопрос: стал бы Пётр Александрович Сухачёв активно способствовать установлению советской власти, знай он, что именно от её же имени его расстреляют 25 сентября 1937 года? Задать вопрос, наверное, можно. Только зачем? Ответ ведь более чем очевиден. Ну и где здесь справедливость? Или она, эта самая справедливость, в том, что капитан госбезопасности Иван Васильевич Овчинников получил орден Ленина за образцовое выполнение важнейших заданий правительства?

Овчинников в то время — начальник Томского ГО НКВД. Именно он утвердил своей резолюцией обвинительное заключение П.А. Сухачёву, как, собственно, и тысячам других. Получается, кривда торжествует, а правда вместе с нормальными людьми в земле гниёт? И «аз воздам» на этом свете явить нельзя, выходит? Иногда можно, выходит. Воздалось. Ежова расстреляли 4 февраля 1940 года. Нарком признался в терроризме, подготовке заговора и шпионаже. Не готовы обсуждать шпионскую и заговорщическую деятельность Ежова, но за полтора года действия приказа № 00447 органы арестовали свыше 1,5 миллиона человек, почти 700 тысяч из них приговорили к расстрелу. Масштабы, нынешним бен ладенам и не снившиеся! Овчинников подвергнут ВМН (высшей мере наказания) 19 мая 1941 года. Реабилитирован не был. Это Лаврентий Павлович, как умел, взялся в наркомате бороться с приписками и очковтирательством. А Иосиф Виссарионович восстановил справедливость. Тоже по-своему и тоже, как умел: «... нужно расстрелять».

Перед расстрелом у бывшего начальника Томского ГО НКВД И.В. Овчинникова было время подумать. Он подумал и написал следователям: «Да, безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление...

Я был поражён установками на размеры операции, на упрощённый порядок следствия... переживал тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху, со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией УНКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует, значит, так надо, значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов не только нарком НКВД, это для меня был прежде всего секретарь ЦК и председатель комиссии партконтроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него (со стороны УНКВД) я понимал прежде всего как ссылки на указания ЦК ВКП (б)».

Позвольте. Это кому Иван Васильевич хотел лапшу по ушам развесить? Бывшим коллегам? Перед которыми кичился количеством арестов и жертв? Или будущим поколениям попробовал на нос розовые очки нахлобучить?

Тогда жалко, что пока Сталина виноватить нельзя. Ничего, и Ежов авось сгодится! Точно уже не узнаем — на что надеялся? Точно знаем одно — Ежов в громоотводы не сгодился. Осталось добавить, что и врид начальника Асиновского РО НКВД сержант госбезопасности А.С. Салов, автор обвинительного заключения П.А. Сухачёву, общей участи не избежал тоже. Ему репрессии аукнулись в 1940 году. Пришлось испытать действие репрессивной машины на собственной шкуре. В качестве обвиняемого. И его ответы, тут уж не приходится сомневаться, частенько следователями толковались, как бы это помягче сказать, несколько вольно, что ли.

Артём Семёнович Салов за участие в репрессиях в Асиновском районе (создание клеветнических материалов и незаконные аресты) снят с должности в мае 1939 года. В июле 1939 года арестован; военным трибуналом 21 сентября 1939 года за года заключения в нарушения законности по ст. 193–17 УК осуждён на 4 ИТЛ. Осенью 1942 года на улицах города Асино можно было встретить бывшего бравого палача, которого досрочно освободили. Выглядел скверно — долговязый, кособокий, сутулый и совершенно седой человек. Салова где-то на пересылке заключённые узнали и отблагодарили — сломали позвоночник, сделав инвалидом. Но во время войны пострадавшего палача досрочно освободили. Нашему правосудию понадобилось двадцать лет, чтобы разгрести горы лжи в отношении Петра Александровича Сухачёва.

Вот выдержка из определения № 581 от 5 июня 1957 года Военного трибунала СибВО: «... В протоколе допроса Горковенко Н.С. зафиксировано, что он был вовлечён в антисоветскую группу Лампсаковым и по его зада-

нию завербовал в названную группу Сухачёва, Горковенко Р.С. и Иванова. Проверкой установлено, что Лампсаков в антисоветской группе не состоял и был подвергнут наказанию необоснованно, в связи с чем дело по обвинению Лампсакова прекращено за отсутствием состава преступления. Поэтому показания Н.С. Горковенко не соответствуют действительности, а в показаниях свидетелей Еньшина, Нартова и Богомолова не содержится конкретных фактов антисоветской деятельности Сухачёва.

Проверкой, проведённой Управлением КГБ по Томской области, установлено, что к моменту ареста Сухачёва в распоряжении органов НКВД не было данных о его антисоветской деятельности...» Вот такое дело, дело, сшитое в прямом и переносном смыслах белыми нитками. Ну да ладно. Бог им судья.

Гораздо важнее то, что, как уже говорилось, через двадцать лет после смерти, 4 июня 1957 года, Военный трибунал Сибирского военного округа Петра Александровича Сухачёва полностью реабилитировал. Вернул доброе имя. Поздно? Да, поздно. Ну что ж, во все времена, и наше не исключение, чести и достоинству изрядно достаётся в драках с человеческими пороками...

В каждой борьбе за власть присутствуют по крайней мере две правды, две идеи. И шут бы с ними, с правдами ль, с идеями ль, разбивай они

Встреча накануне 70-летия Победы

собственные лбы друг об дружку!. Ан нет, плохие ль, хорошие ль, но гибнут в борьбе за идею, вернее цель, которая потом оправдывает все средства, люди. Победители дружно провозглашают наступление эры справедливости.

На следующем витке исторической спирали следующие победители так же дружно голосят о наступлении следующей эры справедливости. И мы снова весь мир разрушаем до основания, а потом?! А потом снова — вверх по лестнице, ведущей вниз! Реформы реформировать!

Владимир Александрович Сухачёв

История нас постоянно учит тому, что она нас постоянно ничему не учит. Потому морщить лоб и изрекать глубокомысленные истины погодим. Просто — главные мужские задачи на этой земле дед успел подумает вот о чём выполнить: построил дом, посадил деревьев немерено, вырастил сына. А иметь в роду георгиевского кавалера и косить от воинской службы, согласитесь, несолидно как-то.

Павел Петрович Сухачёв — мой отец — демобилизовался из ВС страны в звании старшего лейтенанта. Почётный гражданин города Асино Томской области. Я, как и отец, отправился в запас старшим лейтенантом, в 1980 году, из Кабула. Отслужил и правнук Петра Александровича Сухачёва — младший сержант Владимир Сухачёв.

Мой сын пополнил географию вооружённого присутствия нашей семьи Кемеровской и Новосибирской областями. Ныне в его семье подрастают два будущих защитника Отечества — Артём и Андрей...

Прадед Сухачёв Александр Иванович, Сухачёв Павел Петрович (мой отец), Христинья Михайловна (бабушка) и Маруся Петрова.

Деда — Сухачёва Петра Александровича на свете уже нет, семья пока об этом не знает.

**Петр Сухачев с женой Христиной и сестрой Лукерьей
(в замужестве Бувич). Томск. 1915 г.**

**Сухачев Петр Александрович и Сухачева Хритинья Михайловна.
Фото: г. Томск, 23 декабря 1927 г. В бытность дьяконом**

Семья Сухачевых. Фото: 14 августа 1930 г. Главе семьи 39 лет, его жене Христинье 39 лет, сыну Сергею 19 лет, сыну Павлу 4 месяца 20 дней; племяннице Марусе 10 лет

**Сухачёв Пётр Александрович.
Фотография с фронта**

**Петр Сухачев — трижды
Георгиевский кавалер.
г. Екатеринбург. 24 авг. 1917 г.**

Дом Ивана Чернышова, брата бабушки, отсюда Сухачёва П.А. и забрали

Повесть об отце

Нина Андреевна Куранова, доцент Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук. Родилась 1954 г. в деревне Круглое Колпашевского района, где её отец Федорчук Андрей Никифорович был завучем Кругловского детского дома.

Наш отец, Андрей Никифорович Федорчук, родился 30 октября 1917 г. на севере Томской области, в селе Новоникольском Александровского района. Родители его были поляки, сосланные в Сибирь в 19 в. Настоящий север, Сибирь и морозы. Широкая и неприветливая на севере река Обь. Люди жили охотой и рыбной ловлей.

Отец рано остался сиротой, и мало что известно о его родителях. В селе у них был двухэтажный дом, держали лавку. Его отец, наш дед, охотился, и погиб на охоте от заворота кишок. Мать звали Нина, она происходила из семьи польских ссыльных, отец был похож на нее и всегда с гордостью говорил: «Моя мать была полячка!». Его любимой мелодией был «Полонез Огинского». После смерти мужа мать вышла еще раз замуж за вдовца с детьми Федора Агеева. У них родились ещё две дочери — Лиза и Фая. Но вскоре мать умирает от туберкулеза.

Отец вспоминал: приехал в школу-интернат отчим, сказал о смерти матери, дал калач. Отец ел его и плакал. Воспитывали отца учителя, собирали деньги ему на валенки, одежду. Всю жизнь любила и была с ним его сестра Лиза. Преданный человек. Когда началась война, именно ей в 1941 г. он сказал, придя в Колпашевский переулок, что идет на фронт. Уже в наше время она признавалась, что и не понимала тогда всего значения этого. И некому было его по-настоящему проводить. Всю жизнь прожила тетя Лиза в Новосибирске, преподавала русский язык и литературу, никогда не теряла связи с нами. Когда умер отец в деревне Черемушки, она вылетела из Новосибирска в Колпашево. Сидела в аэропорту, но самолеты в Подгорное не летали из-за половодья. Так и не удалось ей добраться до Черемушек. Только значительно позже тете Лизе удалось побывать на могилке отца.

Отец рано начал работать. И, конечно, это был детский дом. В 1937 году он участник Окружного совещания заведующих детскими домами. На фотографии он сидит в нижнем ряду, самый первый слева. Отцу 19 лет и он уже педагог. Как быстро в то время складывались человеческие судьбы. Такая была эпоха в нашей стране. Такие были люди.

Окружное совещание заведующих детдомами Нарымского округа.
г. Колпашево (08.03.1937 г.). А. Н. Федорчук 1-й слева нижний ряд

Ледоход на Оби в районе села Новоникольского

Польша – родина родителей матери отца

Колпашевский переулоч сегодня. В доме №2 жила семья отца

**Сестра отца по матери – тетя Лиза Яшкова (Агеева) – с
мужем Владимиром**

**Родственники отца по отчиму. Отчим – в центре.
г. Колпашево, 1960-е годы**

**Колпашево. Перед войной. Лето 1941-го.
Последняя довоенная фотография отца с друзьями**

Такие мирные, не ожесточенные молодые лица. Все еще живы, все...

На обороте рукой отца написано: «Первый ряд (слева на право) — Жданова Тася, Глазкова Валентина, Щербакова Валентина, Мария, Восполович Валентина. Второй ряд — Власов Леонид, Федорчук Андрей, Восполович Борис, Щербаков Вовка».

На фронт отец попадает в августе 1941-го. Калининский фронт. Битва за Москву. Воевал в составе разведывательно-лыжного батальона, который формировался в Новосибирске. Разведчики уходили в немецкий тыл на 10–15 дней. Во фронтовом дневнике пишет, что «... во время задания в тылу у немцев приходилось спать на снегу. Возвращались усталые и голодные. За месяц были на отдыхе всего 5–6 дней». В задачу батальона входил сбор разведывательной информации, взятие пленных, нарушение коммуникаций, связь с партизанами, диверсионные действия. А также — «тревожить немецкие штабы», по его выражению. В записной книжке есть запись о подрыве немецкого бронепоезда 1 апреля 1942 года группой отца.

Лыжные батальоны в тот период войны считались элитой Красной Армии. Они составляли мобильный резерв командования, использовались

в самых горячих точках для усиления стрелковых дивизий. Отбор в эти подразделения был на уровне десантных войск. В лыжные, а тем более разведывательно-лыжные, батальоны брали молодых, крепких, физически и морально выносливых парней. Лыжные батальоны были предназначены для действий в тылу врага, предательство или неподготовленность одного бойца могла привести к гибели всего подразделения. Батальон, в котором начал войну отец, формировался из сибиряков в Новосибирске.

Отец пишет: «Состав батальона в основном кадровые хлопцы — сибиряки, прослужившие по 2–3 года, и война помешала им уйти в долгосрочный отпуск, люди из одной области, одних (Новосибирской) и тех же районов, жили дружно, как подобает сибирякам». Хотя было всякое, отец называет двух перебежчиков к немцам — Кротова и Марковского, родом они — не сибиряки.

Командиром батальона был Анатолий Степанович Пампур, очень его любили солдаты. Относился он к ним как отец, провожал разведчиков в тыл и встречал их, радовался удаче, обещал по «маленькой». Погиб заместитель командира 127-й Отдельной Стрелковой бригады майор Пампур 28 июня 1943 года в Ленинградской области. В 1943 году ему было 30 лет. В Новосибирске осталась его жена.

Здесь же, на Калининском фронте, отец вступает в ВКП (б). Рекомендацию ему дает политрук Гуров. Гуров до войны из дневниковых записей отца «был секретарем райкома партии и работал в Новосибирском обкоме партии, ... рассудительный, хорошо политически грамотный, умел поговорить с бойцами, ответить на все интересующие вопросы... Впоследствии он стал комиссаром батальона».

Воевали в районе Тверской, Новгородской и Псковской областей. В районе Великих Лук и Невеля. Часто упоминается в записках отца река Ловать, протекающая в *Витебской, Псковской* и *Новгородской* областях. Сегодня — это красивая русская река, имеющая туристическое значение. В те времена вокруг нее, в соседних с ней деревушках велись боевые действия. Здесь, у реки Ловати, погибли в Пасху 1942 года восемь бойцов их батальона, товарищей, сибиряков из Новосибирской области.

Важным опорным пунктом немцев была станция Опухлики. Фронт в то время не представлял собой сплошной линии. Немцы создавали сильные и укрепленные опорные пункты, между которыми передвигались бронепоезда. Задачей разведчиков было получить информацию о немецких опорных пунктах. Один из опорных пунктов на железной дороге Великие Луки–Невель описывает в своих воспоминаниях маршал Белобородов: «Это

сильно укрепленные гарнизоны немецких солдат. Опясаны траншеей с ходами сообщения. Двойной забор с колючей проволокой. Кроме этого проволочный забор 10-метровой ширины на кольях. 13 тяжелых пулеметов, 15 легких, один крупнокалиберный зенитный и пара минометов — всё это составляло огневую систему пункта. Обороняло его от 100 до 300 солдат».

В тыл к немцам в районе ж.д. станции Опухлики Псковской области ходили солдаты разведывательно-лыжного батальона, в том числе и отец, в феврале 1942 года. Им помогали местные партизаны. От них и местных жителей разведчики узнали о страшной судьбе деревни Хмельнице, которую сожгли немцы за то, что жители на ночь дали приют нашим лыжникам. Об этом сообщил фашистам один из местных, изменник. Немцы собрали всех жителей в одно место, стали жечь деревню и расстреливать жителей, детей кидать в огонь. Отец в дневнике пишет, что после этого у него появилась звериная злость и к немцам, и особенно, к нашим изменникам.

Немцы в 41-м году, в надежде на скорую победу, вели себя очень жестоко. Позже, когда судьба их победы стала неясной, изменилось и поведение немцев.

В ноябре 1942 года отца, уже в звании сержанта, отправляют на курсы младших лейтенантов в Москву — в Кузьминки. На курсах он получает специальность связиста, и уже не возвращается к своим боевым друзьям — сибирякам. Но всю военную жизнь и после нее отец вспоминал те суровые, трудные и опасные годы, которые он провел в лыжном батальоне. Сравнивая сибиряков и москвичей, он всегда отдавал предпочтение первым, признаваясь, что не любит москвичей. Братство земляков, налагаясь на драматические события первых военных лет, когда война была другая, чем та, которой она станет потом, когда испытывался на стойкость каждый человек, когда впервые сталкивался с гибелью друзей — стало незабываемой страницей военной биографии отца.

С момента окончания курсов и до конца войны отец служит в 415-м отдельном батальоне связи 10-го танкового корпуса, который был сформирован 15 мая 1942 года в Горьком;

- 1 сентября 1942 года выведен в Резерв Ставки в район г. Можайска;
- в январе 1943 года ведет бои в составе Юго-Западного фронта;
- лето 1943 года — сражения в составе Степного фронта. Курская дуга;
- бои в составе Центрального, 1-го Украинского фронтов;
- за участие в форсировании Днепра получает почетное наименование «Днепровский»;

- в августе 1944 года сражение за Прибалтику;
- в 1945 году за бои на территории Германии, награжден орденом Суворова.

Воевал отец мужественно. А ведь работа военного связиста тяжела и опасна. Срок жизни на фронте полкового связиста краток: при ожесточенном обстреле зачастую рвется связь. Вот и вылезает связист из окопа под бомбы и мины. И часто уже не возвращается. Крупнейшая битва, в которой принимал участие отец в составе Воронежского фронта — Курская битва. Она началась 5 июля 1943 года. Закончилась 23 августа разгромом немцев. Это было сражение техники и людей. Особенно ожесточенные бои шли под Прохоровкой. В сражении участвовало около 1500 танков: порядка 800 — с советской и 700 — с германской стороны.

10-й танковый корпус, в составе которого и находился 415 Особый батальон связи (ОБС) отца, был брошен для оказания помощи *1-й танковой армии Катюкова*, ведущей тяжёлые бои на Обоянском направлении 8 июля 1943 года. Попали как раз под Прохоровку.

Командующий войсками 1-й танковой армии генерал-лейтенант танковых войск М. Катюков так вспоминает о Курской битве:

«Мы выбрались из щели и поднялись на небольшой взгорок, где был оборудован КП. Была половина четвертого дня. Но казалось, наступило солнечное затмение. Солнце скрылось за тучами пыли.

И впереди в полумраке виднелись всплески выстрелов, взлетала и осыпалась земля, ревели моторы и лязгали гусеницы. Как только танки врага приближались к нашим позициям, их встречал плотный артиллерийский и танковый огонь. Оставляя на поле боя подбитые и горящие машины, противник откатывался и снова шел в атаку». Это вполне соответствует в дневниковой записи отца о Курской битве: «... такого он не видел до конца войны», а повидать ему пришлось многое.

Из фронтовых записей отца о Курской дуге:

6/VII 43. Марш из Старого Оскола под Прохоровку. С марша в бой. Ожесточенные бои. Таких не видел до конца войны.

14/VII 43. Жуткое положение под с. Новенькое (район Ивня).

23/VII 43. Перешли в контрнаступление в направлении на Тамарьевку.

Здесь, за Курскую битву, отец получает свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

В наградном листе № 12981 написано: «Младший лейтенант Федорчук в боях с 7 по 16 июля 1943 года сумел организовать бесперебойную связь командира корпуса с командующими 183 и 178 танковыми бригадами.

Сибиряки – лыжники. 1941 год

На диверсионном задании. Калининский фронт

Река Ловать

Деревня Пасино сегодня. В деревне Пасино Оленинского района Тверской области базировался их разведывательно-лыжный батальон. Сегодня от нее остался один дом

Перегон у станция Опухлики

Тоден к сбирковей сечуде.

АЛФАВИТНАЯ КАРТА № 25436

136

1. Фамилия, имя и отчество	Оредорчук Андриян Кичур
2. Год рождения	1917
3. Звание	Сержант
4. № ВУС	7 Учитель
5. Партийность	Член ВКП(б)
6. Место работы и должность до мобилизации	Новоселидирская обл. Комитет Минский р. с. Новоселово
7. Откуда прибыл и когда	312819. <small>насть или Райвоенкомат</small>
8. Место рождения	Н. Сибирской обл. Александровск ский р. с. Н. Нико. исто.
9. Место жительства	Н. Сибирской обл. Комитет Минский р. с. Новоселово
10. Где и какие родственники проживают	8-9
11. Куда и когда отправлен	Нку Куров <small>мать, отец, жена</small> Мотва Курович
12. Особые отметки	Защита. медаль № 15/1/1

13. * * * * * 1942 г. Подпись [подпись]

Заказ № 1337.

Направление на курсы младших лейтенантов

Своим личным примером мужества и героизма, под ожесточенным огнем артиллерии и бомбардировкой с воздуха воодушевлял подчиненных на обеспечение бесперебойной связи. 14.7.43 г. в районе д. Новенькой устранил на восьмикилометровом направлении 36 повреждений, и когда линия связи пришла в полную негодность — проложил новую линию связи и держал связь до последней минуты, хотя командный пункт 183 танковой бригады перешел на новый рубеж».

По воспоминаниям отца здесь, на Курской дуге, для установления связи ему пришлось держать два конца провода зубами. В результате отец был контужен. И с тех пор немного заикался. Это произошло 19.07.1943 г.

На Воронежский фронте были у него и ранения в ноги. Нам он показывал шрамы. К сожалению, когда и как это произошло — теперь это неизвестно.

А дальше — Днепр и освобождение Украины. 20 октября Воронежский фронт переименован в 1-й Украинский. И недаром. Началось активное наступление на Украину, занятую вражескими войсками. Для этого надо было форсировать Днепр. Днепр является третьей по величине рекой в Европе после Дуная и Волги. В низовьях ширина Днепра достигала 3-х километров. Кроме того река была запружена в некоторых местах, что увеличивало ее ширину. И это предстояло форсировать нашим войскам. Немцы располагались на правом, высоком, берегу. Они готовились к этому сражению и были хорошо укреплены.

Советское командование разработало два плана наступления. Первый предполагал остановку наших войск на берегу реки и стягивание дополнительных частей к местам предполагаемых переправ. Но такой вариант давал время немецкому командованию на стягивание резервов в район Днепра, особенно мотопехоты, которая могла серьезно помешать нашим войскам.

Второй предполагал форсирование Днепра советскими войсками путем нанесения мощного удара без какой-либо подготовки сразу по всей линии фронта. Такой план не предоставлял немцам шанса на подготовку обороны своих плацдармов на Днепре. Но этот вариант означал огромные потери в рядах Советской Армии. Командование выбрали второй вариант.

22 сентября 1943 года началась первая переправа через Днепр. На такое большое количество бойцов не хватало плавсредств, форсирование проводилось на подручных. Отец говорил, что вода в Днепре была красной от крови. Только в Нижнеднепровской операции, в которой принимал участие Воронежский фронт, погибло 754 тысячи человек. Отец, обеспечивая

10-й танковый корпус

**Боевой путь Днепровского Ордена Суворова
10-го танкового корпуса**

Военные связисты

Битва под Прохоровкой

Форсирование Днепра

Днепр в местах боев отца, у деревни Монастырек, в 3-х км. от деревни Трахтемирово. Какой высокий берег! И его надо было взять. За участие в этой операции и мужество при форсировании Днепра отец был награжден Орденом Красной Звезды

В Прибалтике

Восточная Пруссия. Кенигсберг после штурма

Ты же выжил, солдат!

Польша. Последняя военная фотография отца, 1946 г.

Все молодые ребята! 21-23 года. А вот отец с кем-то из товарищей на фотографии. Очевидно, после демобилизации. На гимнастерке нет погон. Кто этот его друг? Может, один из тех, кого он называет в своих дневниках... На фотографии нет никакой надписи. А отцу в День победы 1945 года было всего лишь 27 лет!

связь, переправлялся через Днепр три раза в районе украинского села Монастырек. Спасала его судьба! Помогло ему и то, что он был физически тренирован, умел хорошо плавать. В молодости в деревне Нижненикольской он переплывал реку Обь.

Из фронтовых записей отца о форсировании Днепра:

1/VIII. Перешли в наступление на Харьковском направлении. Занят Тростянец.

30/VIII-43. Заняли гор. Зеньков — все в зелени, масса яблок.

31/VIII. Марш в Лебядки.

15/IX-43. Марш из Лебядки.

17/IX-43. Вступили в прорыв. Липовая долина, Чернуха, Яготин, Прилуцки, Пирятин, Переславль-Хмельницкий.

17/IX. Впервые увидел Днепр. На том берегу немцы, берег правый высокий. Мотопехота форсирует Днепр днем под огнем, кажется, наши зацепились на том берегу.

26/IX. Даю связь через Днепр, обстреляли, все благополучно. Трудные дни на плацдарме. Связист 183 м.б. Черемушкин, Семенов на всякий случай отмечает, где есть у берега сухой лес.

10/X-43. Наступление, все дрожит. Масса нашей авиации. Неудачно. Паршивое место, овраги.

12/X. Переправляюсь через Днепр третий раз в районе Ходорево. Каждый день следуют наши атаки, упорно зарылись немцы. Танки 3 армии ушли обратно на левый берег Днепра. На все усилия наши не могут прогрызть один километр, отделявший нас от соединения с другим плацдармом. Все Ходорево, ни единого дома, была цела церковь, и то немецкие бомбардировщики разбили, живем в норах.

23/X-43. День и ночь обстрел. Наши атаки на плацдарме следуют одна за другой. 50 «Илов» штурмовали два раза одну незаметную высоту в районе хутора Первомайского. Газета корпусная и фронтовая призывают «Вперед на Киев». Приближается 26 годов. Октябрь, все сидим на одном месте. Дороги от дождей разбухли, ни проехать, не пройти. 1/XI-43. Атаки наших продолжаются и упорно. Говорят, что немца оттянули на наш участок из района севернее Киева.

5/XI. Сильная атака наших, но без особого результата. Говорят, что севернее Киева, наши начали наступать. Хорошо бы удачно.

7/XI. Праздники, взяли Киев. Рады все.

В наградном листе № 35 от 24.10.1943 г. написано: «В боях за правый берег, за дальнейшее расширение плацдарма на правом берегу Днепра младший лейтенант телефонно-кабельного взвода Федорчук, проявляя образцы мужества и героизма, сам лично в трудных условиях организации связи обеспечивал командование корпуса бесперебойной связью. Так с 23.09.43 по 26.09.43 он давал связь на переправу в районе деревни Монастырек. 2 раза тов. Федорчук наводил линию под огнем врага. Приходилось по суткам не уходить с линии, но связь работала бесперебойно. Командование в любое время руководило переправой войск через Днепр 10.10.43. Мл. л-т Федорчук с двумя бойцами давал связь на правый берег группе майора Ковалева. Линию наводил днем под шквальным огнем противника. За умелую организацию связи на правый берег, за проявленное при этом мужество и находчивость и умелое руководство взводом достоин правительственной награды орденом «Красной Звезды».

Третья награда Орден Отечественной войны I степени была получена отцом в Прибалтике. Шел 1944 год. Три года жизни на войне! В наградном листе № 104 от 28.11.1944 г. написано: «Вечером 24 ноября 1944 года лейтенант Федорчук получил приказание дать проводную связь за наступающими танками 186 ТБр из населенного пункта Поди по дороге в населенный пункт Вишва. Лейтенант Федорчук лично с отделением связи начал давать связь. Сильный артиллерийский и минометный огонь противника не дал пехоте подняться сопровождать танки, и они вырвались вперед одни. До-

рога и лес, прилегающий к ней, подверглись сильнейшему обстрелу из артиллерии и минометов, а также простреливались немецкими автоматчиками, засевшими в лесу в 200 метрах от дороги. Обстрел был настолько сильным, что связисты дважды пытались тянуть связь и лишь на третий раз, воодушевленные личным примером лейтенанта Федорчука смогли сделать это. Всю ночь противник не прекращал арт. мин. огонь, и линия непрерывно рвалась, но лейтенант Федорчук своим руководством и личным участием обеспечил устранение порывов, дав возможность командиру корпуса передать командиру 186 ТБр ряд важных приказаний».

Из фронтовых записей отца:

17 сентября 1944 г. вступили в бои в Эстонии, г. Вару.

20.09 вступили в Латвию.

10.X. Погрузились на ст. Елгова (Митово).

13.10. Вступили в Ригу.

14.10. Прибыли в район города Митово.

2.XII.44. Выехали из Латвии. Р-н города Салдус.

Были и еще другие сражения и награды отца. Точно знаю — медаль «За взятие Кенигсберга». Но многое уже и не помнится. Закончил отец войну в Польше.

В День Победы рассказывал отец, что узнав о капитуляции Германии, все выбежали на улицу и стали стрелять вверх из автоматов. Это был миг ликования! Но что ждет солдат впереди? Писатель Виктор Астафьев, сам прошедший войну, пишет, что **даже если страна выиграла войну, то поколение победителей проиграло. Другие правила у мирной жизни, другой ритм и правят, к сожалению, ею далеко не те, кто воевал. Сколько судеб поломала человеческих война и у тех, кто погиб, их семей и у тех, кто выжил!**

Понемногу стало распадаться воинское братство, уезжали солдаты домой. Отца оставили работать в школе для детей советских военнослужащих в Польше. Демобилизовался он лишь 15 октября 1946 г.

В дневнике он пишет:

16/VIII-46 г. Выехал на учительскую конференцию в гор. Лигниц.

15/X-46. Ушел из состава Сов. Армии. Демобилизован.

5/XII-46. Уехали боевые друзья по Отечественной войне, мои солдаты: Симбирцев, Егоров, Большаков, Алиханов, Медведев, Кулаков, Щербаков, Козрачев — в Одесский военный округ.

16/XII. Уехал последний друг Соколов, замечательный солдат и футболист. Почему-то становится грустно, читая эти записи. Распадается старая военная, сплоченная фронтовая жизнь, встретятся ли потом друзья, что впереди...

Мне удалось найти по сайтам «Память народа» и «Подвиг народа»:

1. Симбирцев — не найден

2. Егоров Александр Иванович, 1923 года рождения, из Ярославской области, комсомолец. На фронте с 1943 года. Награжден медалью «За отвагу» в 1944 г. Телефонист.

3. Большаков Иван Никитович, 1924 года рождения, из Балашихинского района Московской области, комсомолец. На фронте с 1943 года. Награжден медалями «За боевые заслуги в 1943 г., «За отвагу» в 1945 г. Младший сержант, ст. телефонист.

4. Алиханов Давлятмали, 1922 года рождения, из Сталинабадской области Таджикской ССР, узбек, в партии с 1944 г. На фронте с 1941 г. Награжден медалью «За отвагу» в 1945 г. Сержант, ст. телефонист.

5. Медведев Александр Васильевич, 1924 года рождения, из Горьковская области, комсомолец. На фронте с 1943 года. Награжден медалью «За отвагу» в 1943, Орденом Славы III степени в 1944 г.

6. Кулаков Николай Павлович, 1924 года рождения, из Ногинского района Московской обл., д. Вишняково. В партии с 1944 г. На фронте с 1943 года. Награжден медалью «За отвагу» в 1943 г., Орденом Красной Звезды в 1945 г. Младший сержант, ст. телефонист.

7. Щербаков Геннадий Иванович, 1922 года рождения, из Куйбышевской области, комсомолец. На фронте с 1942 года. Награжден медалью «За отвагу» в 1944 г., Орденом Красной Звезды в 1945 г. Младший сержант.

8. Козрачев Зайтун Мухамедович, 1924 года рождения, из Татарии, Сармановский р-н, татарин. Комсомолец. На фронте с 1943 года. Награжден медалью «За боевые заслуги» в 1943 г.

9. Соколов Вячеслав Петрович, 1924 года рождения, из Переславского района, Ярославская обл. Комсомолец с 1942 года. На фронте с 1943 года. Награжден медалью «За отвагу» в 1945 г. Младший сержант. Шофер. Друг отца.

Самое трудное — воссоздать послевоенную жизнь отца. Мало документов, ведь война, как народное событие, закончилась. Началась частная жизнь, у каждого своя. Она не документируется историками. Мы с сестрой были малы и непонятливы. А жаль... Собирая по крохам информацию, вспоминая то, что слышали, что рассказывала мама становится понятно, что целостной картины не получается. Но пробуем.

Очевидно, начало мирной послевоенной жизни отца было радостным и многообещающим. Он вернулся к любимой педагогической деятельности. Его знали как фронтовика, на него можно было положиться. Неординарность, талантливость, как отмечали многие, энергичность — все это помогало его ра-

боте. Вскоре отца назначают зав. сектором детских домов Томского облоно. Поступает учиться в Высшую партийную школу — надо было получать высшее образование. Все шло к его росту по административной лестнице.

На фотографии он сидит 3-й справа во втором ряду, красивое и светлое лицо, хорошо одет, молод. У этого человека все впереди. К этому же периоду времени относится его знакомство с мамой. Мама, Бобухова Любовь Прокопьевна, работала после окончания Томского педучилища в Тоинском детском доме, расположенном в деревне Черёмушки, недалеко от райцентра Подгорное, воспитательницей.

Мама была очень хрупкая, поэтичная девушка, мечтавшая о Ленинграде, воодушевленная городом во время работы в эвакуированном в Черёмушки Томской области Чаинского района Ленинградском детском доме. На фотографии педколлектива Ленинградского детского дома она (Бобухова Любовь Прокопьевна) сидит, вторая слева.

Отец после служебной поездки в Тоинский детдом, написал маме письмо, где отметил, что ему понравилось, как она работает. Мама признавалась, что письмо это было для нее полной неожиданностью. В детском доме после его поездки существовало стойкое убеждение, что Андрею Никифоровичу понравилась воспитательница Нина Годунова. Они стали переписываться. Вскоре отец помог маме переехать в Томск, где она работала в 9-м детском доме, а потом они поженились. Но не все было так просто, сказывались привычки войны. До войны, как признавался отец, он не курил, не пил. Сейчас появилось и то, и другое. Начала закладываться драматическая составляю-

щая жизни отца. В одной из инспекций в детский дом он позволил себе застолье с директором, что и привело к его снятию с должности.

В конце 40 годов отца перевели на работу завучем в Кругловский детский дом, что, возможно, больше и соответствовало его деятельной натуре. Круглое — поселок, расположенный в тайге недалеко от г. Колпашево. На тот момент там было три больших организации — дом инвалидов и детский дом, колхоз. Глушь была несусветная! По поселку пробегал лось. Охотились на медведей. Зато ягод, грибов, черемши

Послевоенная фотография отца. Надпись на обороте, сделанная рукой нашей т.Лизы: «Любимый братишка Андрюша. 1948 год с. Шегарка».

и прочего лесного богатства было предостаточно. Грибы солили кадками, ягоды носили ведрами.

Работал отец много. Весь день он находился на территории детского дома, не по одному разу заходил к ребятам в спальни, шутил и смеялся с ними. А главное — занимался с воспитанниками спортом. Стали строить стадион. Для этого носилками засыпали болото, которое находилось на территории детского дома. Им предложена была система наказаний — за нарушение дисциплины нужно было принести то или иное количество носилок с землей на место строящегося стадиона. То и дело на территории детского дома, как вспоминала мама, был слышен голос отца: «Восемь носилок!», «Десять носилок!». Ребята не очень-то обижались на отца, понимая, что это для общего дела! За то потом, с каким азартом гоняли мяч по полю! Для послевоенных детдомовцев, воспитанников трудного, но искреннего времени, когда не хватало мужчин, и еще не забыта война, отец должен был быть и был воплощением фронтового мужества, необходимого и в мирной жизни.

Коллектив педагогов Ленинградского детского дома с Черемушки

Кругловский детский дом на областной спартакиаде. Ведет колонну отец, А.Н. Федорчук

В книге «Сирота Сибири» о Кругловском детском доме вспоминает бывший воспитанник Пшеничкин Анатолий Яковлевич. Сейчас он зав. лабораторией геологии золота Томского политехнического университета, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, уважаемый ученый и принимал активное участие в создании Союза выпускников детских домов и интернатов Томской области.

«Когда к нам в детдом перевели заместителем директора (а потом он стал директором) Федорчука Андрея Никифоровича (по-моему, в 1948 или 1949 г.), то жизнь в детдоме резко изменилась. Во всех сферах. Его методика воспитания была основана на системе Макаренко. Он создал отряды. Командиры отрядов. Совет отрядов детдома. На первых порах он назначал «начальников». Потом демократическим путем выбирали их. Меня он назначил, уж не знаю почему, в совет отрядов детдома ответственным за учебу, где я и пробыл до выхода из детдома в 1951 г. Отряды, особенно в летнее время, занимались хозяйственными работами: посадка картофеля и овощей, прополка, уборка, заготовка дров и сена для детдомовского стада коров и быков; помощь в сельхозработах колхозу. Кажется, колхоз назывался «Путь Ильича». Председателем колхоза был Чуйков. В колхозе летом мы занимались в основном прополкой. А осенью старшие ребята работали на уборке урожая и заготовке сена.

С приходом Федорчука у нас резко повысилась дисциплина, кружки организовались. Духовой, хор, драматический кружок. Этим всем руководил хороший музыкант, который играл на всех струнных, духовых инструментах, Пархоменко. Его откуда-то пригласил Федорчук. Мы вдруг все заболели спортом, особенно футболом и волейболом. На территории детдома было болото. Мы его осушили, разбили футбольное поле, сделали волейбольную площадку, обустроили полосы препятствий. Первый раз на спартакиаду детских домов области в Томск мы поехали в 1949 г., заняли где-то 20–25 место. На второй год — одно из первых. А с 1951-го года Кругловский детдом постоянно, пока его не расформировали и не перевели в Тогур, занимал первые места».

Оценивая прошлое с позиции ушедшего времени — Кругловский детский дом занимал самое большое место в жизни отца, это самый близкий ему период из послевоенной жизни. Здесь он жил!

В 1952 году отца снова призывают в армию, на Дальний Восток, в бухту Единка, Тернейского района Приморского края. На границе с Хабаровским краем. Там он служил на радиолокационной станции. Это его третья служба

в армии, послевоенная. Более восьми лет из жизни отца отдано армии. Ехал он Дальний Восток через Томск.

Бухта Единка

Мама провожала его до станции Тайга, что в Кемеровской области. От нее начиналась Транссибирская магистраль. Отец очень скучал по дому, ребятам. А они скучали по нему. Из Кругловского детского дома шел поток ребячьих писем отцу. Он отвечал, а его письма читали вслух воспитанникам. Многие из писем ребят сохранились. Отец бережно относился к ним, сшил в одну, общую тетрадь. Это были так нужные ему и потом свидетельства искренней любви к воспитателю.

Вот одно из них: «Привет из Круглого. Здравствуйте дорогие Андрей Н. С горячим приветом к вам Маня. В первых строках моего письма я хочу сообщить о том, как мы живем и учимся. Живем хорошо, учимся тоже ничего. Андрей Н., мы часто вспоминаем, как мы занимались с вами тренировкой в столовой. Некоторые совсем не умели, вы научили. Вы много положили труда для спортсменов, с которыми вы занимались. Не забудем мы вас никогда. Нам очень было жаль расставаться с вами. Вы очень много положили труда для детского дома. Когда получили от вас письмо, были очень рады. Когда мне сказали, что вы прислали письмо, я побежала во второй корпус, где читали нам ваше письмо. Все с таким вниманием слушали письмо. У нас сейчас работает завучем Александр Федорович. Мы весь шестой класс живем в 3 корпусе. Я работаю с отрядом 6 класса девочек. Скоро начнем ходить на лыжах. Андрей Никифорович, скоро начнем готовиться на олимпиаду.

Андрей Никифорович, поздравляю вас с Новым годом.

В первом корпусе у нас находится клуб. Андрей Никифорович, я вступила в комсомол 25 октября. Вы не обижайтесь, что написала с ошибками. Андрей Никифорович, когда вы работали у нас, то вы часто посещали корпуса,

больше находились с воспитанниками, все внимание уделяли на детей, даже не считались со временем. Большое вам спасибо, что научили нас спорту. Были бы вместе с нами, было бы хорошо. Ходили бы на лыжах с нами. Лыжной базой у нас руководитель является Николай Павлович. Без вас никакого желания нет, чтобы заниматься на лыжах. Андрей Никифорович, пишите чаще нам письма. Пока, до свидания. Жду ответа. Маня 19.11.52 г.»

Много раз обращался отец в Министерство обороны, объясняя, что его призвание — это работа с детьми, он педагог, а не военный. Просил освободить его от службы. Я видела сохраненные отцом ответы из Министерства обороны, в них были отказы. Но очевидно настойчивость сыграла свое, вскоре отец вернулся в Круглое.

Через некоторое время в Круглое переезжает мама. В 1954 году родилась я. Отец по-прежнему пропадал на работе, так что маме пришлось переносить все хлопоты, связанные с ребенком, на своих плечах. Главное для него — была работа, он жил ею! Тем более, что опыта своей семейной, домашней жизни у него не было. Сам был сиротой, потом — война. Мама говорила, что только к концу жизни отец стал понимать, что такое семья. Как завуч, он был требователен ко всем, даже к маме. Но остался в моей памяти один из рассказов мамы один такой трогательный эпизод. Она приходит домой, отец показывает меня, совсем маленькую, своим друзьям.

С 1 сентября 1955 года Кругловский детский дом был ликвидирован, а дети и часть воспитателей были переведены в Тогурский детский дом. Отец остался в должности завуча. Мы переехали в рабочий поселок Тогур, расположенный рядом с г. Колпашево. Опять распалась общность людей, сплоченных одной жизнью, работой. Приходилось приспособливаться к новому коллективу и порядкам. Начинался самый драматичный период в жизни отца.

Детский дом в Тогуре располагался на большой площади. Были корпуса для воспитанников, дома, где жили сотрудники, аллеи, цветники, сады. Было подсобное хозяйство и огород, как это повсеместно делалось в 50-е годы во всех детдомах. Помню низкорослые, кустами, сибирские яблони. От центрального входа шла большая дорога, вдоль которой стояли дома, в том числе и наш. Жизнь в Тогурском детском доме кипела. Воспитанники ставили спектакли в клубе детского дома. Запомнился спектакль «Два клена» по Шварцу. Ходили смотреть его как воспитанники, так и дети и жители Тогура.

В Тогуре родилась моя сестра Таня. Отец очень хотел сына и был огорчен рождением второй дочери. Но когда увидел, что она похожа на него, всем сердцем полюбил ее.

Я многое понимаю сейчас в отце, глядя на мою сестру. Воодушевленность, горение для общего дела, самоотдача — всего этого сполна было в характере отца. И тяготение обычной серой жизнью, житейскими заботами.

Где-то в Тогурском детском доме есть посаженные мамой деревья. Одно — мое, другое — сестры Тани.

Территория Тогурского детского дома. Мы жили в доме слева

...Жизнь на территории детского дома в 50-х гг. была чревата разными детскими инфекционными болезнями. Болела и я вместе со всем детьми детдома.

Тем более, что с нами, малышами, возились многие ребята — воспитанники. Фактически мы жили с ребятами. И называли нас с сестрой Чук и Гек.

В Тогурском детском доме шла внешне та же жизнь, что и в Кругловском. Но именно здесь был поворотный момент в судьбе отца. Окончательно изменена его педагогическая судьба. Я не хочу сказать — сломана.

У людей всегда есть шанс, но здесь пошло по-другому. Подробности мне не известны, они связаны с руководством Тогурского детдома. Возможно, боялись, что его назначат директором. В отношении отца повод найти можно было всегда (он стал выпивать). Но даже наша мама, всегда деликатная в отношении к людям, говорила о ситуации и руководстве детдома с обидой.

В дальнейшем мы, и после смерти отца, не бывали в Тогурском детском доме.

**На скамейке в скверике. Отец с любимой дочкой Таней.
Несколько фотографий отца Тогурского периода**

Мы с отцом. На заднем плане наш дом. В соседях, если не ошибаюсь, был Пархоменко, музыкант и друг отца. Позже он уехал в Новосибирск. Я на фотографии, несмотря на весну, в шубе и шапке. Перенесла только что скарлатину

В 1959 году отец теряет работу в Тогурском детском доме. Мы переезжаем в г. Колпашево. Отец устраивается воспитателем в СПТУ № 2, мама — тоже воспитателем в Колпашевский детский дом. Больно писать о дальнейшем. Менялись работы. В поисках работы отец уезжал на год в северную школу-интернат, где-то на Оби. Оттуда он писал нам письма печатными буквами. А мы — ему. Были попытки лечиться. Но — что это дало бы ему, не знаю. Были ли силы начать все заново? И был ли для этого шанс? От этого зависел смысл жизни.

Детство в воспоминаниях, как правило, светлое. Но отец моего детства вспоминается с грустью. Как символ этого — запомнившаяся картинка. Мы с подружками возвращаемся из школы вечером домой. Зима, темно на улице. Свет у крыльца нашего дома. Отец рубит дрова. Сосредоточенное лицо. Отстраненное. Будто что-то обдумывает.

Какое-то время он работал в Доме пионеров г. Колпашево. Наверное, после СПТУ № 2. В Доме пионеров все-таки были дети. Вел туристический кружок, кружок по рисованию. Он всегда хорошо рисовал, сам оформлял школу к праздникам.

Памятна наша поездка в Киярово, где был летний туристический лагерь Дома пионеров. Киярово — деревушка на одной из проток Оби. Высокий берег, совсем немного домов, нет электричества, начальная школа в небольшом домике. Глушь. Ехать туда надо было на речном трамвае. Отец встретил нашу компанию, вечером был костер. Помню, один из туристов, мальчик лет 15–16-ти, пел у костра под гитару популярную тогда песню о друге: «Если и радость на всех одна, то и беда одна...». Спали на полу в школе. А утром отец отвел нас в смородиновые места. Подведет к кустам, смородины много, покажет, а сам другие места со смородиной ищет. Простая природная жизнь. Что-то в таком духе на фотографиях.

Еще в памяти такой эпизод. Перед Новым годом и елкой в Доме пионеров отец украшает наши новогодние костюмы, пришивает стеклянные бусинки, приклеивает снег, обшивает валенки для Снегурочки, сидит над этим до поздней ночи.

В 1964 году родители приняли решение переехать в Чаинскую школу-интернат, в поселок Черемушки, в 3-х километрах от районного центра Подгорное. Там раньше и работала мама. Сначала, на год, туда уехал отец, потом перебрались и мы. Отец говорил, что директор там — нормальный человек. И действительно, не только директор, Николай Яковлевич Бочков, но и весь педагогический коллектив был в Черемушках дружный, нравственно здоровый, образованный.

Чаинская земля рождает только такое. Это был шанс на работу, денежное благополучие, относительно спокойную жизнь. Места природы там поэтические. Река Чая с коричневого цвета водой, озера, леса, земляника. Заросли черемухи. Школа на пригорке, к ней длинный тротуар. А самое главное — люди. В поселке жили работники школы-интерната, посторонних не было, зато было много ссыльных из Прибалтики. Жили дружно, ребята росли на свежем воздухе, да и порядки были хорошие. Недаром все бывшие воспитанники ни о ком плохого слова не говорят.

Первое время мы жили в центре деревни, потом переселились в квартиру побольше на берегу Чаи. Отец оживился, купил лодку, к весне готовился рыбачить. Решил меня научит управлять лодкой, да неудачно, не вышло

Мы с сестрой Таней в новогодних костюмах на елке в Доме пионеров

**Туристы перед походом, на крыльце Колпашевского Дома пионеров.
Крайний справа стоит А.Н. Федорчук**

Фотография нашей семьи, 1963–64 год, г. Колпашево

Отец с ребятами на рыбалке

Без ребят...

Последняя фотография отца

Чайнская школа-интернат... Чайнская земля

из меня рыбака. Зато всегда с удовольствием я ходила с ним на озеро, где он ставил сети. Карасей иногда попадалась так много, что, не разбирая сетей, он приносил все это домой.

Приглашал соседей, все брали столько, сколько надо. Ни о какой плате речь не шла. Так и помню картину — на высоком крыльце сидит отец, вокруг соседи и за неспешной беседой разбирают улов. Вспоминается и забавный случай с рыбалкой.

Отец шел с рыбалки с уловом, за ним погнался бык, пришлось бросить улов, перепрыгивая через забор. Остались в памяти небольшие эпизоды. В новой квартире прежние хозяева оставили нам кошку с ее дочерью. Обе вместе и почти одновременно родили нам одиннадцать котят. Никто из родителей не мог их выбросить, так и жили. Вообще отец был ласковым к животным. Помнится интонация его голоса, когда звал кошку: «Киска!».

Ещё вспоминается как нам с сестрой купили в Подгорном велосипед. И мы стоим все вместе, с велосипедом, ждем переправы через Чаю. Или — родители пошли в Подгорное за покупками, обещали нам диапроектор. Вечер, ждем. Наконец появились их фигуры, идут через поле к нам. Или — я обиделась на него и прячусь на чердаке. Он по лестнице забирается ко мне.

Конечно, отец попивал. Мама вспоминала, что он признавался ей: «Вот выпьешь, и вроде веселее становится». Но мама и отец работали воспитателями в одной группе, это позволяло им легче договариваться о работе. Шло какое-то успокоение в жизни, возникала устроенность.

Весна 1966 года была с большой водой. Река Чая поднялась почти к нашему дому, все овраги были затоплены. Днем 17 мая отец поехал на рыбалку. Был трезв и сосредоточен. С группой ребят в детдоме работала мама. Она вспоминала, что незадолго до этого прибежала на обед, поворчала на отца за плохой почерк. Была комиссия, проверяла планы, а они были написаны отцом с его непонятным почерком. Мы играли рядом с домом в мяч с подругами. Мимо проехал отец на лодке. Там, на рыбалке, и случился с ним сердечный приступ. Хотя всегда он говорил: «Уж что-что, а сердце у меня здоровое».

Провожали в последний путь отца всем детским домом. Длинная колонна воспитанников шла по лесной дороге. Так, как он хотел этого...

Писать надо для памяти

В. Г. Морозов, выпускник 1953 г. Бакчарского детского дома

Для тех, с кем бедовал в тех временах. Много в голове и мыслей, и чувств, и эмоций. Пишу про то, как мы, дети, жили-были во время военное, и что сохранила моя память о жизни нашей семьи. Стандартная схема для того времени. Отец пропал без вести на фронте, была такая формулировка во времена войны: мать умерла от голода, добывая для нас пропитание. В Новосибирске было. Наш адрес того времени: город Новосибирск, Кировский район, улица Песочная, дом номер один. Нас трое детей. Старшему брату Ивану семь лет, мне пять и младшей сестре Тамаре два года. Брат и сестра ныне покойные.

В конце октября или начале ноября 1943 привезли в детскую комнату милиции. Нас со старшим братом отправили в Томский детский приемник; такое заведение в те времена в милиции было. Описывать обычаи и нравы заведения не буду. Из детского заведения меня отправили в Бакчарский детдом, а брата в Белоярский детский дом Томской области. Сестру отдали в частные руки в Усть-Тарский район Новосибирской области. Не понятно, почему нас отправляли по разным местам. Если братья и сестры растут рядом, они вырастают с чувством родных людей в сердце и чувством достоинства, что они — люди. Да ладно, Получилось, как получилось. Все во вселенной закономерно. Все делается в свое время и на своем месте.

Отца забрали на войну 19 января 1942 года. Куда, в какое военное формирование? Ответа нет до настоящего времени. Смотрел амбарные книги, в которых их записывали, когда призывали — сплошные пропуски по всем графам, кроме фамилии, имени и отчеству и года рождения. Там записано: Морозов Гаврил Дмитриевич 1912 год. Ничего больше. Торопились записывающие очень. И в списках погибших не значится отец. Другим повезло больше. Похорожки были, и они вроде как светлые, а у кого нет похорожки — как и не участники войны. Нет никакой информации: ни куда после мобилизации его направили, ни места где воевал, в какой должности, в каком звании. Был человек, и не стало его, даже в памяти. Война. Не повезло нашему отцу с матерью, а с ними ни его детям, ни его внукам, ни его правнукам.

Мать, Морозова Анна Сергеевна 1913 года рождения, одна мыкалась два года с тремя малыши детьми, и похоронили ее в деревне Казанка Новосибирской области без гроба, без креста; просто замотали в старые тряпки люди добрые, которые оказались рядом. Спасибо им. Многие так жили в те

сатанинские времена. Так и хочется сказать Сталинские, и сказать спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство.

В детский приемник города Томска доставили в конце 1943 года. По дороге из Новосибирска в Томск, в поезде, украли бушлат, который дали при отправке. По приезду в Томск снова был гол, как и при появлении в заведении в Новосибирске. На вокзале Томска зима, ночь, темнота, холод, сильный ветер, на мне немыслимый старый пиджак вместо теплого бушлата; крики и подзатыльники сопровождающей. В месте назначения все успокоилось. Запомнил, что какие-то подарки на Новый год давали и у меня, как и у остальных малышей, их украли. В июле 1944 года нас (большая группа детей) на фронтовых грузовиках ЗИС-5 необорудованных, попутных везли из Томска в районный центр — Бакчар. Грузовики фронтовые, с орденами на стеклах. Мода такая была. Машин много, детей тоже много. Пыль, жара. В кузове запасное колесо по кузову пассажиров гоняет; пассажир от колеса, колесо за пассажиром. Многие не выдерживали. Пришлось делать остановку, привезли из Бакчара хлеб и масло. Но кушать было нечего и некому. Масло растаяло от жары, хлеб весь в крошках от тряски, дети в полубморочном состоянии от жары, тряски и пыли; после остановки жуть от комаров. Что в детдоме понравилось. Сажали деревья, малину, смородину, даже яблони. Попробовать яблоки не пришлось. Не пришлось пробовать смородину-малину; к какому-нибудь ремеслу приучали. Могу сделать стол, табуретку, могу подшить валенки, поставить заплатку на ботинки. Сажали картошку, овощи, ухаживали за ними, убирали урожай. Заготавливали дрова, косили сено, осушали территорию детдома дренажными канавами. Работали в помощниках на кухне. Ухаживали за скотом рабочим. Конями и быками. Могли их запрягать и управлять ими. Радость большая, когда на скотном дворе родился жеребенок. Тогда прятали пайку и несли жеребеночку. Много времени проводили в лесу, на реке, на свежем воздухе. Чтоб не ходить на обязательные работы мечтали получить какую-нибудь болячку. Не получалось. Да и медицины не было.

Всегда босяком по любой стерне; и форма летняя — трусы и майка. Не зависимо от капризов погоды. Жили и развивались сами по себе. В 1947 году, летом многих воспитанников забрали демобилизованные родители. Но повезло не всем. Общее количество воспитанников уменьшилось наполовину. Питание улучшили. В 1949 году построили клуб. Кто руководил самодеятельностью в клубе не знаю. Интересно было. Самым любимым номером был шумовой оркестр. Самовыражение и фантазия без границ. Спектакли тех времен этого клуба: Тимур и его команда, Золушка, Потерянное время, Двенадцать месяцев. Потом все оборвалось. Игры были групповые: лапта, городки,

попа-гоняло, чижик и другие летом, зимой — кавалерия, чехарда-езда в помещении. езда с горы на катушках. Построили футбольное и волейбольное поле. Играли в футбол и волейбол. С мячами было трудно. Дрались по правилам: драться только кулаками; двое дерутся третий не подлазь; драка до первой крови; лежачего не бьют. Можно написать большую книгу под названием: жизнь в Бакчарском детдоме в военное время.

Электрического света и радио не было. Исключение — маленький дизель-генератор для МТС района. Электричество и радио появилось после строительства маленькой ГЭС на речке Галка, после того как добавили в ведомство капитана Кыскаль, (начальник НКВД Бакчарского района), очередной партии ссыльных. Их было две больших на памяти. Одна из стран Прибалтики. Среди них и был человек, который организовал строительство, и построили под его руководством гидрогенератор, пилораму и мельницу на один жернов. Вторая партия ссыльных (их бабушки называли ассирийцами) любила играть в футбол и занималась сельским хозяйством.

По делам быта и профессионального ориентира не велось никакой работы. Не знаю кухни, но отправляли работать в колхоз; основную массу воспитанников, после окончания четвертого класса общеобразовательной школы, увозили в Асинское ремесленное училище № 7, профилированное для воспитанников детских домов Томской области, где с общеобразовательным обучением в объеме семи классов научали профессии столяр-краснодеревщик. Высшее образование (военный хирург) получил Жук Иван Федорович. Второму парню не повезло. Отличник, умер от перенапряжения в период окончания института. Еще инвалид Кутузов Валентин учился на геодезиста и инвалид Клава Иванкова окончила сельхоз техникум в Мичуринске. Жандыцай Людмила окончила педагогический техникум, потом институт по специальности — экономист, преподавала где, не знаю. Давно покойная.

Да наш выпуск 1953 года. После окончания приема документов поехали в Новосибирский речной техникум четырнадцать человек. Поступили четверо: Воронов Владимир Иванович, Уткин Виктор Иванович, Шатохин Александр Иванович и Морозов Владимир Гаврилович. Кончили заведение двое: Морозов и Шатохин. Саша после окончания учебного заведения стал инвалидом по зрению от голода. Проработал по профессии только Морозов, кончил два института, работал на судах, начиная с должности матроса. Общий стаж работы на судах речного и морского флота пятьдесят лет. Из них в должности капитана — тридцать. Как в песне: сколько видано-перевидано, в тихой гавани после плавания будет вспомнить о чем капитану дальнего плавания. В настоящее время поддерживаю отношения с теми, кого помню, и которые помнят меня.

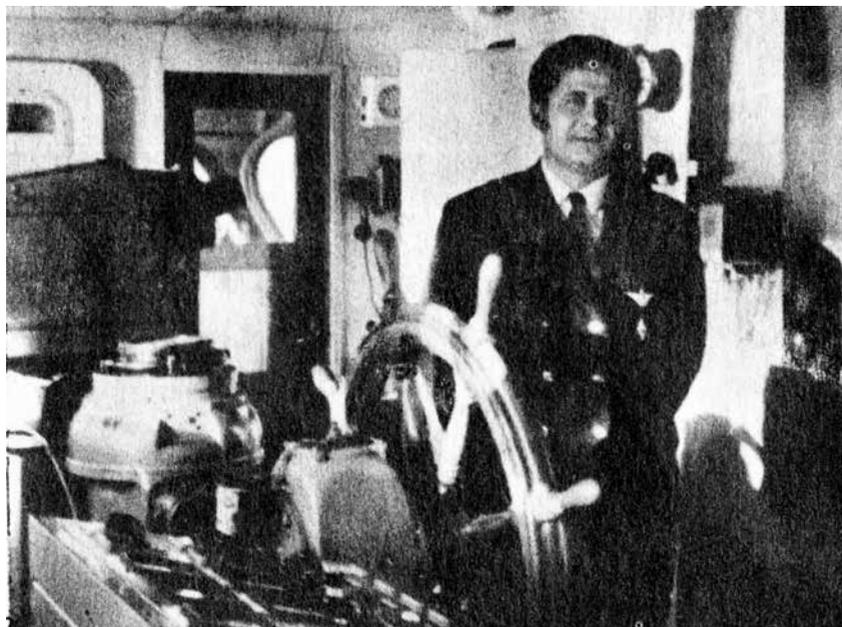
**1947 г. В.Г.Морозов 1938 г.р. Так мы жили в г.Чулым,
Новосибирская область**

**1951 г. 5 Б класс Бакчарского детского дома. 1 ряд — Беляев, Килин
Анатолий, Шатохин Александр, Морозов Владимир, Уткин Виктор,
Колокольников Володя. 2 ряд — Плятт Стёпа, Мижецкий, воспитатель-
ница Заугольникова Наталья, Комаров Ваня, Бобович Толя. 3 ряд — Фо-
мин Анатолий, Прокудин, Сальников Коля, Худолеев Николай, Гусев.**

1953г. Воронов Владимир и Уткин Виктор. После экзаменов в речной техникум, г.Новосибирск.

1993 г. – Капитану дальнего плавания Морозову В.Г. 55 лет

1956 г. Новосибирск

2016 г. г. Партизанск, Приморский край. В.Г. Морозов 1938 г.р.

**22.06. 2016 г. памятник «Дети войны» в г. Партизанске,
Приморский край**

Мы, ветераны, не нужны

Н. В. Ломакина, 5.02. 2018 г.

Как просто, прочно никому мы не нужны,
Куда ни обратиться во власть — одни отказы.
За что всю жизнь работали, скажи?
Ведь тысячу причин они находят сразу!

«А сколько вас прописано живёт?
А почему не помогают дети?»
Я — ветеран труда. Власть это не скребёт.
Как трудно нам достались годы эти!

В пятнадцать лет я встала у станка
И в семьдесят оставила работу.
Не прогуляла ни одного денька
И получила от властей одну заботу...

Ведь сгнула на фронте вся родня,
Отец и мать, и дядя под Орлом
Лежит в могиле братской. А меня
Благополучно растил детский дом...

Детей своих не научила воровать
Еще здоровье подвело их с детства.
И задают порой вопросы: «Мать,
А где, скажи, твое наследство и богатство?»

Ну, вот я разошлась как самовар!
Ну, выпустила пар! А хрен ли толку?
Как с той свечи очистила нагар...
Пойду и положу стихи на полку...

Письма Н. В. Ломакиной от В. Г. Морозова

18 ноября 1990 г. Приморский край, г. Партизанск.

Здравствуй, Надежда! Ты честно написала, что не очень охотно пишешь письма. Но что поделаешь, надо иногда и немного потрудиться, чтобы не потерять контакты. Согласись, что я прав. Надо немного быть в курсе наших детдомовских дел в Бакчаре. За это время я очень мало был дома. Не наберется и месяца. Но взамен — я увидел многое. Кратко и по порядку. В зиму проработал в Средиземном море ж-ж-ж-ж на теплоходе Беломороонежского пароходства. Есть такое хорошее пароходство. Мой старший сын Сергей живет и служит в Петрозаводске. Весной, в марте он женился. Я на свадьбе не был, жену не видал, квартиру их не рассматривал. Осенью поеду и посмотрю. Собираюсь осенью работать на Балтике. С детства хочу побывать в Амстердаме и Роттердаме, в Гамбурге и Антверпене. Осенью и зимой, думаю, сумею это сделать. Младший сын после двух курсов Томского медицинского института второй год служит в воздушном десанте, весной должен вернуться и продолжить учебу. Жена моя Броня жива и здорова, управляется на даче. А что ей остается делать, если у нее трое мужчин и ни одной женщины. Но ей и внимания в три раза больше. Она его заслуживает.

Написал письма Лёне Крайнову, Воронову, Людмиле Жандыцай, Татьяне Лаврентьевне, Шатохину звонил. Дома не был второй месяц и не знаю от кого что есть. Броня говорит, что Татьяна Лаврентьевна письмо прислала. Надо при случае приехать в Средний Васюган. Как туда ехать не знаю в настоящее время. Думаю, из Томска подскажут. Младший сын как приедет в Томск, то часто быть в Томске придется. Шатохину звонил, он говорил, что собирался к Воронову в гости. От Лёни нет ни слуху, ни духу. От Людмилы Жандыцай пришла открытка, в которой она сообщает, что получила квартиру и сейчас вся в делах и работах по ее благоустройству. Вот такие пироги по нашим делам.

У меня все в пределах нормы. Сейчас настроение на скорое окончание навигации в арктическом переходе. Осталось немного. Выгрузиться в Нижнеянке, загрузиться в Тикси, сходить в Нижнеянк, разгрузиться и идти помаленьку до-мой! От Нижнеянска до Якутска, не очень долго, всего две тысячи километров. Это шесть дней нормального хода. По местам этим сейчас прекрасная погода. Легкий морозец, и нет ветра и снега. Но я знаю, что это небольшое затишье перед штормом и хорошей бурей, про которую поют, что она смешала воду с небом, ибо вокруг нас белая вода и белое небо. Но это не так красиво. Для непосвященных, вернее для людей, кото-

рые не бывали в таких оборотах, это очень и очень страшно! Ну да ладно, говорят наши предки, что бог не выдаст, свинья не съест.

А теперь, до свидания. Привет твоему мужу, счастья вашей семье, здоровья всем, успехов, уважения друг к другу, внимания. Жду ответа, как соловей лета. Этот прием эпистолярного искусства мы писали в период после войны сразу в сорок шестом, когда научили нас писать письма. Сообщи, коли ведаешь, где обитают и как поживают наши воспитательницы детдома Наталья Степановна? Людмила Ивановна? **г. Нижнеянск, 21 сент. 1988 г.**

Надежда, здравствуй! Как я хотел быть на съезде выпускников нашего Бакчарского детского дома! Да не получилось... Очень круто пришлось развернуть пароход. И угнали мы его аж в Находку. Теперь его собираем и обустройстваем для работы за границей. Предположительное место экспедиции во Вьетнаме и Камбодже, Китае и Таиланде, Корее и Японии. Этот район именуется Юго-Восточной Азией. Одним словом, сплошная экзотика. Знаешь, вот получил диплом капитана дальнего плавания... Это уже вершина в моей мореходной профессии. Далее и выше звания нет. Потом работа только на берегу, так как до пенсии осталось только два года...

В прошлые годы работал на Балтике и на Средиземном море... Побывал и в Африке, предел детских мечтаний... Я помню, как нам читали в детдоме, в холодном корпусе, при свете керосиновой лампы сказку «Бармалей»: «Африка, Африка, милая Африка... Не ходите, дети в Африку гулять...» Было это зимой в 1946 г. или около этого... Напиши мне, наберись терпения, как прошёл в Томске съезд выпускников детских домов и интернатов? Кто там был и как наши детдомовские ребята устроились и живут?.. При первой возможности появлюсь в Томске. В активе жизни нашей меньше стало, чем в пассиве... Времени у нас мало остаётся... Ещё раз большое спасибо за сына Сашу с Таней. Как говорят святые люди в Библии: «Дающему да воздастся по делам его!» Где и когда, как, при каких обстоятельствах — другое дело и Богу известно. Мать моя Бронислава жива и здорова, дай ей Бог здоровья на двести лет и ещё столько по столько. Серёжа получил новую квартиру в Петрозаводске. А Саша с Таней обитают в твоём городе Томске. Вот вкратце и всё. Пожелаю тебе и твоему супругу, твоим детям и внукам здоровья и всего хорошего. Мы заслужили этого своим трудом и своими бедами, которые свалились на нас, когда наши отцы погибли на войне, а мы были детьми и оказались в казённом детском доме...

Да, ладно, дело прошлое. Мы не стали жадными шакалами и злобными бичами, неустроенными алкоголиками и барыгами... Главное, что у нас, детдомовцев, жизнь сложилась не хуже, чем у нормальных и обычных семей. До свидания.

Наши в городе

... Наши в городе... Кто такие наши? И что, собственно за город? По — видимому, это наши доблестные солдаты, освободившие родной город от врагов? Нет... Быть может, это наши диверсанты, орудующие в чужом городе? Опять, пальцем в небо!

«Наши» — это ваши земляки, обитающие в том же городе, что и Вы, это — надоевшие соседи по дому, это — верные друзья и знакомые, родственники и приятели...

Сергей Баев, 2015 г.

«Света, не плачь»

...Ответь мне, Господи, что я делаю в этом поезде. Кто я, и куда направляюсь на самом деле, — зачем мчусь из дома в далёкую Украину, охваченную Гражданской войной? ...

И эта, пожилая женщина, почему она таким пристальным взглядом уставилась на меня? Что, вообще, происходит? Вопросы, вопросы... Я, наверное, должна как-то ответить себе на эти вопросы? Но, с другой стороны я никому ничего не должна, или должна? Полный винегрет в голове...

Ну, раз мы оказались волею случая в одном купе, то придётся вступить в контакт — это просто необходимо мне, по жанру, по ситуации и, наверное, ей тоже. Ведь когда мы расстанемся через какое — то время, то она пойдёт своей дорогой, а я — своей. Моя исповедь, как и её искренние признания останутся навсегда похороненными в стуче колёс, в случайности встречи, во времени...

«Давайте знакомиться», — вымолвила, наконец, пожилая женщина с колючим взглядом... Я нехотя отрываюсь от окна и встречаюсь глазами со своей надоедливой попутчицей. Мне не хочется знакомиться, но я фальшиво — вежливо отвечаю: «Давайте! Меня зовут Светлана. А, вас?» ...На вид этой женщине — около шестидесяти. Прикинута — в спортивный костюм; так обычно одеваются, если предстоит дальняя дорога. На лице ни грамма косметики, волосы — с проседью скромно собраны в пучок, глаза — с прищуром, — ну, обычная среднестатистическая российская бабушка из провинциального городка.

...Пожилая женщина в один миг оживилась и бодро ответила: «Я, Мария Игнатьевна Бордачёва, заслуженная учительница РСФСР, сейчас на пенсии, направляюсь в Москву навестить свою детдомовскую подругу».

...«Вот это совпадение! Я тоже детдомовская», — подумала я, а вслух произнесла, — «Я еду в Москву по работе».

Кто я, и куда направляюсь на самом деле, — пусть останется моей маленькой тайной. Но, однако, нам жить в этом купе вместе четверо суток и придётся что — то врать этой Марии Игнатьевне. Ладно, что —нибудь на ходу придумаю про свою биографию, семью, несчастную любовь, про... Короче, наплету ей с три короба; она, в любом случае, не сможет проверить...

...Повисла долгая пауза... Так всегда происходит при первом разговоре совершенно незнакомых людей. ...Я опять уткнулась в окно, вглядываясь в мелькавшие деревни, забытые Богом и бизнесом, разрушенные временем коровники и заброшенные сельчанами поля ...Такое впечатление, что после Перестройки, а точнее, после развала огромной страны, деревня остановилась в развитии, легла на бок и покорно ждала своей смерти... Мысли и воспоминания в моей голове кружились, как осенние листья на ветру, внезапно, я вспомнила, как много лет назад оказалась в детском доме (ДД)...

Десять месяцев до этого. Декабрь 2013 года. Томск

...Двадцать второго декабря Хобби — центр с самого утра суетился в авральном, предновогоднем режиме...

...Почти пятьдесят клубов по интересам (разнообразные кружки, спортивные секции, художественные студии) не прекращали свою кипучую деятельность в предпраздничные дни. Каждый час, как сеансы в кинотеатре, проводились театрализованные новогодние утренники для детей: для одноклубников самого центра, детей из близлежащих школ и других, желающих повеселиться...

На два часа планировался новогодний спектакль для детей выпускников детских домов и интернатов города. Серьёзные папы и мамы, поседевшие дедушки и бабушки, — бывшие воспитанники детских домов, привели своих нарядных детей и внуков на Ёлку.

...Девочка с грустными глазами в эффектном костюме бабочки глядела по сторонам, с интересом изучала обстановку и кокетливо крутила талией, показывая себя, демонстрировала окружающим великолепный костюм с крыльями за спиной, как у ангела. Веселье ожидалось нешуточное — с Дедом Морозом, Снегурочкой и другими сказочными персонажами, в исполнении актёров театральной студии Хобби-центра.

...Я привела на Ёлку двенадцатилетнего сына Сашу, ожидавшего с большим желанием и нетерпением этот утренник. Ну, а если честно, то с ещё большим нетерпением ждала этот праздник я. Нам, выпускникам казённых учреждений, хотелось, как можно чаще встречаться, общаться, делиться новостями, даже, на детских праздниках.

К сожалению, чем дальше в Историю улетают наши легендарные детдомовские годы, тем меньше круг встречающихся... Умом я понимаю, что у всех каждодневные заботы: неугомонные проблемные дети, беспокойный шумный дом, требовательный нервный муж, тем не менее, моё серд-

це и моя душа не приемлют разобщение, оправдываемое объективными обстоятельствами, постоянной суетой и катастрофической нехваткой времени. Вместе с тем, по моим наблюдениям, довольно часто человек расходует не время, а себя, теряет годы на ненужную беготню, приобретая бесконечные болячки и незаконченные дела, фальшивых друзей и тараканов в голове... Время же, как вода в великой реке Забвения, с невыразимой быстротой течёт мимо...

Бывает так, что человек только к старости начинает понимать, что и не жил вовсе, а чего — то ждал, на что — то надеялся, что — то откладывал на потом. А жить необходимо здесь и сейчас, безусловно, не забывая своё Прошлое, как те грабли, на которые наступать второй раз уже нет нужды и, думать о Будущем, как о той мечте, что ещё не свершилась.

...Пока сын переодевался в костюм ковбоя, я направо — налево здоровалась с бывшими детдомовцами, разных годов выпуска. **Несомненно, бывших детдомовцев не бывает; в нас сидит какой — то испуганный и настороженный галчонок, постоянно стучащий внутри, напоминая о нашем непростом детстве и заставляющий жить так, чтобы у наших дочерей и сыновей Детство оказалось более счастливым, спокойным и беззаботным. А с другой стороны, в нас сидит особый штамм — «Синдром ДД», другими словами, — жалость к себе, недоверие, вороватость, жестокость, обострённое чувство справедливости.**

...Наверное, те детдомовцы, которые не привели своих детей на этот новогодний утренник, забыли об этом, а, может быть, они стали невероятно занятыми; очевидно, найдутся и такие, для коих Новый Год ассоциируется исключительно с получением халявного подарка. ...Ко мне приблизилась Мария Михайловна, бывший директор нашего детдома, в сопровождении импозантного мужчины, лет пятидесяти; она нежно, по-матерински обняла меня, поздоровалась и официально представила своего сопровождающего: «Вот, Светочка, познакомься, это мой ученик, выпускник 53-ей школы, психолог и писатель. Он собирает материал для книги о детском доме и хотел бы с тобой поговорить, ну, как бы интервью взять, если ты не против». «Мария Михайловна, я с большим удовольствием», — ответила я, разглядывая respectable мужчину с седой бородой и умными глазами. Незнакомец слегка наклонился, пожал мне руку и с искренней улыбкой произнёс: «Весьма приятно! Сергей Юрьевич, писатель».

Я внимательно поглядела ему в глаза, улыбнулась в ответ и вежливо поздоровалась. — Поговорить, конечно, можно! Мне определённo есть, что рассказать. Но где? — Давайте, Светлана, завтра на даче у Марии Ми-

хайловны. — Согласна, только я могу вечером, после работы. Вас устроит? ...На этом обмен необходимыми любезностями закончился, пора двигаться в концертный зал и делать то, ради чего, собственно, мы с сыном и прибыли в Хобби — центр, а именно, праздновать детский Новый год. ...В ярком, украшенном зале на сцене громоздилась новогодняя ёлка — вся белая и пушистая, как в сказке, заснеженная, наряженная красными и зелёными огромными шарами. Детей вместе с сопровождающими лицами набралось — человек пятьдесят.

...Свет плавно погас до романтических полутонов. На сцену выскочили сказочные гномы и представление началось! Краем глаза я наблюдала за писателем. Он, как маленький непосредственный мальчик, неподдельно радовался каждой реплике Деда Мороза, искренне смеялся и громче всех хлопал в ладоши. ...Мы встретились на следующий день в семь вечера на даче у Марии Михайловны. «Света, построим нашу беседу в виде интервью, вопрос — ответ. Единственная просьба — отвечайте, пожалуйста, на вопросы честно, по возможности искренне с подробностями и эмоциями», — начал Сергей Юрьевич. Немного помолчав, он поправил роговые очки и задал первый вопрос: «Как Вы, Света, оказались в детском доме?»

...Я нахмурила лоб, сделала вид, что задумалась: «После трагической гибели моих родителей в автокатастрофе, я и две мои сестры какое — то время жили у бабушки с дедушкой. Им оказалось невероятно трудно прокормить нас, вот почему, меня определили в детский дом, Лизу забрали в церковный приют, а Кристину удочерила бездетная профессорская семья... Вот так, силой сложившихся обстоятельств, можно сказать, совершенно случайно, в возрасте восьми лет я стала воспитанницей детского дома номер 12 города Томска».

...Я на минуту затихла. Мысли (вслух — для читателей, про себя — для писателя): «Без всякого сомнения, мне понравился этот бывший ученик Марии Михайловны своей искренней манерой, буквально без мыла, лезть в душу, подкупающим вкрадчивым голосом и умением расположить к себе; так поступают все опытные психологи. Но страх раскрыться оказался сильнее, застарелые комплексы и многочисленные тараканы в голове соорудили высоченную стену между нами, а различные психологические защиты оцетинились иголками: изысканной вежливостью, поносным словоблудием, нескрываемым сарказмом, неумным юмором, шпионской скрытностью... Щас, я тебе всё так взяла и рассказала, Сергей Юрьевич, — похожий на Хэмингуэя. Мы детдомовские! Нас голыми руками не возьмёшь, на сладенькое — лезть не купишь, на искренность не расколишь».

Мои мысли — скакуны пронеслись табуном в голове... Я довольно точно, по минутам, запомнила тот день, когда меня увозили в детдом. Врезались в память все неприятные ощущения, не детские эмоции и горькие переживания, не смотря на то, что это произошло почти двадцать пять лет тому назад. Судя по всему, те далёкие детские переживания случились на уровне стресса и навсегда остались в моей памяти и будут, наверное, до конца дней моих доминировать над другими, более поздними, ощущениями. Я хочу поведать про тот день, поскольку именно тогда кончилась моя домашняя беззаботная жизнь и начался кошмар в ДД.

...Зачем я об этом рассказываю? Кому это, вообще, надо? Для кого я изливаю свою израненную душу? Очевидно, для тех, кто отвечает за плановую выемку детей из привычной домашней среды, для тех, кто беспардонно и нагло экспроприрует ребёнка, как какую — то вещь, невзирая на слёзы, для тех, кто пропускает мимо сердца детскую истерику?

...Я уверена, что эту неблагодарную работу должен делать детский психолог, знающий, как правильно общаться с ребёнком. Иначе, эта детская травма застрянет на долгие годы у него в голове. ...Итак, я дома, у бабушки, расположилась за столом и старательно оттачиваю свои любимые цветные карандаши, чтобы затем рисовать красивые яркие картинки. Бабуля в сарае, возится с дровами. Кроме меня в доме никого нет.

...В дверь настойчиво постучали. Я, как и все маленькие дети, абсолютно доверчива, следовательно, не спрашивая «Кто там?», смело открываю дверь. На пороге маячит тётя со злыми глазами и дежурной улыбкой на лице, беспардонно оглядывает прихожую и без всякого разрешения вваливается в дом. «Девочка, как тебя зовут? Кто из взрослых дома? Где твоя бабушка?», — скороговоркой выстреливает она. Я разглядываю серьёзную тётю и нахожу её похожей на нашу соседку. Поэтому, без всякого страха, спокойно начинаю отвечать на её многочисленные вопросы. «Зовут меня, Света! Я дома одна, буду сейчас рисовать жёлтое солнце и зелёную траву. Бабуля там, в сарайке перекладывает дрова», — обстоятельно отвечаю я, совершенно не подозревая, что через несколько минут у меня начнётся другая, совсем новая жизнь, без бабушки и дедушки, без любимых игрушек.

...В этот момент в дом входит моя любимая бабуля и с испугом кочется на непрошеную гостью. Тётя со злыми глазами не позволяет ей даже раскрыть рот, начальственно поднимает вверх указательный палец и произносит заученный текст: «По решению суда и органов опеки ваша внучка, Света Рудина, должна быть доставлена в детский дом для посто-

янного проживания». Прозвучало, как ордер на арест. Глаза бабули испуганно округлились и наполнились горькими слезами; она, вдруг, поняла, что у неё забирают последнюю, третью внучку. Губы её задрожжали и она смогла лишь вымолвить: «Я поняла, что нужно от меня?» «Приготовьте свидетельство о рождении девочки», — отрезала ледяным голосом социальная работница. «Да, вот ещё, оденьте её во всё чистое и пусть выберет любимую куклу с собой, это мы разрешаем», — добавила она.

...Пока проходил этот странный диалог между взрослыми, я притаилась в сторонке и не могла понять, что происходит. При чём тут моя любимая кукла? Почему у бабули слёзы на глазах и злость в глазах у незнакомой тёти? ...Когда формальные переговоры закончились, утрясён акт «сдал — принял», я, одетая, сидела на стуле с любимой куклой в руках, бабуля на ватных ногах просеменила ко мне: «Светочка, будь послушной девочкой и не плач». Всё ещё не понимая всей трагедии происходящего, я громко произнесла: «Баба, я не буду плакать. Я ведь, уже большая». Тётка серьёзно на меня взглянула, схватила тисками мою ручонку и приказным тоном объявила: «Всё! Прощаемся!»

...И тут, услышав слово «Прощаемся», я заревела навзрыд, изо всех сил попыталась вырваться, убежать и спрятаться, но злая тётя буквально выдернула меня на улицу. Я упиралась, неистово кусалась, истошно орала, как резанная, но всё оказалось напрасно... Социальная работница с помощью водителя, как мешок с барахлом, закинула меня в машину. На пороге дома, еле — еле держась на ногах, стояла моя бабуля, жалобно всхлипывала и безнадежно махала рукой. ...Всё, жернова закрутились! Жизнь домашнего ребёнка резко закончилась и началась казённая житуха. Меня доставили в детский приёмник — распределитель, повели в столовую, где старшие мальчишки во время казарменного приёма пищи сильно матерились, после, притащили в отдельную комнату, где больно остригли наголо. Конвейер работал бесперебойно: обязательно накормить, оболванить, как овцу и в тот же день определить в ДД.

...Обшарпаная, казённая столовая издавала целый букет неприятных запахов. Вонь прогорклого вонючего маргарина вперемешку с запахом квашеной капусты я запомнила на всю жизнь. Не сказать, что я была голодной, но, очевидно, под действием стресса, много и жадно ела, запиная в рот кашу, варёное яйцо и хлеб, запиная всё это жиденьким чаем. В детском приёмнике — распределителе такая еда называлась «завтраком». Детей различного возраста в тот день оказалось много; они, как затравленные зверьки испуганно озирались по сторонам, быстро ели, некоторые,

прямо руками из тарелки и только монотонный стук алюминиевых ложек нарушал зловещую тишину, да ещё приглушённые ругательства малолетних хулиганов... Наевшись, я сидела притихшая, всё ещё до конца не соображая, что происходит и, что случится дальше. Я вспомнила слова бабушки, давшей мне последнее напутствие: «Светочка, не плач».

...Спасибо, бабуля. Плакать я больше не стану никогда; всего за один час я повзрослела. В столовую заглянула толстая тётя, с красным, круглым лицом, в милицейской форме, молча схватила меня за руку и потащила на допрос. «Как звать?» — жёстко спросила она. «Меня зовут Света», — с вызовом ответила я. «А отчество у тебя есть? А то, может быть, и отца у тебя нет?», — отчеканивала слова красномордая, впившись в меня зенками. ...Я обиделась на такое предположение и опустила глаза: «Есть у меня папа и мама, только они сейчас уехали далеко». Милицейская тётка нервно порылась в своих бумагах, что — то прочитала и, немного смягчив тон, вымолвила: «Ладно, знаю я, куда уехали твои родители. Но ты мне, всё равно, не груби, сопля ещё, а ершистая какая. Я тут всяких уродов повидала». Эта женщина, очевидно, считала всех детей, находившихся в детском приёмнике, маленькими сволочами, не зависимо от социального происхождения, умственного развития, возраста и хулиганской легенды. После допроса меня затолкали в ту же машину и покатали по детским домам, искать мне кров.

...Бесспорно, писатель не мог читать мои мысли, не подозревал о моих истинных переживаниях, не знал горькой правды. Немного поразмыслив, он задал следующий вопрос: «Светлана, расскажите, пожалуйста, о первых днях пребывания в детском доме, о ярких впечатлениях, о первых контактах». Тяжело вздохнув, я продолжила изображать из себя человека, у которого берут интервью: «Так... Детский дом... Первые яркие впечатления...? Ну, тут особо вспоминать то нечего. Приняли меня хорошо. Все жалели меня, особенно, Мария Михайловна».

...Мои тогдашние эмоции, переживания и страхи останутся навсегда со мной. Это мой Мир и пускать в него кого бы — то ни было я не намерена! Да и поймёт ли меня человек, незнакомый с детдомовской жизнью, отбывшую срок от звонка до звонка?

...Если по-честному, то всё происходило так: «Детских домов в Томске несколько. Наша машина безнадёжно курсировала по городу от приюта к приюту в поисках места для меня; детские дома оказались забиты воспитанниками под завязку. Только третий вариант оказался удачным. Меня приютил детский дом номер 12.

...Стояло лето, знойный июль. Тополиный пух, как снег кружится по детдомовскому двору, где бегали и резвились воспитанники, одетые почти одинаково, как инкубаторские цыплята. Новеньких всегда лично принимала директор, Мария Михайловна Нехорошева. Дети с нескрываемым интересом разглядывали меня, что — то обсуждали между собой. Я же, с остриженными волосами и торчащими ушами, чувствовала себя неловко. Кто — то из мальчишек показал на меня пальцем: «Гляньте, Чебурашку привезли». Все расхохотались, а я стояла, озираясь вокруг и приготовилась разреветься от жалости к себе...

...Мария Михайловна не зло цыкнула на ребят и торжественно объявила: «Эту симпатичную девочку зовут Света». Затем, взяла меня за руку и повела к себе в кабинет. По негласному правилу все вновь прибывшие маленькие дети проходили необходимую адаптацию в кабинете директора, проще говоря, жили неделю в директорских апартаментах (играли, ели, спали, вживались в новую реальность). За весь долгий, кошмарный день Мария Михайловна стала первым незнакомым человеком, приласкавшим и успокоившим меня. На какое — то время ко мне вернулось ощущение домашнего тепла; я устроилась на директорском диване и, забыв о своих переживаниях, заснула.

...Потом был обед, который мне принесли прямо сюда. Затем директриса дала мне цветные карандаши и бумагу; я долго рисовала, всё, что приходило в голову: бабушку, наш дом, большую злую машину, тётку в милицейской форме,.. Дальше, был полдник, затем, — ужин, после которого я опять калачиком свернулась на диване и, заботливо укрытая тёплым одеялом, задремала... В таком довольно привилегированном положении я находилась несколько дней, после чего, меня вместе с другими воспитанниками отправили в загородный детский интернат с загадочным названием «Лесная школа».

...Интервью продолжалось, и писатель задал следующий вопрос: «Света, как Вас приняли детдомовцы? Какие у Вас складывались взаимоотношения, особенно в первые дни?» ...Я на минуту задумалась: «Что делать? Или отвечать, как раньше — кратко, по шпионски, не выдавая всей правды, или — дать полный честный ответ?» Выбираю первый вариант: «Воспитанники приняли меня хорошо, помогли во всём. С первых дней пребывания в ДД я подружилась с девочкой Катей». Надеюсь, что такой краткий ответ вполне удовлетворил моего настойчивого интервьюера, а если нет, то, как говорится — «Извините».

...В «Лесную школу» приехала моя бабушка и привезла платок, в котором я после постоянно ходила, скрывая позорную щетину на голове.

Я, хоть и была маленькой, но всё же оставалась девочкой, из — за этого невероятно стеснялась своей новой причёски. Другие дети постоянно тыкали в меня пальцем, поэтому, бабушкин платочек стал, пусть небольшим, но спасением от стыда. В то время я наглухо замкнулась в себе, всё время молчала, но не плакала... Постоянные мысли о бабушке и дедушке поддерживали меня; воспоминания о потерянном доме не давали покоя... После загородного санатория, в конце августа, все вернулись в детский дом и началась моя незавидная эпопея казённого ребёнка — с издевательствами и унижениями от старших девочек, с бесконечными дерзкими побегам и неотвратимыми наказаниями за это; я жила с растущей день ото дня депрессией и обидой на весь несправедливый белый свет. ...Я по-прежнему ходила в платке. Однажды, одна из старших девочек сорвала его с меня, ехидно расхохоталась и зло крикнула: «Пора рассекать без платочка, тоже мне краля; твои волосы уже достаточно отросли». Я разозлилась на то, что ничего не могу сделать, не могу достойно ответить этой дуре, что снова выглядела, как кошка ободранная; мне хотелось разреветься, но я просто стояла, как вкопанная, молчала, как рыба и тупо глядела в пол, не решаясь поднять глаза. Дети народ злой и беспощадный. Тогда я была ещё слишком мала и невероятно слаба, чтобы давать отпор обидчикам... Сергей Юрьевич что — то записал в блокнот и поправил очки: «Света, мне почему — то, всё время, кажется, что Вы говорите одно, а думаете совсем о другом? Ответьте, только честно, Вы когда — нибудь убежали из детского дома?» «Ну, случалось пару раз, но я не хочу об этом говорить», — быстро парировала я. ...Воспоминания, как огромные волны, с новой силой нахлынули на меня, накрыли с головой и, невероятно ясно, как будто это было вчера, проявились из негатива прошлых лет.

...Да! Я убежала из ДД, постоянно!!! Первый раз я умотала вместе со своей новой подругой уже в сентябре, сразу после «Лесной школы». Однако, я обрывалась не куда — то в пустоту. Я всегда убежала, конкретно, — к бабушке! Я разузнала, что необходимо сесть на трамвай, добраться до конца, и там окажется бабулин дом. Мне тогда казалось, что всё довольно просто. ...Но, в тот, первый раз мы только вылезли через дыру в заборе, но не успели добежать даже до остановки; бдительные граждане перехватили нас на полпути и вернули назад, — в родные пенаты.

...Наказание за этот побег было жестоким, гадким и унижительным. Завуч — мужчина, как впоследствии выяснилось, с педофильскими наклонностями, заставил нас мыть пол в коридоре в одних трусах... Мимо бегали возбуждённые мальчишки и издевательски хихикали.

...Я опять не проронила ни единой слезинки, а сжав зубы, мужественно выносила этот своеобразный педагогический урок, эту неадекватную пытку. Моя подруга Катя, махала шваброй, всхлипывала себе под нос и тихо выла, как маленький раненный волчонок. ...Скорее всего, после того первого побега, моя репутация среди воспитанников сразу резко выросла. Естественно, как — никак, мелюзга — восемь лет, всего лишь после двух месяцев пребывания в ДД, уже совершила побег на волю. На такое не каждый способен, тем более, девчонка. Короче говоря, меня зауважали, особенно старшие ребята. Этот, в общем — то, необдуманый, спонтанный, дурацкий поступок начал обрастать слухами, остросюжетными дополнениями и передавался из уст в уста на грани легенды... Унизительное наказание не остановило моей потребности в свободе и я, с завидным упорством, смывалась, с периодичностью, примерно раз в неделю. В бегунках я числилась почти до самого выпуска.

...Моя воспитательница, когда я стала старше, махнула на меня рукой и стала втайне от Марии Михайловны отпускать меня к бабушке на часок — другой, логично рассудив, что, сколько волчонок не корми, он всё равно в лес смотрит; чтобы мне было не так страшно, со мной отпускали подругу...». «Хорошо, я понял, Светлана, Вы не хотите искренне рассказывать о своей жизни в детском доме», — с раздражением высказался писатель, — «Но, я не понимаю, к чему такая скрытность? Может быть, я задаю неудобные вопросы? Почему в своей голове, Вы выстроили такую непробиваемую защитную стену между нами? Я это чувствую...» Я ответила уклончиво, вопросом на вопрос: «Я пока не поняла, зачем Вы хотите написать книгу о детском доме? Почему Вас, это волнует, а государству абсолютно на нас наплевать? Мы, как изгой в родной стране, никому не нужны, как будто мы — люди второго сорта. Ответьте мне, Сергей Юрьевич, почему так?!»

...Писатель глубоко вздохнул и спокойно ответил: «Для того я и хочу написать о вас, о детдомовцах, чтобы обратить внимание общественности на ваши проблемы, имеющие место, как внутри детского дома, так и после выхода из него». ...»Наверное, стоит ему поверить? А может и дальше выдавать себя за партизанку?», — подумала я. ...Сергей Юрьевич улыбнулся, снимая возникшее напряжение: «Хорошо, Света, давайте продолжим. У меня такой вопрос — Чем Вы занимались в детдоме после уроков? Имеется в виду, Ваш досуг? Может, припомните какие —нибудь захватывающие истории, случаи, заслуживающие, на Ваш взгляд, внимания?»

Не задумываясь, я ответила: «Да что тут рассказывать, как и все дети, — играли в разные игры. Помню, как — то бегали с девчонками по коридору

своего этажа, бесились, орали. На батареях сушились какие — то тряпочки; ну, мы стали ими бросаться друг в друга. Маленькие ещё совсем были — лет по девять. Выскакивают старшие девочки в коридор и давай на нас орать: «Зачем вы наши затычки раскидываете?» Я ведь, ещё не знала тогда, что такое «затычки». В общем, попало нам тогда от старших.

...Больше ничего из того детства не приходит на ум. Я задумалась и отметила про себя: «На самом деле, много чего можно вспомнить необычного. Например, никогда не забуду случай, связанный с картошкой. Настала моя очередь чистить картошку в столовой. Начистили мы несколько больших кастрюль, повара обычно их называют «сороковками». Потом, эту чищенную картошку заставляли мыть холодной водой из шланга. Все девочки уже удрали по своим делам, только я с подружкой Катей что — то замешкались. В этот момент в овощной цех влетают две старшие девочки, хватают шланг и поливают нас с головы до ног ледяной водой. Я стою, трясусь от холода, но не плачу, как Зоя Космодемьянская. Это нас младших, так на вшивость проверяли; типа, побежим мы жаловаться или нет? Жаловаться мы не пошли, значит, — испытание выдержали! Подобных испытаний — унижений случалось много, особенно, в первый год. Я, теперь, все случаи и не помню, а вот, ощущение от того, как дрожала от холода, почему — то врезалось в память. Или, вот ещё, играли перед сном в сказку, — такой примитивный, импровизированный спектакль. Где каждой девочке отводилась роль: королевы, слуги, палача, придворного, или кого — нибудь другого, в зависимости от нашей детской фантазии. На следующий вечер девчонки выбирали новые роли, слова, сцены; текст, конечно, придумывался на ходу, по мере развития сюжета. Всем воспитанницам эта игра нравилась, особенно, младшим... Существовала и другая игра, взрослая, с элементами настоящего стриптиза, но это уже в классе шестом — седьмом. Из всех присутствующих воспитанниц выбирали супружескую пару, изображающую постельные сцены, как мы это понимали, а все остальные сидели и с любопытством наблюдали, как они целуются, жарко обнимаются, трогают интимные места, раздевают друг друга. Стриптиз, — классный! Хорошо, что воспитатели не заглядывали после отбоя. Некоторых, особо впечатлительных эти игры в мужа и жену доводили до состояния полного оргазма, до обморока... Или, вот ещё, помню, — перед тем, как заснуть переговаривались между собой, рассказывали какие — то страшные невероятные истории, придумывали разные идиотские шутки — прибаутки: «Поцелуй меня в пятку — дам

тебе десятку», то есть, десять копеек. Один раз мне пришлось даже отдать значеные двадцать копеек одной дурочке, за то, что она действительно поцеловала мне пятки.

...Вспоминается ещё одна дебильная детдомовская игра: мы одевали на голову колготки и заплетали из гач косы, поскольку, все девочки мечтали о длинных, шикарных волосах, о косах, хотели выглядеть красивыми и женственными, взрослыми и привлекательными.

...Когда, наконец, отремонтировали нашу детдомовскую дачу, то каждое лето все мы отдыхали там. Играли в обезьян, выискивающих друг у друга вшей. К огромному сожалению, все детдомовцы были вшивые, поэтому, у нас считалось нормальным вылавливать друг у друга этих паразитов и тут же давить их ногтями... Однажды, Наташка, девочка из моей группы, то ли в шутку, то ли назло, провела гребешком по своим волосам и затем, стукнула его о стол; вши роем разбежались в разные стороны. Не детдомовцам такие игры, наверное, кажутся дикостью, но, мы так жили...»

...Однако, моё интервью продолжалось. Сергей Юрьевич, вдруг, спросил: «Света, вы, учились в обычной школе? Расскажите, как там было? Как общались с домашними детьми? Как к вам относились учителя?» «Я, вместе с другими детдомовцами, ходила в ближайшую школу, номер 75. Училась в принципе, хорошо, случались, конечно, и тройки, и двойки, но в детском доме меня считали хорошей ученицей. С домашними детьми отношения складывались нормальные, ровные», — ответила уклончиво я.

...А на самом деле, эти домашние, папенькины и маменькины детки шарахались от нас, как от прокажённых, боялись, как диких зверей и, в глубине души, ненавидели, как заклятых врагов. А за что нас, детдомовцев любить? Мы, ведь запросто могли в случае чего собраться и избить любого, могли украсть всё, что плохо лежит, матерились, как сапожники, старшие — курили все поголовно, учились в большинстве своём плохо, к общественной жизни школы проявляли полное равнодушие. Думаю, что школьные учителя нас просто терпели, как фатальную неизбежность. Несмотря на то, что я в детстве выглядела лопухой и прыщавой, никто в классе по этому поводу даже рот не смел открыть, поскольку мог тут же нарваться на злобную стаю детдомовцев. ...Я вот только что вдруг сообразила: «Странное дело, но у себя в ДД мы практиковали и сами всячески поддерживали дедовщину, а на воле, в обычной школе, упорно этому противились. Вот такая каша крутилась в наших головах. Я уверена, что мы все в ДД были двуличными и противоречивыми, а скорее всего, и остались та-

кими... Кто жил в детском доме, тот меня поймёт... (задумалась, прикрыла глаза рукой). Мне сейчас 34, а я всё помню, как будто детдом был вчера. За то, что воровали друг у друга, издевались друг над другом ни грамма не стыдно, ...

Писатель закрыл свой блокнот, снял очки и тихо произнёс: «Я смотрю Вы, Светлана, совсем не хотите делиться воспоминаниями. Может быть, встретимся ещё, как —нибудь?» «Может быть... может быть...», — ответила я, довольная тем, что в который раз всех обманула и осталась при своих... мыслях, воспоминаниях, интересах... Вынужденное молчание затянулось. Я глянула в окно летящего поезда невидящим взглядом, предаваясь ностальгическим и грустным воспоминаниям о своём казённом детстве.

...Мелькающие за окном столбы, как стрелка метронома, монотонно отстукивали дни, месяцы и годы, проведённые в ДД. На самом деле, это враньё и самообман, что всё плохое и гадкое забывается, стирается из памяти; оно живёт во мне совершенно отдельной жизнью, всплывая ощущениями всякий раз при словах «Детский дом». Мария Игнатьевна тихонько кашлянула и вернула меня в сегодняшнюю реальность. Она посмотрела мне прямо в глаза и произнесла: «Света, извините, что я лезу с разговорами и расспросами, но мне кажется, что Вы пребываете в полной прострации, где — то далеко, в каких — то весьма неприятных для Вас воспоминаниях. Я права? Если хотите, можете со мной поделиться. Я умею слушать людей и постараюсь Вас понять. Может быть, что — то посоветую, от чего — то предостерегу». Я опустила голову, пойманная на своих воспоминаниях, как маленькая девочка, попавшаяся на воровстве чужой куклы, и грустно ответила: «Да всё в порядке. Просто немного задумалась. Этот непрерывный, монотонный стук колёс меня явно загипнотизировал». Мария Игнатьевна, как опытный педагог, в некотором смысле психолог со стажем скорее всего, не поверила моей импровизированной отговорке. Хитро улыбнувшись, она продолжила нахрапом протискиваться мне в душу.

...Я понимаю, что у людей, которым далеко за 60, существует невосполнимый дефицит общения, недостаток внимания и непреодолимая тяга лезть в чужую душу, к тому же, они любят раздавать направо — налево полезные советы.

«Светочка, расскажите немного о себе. За разговорами и время быстрее пройдёт. А я Вам расскажу про себя, мне есть чем поделиться, я ведь детдомовка послевоенного времени», — не унималась попутчица.

Глубоко вздохнув, я стянула с головы пыль воспоминаний и нехотя вступила в разговор: «Да мне особо нечего рассказывать: школа, Универ-

ситет, психологический факультет, аспирантура,.. Вот еду на научную конференцию в Москву», — выдала я скороговоркой заготовленную ложь.

Получилось, на мой взгляд, довольно правдоподобно. Мария Игнатьевна не удовлетворилась таким ответом и начала новый мозговой штурм: «Так Вы, Светлана, значит психолог? Весьма интересно, а тема диссертации какая? Я, знаете ли, первый раз в жизни с психологом общаюсь. Для меня эта наука — тёмный лес. Я, почему — то не доверяю психологам, считаю их шарлатанами и боюсь их, впрочем, как большинство людей в России. Да и слово «Психология», оно какое — то болезненное и неприятное, ведь мы все не психи». ...Я окончательно выбралась из ступора воспоминаний, возбудилась и произнесла ликбезовский монолог о Психологии, в том смысле, что эти специалисты бесспорно нужны, они помогают людям справляться с душевными проблемами и, дальше, в том же духе. Мария Игнатьевна внимательно меня выслушала и спросила: «Я, тем не менее, не понимаю, как можно без необходимых лекарств вылечить человека?» ...У меня не возникало ни малейшего желания объяснять ей, как, именно, психолог лечит людей без таблеток и уколов, по этой причине, я срочно сменила тему: «Знаете, о психологии я могу говорить часами; врала я напропалую, стараясь выглядеть серьёзной. Возможно, Вам это окажется интересно. Расскажите лучше о себе?» Она кивнула головой и таинственно произнесла: «Хорошо. Слушайте, Светлана, исповедь бывшего маленького человека из казённого детства». Мне стало любопытно послушать эту исповедь. А самое интересное, что конкретно она расскажет? — сладенькую сказку про прекрасную жизнь в ДетДоме, или горькую правду про систему под названием ДетДом, перекалечившую ни один миллион детских судеб...

Детдомовка Нина

...Когда Нина выпустилась из Детского Дома, то искренне считала, что кошмарная, бесчеловечная жизнь позади; не будет больше обидных, жестоких, отвратительных унижений от воспитателей, мучительного беспредела со стороны сверстников, понятий, таких же, как на обычной зоне. Но, оказывается, жизнь в ДД являлась малиной в сравнении с её будущим существованием. Злая действительность лихо перемалывала судьбы детдомовцев, как мясо в мясорубке. Большинство из них прямоком перебирались из зоны, под названием «ДД», в зону, именуемую ИТК: те же подлючие отношения, те же звериные понятия, та же власть грубой силы.

...По российскому законодательству, Нине предоставили «жильё» от государства, — развалившуюся хибару на окраине райцентра Кожевниково, в которой не то, чтобы жить, в ней находиться было опасно: света нет, отопление отсутствовало, вода, — в колодце, стены вот — вот рухнут. Но сильная духом детдомовка на судьбу не жаловалась, а принялась обживать то, что есть. Она собственными руками восстановила развалившуюся печь, купила машину дров, побелила внутри стены, отремонтировала уличный сортир. Выходное пособие от ДД кончилось и ей пришлось устроиться на местную птицефабрику. Первое время Нина задыхалась от куриного, вонючего дерьма, её тошнило от птичьей крови и протухших внутренностей. Оказывается, к этому можно привыкнуть, если на многое закрывать глаза. Чтобы хоть как — то отвлекаться от прелестей деревенской, беспросветной, никчемной жизни, по — вечерам она начала понемногу выпивать: накатывала стопарик за ужином, дальше, стакан за обедом, а через некоторое время, — бутылка водки. И так, чуть ли не каждый день.

...Через год такой однообразной жизни, Нина превратилась в обычную, злобную, деревенскую бабу, а ведь, ей не исполнилось ещё и двадцати пяти. Свой быт она кое-как наладила, на работе к ней не цеплялись, местные жители её приняли, как неизбежность, только вот в личной жизни, — зияла пустота. Деревенские парни, те, кто не смылись в город, оказались спившимися дегенератами, недоумками и откровенной мразью. Короче, перспектив устроить свою личную жизнь, — никаких. Вспомнив отвратительные, детдомовские развлечения, Нина соблазнила на интим такую же одинокую женщину, учительницу начальных классов. После ужина, обильно разбавленного спиртным, Нина со своей новой подружкой ныряли в койку и практиковались в своих сексуальных фантазиях однополый, лесбийской любви... Единственным маленьким плюсом этих уродливых отношений являлось то, что забеременеть было невозможно, как и невозможно поймать какую — нибудь венерическую заразу. Однако, такие извращённые отношения всегда тупиковые и, рано или поздно, становятся известны всем, особенно, в деревне. В общем, местные дебилы, надравшись как — то самогонки, подпалили её дом, пока она резала головы несчастным курам. Осрамлённая, униженная, избитая, Нина в чём была, убежала в город и через некоторое время, влилась в армию местных бомжей. ...Сначала, к ней пытались пристроиться разные извращенцы, склоняли к сексу, но всегда получали достойный отпор; к тому же, мужчины перестали её интересовать, как партнёры. Каждый день она боролась за выживание, как одинокая, бездомная

кошка и уже подумывала о том, чтобы вернуться в привычную систему жизни, о том, чтобы совершить какое — нибудь преступление и отправиться к подругам в колонию. Через какое — то время, она случайно встретила такого же бедолагу, как и она. Теперь ей стало легче; они держались вместе: коротали ночи, воровали всё подряд, собирали бутылки по помойкам, пили горькую, отбивались, как могли, от скинхедов. Но однажды они попали в засаду к пьяным и обкуренным отморозкам: сожителя жестоко забили битами насмерть, а её многократно изнасиловали и бросили подыхать в грязном подвале. Тут — то её и обнаружили бездомные из шайки «Завлаба». ...Когда Нину, полуживую, истерзанную, окровавленную принесли в развалившийся особняк, все бомжи ахнули от такого зверства, а «Завлаб» поклялся найти ублюдков и жестоко наказать. Детдомовцы, — люди упорные, стойкие, живучие, поэтому, через месяц Нина пошла на поправку. К этому времени люди «Завлаба» выследили и поймали двух из девяти скинхедов. Их не били, не унижали, не издевались, а просто, продали на зону, в качестве петушков. Больше о них никто не слышал. Ещё через месяц, выловили главаря банды скинхедов, некого «Гелика», посадили на тяжёлые наркотики и определили к педрилам в мужской бордель «Стрекоза», теперь его зовут Галкой. Эти ужасные новости молниеносно распространились по городу, обросли невероятными, жуткими подробностями и возымели своё воспитательное действие: бритоголовые начали отращивать волосы и сматываться из Томска, а «Завлаб» стал легендой, борцом за справедливость и защитником всех городских бродяг.

...Нина открыла глаза, смущённо огляделась и прошептала: «Где я?»

— Ты, девочка, в надёжных руках, среди друзей. Всё плохое кончилось... Ты жива, а это, — главное. Я твой новый друг, зови меня «Завлаб» Здесь тебя никто пальцем не тронет. — Почему здесь так сыро и окон нет?

— Это подвал заброшенного особняка. Это наша территория. — Почему, я здесь? — Потом, всё расскажу, а сейчас ешь, спи, выздоравливай. Вот тут есть фрукты, овощи, куриный бульон... — Я терпеть не могу куриный бульон.

— От чего же? — Я куриц тысячами убивала. У меня до сих пор в носу этот мерзкий запах птицефабрики. — Ладно, сварим тебе что — нибудь другое. Борщ любишь? — Да, очень! У нас в детдоме повараха необыкновенно вкусные борщи варила, только старшие всегда отбирали.

— Теперь никто ничего у тебя не отберёт. Я тебе отвечаю! Всё, я ушёл, дел полно. ...»Завлаб» поднялся на первый этаж и присел у вечного костра. Все замолчали и только «Афганец» спросил: «Как она?» — Уже лучше. Оч-

нулась. Вопросы начала задавать. Ещё немного и будет, как огурчик. — Да, натерпелась деваха; сначала злобный детдом, а потом, суровая реальность.

— Скажи мне, Константин: почему люди такие жестокие? Зачем, весь этот бессмысленный садизм? — Думаю, что существуют мерзкие подонки, которым доставляет удовольствие издеваться над другими, они, наверное, так значимость свою повышают, считают, что они хозяева жизни.

— Скорее всего, ты прав, только я, всё равно, этого не понимаю и не приму никогда. — Поэтому, ты «Завлаб» здесь, а не в продажной полиции работаешь, и в армии не служишь, и в Думе не заседаешь, и в бандиты не подался... — Костя, а ты когда — нибудь издевался над людьми? Попытал кого — нибудь? — Над врагами издевался и много раз. В Чечне одну снайпершу из Прибалтики насмерть замучил. Эта сука пятерых из нашего взвода положила, причём, целилась сначала ниже пояса, а потом, — в глаз. — И как, угрызения совести не мучают? — Ни грамма! Если бы снова она мне попалась, то сделал бы то же самое. — Но, ведь, она за свободу Ичкерии воевала. — За деньги она корячилась; на Чечню ей глубоко насрать. Если бы мы больше бабла дали, она боевиков мочила бы с таким же наслаждением.

— Да, не просто это, — Человеком на войне оставаться, не многим удаётся.

— А ты, командир, не заморачивайся, в голову не бери, а то крышу снесёт.

— Я вот что кумекаю: когда Нина окончательно оклемается, научи её стрелять, покажи приёмчики всякие, чтобы грамотно защищаться умела. Эти детдомовские дюже мстительные; теперь она за правду бороться станет; отморозков, ублюдков, хирургов чёрных, бандосов и другую сволочь истреблять начнёт.

— Сделаю!

— Ну и ладненько. Только, всё равно, война, — это не женское дело, а у нас тут настоящая война!

— Что делать, раз время такое...

— Надо подумать, как её в нормальную жизнь адаптировать, не сейчас, а через какое — то время.

— А захочет она в нормальную жизнь? Она ведь, её совсем не знает, для неё выживание, борьба, страдание, — это и есть привычная жизнь.

— Поживём, увидим...

— У меня вопрос, командир.

— Задавай, коль не шутишь.

— Тут мужик один, Гриша с Жилмассива, к нам хочет.

— А с кем он? На кого горбатится?

— Он, — волк одиночка, причём, вооружён.

— Ну, веди его сюда, потолкуем, только не забывай, сколько к нам «кукушек» пыталось прошмыгнуть, проверь его, ну, как ты умеешь.

— Я понял!

...К костру подсел прапорщик: «Разрешите обратиться, товарищ «Завлаб»?

— Чо хотел, Николаша?

— Парня одного надо выручать. Бандосы его за раба держат, эксплуатируют в хвост и в гриву, он с голоду опухает, вот — вот коньки отбросит.

— Давай по порядку.

— Слушаюсь, докладываю всё, как есть по порядку.

— Колян, ты свои солдафонские замашки брось, толком излагай, а то я не врубаюсь, что к чему.

— На перекрёстке Пушкина и Яковлева инвалид на коляске в военной форме, между машин катается, деньги выпрашивает. Ему, конечно, сердобольные водители отстёгивают, на лечение.

— И, чо? Каждый крутится, как может...

— Я не о том. Если бы братва у него каждый час всё не отбирала, то он, ясно дело, был бы в шоколаде.

— А может это ряженный, актёр, в доле с бандитами?

— Если бы? Я проследил за этим калекой; он, в натуре, бомжует, в подвале кантуется, голодает. Надо его у братвы отбить, а то пропадёт парень.

— Ладно. К пацанам тихо подрули, стрелку забей, завтра в десять вечера, в Университетской роще, на мостике, там где мы обычно с бандосами перетираем.

— Будет исполнено! Разрешите идти?

— Ну ты, блин, служака! Даже нормально разговаривать не умеешь, «Николаша — Нидвораша»?

— Ну, я пошёл.

— Всё, иди работай! Так, Костя, покумекай, как всё на стрелке разрулить, чтобы бандосы на наши условия согласились. Да, инвалида этого сегодня к нам перевези. Потом подберём ему место работы получше.

...Вечером, прямо на коляске доставили попрошайку. Он оглядел руины особняка: «Да у вас тут Брестская крепость...»

«Завлаб» пристально взглянул инвалиду в глаза, предложил поест и затем спросил: «Значит, ты, парниша, инвалид войны?»

- Нет, я даже не служил.
- А форма откуда?
- Братки заставили напялить, и медаль вот эту нацепили. Мне счётчик включили.
- Ты ешь спокойно, не торопись. На, вот спиртяги жажни.
- Не пью я. Совсем не пью...
- Давай тогда, поведай нам свою легенду.
- ...Инвалид уплетал печёную картошку с квашеной капустой и не верил, что может нажраться досыта. Кто — то сунул ему кусок дешёвой колбасы, зажаренной на костре. Несколько минут висело молчание, затем, он выдохнул, икнул и вымолвил: «Уже почти три года так сытно не жрал. Можно водички, запить?»
- Они, что тебя, вообще, не кормили?
- Утром и вечером кусок хлеба давали и всё.
- Вот падлы! Это гестапо натуральное, рабство полное! Ты как к бан-досам в зависимость попал?
- Сейчас прожую, всё расскажу. Это длинная история.
- А мы никуда не торопимся! Тем более, что с сегодняшнего дня ты уже не раб, а свободный человек, свободной стаи.
- А я уже всякую надежду потерял, думал, что до конца жизни на упы-рей горбатиться буду.
- ...К костру подошла Нина, мельком взглянула на инвалида и ахнула: «Слав-ка, ты что ли? А я слышу, знакомый говорок. Сколько же мы не виделись?
- Кажется, тринадцать лет, уже. Меня, как в третьем классе усынови-ли, так больше и не встречались. Ты как, Нинка?
- Сейчас хорошо... А раньше...
- Ну, расскажи о себе?
- Славик, сначала ты расскажи. Видишь, люди ждут, или забыл, где ты?

Слава — коммерсант

...«После детдома я жил, как у Христа за пазухой. Приёмные родители, — интеллигентные люди, понемногу отучили меня от плохих детдомов-ских привычек: курения, хулиганства, воровства, перевели в другую школу, усыновили меня, дали свою фамилию. Короче говоря, к десятому классу я считался, можно сказать, отличником, нормальным домашним пацаном; детдом забыл, как кошмарный сон», — начал свой сбивчивый рассказ дав-нишний одноклассник Нины.

...На обиталище бомжей спустилась тёмная, холодная, томская ночь и Славику выдали тёплую куртку, всю в латках. Бродяги внимательно его слушали и недоумевали, как бомж может вообще не бухать.

Инвалид поправил выцветший военный берет и попросил ещё картошки. Его никто не торопил, поскольку все на себе испытали щемящее чувство голода, сводившее с ума; сидевшие у костра помнили, как точно также не могли насытиться, когда впервые оказались здесь.

Славик жадно жевал неочищенную, подгорелую картошку, а все бродяги, молча глядели на него и терпеливо ждали. Мёртвую тишину нарушил «Завлаб»: «Ты не торопись, Слава, сейчас много не ешь, а то завороток кишок случится. Успеешь ещё нажраться».

— Я раньше и не предполагал, что обычная печёная картошка бывает такой вкусной, а с квашеной капустой, — это точно объедение!

— Всё, парень, кончился твой плен, больше голодать не придётся.

— Как — то мне пока не верится...

...Инвалид дожевал подгорелую картофелину, жадно запил мутной водой и продолжил своё горестное повествование: «Правильно говорят, что любой, даже самый лучший детдом не заменит семью. Самое главное, что я тогда понял; в Жизни надо становиться самостоятельным, не ждать подарков от спонсоров, не выпрашивать подачки от государства после выпуска из ДД, надо учиться, причём, учиться хорошо.

В детский дом, куда меня когда — то доставили, отобрав у алкашей родителей, я ни разу не приезжал и не интересовался, как там дела. Я вычеркнул из жизни те пять лет. Наверное, это было не правильное решение, но я хотел навсегда забыть ДД и радоваться жизни, забыть издевательства старших над нами малышней и просто любить своих новых родителей; я старался выгнать из себя страх тёмной спальни после отбоя в ДД, вычеркнуть из памяти бесконечные, унижительные, издевательские дежурства на кухне, когда заставляли чистить тонны подгнившей картошки».

...«Завлаб» задумчиво почесал затылок, а Нина, понимая кивнула: «Да, Славка, повезло тебе, я — то огреблась по — полной романтики детдомовской жизни, сполна насладилась всеми гадкими прелестями казарменного режима. Меня в старших классах чуть было не сломали злобные воспитатели и подружки по спальне.

— Нина, ну я же не виноват, что забрали, именно, меня, а не кого —нибудь другого.

— Конечно, ты не причём, но мог бы, хоть раз приехать...

— Не мог, пойми меня.

— Ты не хотел... Наверное, я бы так же поступила, извини, что перебила тебя.

...Слава немного подумал, виновато взглянул на Нину, проглотил упрёк и продолжил: «Я благополучно доучился до десятого класса, сдал экзамены и поступил в Университет, на Экономический факультет. Вот с этого момента началась моя другая жизнь. Я, как с цепи сорвался: постоянные пьянки в общаге, неразборчивые половые связи, пропуски занятий, фарцовка джинсами, дисками, сигаретами, — всё это обязательно должно было плохо закончиться. И закончилось»...

...Инвалид замолчал, ощутив в горле горький ком, а Нина философски произнесла: «Наверное, пребывание, даже не долгое, в ДД накладывает на человека отвратительную, мерзкую печать и, рано или поздно, дерьмо вылезает на поверхность. Уверенна, что детдомовцы бывшими не бывают...»

— Одним словом, на мою ещё не окрепшую психику свалилась перестройка, волчьи законы рынка, полный хаос в стране. Я бросил Университет и открыл свой первый кооператив по оказанию услуг гражданам.

Мы скупали на пивзаводе пиво ящиками, а по ночам развозили его особо страждущим, поместив объявление в газете. Естественно, ночью бутылка пива стоила в три раза дороже, чем днём, но от желающих, тем не менее, не было отбоя. Деньги потекли рекой. Дальше — больше. Я покупал всё подряд по дешёвке и толкал по дорожке. Иногда прибыль составляла триста процентов».

...«Завлаб» зло улыбнулся: «Значит ты, Слава, у нас буржуй недобитый, барыга сраный, хапуга наглый?»

— Время было такое...

— Какое такое?!

— Сволочное! Хочешь жить, — умей вертеться!

— Ладно, коммерсант хренов, давай дальше... Мне интересно, как ты без ног остался и как к браткам в зависимость попал, как рабом стал? Я тут, пока про детдом слушал, чуть не обрыдался.

— Но ведь, в ДД, действительно, очень тяжко.

— В курсе я, Нина рассказывала.

...Повисла минутная пауза. Бомжи, ещё минуту назад сочувствующие инвалиду, люто его возненавидели, как клопа, пьющего кровь из трудового народа. От любви, до ненависти, — один шаг, это точно!

Несостоявшийся миллионер, вдруг врубился, что не стоило рассказывать про свои подвиги в бизнесе, поскольку, эти бродяги, — сплошь

жертвы недобросовестных бизнесменов и своей мягкотелости. Большинство бомжей искренне считали, что решить любую проблему можно, утопив её в бормотухе, а лучше, — в спиртосодержащей жидкости. У каждого из них существовал свой путь на дно жизни, своя правда, свои вынужденные, объективные причины. Вместо того, чтобы нести ответственность за свою жизнь, они искали врагов вокруг и этими врагами, как правило, оказывались успешные, богатые, но, в большинстве своём, алчные люди.

Среднестатистический бомж рассуждал просто: зачем чего — то добиваться, упорно работать? Лучше ничего не делать. Всегда можно что — то стырить, выпросить, найти и не подохнуть с голоду. Такая философия унижительна для нормального человека, губительна для слабохарактерных, но является оправдательной для социопатов, — профессиональных бродяг, бичей, алкашей, наркоманов, проституток и других членов многочисленной группы риска.

Славик глубоко вздохнул и попросил сигарету: «Сто лет не курил. Думал, что брошу, но не смог».

— Тебе с помадкой, или как?

— Не понял?

— Ты охнарики какие любишь, — после баб, или после мужиков?

— А целой сигареты нет?

— Ты вокруг оглянись и прикинь, где ты?!

...«Завлаб» вытащил пачку «Кэмэла» и достал оттуда жирный, вкусный бычок от «Мальборо».

— Хотел себе заныкать, но...; дыми на здоровье.

— Я лучше, дальше продолжу бросать курить.

— Ну, как знаешь, Слава; наше дело предложить, ваше дело, — отказать. Давай, дальше излагай, уж больно интересно...

— Четыре года назад это случилось. Повёз я на дачу своих приёмных родителей; дорога скользкая, после дождя. Не справился с управлением, вылетел на встречу, развернуло меня, а сзади КАМАЗ влетел по самые... Родители на месте погибли, а меня в бессознательном состоянии в реанимацию доставили, ноги отрезали, пока я в коме пребывал. В общем, собрали меня по частям, а из комы вывести не могут. Полгода я без сознания провалялся, говорят, чуть не умер.

...Опять возникла незапланированная пауза. Снова народ, собравшийся у костра, залюбил несчастного инвалида, простив ему все коммерческие грехи; со всех сторон послышались ободряющие возгласы,

слова поддержки и сочувствия. Настроение бомжей переменялось на противоположное, причём в третий раз за несколько минут. Они вспомнили, что перед ними инвалид, а не алчный барыга.

Один из бродяг потрогал свои ноги, покосился на Славика и яростно прилепил полстакана мерзавчика: «Лучше без папы, без мамы, без дома, но с ногами. Крутанула тебя жизнь, однако».

— Я когда из комы выбрался, ещё не знал, что ног нет, просил нянечку пятку мне почесать, а она глаза опустила и выскочила из палаты. Потом, руками начал шевелить, откинул одеяло, увидел культышки и чуть не помер от отчаяния. Ревел, как раненый зверь, рыдал навзрыд, как маленький мальчик, убить себя хотел, как псих. Безумно тяжело было! Смерть приёмных родителей перенёс легче, чем потерю ног, стал их винить, что сделался в одночасье калекой, перенёс всю вину на них.

...Нина в упор уставилась на бывшего детдомовца: «Ну и гад же ты, Славка. Просто падла конченная, баран безмозглый. Мало, видать, тебя в ДД лупасили. За такие слова, тебя надо...»

Бродяги, вспомнив своих родителей, у кого они когда — то имелись, опять с ненавистью уставились на инвалида. Послышались приглушённые маты в адрес Славика и недовольное роптание, возбуждённых бомжей. Опять отношение к рассказчику резко поменялось. В таких случаях народная мудрость гласит: «Не верь сказочнику, верь сказке».

«Завлаб» властно поднял грязную руку, прекратив недовольные высказывания: «Слышь бродяги, вы, как флюгеры на крыше. Всё, прекратили в ромашку играть и заглохли! Пусть расскажет до конца».

Все тут же примолкли, покорно расселись, двое из обитателей развалин вырубались, одурманенные, конечно, бодяжным спиртом, а не душещипательным рассказом новенького. Слава благодарно взглянул на жоака и принялся излагать дальше свою мелодраму: «Пока я находился в коме, фирму мою раздербанили продажные компаньоны, долги по кредитам повесили на меня, а сами разбежались по заграницам. Ушлые братки долги по дешёвке перекупили, меня в оборот взяли, на счётчик поставили... Когда я вышел, вернее, выкатился на коляске из больницы, то бандиты забрали квартиру, дачу, счёт в банке, а меня поселили в каком — то вонючем клоповнике. На следующий день на меня напялили эту дурацкую форму и приказали попрошайничать на перекрёстке. Держали впроголодь, на ночь запирали, а утром привозили на место работы. Все собранные деньги забирали себе; если я возмущался, то жестоко избивали».

...Нина, со слезами на глазах, взглянула на Славика: — «Сколько ты им должен?»

— Бригадир сразу объявил, что я попал на шестнадцать лимонов рублей.

— И сколько ты уже отдолбушил?

— По моим прикидкам, я вернул всю сумму ещё в прошлом году.

— Но ведь, это полный беспредел.

— А что я могу сделать? Убежать не могу. Доказать, что рассчитался, — тоже не могу. В полицию пойти не могу, ничего не могу! Даже покончить с собой не могу...

...«Завлаб» внимательно выслушал концовку рассказа, возмущённо покачал головой и подозвал «Афганца»: «Костя, свяжись со своим, ну, с однополчанами, попроси в аренду десять «Калашей», патронов ящик, снайперскую винтовку, а после, перенеси стрелку на Междуреченский тракт, ближе к Киреку.»

— Я понял. Всё сделаю!..

...«Завлаб» повернулся к своим воинам и громко крикнул: « Смерть бандосам! Идут только добровольцы!»

Нина первая подняла руку: «Я пойду!» Бродяги дружно заорали: «Мочить, бандосов! Натерпелись! Свобода или смерть!..

Помитинговав ещё несколько минут, бомжи уgomонились, приняли анестезию от душевных потрясений в виде бодряжного пойла, успокоились и расползлись, как тараканы по своим углам.

...В шесть утра, прилично одетый, Костя «Афганец» заявился в центральный офис ветеранов интернационалистов. Охранник на входе его узнал и пожал руку.

— Я к Саньку. Он уже на месте?

— Понял я. Проходи, Костян. Саша со вчерашнего дня на месте, никуда и не уходил! У нас тут запарка.

Бывший Гвардии — майор, Александр Юрьевич Баев, обернулся на стук в дверь и поставил на стол чашку недопитого кофе. Костя молча протиснулся в кабинет и встал на середине: «Здравия желаю, товарищ майор».

— Здорово, гвардеец. Давай без официоза. Чо хотел?

— Саня, нам стволы нужны: десять «Калашей» и винтарь с оптикой, ну ещё маслят ящик, в аренду на три часа... Мы заплатим...

— И чо будет?

— Воевать с бандосами станем, бороться за справедливость, давить отморозков! Они уже достали!

— Ты, чо, Костя, сдурел? После вашей войнушки, мусара весь город на уши поставят, ко мне первому припрутся, шмон наводить, вопросы будут задавать. Ты скажи, Костя, оно мне надо?

— **А помнишь, Шура, как мы в Афгане вдвоём почти сутки перевал держали, как потом, я тебя раненого из боя вытащил?!**

— Ты меня на горло не бери! Я всё помню! Стволы не дам, а ситуацию разрулить попробую.

— Я не догоняю? Ты что, за нас, за бродяг впрягаешься?

— Да!!! Потому, что уверен, — у вас всё по чесноку, по справедливости. Где и когда стрелка? Чо за предьява?

— **Сегодня в двадцать один ноль — ноль в Университетской роще, там место есть тёмное, мостик через болотце, называется «Спасайся, кто может». А тема такая: мы калеку у них отбили...**

— Я знаю, где это! «Завлабу» передай, что мы всё решим. Сидите тихо и не рыпайтесь... **Потом сочтёмся...**

Интернат слабовидящих детей

Филончик Аркадий Ульянович

Железнодорожная школа-интернат № 42 западносибирской железной дороги была открыта в сентябре 1961 года, в здании школы № 43, которая была построена в 1960 году. Школа типовая на 520 мест, на 3-м этаже дети спали, а на 1-м и 2-м учились.

Первым директором был Кобылянский Моисей Аронович, человек ответственный и преданный своему делу. В 1963 году был построен спальный корпус на 320 мест. После ухода Кобылянского М. А. на пенсию в 1971 году директором стал Трофимов Геннадий Васильевич. В таком, виде школа работала до 01.07.1983 года, когда была реорганизована во вспомогательную школу № 42. 08.02.1993 года школе был присвоен №26. В августе 1996 года школу передали городу, а в сентябре была открыта школа-интернат № 6 для детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей.

Численный состав педагогов — 41. В том числе: 4 педагога имеют звания «Отличник народного просвещения»; высшую квалификацию категорию — 7, первую — 20, вторую — 10. Численный состав 153 учащихся на 2002–2003 учебный год; классов — 11 (с 1 по 9 класс).

Сотрудничество. В течение двух лет (2001–2002 гг.) школа-интернат сотрудничает с факультетом психологии Томского государственного педагогического университета по проблемам; «Средства коррекции эмоциональных нарушений у детей», «Специфика отставания в психическом развитии детей, воспитывающихся вне семьи».

С 2002–2003 учебного года — с кафедрой социальной работы ТГУ по теме: «Проблема феномена детской агрессивности».

Достижения: Театральный коллектив школы-интерната принял участие в V Международном детском театральном фестивале «Сказочный сад» в мае 2002 г. (г. Москва), по итогам которого театральный коллектив среди 200 школ-интернатов и детских домов РФ и был награжден дипломом Фонда содействия реализаций благотворительных программ.

Традиции. Развитие творческой и спортивной деятельности воспитанников стало приоритетным направлением воспитания в школе-интернате. В учреждении работают спортивные секции: волейбол, баскетбол, настольный теннис, плавание, общая физическая подготовка (ОФП). Команда школы-интерната является неоднократным призером в «Президентских состязаниях». Летом 2003 г. Сборная команда школы-интерната приняла

участие в летних областных спортивных играх и заняла 1-е, место по пинг-понгу. Лучшие спортсмены: Кибардин Виктор, Нубин Володя, Иванов Володя, Красноперов Николай, Лисник Андрей.

Участие в международных проектах, В 2000 г. Педагогический коллектив школы-интерната № 6 принял участие в международном проекте «Развитие эмоционально- смыслового опыта у детей-сирот в условиях школы-интерната» и выиграл Грант. В ходе выполнения проекта в школе-интернате был проведен межрегиональный семинар, на котором присутствовало 20 руководителей учреждений интернатного типа из г. Томска и г. Кемерово; были подготовлены к печати и изданы программы достижения целей спортивного мастерства и участия в школьном театре. В 2002 г. Школа- интернат приняла участие в областном проекте по профилактике сиротства: «Социально-психологические аспекты подготовки детей к перемещению в патронатную семью». В 2003 г. На базе школы-интерната создана экспериментальная площадка по данной проблеме.

Школа для слепых детей

Наш город называют Сибирскими Афинами. В 1878 году в Томске был открыт первый в Сибири государственный университет. И с этого момента город стал центром образования и культуры, инициатором новых образовательных тенденций, в котором создавалось новое образовательное пространство, место как для здоровых, так и для инвалидов.

До 1930 г. в Томске не было школы для слепых детей, а слепых детей не только в городе, но и в крае (тогда был Новосибирский край) было много. И в то время они попросту не получали никакого образования.

Главной причиной, которая затягивала открытие школы, было отсутствие специалистов по обучению слепых детей. Тогдашний председатель ВОС Владимир Дмитриевич Листов попросил директора школы глухонемых (а такая школа уже была в Томске) А.Я. Ляпустину передать ходатайство ВОС в Наркомпрос об открытии школы для слепых детей и командировать в Томск специалиста — дефектолога, который бы возглавил это дело. Специалиста не было, все были распределены по центральным городам. Согласилась поехать в Томск сокурсница А.Я. Ляпустиной — Красноперова Августа Сергеевна. Бросив спокойную и выгодную работу в Москве, на руках с годовалым сыном она приехала в Томск. Ничего не меняется в нашем государстве, началось хождение по инстанциям, так как не было здания, не было специалистов и не собраны ученики.

Помог инспектор спецшкол Прохоров Николай Павлович. Занятия начались в здании ВОС в маленьком деревянном доме, что находился по переулку Нечевского. Обслуживающий персонал — это директор школы Августа Сергеевна, она же заведующая по учебной работе, она же няня, завхоз, кладовщик, кастелянша. В ее же обязанность входила и подготовка педагогических кадров. Школа занимала 3 комнаты, одна — класс, две — спальни мальчиков и девочек. Первой учительницей школы была Артемьева Евдокия Яковлевна. Оповестили население об открытии школы для слепых детей и к 1 сентября 1930 г. их было десять.

В декабре дали здание по улице Фрунзе, 26. С ноября 1931 года пришла первая воспитательница и пионервожатая Орлюкова Клавдия Михайловна. К 1932 г. уже набралось 30 человек и штат школы уже состоял из двух учителей и двух воспитателей, учителя музыки, няни, уборщицы. Красноперова А.С. возвращается в Москву и в 1932 г. директором становится Орлюкова К.М.

Школа маленькая, с печным отоплением, ребята сами пилили дрова и носили уголь, а сколько грязи от угля было. «Учащиеся сами обслуживали себя: выдавали продукты, готовили обеды, мыли пол, посуду. Девочки учились шить, а мальчики — слесарить. Первые ученики: Коновалов Гриша. Бурлицкая Ася, Лепнева Стеша, Мальцева Аня. После школы ребята шли на производство (трикотажная мастерская, вязание) — теперь фабрика ВОС. Школе становится тесно в здании по ул.Фрунзе, 26, где она просуществовала 30 лет и школа получает новое помещение по улице Ленина, 147.

За 30 лет существования школа пережила много хорошего и трудного. В 1933–34 гг. были тяжелые времена, трудно с питанием, хлеба получали 550 граммов в день. В спальнях стояли скрипучие деревянные кровати, из которых ночью вылетали доски, матрацы были набиты соломой. В столовой стояли длинные столы и по бокам скамейки, посуда была металлической. В классах стояли парты. Не было бумаги, тетрадей, букварей (вернее, несколько экземпляров было, но они были такие старые и затертые, что читать по ним было просто невозможно). А читать нужно было по Брайлю. Это все вспоминает бывшая учительница школы Майкова Валентина Александровна. За бумагой ходили в архив, там давали старые книги, на них писали по Брайлю.

Шли годы, богаче становилась страна. Школа стала получать больше средств. В 1937 году директором школы стала Лелюхина Галина Францевна, это была энергичная, жизнерадостная, душевная женщина. Проработала она директором 20 лет. Школа при ней преобразилась: появилась новая мебель, посуда, школу подключили к теплотрассе.

Бывший ученик Гебгардт Иван Егорович (сейчас преподаватель музыкально школы № 2 г. Томска) тепло вспоминает кружок баянистов, художественную самодеятельность, которая была в то время и которая вплоть до сегодняшнего дня остается на высоте. Многие мальчики поступали в музыкальное училище, заканчивал его и работали в музыкальных школах и училищах города. Бывший ученик Борис Галлее закончил Новосибирскую консерваторию.

Школа для многих незрячих стала настоящим домом. Сейчас это школа-интернат на улице Сибирской 81-А, красивое просторно четырехэтажное здание, похожее на театр, в котором обучаются 160 детей и работаю порядка 80 человек персонала.

Школа переживала все катаклизмы вместе со страной. Перестройка со своим безденежьем не миновала и нашу школу. В 2000 году школа-интернат находилась буквально на грани закрытия, потолочные перекрытия не выдерживали груза лет и провалились, денег на ремонт не было. Вероятно, коллективу школы-интерната № 3 слабовидящих и слепых детей просто очень повезло, когда вместо опытного, уходящего на заслуженный отдых директора Н.П. Струковой дал согласие возглавить школу Алексей Яковлевич Мударисов. Какие слова он нашел, какие сердечные струны Зии Бажаева он затронул, но группа «Альянс», крупнейший холдинг в нефтегазовом комплексе, выделил деньги на ремонт. Школа превратилась в красивый уютный дом для больных детей. Но здание — это только фасад, школа крепка своим коллективом, специалистами, которые знают и умеют воспитывать талантливых детей.

Школе пожелание, так держать, дорогие коллеги! С праздником Вас бывших преподавателей-ветеранов! С праздником всех выпускников нашей школы! В 2010 году с радостью отметили 80–летие школы!!

ОНИ ВОЗГЛАВЛЯЛИ ШКОЛУ:

Краснопёрова Августина Сергеевна — 1930–1931 гг.

Арлюкова Клавдия Михайловна — 1931–1937 гг.

Лелюхина Галина Франциевна — 1937–1957 гг.

Окладников Антон Георгиевич — 1957–1964 гг.

Коротков Григорий Федосеевич — 1964–1974 гг.

Чинская Галина Акимовавна — 1974–1975 гг.

Петрова А. С — 1975–1976 гг.

Струкова Нина Петровна — 1977–1995 гг.

Мударисов Алексей Яковлевич — 1995–2014 гг.

«Воспитательные дома»

Первую «сиротопитательницу» в России открыл в 1706 г. Новгородский митрополит Иоанн. «Святым» митрополитом руководил трезвый расчет: монастыри получили в дар землю без крепостных и нуждались в рабочих руках. И сироты становились крепостной рабочей силой.

В 1715 г. был издан указ об открытии «госпиталей» для «зазорных младенцев». За каждого принесенного ребенка назначена была плата — 2 рубля. Дешево рассчитывало правительство приобрести рабов! Вокруг этих «госпиталей» развился посреднический промысел. Специальные коммиссионеры привозили детей целыми партиями. Страшные были учреждения, эти воспитательные дома!

Уход за детьми был такой, что из ста детей умирало даже в лучшие годы 50–60 человек. В обычное время смертность была 80–100 процентов. А те, что выживали, выходили в жизнь физическими и нравственными калеками.

В воспитательном доме в Москве (теперь — здание Дворца труда) была такая ужасающая смертность, что дом этот получил прозвище «фабрики ангелов». После 1864 г. часть воспитательных домов перешла в ведение земств. Земства пытались отдавать детей на воспитание в семьи за плату 3 рубля в год. Однако это мероприятие не уменьшило смертности.

Анастасия Ивановна Курочкина родилась в 1871 г. В 1882 г. окончила приходское училище. В 1891 г. поступает на работу в прачечную г. Томска. В 1920 г. вступает в партию и уезжает по организации детских домов в Нарыме, Щегловке, Болотном и др. В 1922 г. Анастасия Ивановна отдает все силы беспризорным детям. В 1923 г. была награждена грамотой за работу с детьми. В это время Курочкина А.И. заведовала приемником для беспризорных детей. В 1924 г. приемник переименовывают в «Дом призора». При заведующей Курочкиной А. И. из ночлежки приемник превращается в дом, где перевоспитанием детей занимаются в течение всего дня.

Справка от 28 ноября 1927 г.: «Настоящая справка подтверждает, что, работая в Томске, я знал с 1923 г. по 1926 г. т. Курочкину Анастасию Ивановну как активную работницу по просвещению по линии борьбы с беспризорностью, любимую детьми организованного по ее инициативе и благодаря её энергии «Дома призора», ведущую большую общественную работу. Бывший председатель Томского Губпроса Вихрев П.».

В 1925 г. заведовать стала другая женщина. «В Доме стала непролазная грязь. Один воспитатель на 30 человек. Ребята снова становятся бес-

призорными: воруют вещи и т. д. Новому заву до этого дела мало — с ребятами не беседует, о состоянии Дома не беспокоится, придет два раза в неделю, посмотрит свой кабинет и обратно уйдет. Кухарка, видя, что после ухода Курочкиной «Дом призора» разваливается, ходила в деткомиссию, где всё рассказала, но детком ничего не предпринял. Николай Синько».

Потом А. И. Курочкину вновь вернули заведующей «Дома Призора» и было сказано: «Оказать всем ей помощь в организации порядка в «Доме призора». Дети очень любили Анастасию Ивановну. После выхода из «Дома призора» они приезжали к Анастасии Ивановне в гости, переписывались с ней и делились своими успехами и проблемами во взрослой жизни...

Детский дом № 1 г. Томска

Основан в 1903 г. как дом для бездомных детей, количество детей было — 38чел. (от 4 до 18 лет). Приют содержался на средства Городского управления. Директором приюта был И. В. Хмелёв.

В 1920 г. приют переорганизован в дошкольный детский дом имени Коминтерна, детей было 65 человек. Заведующей была Резанцева Мария Викторовна (образование среднее), помощником заведующей — Чернавина Лидия Николаевна (образование семилетнее), учительницей — Петрова Аполлинария Васильевна (образование семилетнее), дворником — Дубац Иосиф, кухаркой — Добрышева Александра Федоровна.

В 1929 г. воспитанников было 72 человека (45 девочек и 27 мальчиков) разных национальностей (русские, татары, евреи, чуваша, поляки и др.). В 1963 г. детский дом № 1 находился по адресу: ул. Белинской, 48. В 1970 г. было построено три корпуса по ул. Л. Толстого, 47, где обитают беспризорные и без попечения родителей дети.

Учреждение существует на базе слияния детских домов №№ 1, 2, 3. Муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения Жителей, специальный (коррекционный) детский дом № 1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с отклонениями в развитии г. Томска.

Численный состав педагогов — 30: 17 воспитателей, 5 учителей-логопедов, 3 учителя-дефектолога, 1 педагог-психолог, 1 музыкальный руководитель, 2 педагога дополнительного обучения, 1 инструктор по физическому воспитанию. Из них высшей квалификационной категории — 7, первой — 7, второй — 5, имеющих звание «Отличник народного просвещения» — 2.

Директор Глушкова Людмила Сергеевна — педагог высшей квалификационной категории, Отличник народного просвещения.

Численный состав воспитанников на 2002–2003 гг. — 75 человек в возрасте от 3 до 8 лет с диагнозами «задержка психического развития» (1 группа), «олигофрения» (4 группы).

Директора детского дома № 1:

1903 г. — Хмелев И. В.

1920 г. — Резанцева Мария Викторовна

1929 г. — Полюнина А. П.

1963 г. — Попова Надежда

1964–1991 гг. — Михеева Лидия Ильинична

с 1991 г. по 2010 г. — Глушкова Людмила Сергеевна

Детский дом № 2 г. Томска

По документам упоминается с 1924 г. как дошкольный им. К. Маркса. Директором была Копылова Л. П. В 1926 г. детский дом № 2 стал смешанным (до 13 лет), одни девочки. Всего 82 человека (помещение рассчитано на 75 человек), расположен был на ул. К. Маркса, дом № 10 и дом № 26. В 1927 г. директором была Лебедева Вера Матвеевна. Директором детдома № 2 был и Воздвиженский Н. И., но время пока не установлено.

В 1928 г. этот детский дом был при туберкулезной больнице в Дачном городке, позднее был переведён на Московский тракт. В 1928–1948 гг. директором дошкольного детского дома работала Шафор Ю. А. Здесь, в основном, жили дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда. В 1964 г. д/дом переведен в типовое здание по ул. Вершинина, 40.

Это муниципальное оздоровительное образовательное учреждение санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении, для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Томска.

В 2003 г. численность педагогов — 23, из них 15 воспитателей, 3 учителя-логопеда, педагог-психиатр, педагог дополнительного образования, музыкальный руководитель, инспектор по физическому воспитанию.

Высшая квалификационная категория — 3, первая — 3, вторая — 18.

Численность воспитанников — 40 (4 группы).

Воспитанники тубинфицированы. Оздоровительную работу вели врач и 4 медсестры. За время пребывания в детдоме 75% выпускникам сни-

мается диагноз «Задержка психического развития» (ЗПР), и они успешно учатся в начальной школе.

Воспитанники детдома принимали активное участие в городских конкурсах и олимпиадах, за что получали награды.

Осенью 2004 г. детский дом № 2 реорганизован путём присоединения к детскому дому № 1 г. Томска.

Директора детского дома № 2 г. Томска:

1924 г. — Копылова Л.П. 1926 г. — Баранова М.И.? — Воздвиженский Н.И. 1927 г. — Лебедева Вера Матвеевна. 1928–1948 гг. — Шафор Юлия Андреевна. **1948–1974 гг. — Галахарь Нина Иннокентьевна.** 1974–1983 гг. — Шилова Лидия Васильевна. 1984–1985 гг. — Кореева Галина Фёдоровна. 1986–1989 гг. — Девяшин Николай Эммануилович. 1989–1991 гг. — Кореневская Любовь Николаевна. 1991–2004 гг. — Аксенова Альбина Михайловна.

Детский дом № 4

Открыт в сентябре 1961 г. как школа-интернат № 4. Директором был Мананников Валерий Павлович. В 1983 г. школа-интернат № 4 реорганизован в детский дом № 4 (семейного типа). Директором стала Андриянова Елена Михайловна. В 2001 г. переименован в муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детский дом № 4 г. Томска. С 1998 г. директором детского дома № 4 назначен Железчиков Павел Кириллович, педагог высшей квалификационной категории, награжден Грамотой Министерства образования РФ.

Численный состав педагогов — 30, из них высшей категории — 6, первой — 8, второй — 6, имеющих звание «Заслуженный учитель Российской Федерации» — 1. Численность воспитанников — 110 человек, семей — 9. В настоящее время число воспитанников уменьшается.

После выпуска из детского дома № 4 дети учатся в Томском государственном педагогическом университете, Томском политехническом университете, Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники, техникумах и училищах.

Адрес детского дома № 4: г. Томск, ул. Тверская, 74; телефон 52–11–16.

Директора детского дома № 4:

1. Мананников Валерий Павлович (1961–1983 гг.).
2. Андриянова Елена Михайловна (1983–1998 гг.).
3. Железчиков Павел Николаевич (с 1998–2014 гг.)

Детский дом № 5 г. Томска

Упоминается в документах с 1921 года как детдом при СНХ (при государственном совнархозе), руководителем была Абрамова Вера Николаевна.

Детдом смешанного типа, заведующим был Колошин Михаил Александрович, секретарём и руководителем совета — Иванов, зам. Зав. Агеев Александр Васильевич. Детдом располагался по ул.Р. Люксембург, 17. Детей было 82 человека (мальчиков 29, девочек 53), персонала —17, и обучались в школах I и II ступенях, в профтехшколах, в детдоме готовили детей и к школе.

Детдом носил имя председателя ВЦИК т. Калинина. В 1928 г. детдом расформирован (выписка сделана архива ГАТО 6.06.08 г. П.Я. Нехорошевой).

Детдом № 5 г. Томска в военные годы вновь упоминается по ул.Горького, 35. Там воспитывались дети сироты от 3-х до 17 лет. В 1966 г. детдом был преобразован в школьный. В 1984 г. детдом был закрыт в связи с аварийностью и ветхостью здания, а дети выведены в другие детские дома г. Томска и области.

Глухие дети были переведены в детский сад № 30, на базе которого 10.10.84 г. был образован специализированный дошкольный детский дом № 5 для детей с отклонениями слуха. В 1996 г. детдом был переведён в типовое 2-х этажное кирпичное здание детского по переулку Лесной, 6. В 2000 г. переименован в муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специальный (коррекционный детдом № 5) с отклонениями в развитии г. Томска. Численный состав педагогов —18, из них: высшую квалификационную категорию имели — 6, первую — 8, вторую — 4. Численный состав — 43 воспитанника 2002–2003 учебный год.

Воспитательно-образовательная работа в детдоме осуществлялась на основе «Программы воспитания и обучения глухих детей дошкольного возраста», «Программы воспитания и обучения в детском саду» под редакцией М.А. Васильевой. В 2000 г. Алёна Аникина заняла призовое место в областном конкурсе «Алиса».

Воспитанники детдома принимали активное участие в городском ежегодном фестивале «Поверь в себя», в 2002 г. в Международном театральном фестивале «Сказочный сад», в 2003 г. в конкурсе гтра детства». В 2004 г. детдом расформировали и документацию передали школе-интернату № 15 Томска.

Директора детского дома № 5 г. Томска:
1921–1922 гг. — Абрамова Вера Никитична
1923–1928 гг. — Колошин Михаил Андреевич
1941–1945 г. — 1946–1972 гг. —
1973–1974 гг. — Килин Андрей Гурьянович
1975 г. — 1976 г. — Разина Ольга Петровна
1976–1977 гг. — Горбатко Раиса Станиславовна
1978–1980 гг. — Халитова Надежда Михайловна
1981–1984 гг. — Кореева Галина Федоровна
1985–1997 гг. — Замятина Ольга Алексеевна

Детский дом № 9

В Томске открыт по ул. Коммунистической, 24. Детский дом был дошкольного типа. Директором был Никита Миадску в 1921–1922 г. В 1923 г. детский дом стал школьным, с преобладанием детей-сирот татар. 15.10.1924 г. детский дом № 30 ГубОНО был расформирован, а на его базе организован детдом «Водник». 18.05.1930 г. в извещении № 8–184 Сибводпути указывалось о передаче детского дома «Водник» ГорОНО. В 1930–32 гг. в документах упоминается детский дом «Водник», он же детдом № 9, который располагался по ул. Коммунистической, 24. В мае 1943 г. д/дом № 9 был переведён на ул. Бакунина, 7.

В годы Великой отечественной войны детский дом принял под своё крыло детей блокадного Ленинграда. Директором была Хадакова Анна Матвеевна (по воспоминаниям воспитанников этого детдома О. В. Нелюбиной и Р. П. Аввакумовой).

С 1946 по 1958 гг. директором работала Андропова Лидия Николаевна. В 1950-е годы детдом № 9 был переведен на ул. Сибирскую 81 а, до 1982 г. директором была Борст Конкордия Павловна. Детский дом был смешанного типа (дети с 3 лет до 18-летнего возраста).

С 1982 г. директором была назначена Нехорошева Полина Яковлевна (отличник народного просвещения). Детский дом семейного типа. Было 6 семей. В детдоме проживало 150 детей (с 3 до 18 лет).

В 1989 г. директором был Девяшин Николай Эммануилович, а затем — Шарибзянова Александра Михайловна. Детей было около 100 человек. Детский дом семейного типа.

В последние два года в детдоме проживали дети только школьного возраста. Количество детей в среднем 90 человек Директором была Алеева Лариса Викторовна (первая квалификационная категория).

С 2003 г. детский дом № 9 — муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Численный состав педагогов — 27, в том числе звание «Отличник просвещения» — 1, высшая квалификационная категория — 7, первая — 14, остальные — второй категории. На 2002–2003 гг. — 86 воспитанников (6 семейных групп от 7 до 18 лет).

Дети детдома № 9 участвовали в чемпионатах Сибири и России среди взрослых. Они — ежегодные призёры областных соревнований по туризму. Дети участвовали в международных проектах. В рамках американской программы «Помощь детям-сиротам России» туристическим клубом «Синегорье» были выиграны два гранта: «Я, природа и друзья — вместе дружная семья» и «Вместе весело шагать».

В 2007 г. детский дом закрыли, детей разместили в различные другие детдома Томска и Томской области. Выпускники детского дома проживают во всех уголках России. Среди них много педагогов, врачей, инженеров и других разных профессий.

Директора детского дома № 9 г. Томска:

1921–1922 гг. — Никита Миадску

1923–1946 гг. — Хадакова Анна Матвеевна

1946–1966 гг. — Андропова Лидия Николаевна

1966–1982 гг. — Борст Конкордия Павловна

1982–1989 гг. — Нехорошева Полина Яковлевна

1989–1993 гг. — Девяшин Николай Эммануилович

1993–2003 гг. — Шарибзянова Александра Михайловна

2002–2007 гг. — Алеева Лариса Викторовна

Д О Ц «Орлиное гнездо»

В 1903 году на высоком берегу речки Басандайка известный томский купец Кухтерин построил заимку. Здесь, в красивейшем месте, где речка Басандайка впадает в Томь, в кронах стройных сосен выют свои гнезда орлы. С тех пор прошло сто с лишним лет. В 1991 году родилась маленькая страна «Орлиное гнездо», она стала островком спасения для сотен детей, испытавших недетские страдания, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. **Сначала это был областной Детский оздоровительный центр** для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ДОЦ). Сюда в любое время суток везли детей с улиц и вокзалов, из подвалов и больниц. Больших и маленьких, чаще ослабленных и больных. Иногда по несколько детей из одной семьи. Всех их нужно было обогреть, накор-

мить, отмыть, вылечить, попытаться найти для них «новых родителей», помочь обрести семью. В 1998 году Центр получил статус санаторного детского дома, ибо природные факторы и хорошая медицинская база, сауна, игровые и спортивные площадки способствовали восстановлению и укреплению здоровья детей. Чудесная сибирская природа: речка, березовая роща, сосновый бор, подрастающие кедр и липы, земляничные и грибные поляны лечат исковерканные детские души. Здесь можно с руки покормить белочек, синиц и снегирей, услышать трудягу дятла, пение скворцов и даже соловья. Мы много лет дружим с туристическим экологическим клубом «Кедр», имеем возможность в каникулы совершать походы, жить в экологических лагерях. Наши ребята уже побывали в заповедных уголках Томской области, Алтая и Хакасии, в горах Тянь-Шаня и Кузнецкого Алатау, любовались красотами озера Байкал, Телецкого озера, Москвы и Ленинграда, побережья Черноморья. Дети имеют возможность заниматься различными видами спорта, участвовать в областных и городских спортивных соревнованиях. Постоянно в летний период работает лагерь труда и отдыха «Орлинка». Старшие дети от 14 лет имеют возможность через Департамент службы занятости администрации Томской области пройти профессиональные пробы. Дети (разработаны и действуют уже много лет Пять Заповедей «Орлиного гнезда»: не обижай ребенка; старший — помоги младшему; будь вежливым и гостеприимным; не рви цветов и не обижай птиц, уважай старших.

За 16 лет более 500 детей-сирот нашли в «Орлином гнезде» друзей, получили поддержку, 155 ребенка обрели новую семью. Только за последние пять лет выпустилось и продолжают обучение в вузах Томска, техникумах и лицеях 83 воспитанника, один выпускник успешно прошёл конкурс и является студентом Московского государственного университета.

Школа-интернат № 1 г. Томска

Муниципальное учреждение общеобразовательная школа-интернат № 1 среднего (полного) общего образования г. Томска образована в 1964 г., когда школа-интернат № 2 была переименована в школу-интернат № 1. Официально открыта в декабре 1964 года, но своих первых учеников она встретила в январе 1965 года. Школа — интернат № 1 была построена как типовое здание для воспитанников с круглосуточным пребывание детей и обучением с получением основного общего образования (восьмилетнего). Школа распахнула свои двери для более 500 ребят, наполняемость классов была до 40 человек.

Численность педагогического состава: 49 учителей и воспитателей, из них 8 имеют высшую квалификационную категорию, 13 — первую и 24 — вторую. 4 педагога награждены значком «Отличник народного образования», 1 — орденом Трудового Красного Знамени. Численность учащихся на 2002–2003 учебный год: 217чел, 12 классов.

Профиль: Реализация общеобразовательных программ государственных стандартов на уровнях начального основного (общего) и среднего (полного) общего образования; создание максимально благоприятных условий для всестороннего развития детей, сотрудничество с Центром социальной адаптации подростков, училищами профессионально-технического образования.

Выпускники, ставшие работниками школы-интерната: Безрукова И.Н., учитель начальных классов; Костров Г.А., заместитель директора по АХР. Традиции: Слет отличников; Дни именинника; Педагогические конференции.

Ветераны педагогического труда школы-интерната № 1: Грачева Надежда Петровна, учитель английского языка, работает в школе с 1964 г. (со дня ее основания); Стригина Виктория Ивановна, учитель начальных классов с 1967 г.; Морозова Надежда Ивановна, воспитатель с 1972 г. Березина Валентина Васильевна, воспитатель с 1979 г.; Кичеева Людмила Андреевна, учитель математики с 1980 г.; Маргулис Анна Григорьевна, логопед с 1986 г. адрес Томск, ул.Смирнова, 50, тел.77–64–85

Первым директором школы — интерната была Ерёмкина Анна Алексеевна, которая недолго (около 3-х лет) проработала директором школы и затем её сменил Бараулин Сергей Петрович, которого по праву все называют первым директором школы — интерната № 1. Сергей Петрович руководил коллективом школы — интерната более 20 лет. При школе — интернате была построена теплица, в которой воспитанники выращивали овощи не только для своей школьной столовой, но и на продажу. Ребята активно трудились на пришкольном участке, выращивали капусту, сами солили её на уроках труда, обеспечивая, таким образом, полностью потребность школьной столовой в данном продукте. При школе была построена небольшая свиноферма, которая снабжала свиной школьную столовую. На доходы от свинофермы директор школы-интерната Бараулин Сергей Петрович построил общежитие для сотрудников интерната, которое существует и поныне.

Школа-интернат славилась не только дружным коллективом педагогов, но и ребят. В школе отлично было поставлено школьное самоуправление, которое состояло из 3-х штабов: ЮДМ (руководитель директор школы — ин-

терната Бараулин С.П.), «Борьба» (за успеваемость) — (руководитель завуч школы Стригина Виктория Ивановна), «Порядок» (руководитель Гришаева Анастасия Ивановна). В каждом штабе были представители от всех классов, которые выбирали председателей штабов и секретаря. Итоги работы подводились каждую четверть. Лучшие ученики приглашались на традиционный праздник — «Чаепитие с директором». Все стремились попасть на этот праздник, так как он всегда проходил в тёплой дружеской обстановке.

Интернат славился своими спортсменами (руководитель: учитель физической культуры: Шутаков Иван Тимофеевич), хором, хореографическим коллективом и музеем. Ребята часто ездили в туристические поездки по городам России, а затем все свои достижения, результаты отмечали в «Летописи интерната» (большие толстые книги с фотографиями и воспоминаниями детей). Летопись воспитанники школы — интерната вели более 20 лет. Школьный музей интерната, руководила которым Голубева Любовь Васильевна, был одним из самых лучших музеев в городе. Большое значение отводилось уголку «Боевой славы». Ребята вели переписку с участниками Великой отечественной войны, воинами — томичами и тружениками тыла, с населёнными пунктами, опалёнными войной; организовывали встречи с участниками ВОВ, со знаменитыми людьми, оставившими свой след в науке, искусстве, музыке.

Директора школы-интернат № 1 города Томска:

1. Еремина Анна Алексеевна
2. Бараулин Сергей Петрович
3. Скробкова Тамара Леонидовна
4. Шмелёва Нина Владимировна
5. Бичикашвили Роман Георгиевич.

Сегодня школа — интернат № 1 — это дружный, сплочённый коллектив единомышленников, который чтит традиции своего интерната и стремится сделать его ещё лучше.

**Муниципальное учреждение
общеобразовательная школа-интернат N23
среднего полного образования г. Томска. Основана в 1960 г.**

Численный состав педагогов — 41, из них: высшая квалификационная категория — 12, первая — 14, вторая — 8. Численный состав — 261 учащихся на 2002–2003 учебный год; 14 классов. Профиль — общеобразовательный.

Сотрудничество с другими организациями — ДТДиМ, ДЮК Октябрьского района, театр куклы и актёра «Скоморох», Томский областной художе-

ственный музей. Развитие творческих способностей детей реализуется через различные кружки: драматический, музыкальный, художественно-эстетический, танцевальный, вязания. Спортивные секции: «чудо — шашки», волейбол, пауэрлифтинг.

Достижения: Лауреаты фестиваля «Поверь в себя» — Рудникович Ирина, Голубицкий Павел, Бокова Серафима. Выпускник 2001 г. — Патрахин Константин — солист молодёжной группы «Боинг». Бронзовые призёры I Областных спортивных игр «Олимпионик» по футболу. Традиционная форма работы — коллективно-творческие дела, изучение культуры русского народа, обычаев и обрядов томских сибиряков.

В 1998 г. в школе — интернате создана детская организация «Рассвет», руководителем которой является Ефремова Н. А.

Кадетский корпус г. Томска

Открытие корпуса состоялось 1 сентября 2005 года. Первоначально было набрано 173 человека, 1 сентября 2006 года корпус насчитывал 200 кадет, разбитых на 2 роты по 5 классов в каждой. Обучение проводится в 7–11 классах. Набор проводится каждый год в седьмые классы, в остальные классы при наличии свободных мест.

В мае 2008 года корпус прошел государственную аккредитацию и получил право самостоятельно принимать замены и выдавать документы государственного образца.

Корпус сделал 4 выпуска, и 128 кадетов из его стен ушли в большую жизнь. Из них 33 поступили в ВУЗы силовых структур, в университеты Томска, 11 — отслужили и служат в рядах Вооруженных сил, в т.ч. 1 — в президентском полку, 16 — поступили в учреждения среднего и начального профессионального образования.

На всех выпускников корпус получает хорошие отзывы. По традиции выпуск проводится на мемориале славы Томичей в Лагерном саду, при большом скоплении Томичей и в присутствии первых лиц области. За 5 лет сложилось много хороших традиций, крепкий педагогический коллектив уверенно ведет кадет к достижению хороших результатов.

Кадеты принимают самое активное участие в мероприятиях районного, городского и областного уровня и также во Всероссийских мероприятиях. В 2007 и 2009 на I и II Всероссийских Фестивалях «Виват, кадет!» команда корпуса оба раза заняла 4-ое общекомандное место, но при этом занимали призовые места в некоторых номинациях (по силовому многоборью 1 и 3 место).

Свидетельством высокого авторитета корпуса явилось проведение в апреле 2009 года 1-го Всероссийского форума директоров кадетских образовательных учреждений в Томске, Форум получил высокую оценку руководства области и Фонда содействия кадетским корпусам им. А. Б. Йордана. Подтверждением этого факта является также высокий конкурс — 3–4 человека на одно место при поступлении.

Корпус располагает прекрасной учебно-материальной базой. Занятия проводятся в двух учебных корпусах, и на спортивных площадках. Томский кадетский корпус согласно Распоряжению АТО от 14.04.2005 года и разместился в бывшей школе-интернате № 3 капитально отремонтированной.

В главном корпусе площадью 6736 м² в 2004–2005 произведен капитальный ремонт, с применением самых современных отделочных материалов. В нем расположено 18 учебных кабинетов, в том числе 2 компьютерных класса, один класс самоподготовки, оснащенный компьютерами, прекрасная библиотека, музей, актовый зал на 270 человек, спортивный зал, медицинский пункт, оснащенный всем необходимым, столовая, спальных комнат для кадет из расчета 1 комната на 3–5 человек.

В подвале находится душевая, тир, тренажерный зал и различные подсобные помещения.

Во втором корпусе площадью 600 м² расположен танцевальный зал, оборудованный всем необходимым, мастерские, класс для занятия музыкой и рисованием, боксерский зал, раздевалка для футболистов и хоккеистов.

Во дворе расположено футбольное поле с искусственным покрытием, гимнастический городок, хоккейная площадка, волейбольно — баскетбольная площадка и плац.

Такая учебно-материальная база позволяет удовлетворять почти все запросы наших кадет без выхода за пределы корпуса.

В первый набор было принято 173 кадета. 1 октября 2005 года все кадеты дали клятву на верность корпусу. 23 декабря состоялся первый Губернаторский бал, на котором В. М. Кресс дал высокую оценку уровню подготовки кадет. 6 мая 2006 года корпусу Губернатором области вручено Знамя, а 9 мая корпус впервые участвовал в параде и ему было предоставлено право идти во главе колонны.

В феврале — марте были впервые выполнены прыжки с парашютом, и с того момента это стало традицией. Ежегодно кадеты 10–11 классов совершают прыжки с парашютом.

Каждый год кадеты участвуют в поисковой экспедиции в Новгородской области, где отыскивают погибших в боях за Родину и их перезахоранивают, в краеведческую экспедицию в Хакасию, на Алтай...

Основные виды деятельности кадетской школы и кадетской школы-интерната — интеллектуальное, культурное, физическое и духовно-нравственное развитие кадетов, их адаптация к жизни в обществе, создание основы для подготовки совершеннолетних граждан к служению Отечеству на поприще государственной гражданской, военной, правоохранительной службы (далее государственная служба), муниципальной службы, а также несению государственной службы, а также несению государственной службы Российского казачества, в соответствии с профилем деятельности учредителя кадетской школы, кадетской школы-интерната.

ОГОУ «Мариинская гимназия-интернат»

Год рождения –2007. Наш адрес 634049, г. Томск, ул. Мичурина, 8, телефон: (3822) 75 43 75

Женская гимназия — направлена на развитие женского начала: Будущая женщина, Любящая дочь, Будущая мать, Деловая женщина, Будущая жена, настоящая хозяйка дома.

Художественно-эстетическая — направлена на развитие разных творческих способностей воспитанниц.

Гуманитарное образование в гимназии направлено на духовное, нравственное развитие воспитанниц, формирование интеллигентности. Воспитание гражданственности и патриотизма.

Круглосуточное проживание, обеспечение шестиразовым питанием, формой, учебниками, образовательными услугами и дополнительным образованием.

Реализация самоуправления через советы дела, детскую организацию «я + ты», рефлексивные сборы в школе — «Открытый микрофон». Комфортная среда. Спорт и интересный досуг для всех. Традиционный цикл школьных праздников. Подготовка и участие в городских, областных, международных предметных олимпиадах и творческих конкурсах.

Интерактивные формы работы в учебной и внеучебной деятельности. Предметное и профильное обучение. Иностранные языки со второго класса (английский, немецкий и факультативно французский языки).

Расширенное содержание образования. Развитие способностей одаренных детей в различных видах деятельности. Создание условий для комплексного развития физической, интеллектуальной, духовно-нравственной сфер личности через предоставление большого выбора занятий в объединениях дополнительного образования.

Ожидаемые результаты. Способность к адаптации и самореализации в изменяющихся условиях общества. Здоровье и работоспособность. Творческий подход к решению жизненных задач. Устойчивая мотивация к саморазвитию, самообразованию и достижению успеха.

Реализация образовательной программы развивающего обучения системы Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова в начальных классах и ее элементов в средних и старших классах. Создание условий для реализации творческого потенциала личности каждой воспитанницы. Обеспечение отношений сотрудничества между педагогами и обучающимися. Расширение форм досуга и широкий спектр дополнительного образования. Самовыражение каждого через участие в конкретных делах. Воспитание творческого сознательного отношения к овладению современными знаниями, стремления к самообразованию. Формирование эстетического вкуса и общей культуры.

«... гимназия создавалась для того, чтобы девочки из районов Томской области могли более полно реализовать свои способности. Несмотря на разный социальный статус гимназисток, Мариинская гимназия задумывалась областными властями как элитное образовательное учреждение.

— Один из главных принципов обучения в гимназии — диалоговый режим между преподавателем и воспитанницами, — Рассказывает Любовь Олисова. — Это позволяет не натаскивать девочек, не пичкать их знаниями, а учить их самостоятельно размышлять и думать. А еще обращает на себя внимание та добрая, светлая атмосфера, которая царит здесь...»

Попечительский совет Мариинской Гимназии:

- Кресс Виктор Мельхиорович — Губернатор Томской области.
- Козловская Оксана Витальевна — Первый заместитель Губернатора Области, Председатель Попечительского совета
- Глок Леонид Эдуардович — Нач. Департамента общего образования.
- Олисова Любовь Генриховна — Директор Томской Мариинской гимназии.

Газета «Вечерний Томск» 1 ноября 2007 г.

Список детских домов и интернатов Томской области 1987 г.

*А. А. Эфтимович, заместитель Начальника
управления народного образования,
16 ноября 1987 г.*

1. Детский дом № 1–150 детей (дети с недостатками умственного развития, дошкольные). Директор: Михеева Лидия Васильевна, адрес: г. Томск, ул. Толстого, 47.
2. Детский дом № 2–80 чел. (дети туб. инфицированные, дошкольные) Директор: Девяшин Николай Эммануилович, адрес: ул. Вершинина, 40.
3. Детский дом № 4–200 детей (дети с нормальным интеллектом, дошкольные). Директор Андриянова Елена Михайловна, адрес: г. Томск ул. Тверская, 74.
4. Детский дом № 5–60 детей (дети с нарушением слуха, дошкольные). Директор Замятина Ольга Алексеевна, адрес: г. Томск, Красноармейская, 71-а.
5. Детский дом № 9 – 140 детей (дети с нормальным интеллектом, дошкольные и школьные). Директор Нехорошева Полина Яковлевна, адрес: г. Томск, ул. Сибирская, 81-а.
6. Тогурский детский дом — 100 чел. (дети с нормальным интеллектом, школьные). Директор Никульшин Май Иванович, адрес: п. Тогур, Колпашевский район.
7. Колпашевская санаторно-лесная школа-интернат — 130 чел. (дети — тубинфицированные, для детей-сирот, дошкольные). Директор Мыскова Тамара Филипповна, адрес: г. Колпашево, ул. Чапаева, 52.
8. Средне-васюганский детский дом — 150 чел. (дети с нормальным интеллектом, школьные). Директор Гончаров Василий Николаевич, адрес: п. Средний Васюган, Каргасокского района.
9. Бакчарская школа-интернат — 120 чел. (дети с нормальным интеллектом). Директор Матвеева Валентина Васильевна, Хорошилова Валентина Федоровна, адрес: с. Бакчар, ул. Хомутовская, 6.
10. Новиковский детский дом — 60 детей (дети с нормальным интеллектом). Директор Мымрин Юрий Петрович, адрес: п. Новиковский, Асиновского района.
11. Школа-интернат № 15–190 чел. (дети с нарушением слуха) Директор Шульга Люция Павловна, адрес: г. Томск ул. Дзержинского, 19.

12. Александровская вспомогательная школа-интернат — 130 чел (имеющие родителей). Директор Голояд Николай Федосеевич, адрес: с. Александровка, Томского района.
13. Александровская полиомелитная школа-интернат — 180 чел. Директор Гофман Александр Яковлевич, адрес: с. Александровка, Томского района.
14. Крыловская вспомогательная школа-интернат — 150 чел. Директор Гросеев Владимир Михайлович, адрес: с. Крыловка Бакчарского района.
15. Моряковская вспомогательная школа-интернат — 172 чел. Директор Тегичев Виктор Николаевич, адрес: с. Моряковка Томского района.
16. Чердатская вспомогательная школа-интернат — 120 детей. Директор Рубцов Александр Михайлович, адрес: с. Чердаты Зырянского района.
17. Семилуженская вспомогательная школа-интернат — 120 чел. Директор Пашовкин Степан Гаврилович, адрес: с. Семилужки Томского района.
18. Уртамская вспомогательная школа-интернат 110 детей. Директор Ромашова Юлия Ивановна, адрес: с. Уртам Кожевниковского района.
19. Чаинская вспомогательная школа-интернат 130 чел. Директор Порсев Иван Семенович, адрес: Черемушки Чаиского района.
20. Школа-интернат № 22—310 чел. Директор Муленок Мария Михайловна, адрес: г. Томск, ул. Сибирская, 81.
21. Школа-интернат № 33—170 чел. (слабовидящие дети). Директор Струкова Нина Петровна, г. Томск Сибирская 81-а.
22. Школа-интернат № 1—400 чел. (дети с нормальным интеллектом) Директор Узбеков Вячеслав Николаевич, адрес: г. Томск, ул. Смирнова, 50.
23. Школа-интернат № 3—409 чел. (дети с нормальным интеллектом). Директор Стребкова Тамара Леонидовна, адрес: г. Томск, ул. Пушкина, 46.
24. Санаторно-лесная школа — 100 чел. (дети с длительным лечением). Директор Пронгасова Татьяна Тимофеевна, адрес: пос.Басандайка, Томский р-н.

Проблемы социального сиротства

Б. А. Казаковцев (Москва)

Социальное расслоение российских семей, обусловило ряд серьезных морально-психологических последствий в длительной перспективе (1,2). Разрушение идеалов и ценностей предшествующего периода социального развития общества, предопределило в 1990-е и 2000-е годы, крушение сложившихся норм социальной жизни и деградацию семейных отношений. В условиях лавинообразного роста числа детей, оставшихся без попечения родителей, детские интернатные учреждения оказались не готовы удовлетворить потребности в социальной адаптации детей. Число детей, оставшихся без попечения родителей и направленных в учреждения — интернаты, увеличилось до 145,2 тыс. Ежегодно, в среднем на 7% возрастает число судебных исков о лишении родительских прав.

К настоящему времени для детей-сирот в 76 регионах страны создана сеть детских домов. Разрабатываются новые технологии социальной поддержки детей, нуждающихся в помощи государства, ориентированные на устройство детей-сирот в приемные семьи; совершенствуется деятельность социальных педагогов, педагогов-психологов в образовательных учреждениях. В соответствии с рекомендациями Минобразования России, не менее половины рабочего времени этих специалистов отводится индивидуальной и групповой консультативно-диагностической, психокоррекционной, коррекционно-развивающей работе с учащимися, имеющими проблемы в развитии и обучении.

Цель исследования — оптимизация социально-психологической адаптации детей, лишенных родительского попечения, находящихся в условиях социальной депривации в развитом промышленном регионе Западной Сибири.

Проведенное исследование показало, что разрушение семей затронуло и город Сургут, в сфере деятельности Управления опеки и попечительства которого на учете состоит 1733 ребенка. Дети, оставшиеся без попечения родителей, составляют 2,3% от всего детского населения города, которое по состоянию на начало 2003 г. было равно 73299. Динамика выявления детей за период с 2001 по 2003 годы представлено в таблице 1.

Динамика показателей выявления детей, оставшихся без попечения родителей

2001 год	200 чел.
2002 год	181 чел.
2003 год	171 чел.

Следовательно, за анализируемый период (2001–2003 гг.) в крупном промышленном городе Западно-Сибирского региона наблюдалось устойчивое снижение числа детей, оставшихся без попечения родителей.

Из числа детей, оставшихся без попечения родителей по-прежнему свыше 80% составляют «социальные сироты», родители которых отказались от выполнения своих родительских обязанностей (таблица 2).

Доля «социальных сирот» из числа выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей

2001 год	176	88,0%
2002 год	150	82,8%
2003 год	145	84,8%

Среди факторов, определивших за анализируемый период (2001–2003 гг.) утрату попечения со стороны родителей, ведущее место занимают: 1. отказ родителей от родительских прав; 2. смерть родителей; 3. лишение родительских прав. Лишение родительских прав во всех случаях обусловлено продолжительным злоупотреблением родителями ал-

коголя или наркотиков. При этом у 72,2% детей лишены родительских прав оба родителя. В 70% случаев родители, отказавшиеся от своих детей, представлены одинокими женщинами в возрасте от 20 до 30 лет.

Характеристика причин утраты попечения со стороны родителей представлена в таблице 3.

Причины отсутствия родительского попечения

Причины отсутствия родительского попечения	2001 год		2002 год		2003 год	
	абс.	в%	абс.	в%	абс.	в%
Смерть обоих или единого родителя	24	12%	31	17,1%	26	15,2%
Изъятие из семьи в связи с угрозой жизни и здоровью	13	6,5%	4	2,2%	1	0,6%
Дети брошенные (заблудившиеся)	19	9,5%	28	15,5%	8	4,7%
Родители лишены родительских прав	16	8%	8	4,4%	22	12,8%
Родители осуждены	20	10%	9	5%	12	7%
Злостное уклонение от воспитания	25	12,5%	28	15,5%	9	5,3%
Родители находятся на лечении в ПНД	15	7,5%	13	7,2%	11	6,4%
В связи с розыском родителей ОВД	10	5%	19	10,5%	20	11,7%
Отказ родителей от родительских прав	30	15%	29	16%	39	22,8%
Родители оказались в тяжелой ситуации	26	13%	8	4,4%	14	8,2%
Родители находятся на длит. лечении	2	1%	4	2,2%	9	5,3%
Итого остались без попечения в теч. года	200	100%	181	100%	171	100%

Положительным аспектом социальной динамики сиротства следует считать тот факт, что за указанный период произошло уменьшение числа случаев изъятия детей из семьи в связи с угрозой их жизни и здоровью. Снизилось число случаев утраты попечения над детьми со стороны родителей, находящихся на лечении в психоневрологическом диспансере, а также число случаев помещения детей в учреждения социального обслуживания из-за невозможности их содержания родителями, находящимися в тяжелой жизненной ситуации.

Тревожным остается тот факт, что из числа детей, оставшихся без попечения родителей, около 10% составляют дети, родители которых находятся в розыске по различным причинам. В преобладающем большинстве случаев (85%) эти родители бродяжничают, систематически алкоголизируются. Следует считать, что дети из таких семей также находятся в тяжелой жизненной ситуации, даже если с ними рядом находятся другие родственники.

В указанный период ежегодно в среднем более 15% из выявляемых детей оставались круглыми сиротами в связи со смертью единственного или обоих родителей.

Формы устройства выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зависят от родственных связей ребенка, его возраста и состояния здоровья. Чем меньше родственных связей и хуже его состояние здоровья, тем меньше у него шансов на опеку или на усыновление. Каждый четвертый ребенок, оставшийся без попечения родителей, направляется в учреждение интернатного типа на государственное обеспечение. Дети в возрасте от 3-х месяцев до 4 лет с физическими и психическими дефектами направляются в Ханты-Мансийский окружной специализированный Дом ребенка города Урай.

На территории города Сургута функционируют два детских интернатных учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей:

— муниципальное учреждение социального обслуживания «Детский дом «На Калинке», рассчитанный на 181 место, подведомственное Департаменту по труду и социальным вопросам городской администрации и предназначенное для содержания, воспитания и организации обучения детей в возрасте от 3-х месяцев до 18 лет;

— муниципальное образовательное учреждение «Специальная (коррекционная) школа-интернат VIII вида», имеющее интернатную группу для детей оставшихся без попечения родителей. Данное учреждение относится к Департаменту по образованию и науке, и дети в него направляются по заключению психолого-медико-педагогической комиссии.

Объединение в 2002 году детского дома «На Калинке» с детским домом «Семья» позволило создать отделения социальной реабилитации с группами, состоящими из 8–10 детей различного возраста, объединенных общим семейным бытом и проведением досуга, организацией учебной деятельности. В отделении постоянно проживает 56 детей, в том числе — 25 мальчиков и 31 девочка. По полу и возрасту воспитанники представлены следующим образом: 4 мальчика в возрасте от 5 до 9 лет, 12 мальчиков от 10 до 14 лет и 9 мальчиков в возрасте от 15 до 18 лет, 2 девочки в возрасте от 0 до 4 лет, 15 девочек в возрасте от 10 до 14 лет и 14 девочек в возрасте от 15 до 18 лет. Из общего числа детей 52% имеют закрепленное за ними жилье.

Общий показатель заболеваемости (по всем классам заболеваний) составляет 2339.3 случаев на 1000. На первом месте в структуре общей заболеваемости класс болезней костно-мышечной системы (21.3%) — 500.0 случаев на 1000. На втором месте — класс болезней органов кровообращения (16.7%) — 392.8 случаев на 1000, на третьем — класс болезней глаз и придаточного аппарата (13.7%) — 321.4 случаев на 1000, на четвертом месте находится класс психических расстройств (12.9%) — 303.6 случаев на 1000 детей.

Среди психических расстройств ведущее место занимают задержки психического развития — 64.7%. Психастения составляет 17.6%, астеноневротические расстройства — 5.9%, расстройства личности вследствие раннего органического поражения головного мозга — 5.9%. Распространенность психических расстройств и расстройств поведения у детей, лишенных родительского попечения, в 8 раз превышает таковую в детском населении г. Сургута (37,1 случаев на 1000).

Значительную часть воспитанников учреждения (41%), составляют дети подросткового возраста, имеющие достаточно большой негативный социальный опыт. По мнению педагогов и психологов, они особенно трудны для включения в педагогический процесс.

Для решения задач оптимизации социально-психологической адаптации детей, лишенных родительского попечения, проведено психологическое исследование, направленное на выявление особенностей личностного развития детей-сирот, находящихся в условиях государственного обеспечения. Обследовано 19 подростков, 9 девочек и 10 мальчиков. Использовался комплекс методик: тест Леонгарда-Шмишека, тест на тревожность по Спилбергеру, тест «Общая ориентация» и Q — сортировка.

В группе девочек доминирующим был тип личностного реагирования с чертами эмоциональной лабильности и неустойчивости (66%) с высоким уровнем личностной и ситуационной тревожности во всех наблюдениях. При оценке основных тенденций поведения при межличностных взаимодействиях установлено доминирование тенденций к необщительности со склонностью к принятию групповых стандартов, что можно рассматривать как проявление зависимых черт в личностном статусе.

В группе мальчиков доминирующим был тип личностного реагирования с чертами гипертимности при отсутствии признаков выраженной личностной или ситуационной тревожности. Эти особенности реагирования коррелировали с тенденцией к общительности при межличностных взаимодействиях по данным теста Q — сортировка.

Полученные данные по личностному статусу детей получили свое подтверждение в ходе проведения социально-психологической реабилитации.

У детей с высоким уровнем личностной тревожности на первых занятиях наблюдалось пониженное настроение с чувством неуверенности и малоценности. В процессе групповых занятий наблюдалось нецеленаправленная активность с проявлениями беспокойства и раздражительности, что часто определяло невозможность принятия решения.

Дети с направленностью на себя, на свои чувства и проблемы проявляли себя в тренинговой группе как личности, удовлетворяющие свои потребности вне зависимости от интересов других членов группы. У этих детей, на первых занятиях была снижена восприимчивость к оценке текущей ситуации, они не знали, когда можно разговаривать, когда необходимо молчать и слушать, часто навязывали свою волю группе, не реагировали на потребности других членов группы. В процессе группового межличностного взаимодействия они

часто давали поспешные и необоснованные оценки относительно действий и поступков окружающих.

Дети со средним уровнем направленности на себя были более общительны, стремились поддерживать хорошие отношения с окружающими, у них преобладал интерес к совместной групповой деятельности. Однако, они сохраняли склонность избегать прямого обсуждения проблем, часто уступали давлению группы, нередко затруднялись в выражении собственных суждений.

Дети, находящиеся в состоянии внутреннего конфликта, страдали из-за того, что не могли удовлетворить свою потребность в общении в рамках группы. Нормальному межличностному взаимодействию с окружающими им мешало отсутствие сформированных коммуникативных навыков.

Данные о личностных особенностях, выявленных у обследованных детей перед тренингом и после курса тренинговых занятий, помогли выделить социально значимые приоритеты для детей, находящихся на государственном обеспечении, а также снизить напряженные отношения, возникающие между детьми и детьми и персоналом.

Косвенным позитивным результатом положительной динамики личностного статуса детей-сирот, включенных в программу социально-психологической реабилитации, явились значительно более высокие показатели успеваемости в 2002–2003 учебном году по сравнению с предыдущим учебным годом.

Вторым этапом комплексной программы социально-психологической реабилитации детей-сирот является подготовка воспитанников интернатных учреждений к самостоятельной жизни и их активной социализации и интеграции в общество.

В этом направлении реабилитации доминирующим, кроме социально-психологического подхода, становится социально-педагогический процесс.

Из проживающих в детском доме воспитанников 93 являются учащимися школ города. Из них 22 имеют рекомендации психолого-медико-педагогической комиссии на обучение по программе класса выравнивания VII вида, 4 — на домашнее обучение, 1 — на обучение по программе класса выравнивания VIII вида (специальная коррекционная школа № 1).

Из числа воспитанников детского дома 28 обучаются в средних специальных учебных заведениях, в том числе 2 — в Тобольском

сельскохозяйственном колледже, 3 — в Ханты-Мансийском центре искусств для одаренных детей Севера. По программе обычного образовательного класса обучаются 66 воспитанников. Воспитание детей подросткового возраста осуществляется на основе их привлечения к общественно-полезному и оплачиваемому труду.

Приведенные данные позволяют заключить, что из числа ежегодно выявляемых в экономически развитом городе детей, оставшихся без попечения родителей, 15% относятся к сиротам и 85% — к социальным сиротам. Показатели распространенности психических расстройств среди детей — воспитанников детского дома в 8 раз выше, чем в общей городской детской популяции.

Клинико-диагностический анализ личностных свойств детей, лишенных родительского попечения определяет программу группового социально-психологического тренинга. Программа комплексной социально-медицинской реабилитации детей, лишенных родительского попечения, наряду с этапом социально-психологической адаптации должна включать этап социально-педагогической адаптации, направленный на оптимизацию социального статуса воспитанников детских интернатных учреждений.

Литература:

1.Эффективность деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей\Научно-методическое пособие\под ред. Е. И. Холостовой. М.: Министерство труда и социального развития, 1997.-117 с.

2.Severny, A. A., Shevchenko, Y. S., Kazakovtsev, B. A., et al. Child and adolescent psychiatry in Russia.//Remschmidt, H., van Engeland, H. (Eds) Child and Adolescent Psychiatry in Europe. Historical Development, Current Situation and Future Perspectives. — Darmstadt: Steinkopff, 1999. — P. 271–284. (Российский психиатрический журнал 2006; 5: 52–55)

Размышления о сиротстве

В. Г. Кузьминых,

Член Союза журналистов России, 7 января 2018 г.

С большим интересом прочитала книгу воспоминаний воспитанников и воспитателей «Сирота Сибири». Ее без преувеличения можно назвать детдомовской энциклопедией. Для человека, который никогда близко не соприкасался с сиротством и потерей родных людей в раннем детстве, книга рассказывает о той боли, которые испытали эти дети. И одновременно заботе советского государства, которое вырастило, выучило и воспитало поколение настоящих порядочных людей.

Читая книгу, мы становимся свидетелями людской доброты, узнаем о воспитателях, которые отдавали свои знания, материнскую или отеческую заботу по сути чужим детям, ставшим для них роднее родных. И что характерно, об этом никогда не забывали и воспитанники, всегда помнили и ценили то тепло, ту доброту и душевную щедрость, которую им в детстве щедро дарили чужие люди. И сейчас они это помнят и ценят.

Вспомнила, как в нашем далеком от столицы городке был всего один детский дом. И, когда однажды я увидела ребятшек, идущих строем в каких-то неприглядно одинаковых клетчатых пальтишках, стала спрашивать бабушку, кто они? Бабушка мне объяснила, что это особенные дети, сироты. У них нет родителей, бабушек и дедушек, никого

из близких. Мне так стало их жалко и потом, при встрече с ними или когда говорили, что этот человек вырос без отца и матери, всегда сердце щемило от жалости. Мы тоже не носили какой-то особенной одежды, случалось, также ходили пионерским строем, но мы были совершенно другие, у нас были родители и близкие люди. И потом по жизни нередко приходилось слышать такое: «Что с него или с нее взять, безотцовщина детдомовская». Или совершенно противоположное: «Человек порядочный, честный, прошел детдомовскую школу».

Эти оба мнения правильные и подтверждены жизнью. Знакома с одной женщиной, которая с горечью говорила мне: «Знаешь, как долго я вытравливала из себя детдомовщину, это вечное раздели между всеми, что имеешь, обязательно говори только правду, какой бы она не была, и будь всегда принципиальной. Уже сейчас понимаю, что где-то можно было смолчать, не идти напролом, иметь свои индивидуальные вещи, а не раздавать их направо-налево. Столько я наставила себе шишек, скольких людей от себя отвратила».

Да, ей не объяснили, что ситуации бывают разные, иногда можно и промолчать, чтобы не обидеть и не убить человека словом. И делиться своими вещами с тем, у кого и так все есть, не нужно. Из-за того, что ее очень обидел любимый человек, она решила, что он предал ее от того, что она не имеет родных, воспитана в детском доме, по сути, молодая женщина на словах отказалась от хороших нравственных заповедей не лгать, помогать и быть доброй. Хорошо, что только на словах. Зная ее много лет, убеждаюсь в том, она остается принципиальной и честной, своим детям подарила не только ласку и заботу, любовь и радость, но и передала много того, что не смогли дать другие родители, которые не воспитывались в детском доме. И еще, с большим интересом читала про Сибирь, поскольку сама выросла на берегах Енисея, в Туве, и многое мне знакомо. Сибирь — особое место, которое никогда не забыть, она в крови.

Поэтому отрадно отмечать ее приметы в каждом факте, которые приведены сибиряками. Словом, для меня книга стала открытием того жизненного пласта, который до этого не встречала ни у одного автора в большой литературе.

В книге «Сирота Сибири» так реально и объемно отражено детство стольких детей и подростков, забота и любовь о них, оставшихся без родителей по самым разным причинам. Спасибо.

Подвиг прадедушки

Пичугина Вероника, 5 е класс СОШ 58

Моего прадеда зовут Русинов Александр Герасимович. Родился 20 ноября 1924 года в с. Новониколаевке Асиновского района.

Когда началась Великая Отечественная война 1941 г., ему было 16 лет. В августе 1942 году, не дожидаясь исполнения 18 лет записался в Красную Армию. В состав действующей армии попал разведчиком-артиллеристом в начале 1943 г. Батарея в которой он служил входила в 469-го гаубичный артиллерийский полк, 12 артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного Командования 13 Армии.

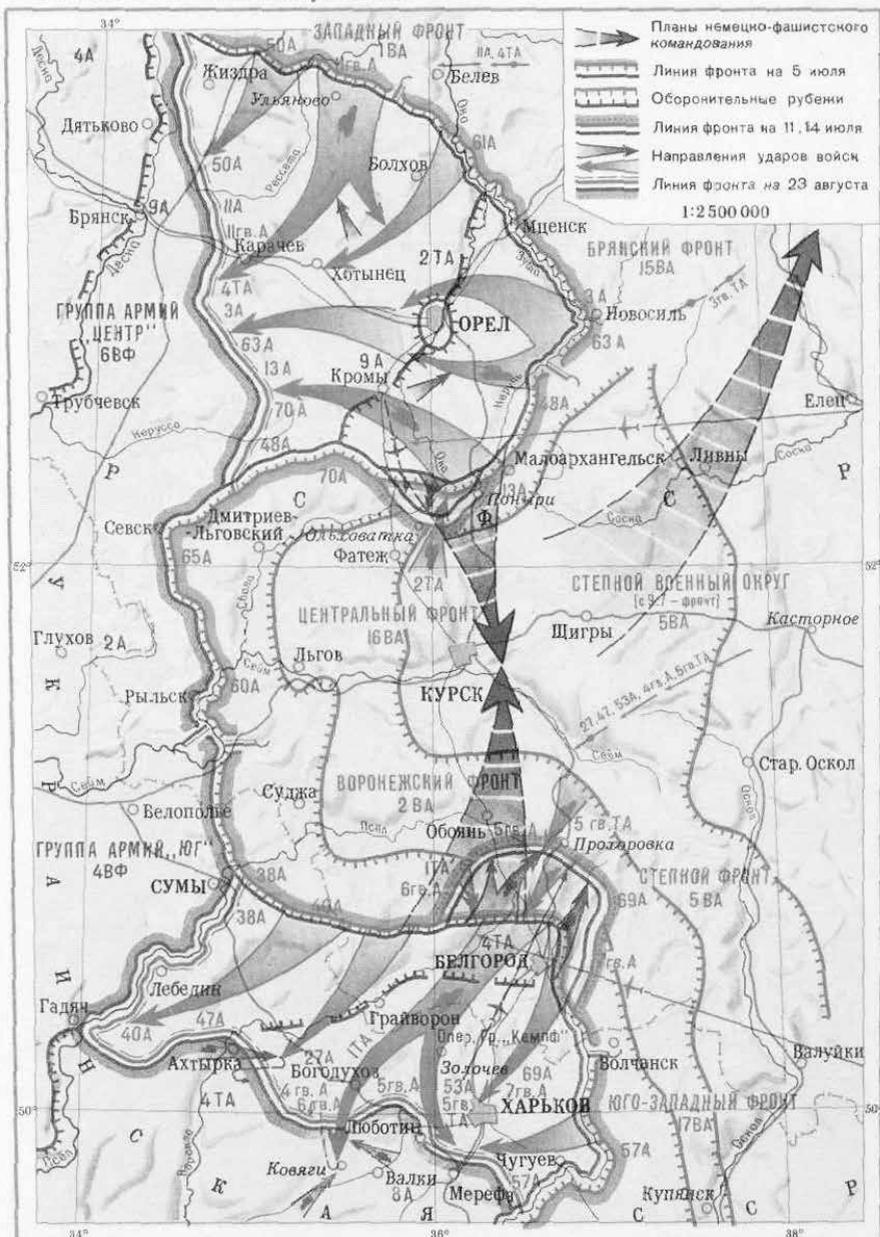
На протяжении 1943 года Ставка и НКО для обеспечения поддержки Красной Армии как в обороне, так и в наступлении продолжали усиливать дивизии, бригады и полки артиллерии РВГК, а также начали создавать полные артиллерийские корпуса. Строя эту артиллерию под управлением Ставки, сколачивая ее соединения в соответствии с потребностями обстановки конкретного наступления или обороны, своевременно выделяя из нее силы действующим фронтам и армиям, советское командование обеспечило Красную Армию более гибкой огневой поддержкой, что, в свою очередь, обеспечило беспримерное артиллерийское превосходство советских войск над вермахтом практически в каждом крупном наступлении Красной Армии.

Летом 1943 г. 469 гап был расположен под Малоархангельском, где участвовал в оборонительной операции на Орловско–Курском направлении

Русинов А.Г (1924-1997 гг.)

КУРСКАЯ БИТВА . 5 июля –23 августа 1943 г.

5 июля немецкие войска начинают штурм Курской дуги. Направление главной наступательной атаки немцев: Ольховатка, Малоархангельск, Гнилец

(5–11 июля 1943 года) (оборонительная часть Сражения на северном фесе Курской дуги (5–18 июля 1943 года), являющегося частью Курской битвы). Являлось также составной частью Курской стратегической оборонительной операции (5–23 июля 1943 года), спланированной и осуществленной для срыва летнего наступления немецких войск в рамках операции Цитадель.

По воспоминаниям Людникова И.И., командира 15 ск, державшего правый фланг 13 А на Малоархангельском направлении:

«Задолго до рассвета командарм Пухов сообщил, что, по данным разведки, гитлеровцы с утра перейдут в наступление. Комфронт Рокоссовский решил провести контрподготовку в полосе 13 А. В 2 ч 20 мин ночи прозвучит команда „Буря“, артиллерия корпуса откроет огонь и израсходует в течение 30 минут половину боекомплекта. Я взглянул на часы. Было 2 ч ночи.

— Все по местам!

Что это значит? Чем объяснить пассивность противника? Звоню командарму, он сразу снимает трубку:

— Понимаю вас, Иван Ильич. Думать надо и за противника. Однако не сомневайтесь — он будет наступать... Готовьтесь его встретить

В 5 ч 30 мин две пех. дивизии немцев, прикрываясь огнём и броней 150 танков и САУ, перешли в атаку на передний край обороны 15 ск. Позади нашего переднего края — дер. Бузулук, Семеновка, пос. Согласный, дорога к местечку Тросна. К ним и устремились „тигры“ и „фердинанды“. За танками двинулась пехота.»

Тяжелые оборонительные бои продолжались до 12 июля.

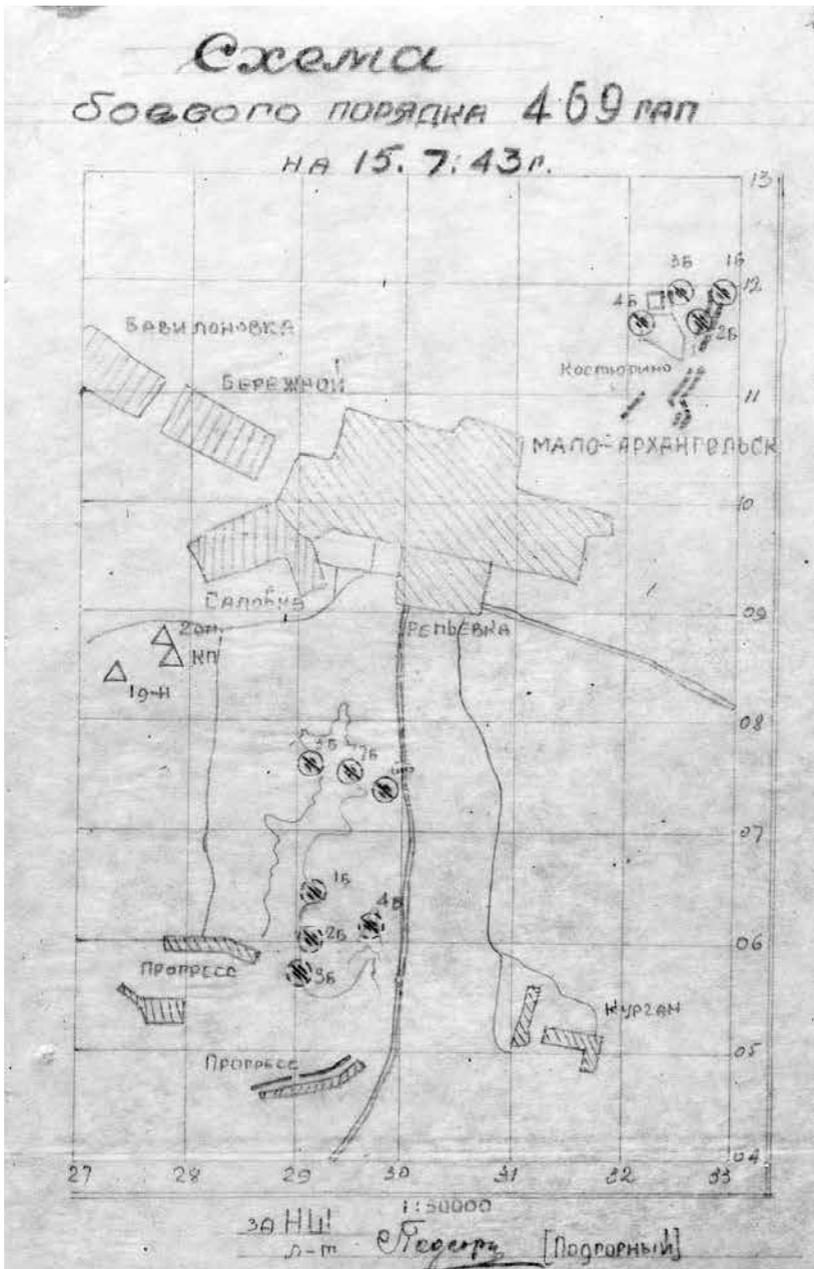
Вернер Хаупт — бывший офицер вермахта на основе документов и воспоминаний очевидцев кратко и содержательно описывает ход боевых действий группы армий «Центр» и образно подводит итог немецкого наступления:

«И все же вечером 11 июля стало ясно, что операция «Цитадель» топчется на месте. Теперь на всех участках фронта объединения Красной Армии начали наносить контрудары.

Когда вечер последнего дня битвы угасал за холмами Ольховатки, а последние пикирующие бомбардировщики вернулись с боевого задания, сражение за Курск было окончено.»

12 июля в штабе 13 А К.К. Рокоссовский, заслушав краткие доклады командиров корпусов, сказал:

«Группировка противника понесла значительные потери. Новых резервов у него разведкой не обнаружено.. С других участков враг не может перебросить такие силы, которые могли бы вести наступательные бои.

Войска фронта, в том числе 13-й армии, показали высокие моральные

и боевые качества. Эту оценку Военный совет доложит Ставке Верховного Командования. Спасибо вам, товарищи, и вашим войскам за великие боевые подвиги! — Сделав паузу, командующий заключил: — А теперь — новые задачи. Войска фронта должны перейти в решительное контрнаступление и разгромить потрепанного противника. Не думайте, что враг легко будет сдавать свои позиции. Он ещё очень силен. Необходимо со знанием дела организовывать бой,.. четко управлять соединениями и частями.»

Основной удар противника на северном фесе Курской дуги приняла 13-я армия и, частично, 48-я и 70-я армии. После отражения немецкого наступления 15 июля 1943 года Центральный фронт силами своего правого фланга (48-я, 13-я и 70-я армии, 2-я танковая армия) перешёл в контрнаступление в направлении Кромы, с тем чтобы во взаимодействии с войсками Брянского и Западного фронтов разгромить орловскую группировку вермахта. Вскоре для развития наступления в состав фронта была включена 3-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко. К 18 августа, завершив Орловскую стратегическую наступательную операцию «Кутузов», советские войска вышли к оборонительной линии противника «Хаген».

Во время этих боев прадед был контужен, после лечения снова вернулся на фронт. Попал на службу наводчиком-артиллеристом 2 батареи в 876 гаубичный артиллерийский полк 5 артиллеристской дивизии прорыва, в составе 1 Белорусского фронта. Принимал участия в освобождении Варшавы, награжден медалью «За освобождение Варшавы».

С 16 апреля 1945 года началась Берлинская операция, в которой он показал образцы мужества и отваги в период прорыва обороны немцев при наступлении на г. Берлин.

В составе батареи он произвел первый выстрел по Берлину. Вот это как описаны обстоятельства первого выстрела в отчете начальника штаба майора Петрова:

20 апреля 1945 г.

При получении боевого распоряжения о перемещении района огневой поддержки, дивизион в течении 30 минут был вытянут в колонну и выступил по маршруту Врицен — Претцель с задачей занять огневые позиции для произведения первого выстрела по Берлину.

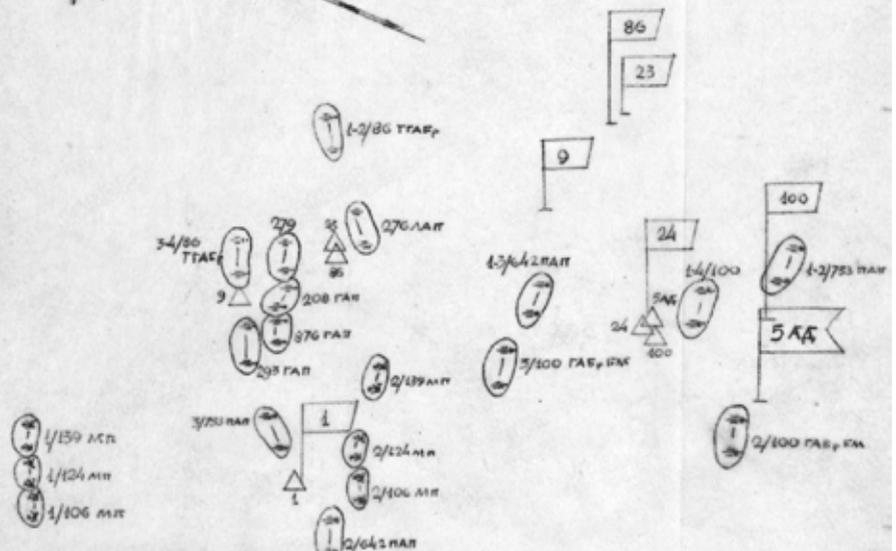
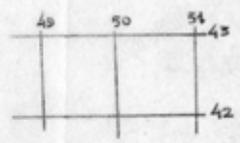
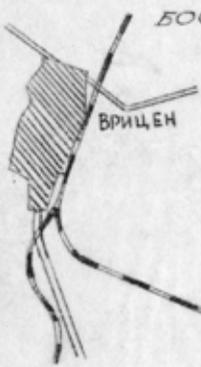
Впереди движущейся колонны следовала разведка. Разведкой было обнаружено, что противник в ночь с 19 на 20 отошел на 10 км, в результате чего не остановился в районе Прет-

Секретно
Экз. №

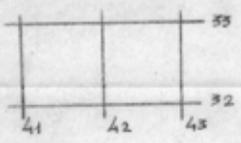
Схема

БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ ЧАСТЕЙ 5 АД
на 12.00 18.4.45г.

М: 1:50000
Лист № 33-113-В.

- 1/159 МЛ
- 1/124 МЛ
- 1/106 МЛ

Начальник штаба 5 АД
Полковник
Начальник опер. отделения
Майор

/ Демитриев /
/ Рохель /

Позиции 5 АД перед штурмом Берлина

цель, а продолжал совершение марша за боевыми порядками наступающих пехотных подразделений. Ввиду того, что шоссе-ные дороги были сильно забиты движущимися колоннами автомашин и танков, колонна дивизиона для быстрейшего достижения района огневых позиций, с которых можно было бы вести огонь по Берлину двигалась обходным маршрутом по лесу, просекам и полевыми дорогами. Встречающиеся на пути следования препятствие: отдельные деревья, траншеи, завалы немедленно устранялись огневыми расчётами. Ввиду чего пользуясь обходным путём дивизион быстро совершил марш и занял огневые позиции в районе Хейлекруг в 1000–1200 метров от передового края. По прибытию в район огневых позиций в результате чёткого руководства офицерского состава подразделениями и самоотверженной работе огневых расчётов дивизион был приведён в боевую готовность с походного положения за 20 минут. В 11:25 дивизион первым залпом открыл огонь по Берлину, району Хоппергартен. Каждым орудием было выпущено по 10 снарядов. В период 20 минутной подготовки дивизиона с походного положения в боевые огневые расчётами были отрыты щели для укрытия личного состава, произведено тщательное крепление систем, их маскировка, а вычислительным отделением топопривязка от контурных точек.

Батарея 122мм гаубиц образца 1938 года (М-30) ведёт огонь по Берлину

21 апреля 1945 года.

20 апреля 1945 г. Первый дивизион занимал огневые позиции в районе леса 2 км южнее Рейхенон и в течение дня, ввиду того что, дальность стрельбы превышала норму огня не вёл. В 18:00 отдано распоряжение на совершение марша по маршруту: Рейхенон, фл. Герцхорн, Претцель, Хейнекруг, Уиршфельце, Вернойхен и занять огневую позицию в районе леса 2 км южнее Вернойхен.

Противник к утру 21.04.45 года отошел на рубеж Блюмберг. Дивизион совершил марш, первую и вторую батареи развернули в указанном районе и в 10:30 открыл огонь по церкви пригорода Берлина-Марцан, израсходовав по 5 снарядов на батарею. Третья батарея боевых порядков не занимала, а продолжала движение вперед вслед за боевыми порядками пехоты по маршруту: Вернойхен, Зефельц, Блюмберг. С отходом противника на рубеж Аренсфельде батарея заняла огневую позицию в районе леса 1,5 км север-восточнее Аренсфельде и в 13:09 21.04.45 года открыла огонь по Рейхстагу города Берлин, израсходовав 40 снарядов.

Начальник штаба майор Петров

За эту операцию всех участников наградили Орденами Красной Звезды.

Вот такой подарок преподнесли красноармейцы Гитлеру на день рождения.

Но с первыми выстрелами по Рейхстагу война еще не закончилась, продолжались еще ожесточенные бои в городе, артиллерия выводилась на прямую наводку на улицах и под шквальным огнем проделывали в баррикадах и стенах проходы для пехоты.

За такой подвиг Русинов Александр Герасимович был награжден медалью «За Отвагу». Вот это как отражено в сводках «... 28 апреля 1945 года своей точной наводкой, несмотря на сильный артобстрел противника, уничтожил 2 крупнокалиберных пулемета, разрушил один Дзот, способствуя успешному продвижению наших стрелковых подразделений...»

Мой прадед, Русинов Александр Герасимович, после победы нашей страны над фашистской Германией целый и невредимый вернулся домой. Создал семью, воспитывал сына, моего деда Володю и дочь. Работал милиционером в железнодорожной милиции.

Умер в возрасте 73 лет, прожив без своей любимой жены, прабабушки Маши, всего 1 год. В последние дни жизни он так и говорил: «Не спасайте меня, я не хочу без нее жить».

Я горжусь своим прадедом, его силой, храбростью и его подвигами!

А.Г. Русинов, Берлин, май 1945 г.

**Боевые друзья: заряжающий
Валяев Н.Л., замковой Лакомкин
Н.И., наводчик Русинов А.Г.,
Берлин, 17.06 1945 г.**

Боевой расчет батареи, Русинов А.Г. в третьем ряду, первый слева, Берлин, июнь 1945 г.

Бремя войны

Серикова А. Г., 2000 г.

Из Сибири на войну забирали мужчин. Ребятам молодых и постарше, как наши братья Петро и Николай. Когда пришла большая война с немцами, то брата Николая призвали служить на танке, так как дома на Алтае он работал на тракторе и на машине. Николай месяц обучался военной грамоте в селе Новикове, недалеко от Бийска и получил звание танкиста. Он служил на войне водителем машины, а потом водил танк.. Два раза попадал их танк под снаряды немцев, даже танк загорался. В первый раз от пожара только одежда крепко погорела, но все люди остались живы, хоть и пораненные. Во второй раз их танк подбили и многие погибли. Николай еле вывалился из танка, как осколком от снаряда был ранен в пятку. И начались у него скитания по госпиталям, да по больницам. Его долго лечили, посылали на воды, но кости пятки болели и потому беспокоила его рана в пятке. Иногда так трудно было терпеть боль, что он просил врачей ногу отрезать. Врачи облегчали ему страдания лекарствами, но не советовали, не давали согласия делать операцию... Вылечили не совсем, но направили дальше воевать...

По информации из донесения о безвозвратных потерях «Сериков Николай Гаврилович 1905 г. р. убит 10 февраля 1943 года, похоронен в д.Смердыня Тосненского района Ленинградской области»...

Во время Отечественной войны старший брат Петр служил минером. После каждого боя на освобожденной земле он с другими искал мины, бомбы и взрывал их в стороне от солдат и селений. Один раз мина взорвалась у него в руках, и левую руку выше локтя перебило так, что она болталась на кожинке как плеть и ничего не чувствовала. Он просил врачей отрезать руку, но те отказались и не советовали ему. "Рука еще тебе пригодится! — сказали врачи. "Отрезать не будем, а будем лечить!" Загипсовали и положили в больницу. До-о-олго скитался он по лазаретам и разным больницам и лечили его. А потом по состоянию здоровья отправили домой. Спасибо врачам, что не отрезали руку! Ведь кости срослись, мясо narosло, и рука работала во все оставшиеся дни его жизни. После войны он обучился работе пасечника и работал до пенсии на пасеке. Вспомнил он, как отец держал пасеку и собирал мед, сам подучился немного и до последних дней работал пасечником на колхозной пасеке. Правда рука раненая беспокоила иногда, но помогала работать, как и здоровая...

Вот, у Петра парень был, 16 лет, Гена звали. Взяли его в Армию в конце войны. Тогда ребят даже таких брали. Так Гена у них без вести пропал, погиб. Говорят, что их поезд разбили, когда они ехали на фронт. Разбили эшелон, и сколько молодежи погибло ни за что!..

Информация из донесения о безвозвратных потерях

ФИО	Сериков Николай Гаврилович
Дата рождения/Возраст	__.__.1905
Место рождения	Алтайский край
Дата и место призыва	Солтонский РВК, Алтайский край, Солтонский р-н
Последнее место службы	311 сд
Воинское звание	красноармеец
Причина выбытия	убит
Дата выбытия	10.02.1943
Первичное место захоронения	Ленинградская обл., Тосненский р-н, д. Смердыня
Название источника информации	ЦАМО
Номер фонда источника информации	58
Номер описи источника информации	18001
Номер дела источника информации	300

Сериков Николай Гаврилович красноармеец

Дата рождения __. __.1905

Последнее место службы 71 одэб (71 одэб)

Военно-пересыльный пункт 225 азсп 54 А

Прибыл в часть 25.08.1942

Воинская часть 71 одэб (71 одэб)

Источник информации ЦАМО

Номер фонда ист. Информации 8520

Номер описи ист. Информации 43322

Номер дела ист. Информации 12 Страница: 2 из 3

Рассекречено в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года N181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года).

✓ 59	Новиков Николай Николаевич	✓	1906	Зреловский	8т
✓ 60	Сергеев Николай Валентинович	✓	1905	Алтайский край	8т
✓ 60	Щербатов Петр Лукич	✓	1909	Кубань-Кавказский фр.	8т

8т	Большимельники р.В.К. Зреловский фр.	убит 10-2-43г.	100000	Имя - Новиков К. Д. Зреловский фр. В.К. Большимельники р-н, Мараговетский с/е. г. Котарский
8т.	Самтасовский Алтайский край	убит 10-2-43г.		Имя - Варфоломеев Михаил Степанович Алтайский край, Самтасовский р-н. Самтасовский с/е.
8т.	Барышский р.К. Кубань-Кавказского фр.	убит 10-2-43г.		Имя - Клавдий Павлович. Кубань-Кавказский фр. Барышский р-н с. Водородца

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Воинские звания	Участие в операциях	Время отправки	Место отправки	Дата отправки	Кто и на каком этапе погиб	Степень захоронения	Участие в боях и операциях, звание на момент гибели
✓ 49	Сидоркин Николай Иванович	✓	Саратов	1902	Саратовский фр.	Убит 2-8-43г.	Красноармейский фр. Саратов	8т	Имя - Сидоркин Николай Иванович. Саратовский фр. Саратовский фр.
✓ 50	Позданин Алексей Андреевич	✓	"	1900	Воронежский фр.	Убит 12-1-43г.	Воронежский фр. Воронежский фр.	8т	Имя - Позданин Алексей Андреевич. Воронежский фр. Воронежский фр.
✓ 51	Мельников Иван Иванович	✓	Саратов	Воронежский фр.	Убит 5-3-43г.	Воронежский фр.	8т	Имя - Мельников Иван Иванович. Воронежский фр. Воронежский фр.	
✓ 52	Резниченко Сергей Иванович	✓	г. М. р.	1903	В-Брянский фр.	Убит 12-2-43г.	В-Брянский фр. Брянский фр.	8т	Имя - Резниченко Сергей Иванович. В-Брянский фр. Брянский фр.
✓ 53	Росовит Владимир Иванович	✓	Саратов	Центральный фр.	Убит 15-2-43г.	Центральный фр.	8т	Имя - Росовит Владимир Иванович. Центральный фр. Центральный фр.	
✓ 54	Лавров Иван Иванович	✓	"	1908	Восточный фр.	Убит 15-2-43г.	Восточный фр. Восточный фр.	8т	Имя - Лавров Иван Иванович. Восточный фр. Восточный фр.
✓ 55	Саров Иван Иванович	✓	Минск	Польский фр.	Убит 15-2-43г.	Польский фр.	8т	Имя - Саров Иван Иванович. Польский фр. Польский фр.	
✓ 56	Кудрявцев Виктор Иванович	✓	Вятка	Ленинградский фр.	Убит 10-2-43г.	Ленинградский фр.	8т	Имя - Кудрявцев Виктор Иванович. Ленинградский фр. Ленинградский фр.	
✓ 57	Мамеев Евгений Степанович	✓	"	1909	Восточный фр.	Убит 10-2-43г.	Восточный фр. Восточный фр.	8т	Имя - Мамеев Евгений Степанович. Восточный фр. Восточный фр.
✓ 58	Новиков Николай Николаевич	✓	"	1906	Зреловский фр.	Убит 10-2-43г.	Зреловский фр. Зреловский фр.	8т	Имя - Новиков Николай Николаевич. Зреловский фр. Зреловский фр.
✓ 59	Сергеев Николай Валентинович	✓	"	1905	Алтайский край	Убит 10-2-43г.	Алтайский край Алтайский край	8т	Имя - Сергеев Николай Валентинович. Алтайский край Алтайский край
✓ 60	Щербатов Петр Лукич	✓	"	1909	Кубань-Кавказский фр.	Убит 10-2-43г.	Кубань-Кавказский фр. Кубань-Кавказский фр.	8т	Имя - Щербатов Петр Лукич. Кубань-Кавказский фр. Кубань-Кавказский фр.
✓ 61	Кудрявцев Виктор Иванович	✓	"	1902	Брянский фр.	Убит 10-2-43г.	Брянский фр. Брянский фр.	8т	Имя - Кудрявцев Виктор Иванович. Брянский фр. Брянский фр.
✓ 62	Кудрявцев Евгений Степанович	✓	"	1902	Восточный фр.	Убит 10-2-43г.	Восточный фр. Восточный фр.	8т	Имя - Кудрявцев Евгений Степанович. Восточный фр. Восточный фр.
✓ 63	Кудрявцев Евгений Степанович	✓	Саратов	Кубань-Кавказский фр.	Убит 13-2-43г.	Кубань-Кавказский фр.	8т	Имя - Кудрявцев Евгений Степанович. Кубань-Кавказский фр. Кубань-Кавказский фр.	
✓ 64	Кудрявцев Евгений Степанович	✓	Саратов	Восточный фр.	Убит 10-2-43г.	Восточный фр.	8т	Имя - Кудрявцев Евгений Степанович. Восточный фр. Восточный фр.	

Проводы призывников в селе Тогул, Алтай 1941 г.

Фото из фондов АГКМ (Алтайского государственного краеведческого музея)

Эшелон 71-го дорожно-эксплуатационного батальона по пути на фронт. 1941 г.

ОДЭБ 71 — отдельный дорожно-эксплуатационный батальон, Алтай

В первые месяцы войны в Бийске был сформирован 71-й дорожно-эксплуатационный батальон, переброшенный осенью 1941 г. под Тихвин, где он принимал участие в создании и эксплуатации знаменитой Дороги жизни по льду Ладожского озера. С декабря 1941 года воины-шоферы 71-го дорожно-эксплуатационного полка — водители с Чуйского тракта — начали перевозку грузов по «военно-автомобильной дороге № 101», известной всему миру как «Дорога жизни» в осажденный Ленинград. По ледовой дороге через Ладожское озеро было перевезено более 1 миллиона тонн грузов, эвакуировано около 600 тысяч человек.

Воспоминания о войне. 311 С. Д.

Никулин Николай, Ленинград

...В феврале мы снова в Погостыинском «мешке». Участвуем в попытке прорваться на Смердыню — Шапки, чтобы соединиться с ленинградцами, взявшими Красный Бор. Опять атаки, гибель дивизий, продвижение на 200–300–500 метров и остановка. Кончились люди. В одном из боев 1943 года угодил в госпиталь и я, но это другая история...

В лесу, недалеко от передовой, приводила себя в порядок 311-я стрелковая дивизия. После февральских попыток прорвать немецкую оборону в Погостыинском мешке в дивизии почти никого не осталось. Ее пополняли кем могли. В числе выздоровевших в госпиталях раненых попал в дивизию и я. Мне не удалось вернуться в свой артиллерийский полк и теперь предстояло испить чашу пехотинца — то есть быть убитым или раненым в первых же боях. Это я отлично себе представлял, а 311-ю мы уже два года видели у себя перед глазами, так как постоянно поддерживали огнем своих пушек. Наверное, и другие дивизии были такими же, но 311-я казалась особенно ужасной мясорубкой. Через наше расположение везли в тыл тысячи раненых; продвигаясь вперед, мы находили кучи трупов солдат этой дивизии...

А 311-я тем временем гибла и гибла у железнодорожного полотна станции Погостье. Кто был этот генерал, я не знаю. За провал боев генералов тогда часто снимали, но вскоре назначали в другую дивизию, иногда с повышением. А дивизии гибли и гибли...

Планы советского командования и что им помешало

Идея заключалась в нанесении согласованного удара двумя армиями двух советских фронтов, что позволило бы окружить и уничтожить часть сил 18-й армии в районе Синявиной Мги. Со стороны Волховского фронта наступать должна была 54-я армия генерала Александра Васильевича Сухомлина. Начало наступления было назначено на 8 февраля. Войскам предстояло прорвать фронт противника на рубеже Макарьевской пустыни — Егорьевки с направлением главного удара на Васькины Нивы — Шапки и затем выйти в тыл Синявинско-Мгинской группировки противника. Иными словами, этот прорыв должен был стать одной из клешней готовившегося окружения.

Окончательно план наступления был утверждён 5 февраля. Продолжительность операции была определена в девять суток, а фронт прорыва должен был составить 9 км. Ударная группировка армии включала шесть стрелковых дивизий (198-ю, 281-ю, 311-ю, 165-ю, 372-ю и 374-ю), 58-ю отдельную стрелковую бригаду и 124-ю танковую бригаду. Позднее к ним прибавилась 7-я гвардейская танковая бригада.

Предполагалось, что танки 124-й танковой бригады будут использованы во втором эшелоне для развития успеха. Бригада должна была вводиться в бой на участке или 311-й, или 281-й дивизии. Танкисты слабо представляли себе местность, не знали непроходимых участков и недостаточно времени уделили изучению переднего края противника. Бригада имела 37 боевых машин: семь Т-34, десять Т-26, один Т-70, двенадцать Т-60 и семь БТ. Боевая ценность лёгких машин была сомнительной: они с трудом могли действовать в условиях заснеженной местности и бездорожья и просто вязли в снегу.

На направлении главного удара была создана следующая артиллерийско-миномётная группировка:

- 198-я стрелковая дивизия — 128 стволов с плотностью 64 орудия на 1 км фронта;
- 281-я стрелковая дивизия — 138 стволов с плотностью 98 орудий на 1 км фронта;
- 311-я стрелковая дивизия — 226 стволов с плотностью 113 орудий на 1 км фронта.

Тактическая плотность получалась 71,5 орудие на 1 км фронта.

В первом эшелоне насчитывалось 18149 человек личного состава. На вооружении они имели 11876 винтовок, 2338 автоматов, 112 станковых пуле-

мётов, 315 ручных пулемётов и 236 ПТР. Их поддерживали 164 76-мм орудий, 48 122-мм орудий, 78 152-мм орудий, 12 орудий калибра 203 мм, 131 ротный миномёт, 215 батальонных миномётов, 77 полковых миномётов и 21 орудие ПТО. Для поддержки первого эшелона были выделены три полка М-13 и две бригады М-30. Второй эшелон вместе с резервом составлял 28 526 человек и имел 17 050 винтовок, 3 190 автоматов, 166 станковых и 481 ручной пулемёт, 416 ПТР, 37 ПТО и до 40 танков. В этой операции должны были участвовать и новейшие советские самоходные орудия. Нельзя не признать, что испытание для них было придумано суровое.

Группа артиллерии дальнего действия насчитывала 54 орудия. Артиллерии калибра 152 мм здесь было крайне мало. Из-за заторов на дорогах артиллерийские части прибывали с задержкой в два–три дня, поэтому вопросы взаимодействия оказались не отработаны. Плохо дело обстояло и с доставкой боеприпасов: их не хватало для всех прибывших артиллерийских частей. Проблемы начались уже во время сосредоточения войск. Штаб артиллерии Волховского фронта не учёл ни состояния дорог, ни их наличия в принципе. В результате на немногочисленных дорогах возникли пробки и заторы. В артиллерийских частях не хватало горючего.

Из-за серьёзных задержек при переброске войск на участок 54-й армии многие вопросы планирования и ведения боевых действий так и не были отработаны.

Первый неудачный день

Против войск 54-й армии действовали части XXVIII армейского корпуса генерала Герберта Лоха. К началу советского наступления в составе корпуса находились 69-я, 96-я, 132-я и 217-я пехотные дивизии. Позже к ним прибавилась 81-я пехотная дивизия. На участке, намеченном для советского наступления, размещались части 132-й и 96-й дивизий. В 132-й пехотной дивизии насчитывалось 3 991 человек боевого состава и девять пехотных батальонов «достаточной» и средней силы. 96-я пехотная дивизия была гораздо слабее: она понесла большие потери в тяжёлых боях января 1943 года. Вместе с 132-й пехотной дивизией она составляла одну боевую группу — так называемую группу Линдемманна, названную так по имени командира 132-й пехотной дивизии. Подготовившись к советскому наступлению, немцы успели построить множество деревоземляных укреплений, а на болотистых участках — деревоземляные заборы.

Артподготовка началась 10 февраля в 10 часов утра. Через полтора часа советская пехота поднялась в атаку, а перед этим советская авиация нанесла удар по позициям противника. Однако артиллерия ничего не смогла сделать с немецкой обороной. Пехота залегла, а штурмовые отряды понесли большие потери. Днём командующий 54-й армией Сухомлин бросил в бой 124-ю танковую бригаду. В 15:00 бригада получила устный приказ, в котором говорилось, что ей предстоит действовать совместно с 1067-м стрелковым полком 311-й стрелковой дивизии и прорвать оборону севернее деревни Смердыня.

В 16 часов артиллерия снова обработала оборону противника. После 20-минутного артиллерийского огня пехота и танки пошли в атаку. В ходе боя 124-я танковая бригада застряла на реке Смердынька, которая оказалась непроходимой для лёгких танков. Командующий бронетанковыми войсками армии полковник А. В. Зазимко приказал отвести бригаду в исходное положение.

Неудача 10 февраля была обусловлена результатами безуспешной артиллерийской подготовки. Однако вины самих артиллеристов в этом не было, потому что все доклады командующего армией о неготовности артиллерии не принимались во внимание в штабе Волховского фронта. Что касается противника, то для него все атаки первого дня слились в один период боя, который прошёл вполне неплохо: немцы удержали линию обороны.

Второй день: прорыв

На следующий день, 11 февраля, части ударной группировки произвели смену полков первой линии: 124-я танковая бригада должна была теперь взаимодействовать с 311-й стрелковой дивизией. В 10 часов утра началась артиллерийская подготовка. На этот раз основной удар артиллерия наносила по участку Макарьевская Пустынь — Смердыня. Однако, когда танки и пехота смогли подойти к немецкому забору, тот оставался целым, и протаранить его не удалось. Бойцы из подразделений 1029-го полка 198-й дивизии и 1067-го полка 311-й дивизии всё же проделали проходы и вместе с танками ворвались на передний край противника. Успех наших частей был обусловлен в том числе и тем, что бойцы дивизий прижимались к разрывам снарядов, произведённым советской артиллерией, и вышли к забору ещё в период артиллерийского наступления.

На 12 февраля советским частям была поставлена задача развивать прорыв. Вслед за 311-й дивизией в бой вводилась 372-я стрелковая дивизия П. А. Радыгина.

Противник отметил переправу советских войск через Тигоду, а также тот факт, что немецкая оборона несколько прогнулась как раз на участке 132-й пехотной дивизии. В донесении в штаб армии упоминалось, что прорыв случился на фронте 96-й пехотной дивизии. Здесь образовалась брешь примерно в 1,5 км шириной и 500 м глубиной. В донесении группы Линдемманна говорится о начале контратаки, но её исход к концу дня был не совсем ясен. Зато к утру 12 февраля стало понятно, что она прошла не слишком успешно.

Третий и четвёртый дни: форсирование реки и отсутствие крупных успехов.

12 февраля в оперсводке Волховского фронта сказано, что 54-я армия продолжала расширять и углублять прорыв. Из материалов отчёта вырисовывается следующая картина. 1029-й стрелковый полк 198-й стрелковой дивизии смог оседлать дорогу Смердыня — Макарьевская пустынь. Продолжить наступление ему не удалось из-за шквального огня противника. Полк залёг. Вслед за ним подтягивались остальные части дивизии. Лыжный

**Советские артиллеристы ведут огонь из 122-мм гаубицы.
Ленинградский фронт, 1943 год. waralbum.ru**

батальон дивизии смог форсировать реку Лезно, отбил контратаку противника и закрепился на занятом рубеже. К этой же речке после боя с немецкими сапёрами вышел мотострелковый батальон 124-й танковой бригады. Сама бригада смогла только приблизиться к реке. В этот день армии удалось несколько расширить занятый участок. Немцы предприняли несколько контратак, но все они потерпели неудачу.

13 февраля в немецкой обороне образовалось несколько брешей, воспользоваться которыми смогла 311-я стрелковая дивизия. Немцы остановили советское продвижение только ценой значительных усилий. Крайне неудачно действовала 372-я стрелковая дивизия, которая при вводе в бой была просто расстреляна противником. Причиной этому стал настоящий хаос, возникший при движении дивизии. Её части заблудились и вводились в бой постепенно. За день дивизия была выбита, понесла очень большие потери и к вечеру 13 февраля оказалась неспособной наступать.

Штабисты, составлявшие материалы доклада о действиях 54-й армии, считали, что день 13 февраля не принёс желаемого успеха. Внимательное сравнение с доступными немецкими документами позволяет сделать вывод, что войска 54-й армии смогли продвинуться на юго-запад. Немецкие попытки контратаковать оказались неудачными. Армия смогла форсировать реку Лезно. Правда, на флангах её ударной группировки оставались мощные немецкие опорные пункты в Смердыне и Маркарьевской пустыни. Прорыв по-прежнему был узким, и немцы обрушивали всю мощь своего огня на наступающие войска.

Пятый день, тяжёлый для всех

14 февраля советское командование попыталось всеми доступными силами протолкнуть вперёд серьёзно потрепанную ударную группировку армии. Получалось это не слишком хорошо. Провалилась попытка организовать совместные действия 124-й танковой бригады и 372-й стрелковой дивизии. К этому времени в состав ударной группировки армии была передана и 7-я гвардейская танковая бригада, которая должна была действовать совместно с 58-й стрелковой бригадой.

Наступление началось в 13:20. Частям и соединениям придали две батареи САУ из 1433-го самоходно-артиллерийского полка, которые двинулись в направлении отметки 44,0. Предполагалось, что они прорвутся в тыл противнику и займут там круговую оборону. Чем руководствовалось советское командование, отдавая такое распоряжение, непонятно.

Продвижение этой группы противник встретил сильным огнём. Результат оказался довольно плачевным: пехота ушла в сторону, танки действовали самостоятельно. Ввод в бой второго эшелона не изменил положения. В итоге танки, экипажи которых заблудились в лесу, пришлось отвести на исходные позиции. Повезло, что потери оказались небольшими, однако три советские самоходные установки были потеряны в бою.

Для немцев этот день запомнился тяжёлыми боями и количеством уничтоженных советских танков. На некоторых участках советские части вышли к позициям немецкой артиллерии. Тем не менее угрожающим своё положение противник не считал.

Шестой и седьмой дни: частичный успех и смена планов

В хаосе лесного боя 15 февраля в немецкой обороне образовались бреши. Однако атака группы 7-й гвардейской танковой бригады вновь успеха не имела. Лишь только когда была создана подвижная группа из частей 124-й и 7-й гвардейской танковых бригад, пехоты 372-й дивизии, лыжников 311-й дивизии и эта группа перешла в наступление, к 19 часам советские бойцы смогли перерезать дорогу Макарьевская пустынь — Вериговщина. Все остальные части армии результатов не достигли и понесли большие потери в безуспешных попытках прорвать оборону противника.

16 февраля план наступления изменился. Теперь командующий 54-й армией собирался выйти на дорогу Шапки — Любань, введя в бой 165-ю стрелковую дивизию. Все боеспособные танки 124-й бригады были переданы в 7-ю гвардейскую танковую бригаду. Вместе с двумя батальонами пехоты она перешла в наступление.

В ночь с 15 на 16 февраля этой группе удалось выйти в район восточнее реки Чудля. Советские части смогли несколько потрепать артиллерийскую группировку противника. Но уже во второй половине дня немцы потеснили советскую группу и отрезали её, заставив занять круговую оборону. На следующее утро к ним пробивались лыжники 165-й дивизии, но помощи от самой дивизии добиться не удалось. Атака её 641-го стрелкового полка оказалась неудачной.

Прорыв частей 54-й армии напоминал удар шилом. Никакого серьёзного оперативного успеха войска не добились. Однако про ночную удачу стало известно в штабе фронта, и командующий Волховским фронтом Кирилл Афанасьевич Мерецков приказал принять все меры к его развитию.

Финал операции

Только на следующий день, 17 февраля, к окружённым смогли прорваться советские войска, но в остальном они успеха не имели. 18 февраля в окружении оказались бойцы 58-й стрелковой бригады (её командир подполковник А.Г. Юношев потом возглавит борьбу окружённых), батальон автоматчиков, рота танков (шесть машин), подразделения 641-го стрелкового полка 165-й стрелковой дивизии, а также лыжники. Немцы тем временем подтянули дополнительные силы. Герберт Лох перебросил сюда части 217-й пехотной дивизии. Кроме того, он мог рассчитывать ещё и на 121-ю пехотную дивизию.

К этому времени Сухомлин располагал только 14-й стрелковой бригадой. Соотношение сил явно было не в его пользу. Вдобавок попытку наступления группы 7-й гвардейской бригады с приданной пехотой сорвали собственные артиллеристы: группу накрыл залп реактивных мин.

19 февраля к окружённой группе смог пробиться учебный батальон 165-й дивизии. В тот же день стало ясно, что операция провалилась. Подполковник Юношев решил пробиваться из окружения. Он приказал командиру 2-го батальона 641-го полка капитану Иванову объединить весь личный состав и в ночь на 21 февраля пробиваться на соединение с главными силами 165-й дивизии. Сам Юношев решил прорываться из окружения обходным путём на танке. Больше о нём никто не слышал. Он числится пропавшим без вести.

В ночь на 21 февраля пехотинцы вышли из окружения. Но судьба танкистов так и осталась неизвестной: ни один из шести танков прорваться к своим не смог. В 13 часов поступила радиограмма от командира окружённой танковой роты, сообщавшая, что танки встречены огнём противника.

К этому времени стало понятно, что вся советская задумка потерпела неудачу. Бои продолжались ещё несколько дней, но надежды на успех не было уже никакой. Войска 54-й армии потеряли 6151 человека убитыми и 431 — пропавшими без вести. Немецкие потери составляли около тысячи человек. Итогом наступления стали отбитые у противника квадратные метры территории, не дававшие никаких выгод. Причин неудачи было много. Одна из основных заключается в том, что наспех организованная операция была обречена на провал — особенно в ситуации, когда приходилось иметь дело с таким основательным противником.

Из беспризорников в легендарные разведчики

Артем Локалов

Танковый разведчик, Герой Советского Союза, гвардии старший лейтенант Владимир Подгорбунский воевал на Калининском, Брянском, Воронежском, Первом Украинском фронтах. Совершил несколько воистину богатырских подвигов. Мог стать дважды и даже трижды Героем, войти в пантеон великих национальных воинов. Но был убит на Сандомирском плацдарме.

«Сын полка» Кольша Саблин и разведчик Владимир Подгорбунский

«Я имел 36 лет заключения...»

Володя Подгорбунский родился 12 (25) апреля 1916 года в Чите в семье учителей. Ему не было и годика, когда царь Николай II отрекся от престола, не исполнилось и двух — во время русской Смуты погиб отец, партизанивший в сибирской тайге и расстрелянный белогвардейцами; через несколько лет скончалась мать. Мальца определили в детский дом.

О дальнейшей жизни через много лет он будет рассказывать члену Военного совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанту Николаю Кирилловичу Попелю: «На день триста грамм черняшки, тарелка кондера и по воскресеньям — пирожок, зажаренный в собственном соку. А на рынках — молоко, сметана, мед, кедровые орешки и другие деликатесы... В нашем детдоме «Привет красным борцам» воровать научиться было легче, чем письму и чтению... К девятнадцати годам я имел тридцать шесть лет заключения. Количество приводов учету не поддается...»

Бывший урка явно бравировал перед политработником: советское уголовное законодательство не предполагало суммирование сроков. Большой поглощал меньший. Достоверно одно: из мест заключения Подгорбунский неоднократно бежал, его ловили и давали новый срок. В лагере траектория забубенной жизни вора Подгорбунского пересеклась с трагической судьбой репрессированного полковника-танкиста. «Он рассказывал мне про армию и про танки — словно песню пел. ...Мудрый старик. Когда умирал, взял с меня слово, что стану порядочным человеком. Написал я письмо Михаилу Ивановичу Калинин. От него запрос в лагерь. Из лагеря на меня характеристика: трудолюбив, сознателен и так далее». Благодаря личному вмешательству «всесоюзного старосты» Подгорбунского освободили и направили служить в танковую часть. Вчерашний карманник успешно освоил специальность механика-водителя, после демобилизации обосновался в «городе невест» Иваново, работал на одной из фабрик. Здесь и застала его война...

**Володя Подгорбунский
в детстве (14 лет), 1930 г.**

Трагическим летом 1942 года, когда «было всё на кону», старший сержант-пехотинец Подгорбунский, любивший, чтобы даже малознакомые люди называли его Володей, получил свою первую награду — солдатскую медаль «За отвагу», которую можно было заслужить только за личное мужество на поле боя. В наградном листе о сути совершенного подвига сказано кратко, но ёмко:

«1.07.1942 г. при наступлении батальона на деревню Бараново старший сержант Подгорбунский со своим расчетом метким огнем из противотанкового ружья подбил фашистский танк, который загорелся на месте, остальные танки возвратились обратно. Под деревней Вазково, когда противотанковое ружье было выведено из строя, тов. Подгорбунский взял ручной пулемет у убитого красноармейца и огнем рассеял до взвода вражеской пехоты».

Старший сержант был ранен, но остался в строю. Смельчака приняли в члены ВКП (б), ему присвоили офицерское звание и назначили заместителем командира роты по политической части. Но меньше всего бывший уголовник был пригоден для этой роли. «Газет я не читаю, международное положение чувствую сердцем...» Зато в бою — сущий дьявол. Такое иногда сотворит, что прямо не верится. А пошлешь проверить — все точно

«Подгорбунский бросился назад к патефону...»

Летом 1943 года старший лейтенант Подгорбунский попросился служить в разведку и был назначен командиром взвода автоматчиков разведроты 1й механизированной бригады. По словам сослуживца, «Володя ходил в бой всегда при всех регалиях». То есть, отправляясь на задание, никогда не снимал с себя погоны, награды и Гвардейский значок, хотя, согласно уставу, все это полагалось сдавать. Вот и в том скоротечном бою гитлеровцы имели возможность разглядеть начищенную до блеска медаль «За отвагу» на его гимнастерке. Трех немцев старший лейтенант застрелил в результате огневого контакта. Затем, как было сказано в представлении к награде, «перешел в рукопашную схватку, где рукояткой нагана стал таранить немцев и уничтожил троих, а четверых уничтожил его помощник младший сержант Никифоров, 2 фрица, не выдержав сопротивления, пустились наутек».

Командир бригады полковник Федор Петрович Липатенков, подписавший приказ о награждении старшего лейтенанта Подгорбунского орденом Красной Звезды, так рассказывал о своем неординарном подчиненном военному журналисту Юрию Александровичу Жукову: «Да, оригинальный человек. Удивительные дела совершает... Иногда, конечно, нелегко бывает с ним: прошлое на него давит. ...Но временами ему становится трудно.

В.И. Подгорбунский во втором ряду, четвертый слева, 1943 г

Не всегда он может соблюдать дисциплину, поэтому иногда имеет неприятности с командованием. Но зато в бою — сущий дьявол. Такое иногда сотворит, что прямо не верится. А пошлешь проверить — все точно. У таких людей какая-то обостренная, я бы сказал, скрупулезная честность. Он как бы щеголяет ею: вот вы небось мне не верите, так посмотрите же сами! Смотрим, удивляемся, снова смотрим — все точно!»

А еще старший лейтенант щеголял небывалым артистизмом, с которым выполнял сложнейшие задания командования. Еще цитата из мемуаров генерал-лейтенанта Н. Попеля: «Единственного пленного в ночь перед наступлением притащили разведчики Подгорбунского. Пробрались в блиндаж, в котором трое немцев слушали пластинки. Двух прикончили финками, а одному сунули в рот салфетку и поволокли. Подгорбунский бросился назад к патефону, аккуратно поставил мембрану на самый обод пластинки. Из блиндажа, как и пять минут назад, неся веселый тирольский вальсок...»

Гений разведки

Очень скоро старший лейтенант Подгорбунский стал до чрезвычайности популярной фигурой. О нем знало командование бригады, корпуса и даже 1й гвардейской танковой армии. Гений разведки — так с легкой руки

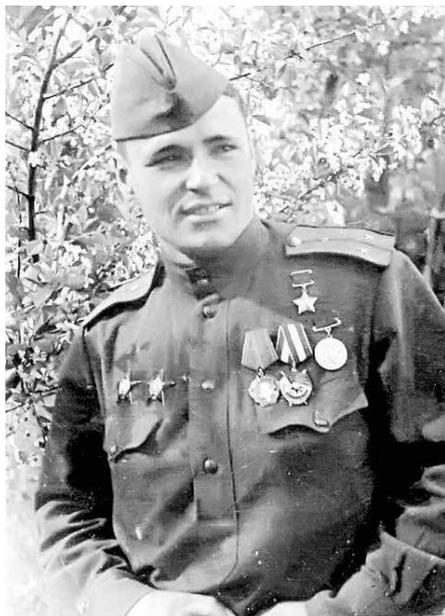

Танковая разведка в «деле»

комбрига называли Володю. Не погнушался побеседовать с ним даже член Военного совета фронта и секретарь ЦК ВКП (б) Никита Сергеевич Хрущёв, по-житейски мудро отозвавшись о развязной манере поведения гения разведки: «Блатная накипь постепенно сойдет, пустыки... А человек, по-видимому, незаурядный...»

В ночь с 27 на 28 декабря 1943 года разведгруппа Подгорбунского при освобождении Правобережной Украины первой дерзко овладела важным железнодорожным узлом — городом Казатин Винницкой области. Обойдя город с тыла, разведчики при поддержке саперов на броне двух танков Т-34 с ходу ворвались в город, уничтожив восемь орудий и два взвода пехоты... «Невероятно?.. — задал риторический вопрос командир бригады полковник Липатенков, рассказывая об этом подвиге Подгорбунского журналисту Юрию Жукову. — Согласен с вами. С точки зрения элементарных тактических расчетов — задача для двух танков и восемнадцати автоматчиков непосильная. И все-таки это реальность. Подсчитано и удостоверено...»

Подсчеты произвел и начальник разведотдела штаба танковой армии полковник Алексей Михайлович Соболев. «Выясняем, что в Казатине ко времени появления дозора Подгорбунского было около трех с половиной тысяч солдат и офицеров противника. В успехе Подгорбунского решаю-

В. И. Подгорбунский, февраль 1944г

щую роль сыграли внезапность удара и «психический шок», в который впали гитлеровцы, потеряв способность к организованному сопротивлению».

1 января 1944 года командир бригады Липатенков представил старшего лейтенанта Подгорбунского к присвоению звания Героя Советского Союза. В тот же день представление поддержал командир корпуса, а 2 января — командарм Катукоев. Указ Президиума Верховного Совета состоялся 10 января — невиданная для военного лихолетья скорость прохождения наградных документов объяснялась большой значимостью одержанной победы.

И уже 23 февраля, в день Красной армии, командарм торжественно вручил Подгорбунскому орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

11 нашивок за ранения

Отныне даже сам гвардии генерал-полковник танковых войск Михаил Ефимович Катукоев предпочитал не приказывать гвардии старшему лейтенанту Подгорбунскому, а просить его — дотоле неслыханный случай в истории Красной армии. Обратимся к мемуарам Катукоева «На острие главного удара»: «Встретились с ним на берегу Днестра. Коротко объяснил я, в чем

суть дела, и по-дружески, не в порядке приказа, а именно по-дружески, попросил:

— Будь добр, товарищ Подгорбунский, уведи у немцев понтонный парк. Сослужи службу, век будем помнить. — И, шутя, добавил: — Учти, работа сдельная, за нами не пропадет. Вижу, у Подгорбунского глаза загорелись. Знаю: необыкновенные дела для него любых радостей дороже. Козырнул старший лейтенант: «Будет исполнено» — и ушел к своим разведчикам.

...Глубокой ночью глухими тропами пробрался Подгорбунский со своими разведчиками через боевое охранение противника, с тыла ворвался в деревню, где находился немецкий понтонный парк, и как снег на голову обрушился на маленький фашистский гарнизон. В деревне, кроме понтонеров, никого не было. Под треск пулеметов и автоматов гитлеровцы разбежались, а наши разведчики, не теряя ни минуты, взяли на буксир немецкие понтоны и привели их на берег Днестра... А затем армейские саперы быстро соорудили понтонные паромы и стали перебрасывать на правый берег Днестра машины с горючим и боеприпасами».

Командир разведроты представил Подгорбунского к ордену Красного Знамени и вторичному присвоению звания Героя. Можно лишь гадать, почему Катюков отказался поддержать второе представление и не стал посылать наградной лист на звание дважды Героя в Москву. Ведь разведчик не только честно заслужил это высокое отличие, но и щедро заплатил за него кровью. На некоторых фотографиях мы видим на груди гения разведки шесть нашивок за ранения: три золотых — за тяжелые, три красных — за легкие. Впрочем, генерал Попель утверждал, что Подгорбунский был ранен 11 раз: «Если бы он носил все нашивки за ранения, на груди не хватило бы места».

Свадьба на Сандомирском плацдарме

После очередного ранения Подгорбунский в свою разведроту не вернулся и стал командиром танковой роты 8-го отдельного гвардейского мотоциклетного батальона. В числе первых ступил на польскую землю, подошел к Висле, форсировал ее, отважно закрепился на крошечном плацдарме, который вошел в историю Великой Отечественной войны под именем Сандомирского.

Здесь Подгорбунский получил тяжелую контузию и попал в госпиталь. Частично оглох, начал заикаться. Врачи намеревались комиссовать 28 летнего офицера. Но судьба приготовила ему, уже капитану, свой последний сюжет.

В. И. Подгорбунский, август 1944 г.

На плацдарме сложилась очень тяжелая обстановка: надо было восстановить связь между разрозненными подразделениями. Смертельно опасное задание решили поручить гению разведки. С помощью подложной справки, изготовленной начальником разведки корпуса, разведчики вызволили из госпиталя своего раненого командира. Но он успел еще 10 мая 1944 года стать мужем тверской красавицы Анечки Беяковой, служившей в банно-прачечном отряде рядом с госпиталем.

«Он сказал мне, что, если я не разрешу ему идти в разведку, он не пойдет. Но не могла я ему этого сказать. На прощанье он долго-долго махал мне рукой. Я его отпустила. Навсегда», — спустя годы вспоминала Анна Константиновна Подгорбунская.

19 августа 1944 года ее муж попал в засаду, получил еще два ранения и погиб за сутки до завершения Львовско-Сандомирской операции. Подступы к сгоревшему бронетранспортеру, в котором находился Подгорбунский, были усеяны трупами гитлеровских солдат. Поздно ночью разведчики вынесли с поля боя его обгоревшее, искромсанное осколками тело. Гения разведки опознали по Звезде Героя, которая была на его груди.

«Здравствуй, Аннушка!..»

Анне Подгорбунской — 95 лет. С будущим мужем они встречались год. В браке прожили три месяца. «Помни, что я тебе не временный друг, а друг жизни», — однажды сказал он Анне. После гибели Володи она больше не вышла замуж.

Попутчик

Их знакомство не назовешь романтическим. Аня Белякова с подружкой сели на попутку, чтобы доехать до Сум от пригорода. Там тогда стоял их отряд. 74й отдельный банно-прачечный. Как в 1942 году Красная армия освободила ее Калашниково, так Аня и пошла по войне с этим отрядом.

В кузове грузовика Аня сразу обратила внимание на дырку в обмундировании попутчика. О чем и сообщила офицеру Подгорбунскому. Он девушку запомнил. В этот же день встретив в городе, куда Аня ездила к портнихе, безуспешно пытался выпытать хотя бы имя. На том и расстались. Подгорбунский на прощание сказал, что все равно ее найдет. И отправился на очередное задание. Гений разведки находил выход из самых невероятных ситуаций. И, конечно, он нашел Аню. В том платице, что ей пошили в Сумах, она на их первой и последней фотокарточке.

Мечтатель

Анна Константиновна читает стихи мужа. Теперь они даются ей непросто. Слабеет. Но старается улыбнуться: — Ну, до свиданья, целую родная, Жду твоих писем — быстрее пиши...

Аня Белякова стеснялась, что сама пишет плохо. До войны успела окончить только один класс. Володя пришлет несколько писем, а она за это время только одно выведет. Он остался в этих письмах, клочках истрепанной временем бумаги. В клочках воспоминаний, из которых складывается портрет бравого, веселого, настоящего человека.

Анна Константиновна вспоминает, как Володя мечтал жить после войны не в большом городе, а «где-нибудь в спокойном месте». Известно ведь: после свиста орудий так хочется тишины. Или как оказался в один из приездов без махорки, раздав всю товарищам.

— Что делать — табак у кого попросить. Она и предложила ему окурки собрать, — пересказывает мамину историю Галина Владимиров-

Анна Белякова и Владимир Подгорбунский, май 1943 г.

на. — У нее неродной отец был. Выпьет, начнет буйнить. Вот она и собирала окурки. Скрутит самокрутку, тот покурит и уснет. И папе она самокрутку сделала... Он так и не услышал «папа» из уст дочки.

Герой

Владимир Подгорбунский давал прикурить врагам на фронте. И Ане говорил: «В честь нашей дружбы стану героем!». Ее подружки, которые Подгорбунского обожали, Володю подняли на смех: «Ну, какой ты герой? Портки с дырой!». Это они ту историю со знакомством припоминали. А Подгорбунский Героем Советского Союза, конечно, стал. И звание дважды Героя должен был получить, но командование рассудило иначе... Документы о присвоении звания Героя хранит Галина Владимировна. Здесь же и удостоверение от 10 мая 1944 го о том, что Владимир и Анна Подгорбунские теперь муж и жена.

Тогда, всего за год до Победы, Владимир на задании был контужен, начал заикаться. И потому комиссован. Молодожены засобирались домой.

Но на Сандомирском плацдарме не смогли обойтись без разведчика Подгорбунского...

Они погибли при освобождении Польши, где сегодня уничтожают обелиски освободителям...

Отец

— Папа знал, что мама беременна, наставлял ее перед уходом на задание, что если родится девочка, в честь его сестры надо назвать ее Галей, — вспоминает мамыны рассказы об отце Галина Владимировна. После войны она будет переписываться с однополчанами гвардии капитана Подгорбунского. Один из них расскажет, что в последнем рейде ее отцу оторвало ступню. Володя не переживал — сказал лишь, что исполнилось предсказание Ани. Она всегда говорила: «Пусть без руки, без ноги, только бы остался жив». Не остался — место в бронетранспортере уступил раненому бойцу. Сам поехал на «Виллисе». Опять обстрел, очередное ранение — в живот. Смертельное...

«Здравствуй, Аннушка»... «Прошу не называть меня на вы!»... «Ты моя гордость»... Это строчки из писем Володи. А в медальоне, который его дочь (как и завещал — Галя) носит всю жизнь, — пучок отцовских волос. Сослужив-

цы состригли и спрятали за фото — оттого оно такое выпуклое. Карточка от прикосновений почти истерлась.

Владимира Подгорбунского жена Анна и боевые товарищи похоронили в местечке Дембно. Анна Константиновна так и не побывала больше на могиле мужа. А дочь приехала к отцу в 1986-м. И привезла домой капсулу с землей.

— Когда была маленькой, заберусь под фикус и плачу — так мне хотелось, чтобы отец был рядом, — вспоминает Галина Владимировна. — Сейчас маме 95, говорю ей: «Ты живешь столько и за себя, и за папу».

Подгорбунские Галина Владимировна и Анна Константиновна (Белякова)

ФОТОГРАФИЯ... МАВЗОЛЕИ...

Абрамов Ф. А.

ФОТОГРАФИЯ ГЕРОЯ, 1975

Шкурат Дмитрий Иванович.

14.04.1925 г. — 14.04.1944 г.

Ничего подобного доселе не видал. Небольшой зеленый садик возле сельского Дома культуры, и в том садике не один, не два, а целых пять гранитных обелисков, воздвигнутых в честь земляков, удостоенных на войне звания Героя Советского Союза.

Иду, притихший, от одного обелиска к другому, всматриваюсь в фотографии. Все лица как лица: простые, русские, от земли. Молодые, безусые, на возрасте.., И вдруг — подросток, вдруг мальчик. Хмурый, широкоглазый, крепколобий, коротко стриженная голова, ситцевая, в прямую полоску, домашнего пошива рубашка с прямым, наглухо застегнутым воротом.

Начинаю невольно припоминать имена детей — Героев Советского Союза. Леня Голиков, Саша Чекалин.., А как же я не знал их собрата — сибиряка Митю Шкурата?

— Нет, — говорит директор Дома культуры. — Шкурат в девятнадцать лет подвиг совершил. Фотокарточки другой не оказалось. За всю свою жизнь парень один раз сфотографировался. В шестнадцать лет, когда паспорт получал.

Я долго глядывался в фотографию Шкурата. Вглядывался в нашу историю.

Бедно, скудно жили, так скудно, что простая фотокарточка была порой немислимой роскошью...

КНИГА ПАМЯТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Шкурат Дмитрий родился 14 апреля 1925 года в селе Шадрино в крестьянской семье. После окончания семилетней школы работал в колхозе. В январе 1943 года призван в Красную армию Ельцовским РВК Алтайского края.

С мая 1943 года красноармеец Шкурат в составе 682-го стрелкового полка воевал на 2-м Украинском фронте. За боевые заслуги в наступательных боях 7 марта 1944 года в районе деревни Черемисское Киевской области красноармеец Шкурат награждён медалью «За отвагу» (26.03.1944).

Из наградного листа: 14 апреля 1944 года в бою за село Тотоусчий Ясского уезда (Румыния) тов. Шкурат со своим пулемётом отразил яростную контратаку противника. Наступая превосходящими силами, противник ударил в левый фланг батальона и создал угрожающую обстановку для всего полка. Находясь на левом фланге батальона, тов. Шкурат со своим пулемётом принял основной удар наступающих цепей немцев и румын. Противник вынужден был залечь, но поддержанный миномётным огнём, снова бросился в атаку и пулемёт тов. Шкурата опять заговорил. Маневр противника с целью обойти пулемёт также окончился неудачей. Под сильным огнём противника тов. Шкурат бил из своего пулемета до тех пор, пока вражеский осколок не оборвал его героическую жизнь. По показаниям пленных, захваченных в тот же день, пулемёт Шкурата уничтожил и вывел из строя свыше 200 солдат и офицеров и этим сорвал контратаку противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм красноармейцу Шкурату Дмитрию Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (посмертно).

Похоронен в братской могиле на восточной окраине населённого пункта Тотоусчий (Ясский уезд, Румыния).

ПОСЛЕДНИЙ СТАРИК ДЕРЕВНИ, 1976

Всех знаю в своей деревне — старых, молодых, даже детей, если не по именам, то по обличью. А тут, смотрю, гребется какой-то старичешко от почты по пыльной песчаной обочине. Кто? Сапоги кирзовые, громадные, оттого что высохшие ножонки торчат в стоячих голенищах, как палки, батог в руке, сверкающий на солнце...

Подхожу ближе и глазам не верю: Павел Васильевич Савин. Похудел, высох, глаза завалились, будто с того света смотрят... А борода? Где савинская борода? Еще какой-то год назад взобьет, распушит, расправит — целая копна на груди.

А какой он в молодости был, этот Павел Васильевич! Какая силушка, какая удаль гуляла по земле! Весной у нас, когда схлынет половодье да в Пинегу выпустят лес, самое ухарство — перебежать с багром в руках с одного берега на другой по плавучим бревнам. Перебегал.

А что за диво, что за картина — я тогда до войны был еще совсем ребятенком, — когда он ехал за невестой! В жизни не видал такой бешеной скачки допьяна напоенных рысаков в праздничной, жаром горящей сбруе. Мороз, солнце, а он в расписных санках, стоя, в одной кумачовой рубахе, без шапки. Само нетерпенье, сама ярость...

— Павел Васильевич, — спрашиваю, — да ты ли это?

— Я, парень, я. Все боле, на другую фатеру приказано перебираться.

Я стал говорить какие-то слова утешения.

— Нет, нет, не утешай — отгулял свое. На почту это ходил. Деньги на похороны сымал. Было шестьсот рублей накоплено, все снял. Не хочу, чтобы дети на меня разорялись. И хочу проститься с земляками по-хорошему: чтобы все, кто придет, были угощены... Чтобы все запомнили, как последний старик деревни уходит на покой...

Я не удивился словам Павла Васильевича. Оставались еще и деревне три-четыре старика. Но последним-то стариком деревни называли только его — Павла Васильевича. Он был из той уходящей породы русских мужиков, которые умели и жить с размахом, и работать всласть, и чудить. Павел Васильевич умер в тот же день, под вечер, когда садилось солнце.

Всю весну и всё лето лежал на своей старинной деревянной кровати возле дверей, а тут вдруг запросился на пол. Дети (сыновья и дочери к тому времени уже съехались) исполнили просьбу — разостлали на полу, там, где стоял обеденный стол, перину, перенесли отца.

— А теперь Матрена пушай ляжет рядом со мной.

Сыновья и дочери переглянулись: что еще выдумал старик?

— Мать, говорю, рядом повалите.

Матрена сидела в старом ватнике, прислонившись спиной к теплой печке. Когда-то это была писаная красавица, и Павел Васильевич смертным боем бился из-за нее со своими многочисленными соперниками, да и потом, когда уже был в годах, обожал ее. «У меня Матренка... Моя Матренка... Я с Матренкой...» — это был любимый его разговор, и пьяного и трезвого. А сейчас Матрена, когда заговорил о ней муж, даже ухом не повела: она уж года три была не в своем уме.

— Папа, — заговорила старшая дочь осторожно (Павел Васильевич в строгости держал детей), — зачем тебе мама-то? Нехорошо ведь.

— Повалите, говорю, рядом со мной мать. Сыновья и дочери опять переглянулись, и что делать, как перечить умирающему отцу?

— Матренка, — сказал Павел Васильевич, когда старуху положили с ним рядом, — обними меня в последний раз.

Матрена, к которой в эту минуту, видимо каким-то чудом, вернулся рассудок, неловко, суковатыми руками обхватила мужа.

— Вот и ладно, — прослезился Павел Васильевич. — А теперь оставь меня одного, я помирать буду...

И вскоре на глазах у всех умер. Хоронили Павла Васильевича всей деревней. Все шли за гробом — и стар и мал.

Все провожали в последний путь своего последнего старика...

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАДА, 1978

Кузьма Иванович в самые трудные годы держал корову. Один, не то что некоторые: кто копыто, кто два. Но когда старику перевалило на восьмой десяток, пришлось и ему подводить черту под домашней живностью: его ли старыми ногами, вырванными работой, месить сыролесье да собирать сено по глухим ручьям?

На счастье Кузьмы Ивановича, когда он со старухой вел на вязке свою корову Жданю в госзакуп, дорогу ему пересек председатель. Посмотрел сверху вниз — на лошади верхом ехал, все понял сразу и дал команду поворачивать назад.

— Ты же с тоски помрешь без своей скотины! Чем жить-то будешь? О чем заботиться? А что касаясь сена, то вот тебе за труды твои колхозные — бережина (покос, пожня возле реки) ниже перевоза, как раз напротив твоего дома. Правда, пожня малость подзаросла кустом, но это уж твоя забота — при желании за одну весну расчистить можно.

Кузьма Иванович так и сделал — еще по снегу вырубил ольшаник и ивняк, а снег чуть согнало, каждый пенёк, каждый пенёшек выдрал — откуда только и силы взялись. С тех пор пятнадцать раз выходил с косой Кузьма Иванович к реке. И не работа была, а праздник. Сыновья, дочери, зятя понаедут из города — целая бригада, только успевай распоряжения отдавать.

В последнюю страду, шестнадцатую по счету, сам Кузьма Иванович выйти на пожню уже не мог — ноги отказали напрочь еще весной, да и худоба какая-то напала, весь высох как щепка, но ум у него был по-прежнему ясный, и он по-прежнему руководил сенокосными работами. Утром наказывал: сделать то-то и то-то и так-то. А вечером выспрашивал, что сделано и как сделано. И отдавал новые распоряжения.

Однажды утром Кузьма Иванович попросил:

— Вывезите меня сегодня на пожню. Я сегодня помирать буду.

— Папа...

— Везите.

Не привыкшие возражать отцу дети запрягли лошадь, уложили отца на телегу — сидеть он уже не мог. На покосе Кузьма Иванович сказал:

— Снимите меня с телеги да положите на угорышек — чтобы я и реку, и вас, и весь свет белый видел.

Положили.

— А теперь идите. Возьмите грабли да работайте и пойте.

— Папа, но как же тебя одного оставить?

— Делайте, как я сказал.

Дети послушались. Взяли грабли, рассыпались по лугу и начали загребать сено. И петь любимую песню отца:

Хожу я по травке, хожу по муравке.

Мне по этой травке ходить не находится,

Гулять не нагуляться...

Через час, когда работающие сделали перекур и подошли к старику, он был мертв...

Душа Его взошла в обитель-скит на славном небе,

Набрав от Веры крепкой сил духовных на земле...

Человек не умер, просто вышел... Он оставил в доме всё, как есть...

Просто он не видит и не слышит, хлеб земной ему уже не есть...

Просто стал он не таким, как люди, он открыл другой...

Астральный путь... Где иная жизнь... иная мудрость,

Где иная соль... иная суть... и путь скитания иной...

В книжице останется закладка, на странице о его любви...

На столе — записка, очень кратко: — Вспоминай, но только...
не зови...
Человек не умер... просто вышел и развёл воздушные мосты,
Между берегами прошлой жизни и ещё невидимой черты...

БРЕВЕНЧАТЫЕ МАВЗОЛЕИ, 1980

...Сколько раз за эти годы я проездил по России и проходил через заброшенные, словно вымершие деревни, сколько видел пустых домов с давно остывшими печами! И, кажется, уже начал привыкать и к запустению, и задичанию, но эта деревня меня взволновала: на углах домов я увидел небольшие красные звездочки, вырезанные из жести, в память о погибших на войне. Обычай, ныне довольно распространенный на сельской Руси.

От единственной старушонки, которая жила в этой деревне (на лето из города приехала), я узнал, что поставил звезды на домах местный учитель со школьниками, и мне захотелось познакомиться с ним. Но учитель жил в соседней деревне, до которой, по словам старухи, было километра четыре, а на дворе уже надвигался вечер, и я решил отложить встречу с учителем до завтра.

При непривычном свете давно забытой керосиновой лампешки мы с хозяйкой попили чаю, поговорили о том о сем, а потом перед сном я вышел глотнуть свежего воздуха. Вечер был дивный. На голубом небе дружно высыпали звезды, да такие яркие, спелые. И была луна слева, так что вся улица была закрещена чернильными тенями.

Путаясь в паутине этих теней, я прошел через всю деревню, вышел к старой обвалившейся изгороди и опять потянулся глазами к небу.

Звезды стали еще ярче. И я смотрел-смотрел на их алмазное мерцание и вдруг вспомнил притчу из далекого детства — о том, что после смерти людей души их поселяются на звездах, каждая душа на особой звезде.

Но, боже, как холодно, как одиноко и тоскливо на этих звездах, подумал я. И почему бы душам погибших на войне из этой деревни не поселиться в собственных домах, за которые они отдали жизнь? И едва я подумал так, как тотчас же мертвые дома, чернеющие под ярким, алмазным небом, представились мне сказочными бревенчатыми мавзолеями, в каждом из которых покоится душа погибшего на войне хозяина — солдата...

Бревенчатые мавзолеи... По всей необъятной России...

Архангельская область, Веркола родная деревня писателя Абрамова Ф.А.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРЫМА ДЕТИ	5
Матери моей посвящается. Н. В. Ломакина	6
Предисловие. А. Я. Пшеничкин	7
Детей Ленинграда приютили сибиряки. Т. Тукшунеева	13
В колыбели военного детства. С. Садовский	17
Здравствуй, Чулым! В. А. Шумилин	20
Зырянцы в годы войны. А. В. Лиманова	26
Траектория судьбы. М. Калашников, Е. Калашникова	31
Землянки на Тыме. Л. К. Мальцева (Шпетер).....	84
Помним предков. Т. К. Черкашина (Шпетер).....	89
Памятная дата России. Е. В. Анненко	100
Небесный партизан «Денис Давыдов». В. Радаев.....	102
Гроза фашистских самолётов. В. Никитин	107
В боях за Родину. А. Я. Пшеничкин	110
«Чекист» — трудовая колония. Л. А. Карасева	113
Судьба колониста. В. Т. Корнева. Л. А. Карасева	120
Кому коммуна, а кому школа жизни. Л. К. Сидорова	126
Места не отдаленные. Н. Полех, Л. К. Сидорова	135
«Томская республика» в Чекисте. В. Поляков	134
Асиновский приют. В. Субботина	143
Учитель трудных детей. А. П. Ощепкова	146
Под крышей дома. Э. Вертинская, О. Бойко	154
Жили дружной семьёй. Т. Хромина	155
Лебединая песнь Г. И. Педурарова. А. Лещак.....	162
Детям помогала взрослеть. В. Н. Красникова	167

Согретье Сибирью. Е. Скворцова, В. Пономарев, И. Кнапик, А. Вертячих ...	176
«Оба — два...». А. Н. Егоров	187
«Моя судьба сложилась в СССР». Л. И. Калашников	191
Тогурское братство. В. Холодов	197
Души моей живое полотно. Е. Г. Обоскалова—Пахоменко	278
Вспоминаешь, и сердце щемит. В. Э. Иванов	317
Сельские учительницы. Е. И. Доровенчик	319
Большая семья. Л. Боровская	324
Георгиевский кавалер П. А. Сухачёв. А. Сухачёв	327
Повесть об отце А. Н. Федорчуке. Н. Куранова	353
Писать надо для памяти. В. Г. Морозов	389
Мы, ветераны, не нужны. Н. В. Ломакина	396
Наши в городе. С. Баев	399
Интернат слабовидящих детей. А. У. Филончик	425
Воспитательные дома. Справка	429
Список детских домов... А. А. Эфтимович	443
Проблемы социального сиротства. Б. А. Казаковцев	445
Размышление о сиротстве. В. Г. Кузьминых	453
Подвиг прадедушки. В. П. Пичугина	455
Бремя войны. А. Г. Серикова	464
Воспоминания о войне. 311 С. Д. Н. Никулин	468
Из беспризорников в легендарные разведчики. А. Локалов	477
Фотография... Мавзолеи... Ф. А. Абрамов	489

НАРЫМА ДЕТИ

**Авторы составители:
Долдин Н. И., Колыхалов Вен. А.**

Редакционная коллегия:

**Н.В.Ломакина, В.Г.Морозов, И.В.Кнапик, Т.Ю.Назаренко,
Е.И.Доровенчик, С.Ю.Баев, В.И.Субботина, Б.А.Казаковцев,
В.Ф.Кузьминых, М.Т.Калашников, В.Н.Красникова, Н.А.Куранова,
Вен.А.Колыхалов, Е.Г.Пахоменко, Л.К.Сидорова, В.А.Поляков,
Л.И.Калашников, Л.А.Карасёва, Т.А.Тукшуненкова,
А.Я.Пшеничкин, В.П.Холодов**

Компьютерный набор Долдин Дм.Н.

Верстка Светлакова Л.А., Пичугин П.А.

Корректор Пшеничкин А.Я.

Технический редактор Назаренко Т.Ю.

Дизайн обложки Долдин И.Н.

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».

634003, г. Томск, Соляная пл., 6.

Тел./факс (3822) 706319, veter.tomsk@yandex.ru.

Подписано в печать 14.03.2020 г. Заказ № 10956.

Формат 62×84/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ.л. 29,25.

Тираж 500 экз.